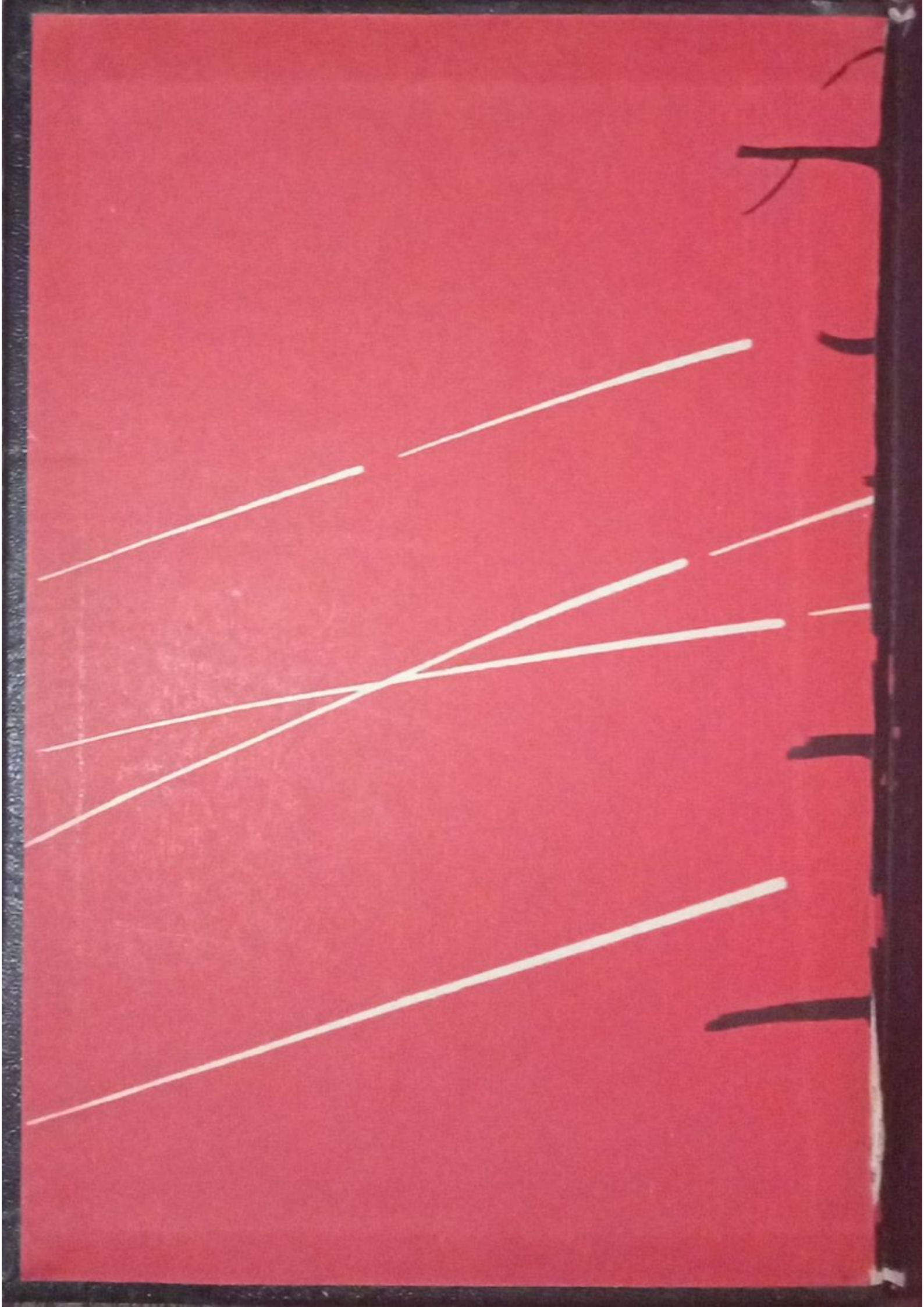

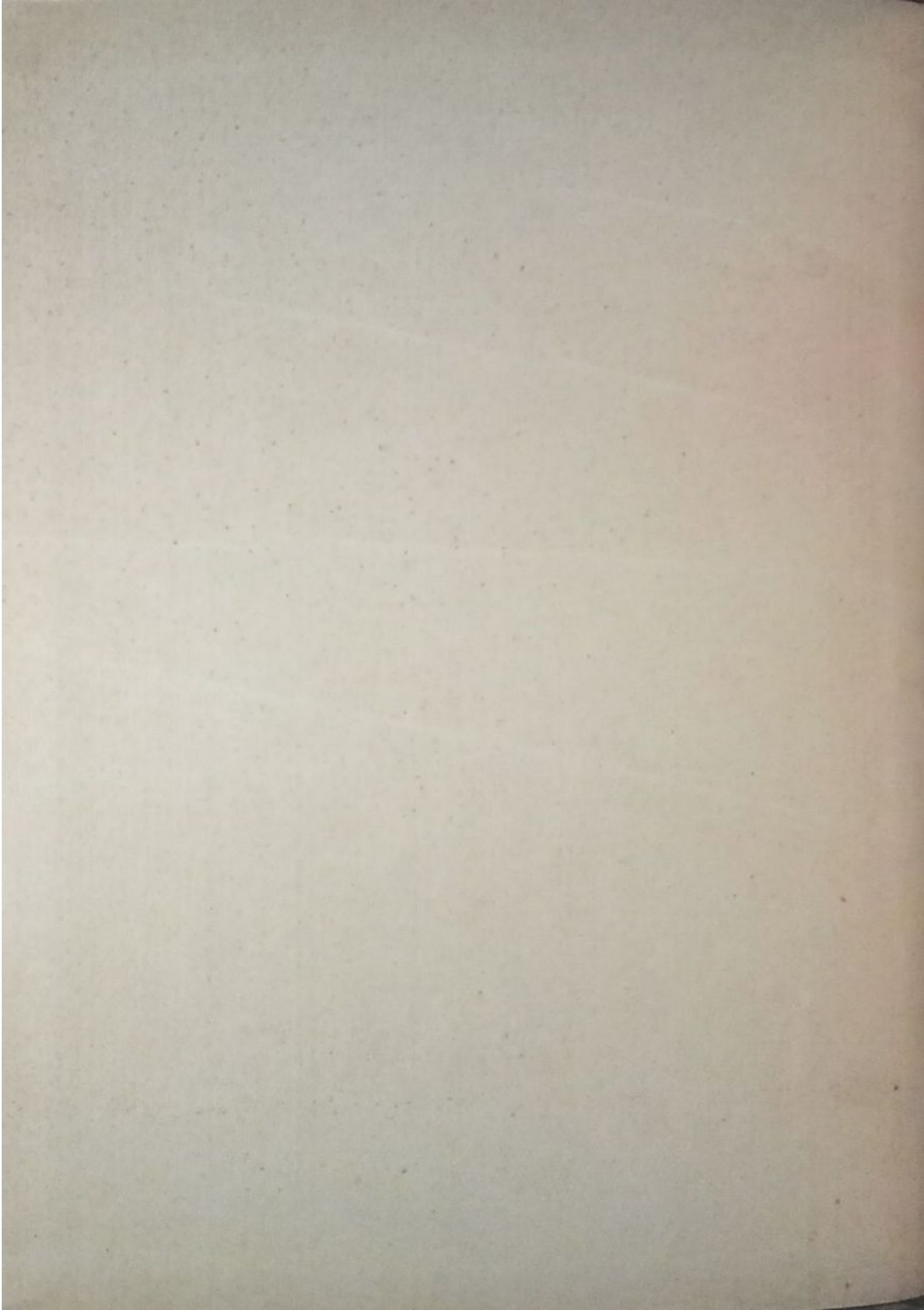

ГОРЯТ **К**ОСТРЫ **П**АРТИЗАНСКИЕ

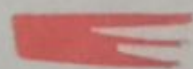

ГОРЯТ КОСТРЫ ПАРТИЗАНСКИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
ПАРТИЗАН —
УЧАСТНИКОВ
БИТВЫ
ЗА ЛЕНИНГРАД

Л Е Н И З Д А Т • 1 9 6 6

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

Составитель Н. В. МАСОЛОВ

Литературную запись воспоминаний партизан
сделали журналисты: Владимир Василенко, Стелла
Гуревич, Виктор Дмитриев, Александр Зайцев, Елена
Колоярова, Дмитрий Кормушкин, Степан Красников,
Николай Масолов, Александр Савыгин, Владимир
Сашонко, Георгий Светлов и Виталий Смолин.

БОРЬБА МУЖЕСТВЕННАЯ, ГЕРОИЧЕСКАЯ

В годы Великой Отечественной войны на огромном фронте, протяженностью в несколько тысяч километров, шла жесточайшая битва с полчищами немецко-фашистских захватчиков. В этой борьбе неоценимую помощь советским воинам оказали партизаны и подпольщики. Они с честью выполняли боевой призыв Коммунистической партии: «...создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

О размахе народной войны в тылу фашистских армий на советской земле убедительно говорят две цифры. В начале второго года военных действий партизанское движение развернулось на территории почти в два миллиона квадратных километров. В сорок третьем году около миллиона партизан участвовали в сражениях с врагом.

Гитлеровцы, напав на Советский Союз, не рассчитывали встретить серьезное сопротивление населения. Позднее бывший начальник генерального штаба фашистской Германии генерал Гудериан вынужден был признать, что «по мере того, как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, влияя на моральный дух фронтовых солдат».

Фальсификаторы истории второй мировой войны из империалистического лагеря стремятся сейчас всячески опорочить партизанское движение и доказать, что советские люди, оказавшиеся на оккупированной территории, поднялись на борьбу против гитлеровцев якобы главным образом из-за жестокости фашистской военицины. Дескать, не будь этого — не было бы и партизанского движения. Некоторые из них утверждают, что на первом этапе войны жители оккупированных советских городов и сел будто бы благожелательно относились к порядкам, вводимым гитлеровцами.

И дело здесь, конечно, не только в классовой ограниченности буржуазных историков. Злонамеренность такой пропаганды очевидна: она стремится скрыть подлинные источники вдохновения советских людей, такой родник силы партизанского движения, как преданность народов нашей страны социалистическому общественному строю. Советские люди поднимались на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, самоотверженно сражались в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах, жертвовали жизнью, защищая завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, свою Советскую Родину.

В годы Отечественной войны еще и еще раз подтвердились пророческие слова Владимира Ильича Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Советская земля стала гореть под ногами фашистов с первых дней их вероломного нападения на нашу страну. Так было повсюду в нашей стране, так было и при вторжении врага на территорию Ленинградской области.

Бывший секретарь Оредежского РК ВКП(б) Иван Иванович Исаков вспоминает, что еще в первых числах июля сорок первого года был сформирован из добровольцев партизанский отряд численностью в двести человек. К подпольной работе в тылу врага готовились многие коммунисты в Оредежском, Гдовском, Дновском, Лужском и других районах. В сентябре сорок первого года на территории Ленинградской области, занятой гитлеровцами, уже сражались сто семнадцать партизанских отрядов, в которых насчитывалось около пяти тысяч бойцов, и самоотверженно действовало около четырехсот подпольных антифашистских групп.

Многие партизанские отряды и подпольные группы в большинстве своем состояли из коммунистов и комсомольцев. Так, в диверсионном партизанском отряде «Дружный», которым командовал председатель исполкома Дновского райсовета В. И. Зиновьев, восемнадцать бойцов из двадцати трех были коммунистами.

Ленинградские областной и городской комитеты ВКП(б), его секретари А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, многие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

райкомы Ленинграда и области проявили необходимую оперативность и инициативу в перестройке работы на военный лад. Для руководства партизанским движением и организации партийного подполья на оккупированной территории областной комитет партии создал в начале войны специальную тройку, возглавить которую довелось автору этих строк. На основные направления действия войск нашего фронта — Кингисеппское, Лужское, Новгородское, Старорусское — в воинские соединения были командированы руководящие работники обкома партии. Они занимались формированием партизанских отрядов из населения прифронтовых районов и актива, выходящего из тыла противника, а также устанавливали и поддерживали связь с партизанами, уже действовавшими во вражеском тылу.

В конце сентября сорок первого года для осуществления централизованного руководства партизанским движением и наилучшего обеспечения отрядов вооружением, обмундированием и продовольствием обком партии и Военный совет Ленинградского фронта создали штаб партизанского движения. Начальником штаба был назначен секретарь обкома Михаил Никитич Никитин.

На протяжении всей девятисотдневной обороны города Ленина подпольщики и партизаны были верными помощниками воинов Северо-Западного, Волховского и Ленинградского фронтов и моряков Краснознаменного Балтийского флота. Они уничтожали оккупантов и их боевую технику, оказывали неоценимую услугу штабам советских войск, сообщая ценные разведывательные данные.

С осени сорок третьего года во многих оккупированных районах Ленинградской области началось народное вооруженное восстание. Жители деревень и сел бросали жилье и уходили семьями в леса. Все способные носить оружие вступали в партизанские отряды.

Ряды партизан теперь множились не по дням, а по часам. Так, созданная в октябре сорок третьего года 7-я Ленинградская партизанская бригада выросла за месяц в четыре раза. Почти в десять раз увеличилось количество партизан в 5-й бригаде.

На оккупированной территории области все новые и новые районы фактически освобождались от фашистских захватчиков. Хозяевами здесь становились партизаны. Они восстанавливали в этих районах Советскую власть.

Активное участие в битве за Ленинград принимали и многие отряды калининских партизан. Их бригады и отряды действовали за сотни километров от невских берегов, но они уничтожали вра-

жескую боевую технику и живую силу противника, направляемую командованием фашистских армий под Ленинград. Вблизи городов Новоржева и Опочки, на берегах Сороти и Великой ленинградские и калининские партизаны не раз бок о бок громили фашистские гарнизоны, отбивались от совместных карательных экспедиций охранных и полевых войск гитлеровцев.

О самоотверженной борьбе партизан и рассказывается в книге «Горят костры партизанские». В сборник вошли воспоминания активных участников битвы за Ленинград. Среди авторов — люди самых различных партизанских «профессий»: командиры бригад и отрядов, разведчики, подрывники, партийные работники, «лесной» врач и даже «партизанский летчик». О создании именно такой книги и шла речь на встрече бывших партизан с ленинградцами в январе 1964 года, когда отмечалось двадцатилетие со дня разгрома гитлеровцев у стен города Ленина, и на партизанском слете в Пскове летом того же года.

При работе над воспоминаниями авторы использовали фонды Ленинградского партийного архива. Рецензировал материалы и консультировал авторов доктор исторических наук П. Р. Швердалкин.

Воспоминания, собранные в этой книге, — правдивое свидетельство беспредельной отваги партизан, их беззаветной преданности Коммунистической партии. Они послужат делу воспитания советских людей на боевых традициях нашего народа.

Г. БУМАГИН,
в годы войны — секретарь
Ленинградского обкома ВКП(б)

ТАК МЫ НАЧИНАЛИ

В зале Оредежского районного комитета проходило собрание партийного актива, посвященное итогам весеннего сева. Настроение у всех было приподнятое — хлеб на колхозных полях отличный, урожай обещает быть богатым. Объявили первый перерыв. Шумно, оживленно было в зале. И вдруг наступила тишина. Все в напряженном безмолвии повернулись к репродуктору. Это было двадцать второго июня. Так для нас началась война...

Сводки о военных действиях с каждым днем становились тревожнее. В июле по указанию Ленинградского областного комитета партии началось формирование партизанского отряда. В него вошло девять групп общей численностью около двухсот человек. К работе в тылу врага готовилось примерно семьдесят процентов всей партийной организации.

Я работал тогда вторым секретарем Оредежского райкома партии и был назначен командиром отряда. В тылу врага оставались секретари райкома партии Ф. И. Сазанов, А. Н. Бухов, заведующие отделами райкома А. Г. Важнов, М. М. Матвеев, А. В. Мельников, председатель исполкома райсовета В. В. Васильев, секретарь районного комитета комсомола А. И. Голицын, редактор районной газеты И. А. Михеев и другие.

С каждым кандидатом в будущий отряд мы долго беседовали, зачисляли только тех, кто охотно соглашался остаться. При этом встретилось нам много неожиданностей. Были и досадные неожиданности, но больше все же делали мы открытий радостных, таких, которые утверждали нас в непреклонной вере в народ, в его силу.

Помню, вошел ко мне Андрей Андреевич Иванов. Поразила я: что, думаю, ему нужно сейчас в райкоме. Да и как не удивиться — до этого дня я его всего несколько раз трезвым видел. Казался он мне, правду сказать, пропащим человеком. И вдруг явился. Водкой не пахнет, одет опрятно. Сел он напротив меня:

— Слышал я, вы отряд партизанить набираете. Потом помолчал и, будто собравшись с силами, одним духом выпалил:

— Возьмите меня.

Долго разговаривали мы с Ивановым. И надо сказать, обидно мне тогда стало за самого себя: сколько времени знал я его, а не разглядел человеческой трагедии, не увидел того хорошего, что было в этом совсем, казалось, опустившемся пожилым человеке.

Трудная жизнь была за плечами Андрея Андреевича. Участвовал в гражданской войне. Потом служил начальником пограничной заставы. Отморозил пальцы обеих рук. Демобилизовался. И решил человек, что пропал. Запил, а потом покатила его жизнь, как придется.

Теперь он сидит, смотрит на меня, и я должен определить, что делать ему дальше. А как решить? Трудно простить ему, что не сумел он пережить свое горе, как должно, что не нашел мужества и воли для того, чтобы остаться в строю. Но нельзя сбросить со счетов и теперешний его приход, и требовательный, умоляющий взгляд, и еще что-то, что не определишь словами. И я поверил ему.

— Вы не думайте, Андрюха не погиб. Мы еще повоюем! — сказал Иванов, уходя из райкома...

И действительно — воевал он замечательно, стал в отряде лучшим разведчиком.

Мы организовали девять партизанских групп — Теребушскую, Торковичскую, Новоберезенскую, Каменно-Полянскую, Сокольничскую, Печковскую, Чащинскую, Бельскую и Бутковскую — по названию сельских советов, в районе которых располагались базы групп. В каждой из них был связист. На замаскированные в лесу базы отправлялись по ночам машины, груженные продовольствием, оружием, взрывчаткой. Активисты готовили бутылки с горючей смесью и тоже переправляли их в лес.

В начале июля гитлеровцы впервые бомбили железнодорожную станцию Оредеж. А к середине августа они уже вошли на территорию района.

Четырнадцатого августа партизанские группы направились в лес. Командный состав отряда должен был покинуть Оредеж самым последним. Утром следующего дня я пришел в райком. Гулко отдавались шаги в опустевшем здании. В сельсоветах сидели наши дежурные. При приближении фашистов они должны были звонить в райком и уже затем отправляться в свои группы.

Мы не располагали тогда иными средствами для выяснения истинного положения дел.

Первый телефонный звонок раздался в одиннадцать часов. Полина Ивановна Костыгова из Каменно-Полянского сельсовета сообщала, что гитлеровцы подходят к селу. Через несколько часов мы узнали о приближении вражеских войск к Теребушам. Потом позвонил председатель Бельского сельсовета. Враг был в девяти километрах от Оредежа...

Через час машина увозила нас из районного центра в лес. Мы стали партизанами. Штаб партизанского движения и подпольный райком партии разместились сначала в пяти километрах от станции Новника, затем — в землянках, устроенных в районе Чащинского лесопункта. Возглавлял штаб и подпольный райком партии Ф. И. Сазанов.

Началась наша лесная война с тяжелых потерь. В первый же день погиб командир Новоберезенской группы. Через неделю узнали мы, что гитлеровцами повешен Г. Н. Матвеев, руководитель Печковской группы.

Предполагалось, что наш отряд должен будет проводить боевые операции и агитационную работу в южной части Оредежского, северной — Батецкого и северо-западной — Новгородского районов. Но совместно действовать нам не пришлось, — не уда-

Иван Иванович ИСАКОВ — уроженец Шимского района Новгородской области. До призыва на военную службу работал на заводе «Красный фарфорист». С 1927 по 1934 год служил в частях береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота. После демобилизации семь лет находился на партийной работе.

Во время войны командовал партизанским отрядом, затем был начальником политотдела 5-й Ленинградской партизанской бригады.

Сейчас Ивану Ивановичу 59 лет. Он работает директором Тосненского быт-промкомбината.

лось установить связь с разбросанными по району частями отряда.

В конце августа состоялось заседание бюро подпольного райкома партии. Обсуждались два вопроса: реорганизация отряда и усиление боевых действий партизан; проведение среди населения политической работы и организация новых подпольных партийных и комсомольских групп.

На бюро было решено создать три самостоятельных отряда: Новинский, Бельский и Торковичский. Мне поручили командовать Бельским отрядом. Комиссаром назначили А. Г. Важнова.

Успехи врага были для нас неожиданными. Невольно закрадывалось чувство тревоги. О положении на фронте мы почти ничего не знали. Особенно волновала нас судьба Ленинграда. В город Ленина отправился наш посланец — директор Оредежского райлесхоза П. П. Лаптев. В середине сентября он вернулся. Вместе с ним пришли радисты с рацией. Связь с Большой землей была установлена. В Ленинград отправили первую радиogramму: «Приветствуем героических ленинградцев. Благодарим за помощь. Клянемся бить врага беспощадно».

К этому времени партизаны нашего отряда провели уже не одну боевую операцию. Двадцать девятого августа на дороге Оредеж — Любань у деревни Бережок взлетели на воздух триста бочек горючего. Тридцать первого августа на дороге Оредеж — Луга были уничтожены грузовая и легковая автомашины и мотоцикл, убито девять фашистских солдат и два офицера. Третьего сентября на той же дороге уничтожена еще одна автомашина.

Мы часто устраивали на дорогах засады. Постепенно складывалась у нас своя, опытом продиктованная, тактика. Отряд разбивали на три группы. Первая — пропускала вперед машину врага, если за ней появлялось еще несколько; огонь открывали только тогда, когда головная машина приближалась к последней группе.

Особенно мне запомнилась одна из первых засад. Тогда партизаны нашего отряда еще только учились воевать, и надо было поверить в то, что лесные бойцы способны побеждать хорошо вооруженного врага.

О чем только не передумаешь в засаде. Лежишь, ждешь, вслушиваешься в шорохи, в гулкий ропот ветра, в шелест листвы. Вижу, кто-то зашевелился, решил размять онемевшее тело. Тут бы и самому до хруста потянуться, а надо взглядом остановить бойца. Партизан в засаде ничем не должен выдавать своего присутствия.

Как ни ждешь, как ни напрягаешь слух и зрение, а появление врага все равно всегда кажется неожиданным. Вот далеко-далеко где-то за дорожным изгибом зашумел тяжело грузовик. Я смотрю на своих товарищей. Наверное, каждый из них волнуется так же, как и я. Но лица спокойные. И движения строго рассчитаны, готовятся к бою без лишнего шума и суетливости. Скорее всего вот таким же невозмутимым выгляжу со стороны и я.

На дороге показались машины. На первой — шестиствольный полковой миномет, на второй — бронированная площадка с минами. А в крытом грузовике — гитлеровцы.

Бой длился минут двадцать. Ни один гитлеровец не ушел живым. А потом наступила тишина. Резкая, удивительная...

Со временем у отряда все больше крепили связи с местным населением. У нас уже было несколько хороших помощников. Среди них — Анатолий Владимирович Агапов, Николай Викентьевич Мазура, Георгий Николаевич Муравьев. Особенно ценной была помощь лесника Мазуры. Он мог свободно, не вызывая подозрений, ездить по району и собирать нужные для нас сведения.

Постепенно у нас накапливался опыт, появилась уверенность в том, что нам по плечу крупные операции.

Из Ленинградского штаба партизанского движения сообщили, что гитлеровцы через станцию Чолово устанавливают связь между Пушкином и Новгородом. На станцию прибыло около семидесяти солдат. Здесь были оборудованы мастерские.

Решено было провести налет на Чолово. В разведку направили Сашу Бородулина.

Пришел Бородулин в отряд не совсем обычным путем. До войны он учился в школе. В сорок первом году окончил седьмой класс. Когда родное село заняли враги, Саша подобрал в лесу винтовку и сказал родителям, что уходит в партизаны. Мать заплакала, а отец только головой кивнул. Удерживать не стали — понимали, что уж раз решил сын воевать, отговаривать нельзя. Ночью ушел юный патриот в лес.

Километрах в трех от деревни Озерешно на бывшем покосе стоял полуразвалившийся сарай с сеном. Здесь Саша ночевал, отсюда, тщательно замаскировав глубокую нору в мягком душистом сене, уходил на «операции». Вскоре ему удалось сбить мотоциклиста. Так появился у него автомат, запасные обоймы. Долгими часами поджидал мальчик вражеские машины. Обычно он давал две-три очереди и, пользуясь паникой, уходил в лес.

Однажды, когда наши бойцы подошли к домику лесника, у которого обычно встречались с местными жителями, они неожиданно наткнулись на вражеского часового. Раздалось несколько выстрелов. Часовой упал. Партизаны отошли к лесу, а к домику послали разведчика узнать, нет ли там фашистов.

Партизан осторожно пробирался к избушке. Вдруг он заметил что-то подозрительное. Разведчик подкрался к кустарнику и ахнул: на него смотрел знакомый паренек из поселка Новинка. Оказалось, что Саша тоже следил за избушкой лесника. Услышав выстрелы, он решил подойти к дому поближе.

С тех пор Бородулин стал у нас незаменимым разведчиком. Невдомек было фашистам, как опасен для них этот безобидный с виду паренек с добродушным лицом.

Вернувшись в отряд, Саша доложил:

— На станции шестьдесят три гитлеровца, в комнате дежурного по вокзалу — офицеры, часовых — два.

— И как это тебе удалось все узнать? — спросил я.

— Секрет производства, — ответил Саша, и курносое, по-мальчишески задорное лицо его расплылось в широкой улыбке.

Перед операцией партизаны разделились на две группы. Одна залегла за штабелями дров. Вторая заняла позицию с противоположной стороны станции. В ней был и Саша Бородулин.

Считанные минуты оставались до боя. Через железнодорожное полотно какая-то крестьянка тянула упиравшуюся козу.

— Беги, тетка, здесь бой будет, — крикнул кто-то.

Женщина, бросив козу, метнулась в сторону. И тут же грянули выстрелы. Партизаны открыли винтовочный и пулеметный

огонь. Саша Бородулин за какую-то долю минуты оказался у самого вокзала. Он метнул в комнату дежурного гранаты — одну, другую... Грохнули взрывы.

Бой кончился быстро. В панике разбегались оставшиеся в живых фашисты. Партизаны отходили в лес. Только Бородулин не мог идти вместе со всеми: его ранил часовой. По партизанским лесным дорогам отправили Сашу на станцию Чаща к фельдшеру И. Г. Михейкину.

На следующий день после боя на станции Чолово в штаб партизанского отряда пришел крестьянин из деревни Кремено и рассказал, что недалеко от них находится немецкий склад боеприпасов. Охрана там пока не очень большая — шестнадцать человек.

Мы с комиссаром посоветовались и решили попытаться взорвать склад. Вечером двадцать второго сентября наш отряд вышел из лагеря.

Склад расположен был на поляне в здании старой школы. Рядом — дом, где до войны жили учителя. Фашисты приспособили его под караульное помещение. Группа в шесть человек должна была залечь между складом и караульным помещением. Разведчикам было поручено снять часовых.

На разведку отправились Коля Семенов и Леша Сахаров. С нетерпением ждал я в кустах их возвращения. Наконец, слышу, подползают. Шепотом сообщают: в домике никого нет, часовых тоже не обнаружили. Позже выяснилось, что, напуганные быстро долетевшим до них известием о чоловском бое, фашисты отправились за подмогой, а склад на одну ночь оставили без охраны. Но все это мы узнали через несколько дней, а в ту ночь донесением разведчиков были мы даже обескуражены, казалась нам слишком уж невероятной такая удача. И действовали мы с осторожностью, в полной тишине.

Штабелями лежали на складе снаряды. Было их здесь четыре тысячи. Это мы узнали из документов, обнаруженных в караульном помещении. Тут же находилось около двадцати тысяч мин и ручных гранат, около шестисот тысяч винтовочных и автоматных патронов, шестнадцать тысяч ракет.

— Эх, обидно, столько добра пропадет, — вздохнул кто-то. — Нам бы такие запасы, мы бы показали!

Я приказал немного патронов взять для себя. Тысяч двенадцать унесли бойцы на берег Оредежа и там тщательно спрятали. Позже эти патроны нам оченьгодились.

Взрывчатки у нас с собой не было. Решили разрядить часть снарядов и штабеля обсыпать порохом. Опасной была эта работа.

Требовались тут и сноровка, и осторожность. А надо было торопиться: неровен час — заявится хозяева склада. Наконец Коля Семенов пополз от штабеля к штабелю. Пороховыми дорожками он перечертил всю поляну. И все эти полоски сходились в центре.

Кому-то предстояло поджечь порох в центре и, пока огонь не коснется штабелей, успеть отбежать в безопасное место. Выполнить эту задачу взялся все тот же Коля Семенов.

В кустах мы залегли. С замиранием сердца следили за Колей. Нам казалось тогда, что время остановилось. И, наверное, каждый думал, что лучше бы самому быть сейчас в этом сплетении пороховых лучей, чем смотреть на человека, которому угрожает опасность, и ждать.

Вот смельчак наклонился. Вспыхнул первый огонек и в разные стороны побежали, обгоняя друг друга по выложенным порохом дорожкам, синие язычки. Коля метнулся в сторону.

И тут грянул взрыв. За ним другой, третий — рвались снаряды, патроны, заряды. Взлетело на воздух оружие врага, которым он собирался сеять смерть на нашей земле. Взрывной волной с фундамента домик у школы и развернуло градусов на шестьдесят. На складе было много ракет. Целыми ящиками взлетали они высоко в небо и там загорались удивительными, многоцветными огнями.

Не могло для нас быть тогда зрелища радостнее и прекраснее, чем эти взрывы. Мы с гордостью смотрели на дело наших рук. От склада осталось огромное пепелище. Там, где лежали снаряды, образовалась воронка метров двенадцать шириной и три метра глубиной.

Коля Семенов — герой этой операции — был тогда совсем молод. В партизанский отряд он пришел сразу после окончания десятилетки вместе со своим другом Лешей Сахаровым и учителем Евгением Мезисом, успевшим после института только год пробыть на педагогической работе.

Это были замечательные ребята, смелые, решительные. Доблестными бойцами, верными товарищами оказались и Володя Николаев, Тамара Трофимова, Сапа Матвеев, тоже попавшие в отряд прямо со школьной скамьи.

Судьба многих из них сложилась трагически — не все дождались окончания войны.

В неизмеримо тяжелые для отряда дни оборвалась жизнь Саши Бородулина. Фашисты окружили нас и теснили в центр небольшого, с квадратный километр, лесного участка. Решили мы прорываться. Стянули отряд к одной из просек и, открыв

огонь, рванулись вперед. Прошли километра три. А преследование все продолжается.

Мы остановились. Спрашиваю:

— Кто добровольно пойдет в группу прикрытия?

Первым вызвался Саша Бородулин, за ним — еще несколько бойцов. Они укрылись за деревьями, а мы двинулись вперед. Больше я не видел Сашу. В живых из группы прикрытия остался только Козлов...

Отважной партизанкой была Тамара Трофимова. Точно, самоотверженно выполняла любое задание. Ни в чем никогда не признавала она компромиссов. Однажды возвращались мы с операции. Враги заметили нашу группу и открыли огонь. А нам надо было перебраться на другой берег Оредежа. Тамара переправилась одной из первых.

Гитлеровцы приближались. Торопятся партизаны. Вдруг я услышал Тамарин голос. Да таким резким он мне показался, что не сразу узнал.

— Стой!

Это она кричала Тимофею Лебедеву, а тот махнул рукой — отстань, мол.

— Иди назад, — сердито говорила Тамара, — стрелять буду. Без оружия не пущу тебя на берег.

Оказалось, что Тимофей уронил при переправе пулемет. Тамара увидела его оплошность. Не знаю, как кончилась бы эта история, если бы не понял Тимофей, что Тамара не шутит. Вернулся он за пулеметом и уже с оружием переправился через Оредеж.

А когда обсыхали мы у партизанского костра, посмотрел Тимофей на Тамару и сказал:

— Молодчина ты!

Как и Саша Бородулин, не дожидая Тамара до нашей победы. Знали мы, что схватили ее фашисты. А больше сведений не было. Только после войны случайно встретился я с женщиной, которая сидела с Тамарой в полиции. Она рассказала, как пытали фашисты нашу Тамару, добиваясь от нее сведений об отряде. Но так ничего и не узнали — до последнего дыхания была верна Тамара партизанской клятве.

С большими трудностями нам удавалось налаживать связи с теми центрами, в которых находились большие скопления гитлеровцев, их штабы и специальные подразделения. Связные пользовались у нас особым уважением.

Тамара Замышляева служила в Оредеже в гражданской ко-

мендатуре. От нее узнавали мы обстановку в городе. В первую неделю октября она через связного Петю Ефимова сообщила нам о том, что бывший продавец магазина Альберт (фамилию его мне не удалось вспомнить) передал фашистам список членов партии и комсомольцев. После этого он поступил служить в полицию и привел туда еще одного своего дружка. Оба они, как могли, выслуживались перед гитлеровцами. Доносили на людей, зверствовали во время допросов.

Было решено казнить предателей. Только вот как заманить их в ловушку — не знали. Помогла Тамара.

— Давайте, — предложила она, — я их к себе в гости позову.

В условленный день Тамара пригласила Альберта с дружкой к себе. А сама из дома ушла — побежала нас встречать. Матери же велела сказать полицаям, что скоро вернется, пусть, мол, подождут.

Осторожно подходили мы к дому Тамары. Заглянули в окошко. Сидят оба полицая и мать Тамарину заставляют немецкие слова повторять.

— Тебе, — говорят, — муттер, немецкий язык пригодится. Или ты не веришь, что большевикам капут наступил?

А как увидели нас, сразу же руки подняли. Струсили, молитвы начали. Расстреляли мы их за деревней.

Жил в Бельском сельсовете учитель Павел Савин. Тихий человек, в общественной работе не участвовал и в районе был мало известен. Вот и решили гитлеровцы назначить его бургомистром.

— Что ж, дайте подумаю, — попросил Савин.

Подумать разрешили. А уже на следующий день связной наш мне рассказывает:

— Подошел ко мне Савин и говорит: «Я знаю, что ты с партизанами связан, — устрой свидание с командиром».

Не был я до конца уверен в Савине, когда пошел к месту встречи с ним. А он, как увидел меня, стал просить:

— Возьмите в отряд. У меня же сыновья в армии. Как я им в глаза смотреть стану. Да и не только в сыновьях дело. Русский же я человек. А мне предлагают слугой быть.

Долго мы говорили с Савиным и под утро договорились, что согласится он быть бургомистром и будет регулярно сообщать нам все, что представляет интерес для отряда. И Савин верно помогал нам. Особенно пригодилась его помощь, когда в район пришли каратели.

Выполняя «Директиву по борьбе с партизанами», данную

фельдмаршалом Браухичем, командование 16-й немецкой армии в ноябре сорок первого года усилило охрану своих коммуникаций. Оредежский район наводнили каратели. Наступили тяжелые для нашего отряда дни.

Ночью пятнадцатого ноября Савин сообщил, что в Оредеж прибыло тысяча двести карателей, вооруженных автоматами, ручными и станковыми пулеметами, минометами. Мы приняли решение: в бой с карателями без особой необходимости не вступать. Было установлено наблюдение за всеми населенными пунктами, окружающими базы партизанских отрядов.

Каратели разбились на три группы. Одна из них направилась в район расположения баз нашего отряда — в Бельский, Терешинский и Камено-Полянский сельсоветы. Другая — в Новоберезинский и Малоберезинский сельские Советы. Третья — в район базирования отряда И. Г. Болознева и подпольного райкома партии — в Новинский и Слуцкий сельсоветы.

В деревне Гверездно каратели сожгли несколько домов и убили шестидесятипятилетнего Павла Валева, тракториста Николая Евграфова, колхозниц Лукерью Семенову, Наталью Александрову и ее детей — четырнадцатилетнюю Таню и шестнадцатилетнего Петю. Защищая этих ни в чем не повинных людей, героически погибли партизаны М. Матвеев и его сын комсомолец А. Матвеев. Они убили трех гитлеровских солдат и одного офицера ранили. В деревне Строино каратели уничтожили дом партизана К. Дмитриева и расстреляли его брата и отца.

Семнадцатого ноября была окружена и уничтожена база отряда А. Н. Бухова. Отряду удалось без потерь перейти на другую базу. Через десять дней этот отряд вновь окружили каратели. Пришлось принять бой. В этом бою погибли партизаны Смыжков, Копин, Макаров, Огурцов, Петров. Фашистам удалось уничтожить базы нашего отряда и отряда Болознева.

Враг торжествовал. Мы вынуждены были покинуть места своих боевых действий. Часть партизан разошлась по селам, часть отправилась в Ленинград. В основном это были больные, раненые, обмороженные люди. С этой группой уходил и я.

Мы шли в Ленинград голодные, смертельно усталые, с тяжелым сердцем покидая родные места. Уходили, но твердо верили: окрепнем, вооружимся и вернемся.

Так и случилось. Через месяц, тридцатого декабря сорок первого года, было закончено переформирование отряда из оредежских партизан, перешедших линию фронта. Нам еще предстояла долгая война с захватчиками. И мы к ней были готовы.

СТУДЕНТЫ СТАНОВЯТСЯ ПАРТИЗАНАМИ

Это уже стало традицией—каждый год, накануне годовщины Советской Армии, у нас в институте устраивается выставка, посвященная участию студентов-горняков и преподавателей в Великой Отечественной войне. Фотографии, документы... Люди, судьбы...

Да, студентам и преподавателям старейшего в стране вуза есть чем гордиться, есть что вспомнить.

НА АВТОМАШИНАХ В ТЫЛ ВРАГА

Формирование партизанского отряда началось в первых числах июля. К тому времени уже многие студенты были призваны в Действующую армию, стали бойцами истребительных отрядов. Однако когда партийная и комсомольская организации института обратились к оставшимся в городе студентам с призывом вступить добровольцами в партизанский отряд, в течение двух дней заявлений было подано в три раза больше, чем предполагалось. Пришлось делать отбор. Предпочтение, вполне естественно, отдавалось самым выносливым и дисциплинированным.

— Работать будем в очень тяжелых условиях, — предупреждали всех. — В глубоком тылу врага нередко придется смотреть смерти в глаза.

Но, конечно, это никого не испугало, не поколебало. Люди знали, куда и зачем шли.

И вот формирование первого — в дальнейшем был создан и второй — партизанского отряда студентов-горняков и только что защитивших дипломы горных инженеров закончено. Командиром отряда назначен я, моим заместителем по строевой части — студент-дипломник Александр Птицын, а комиссаром — молодой горный инженер Анатолий Попов. Кроме того, в руководящее

ядро входят парторг отряда Карпов, отрядный радист Кулькес и медбрат (в нашем отряде не было ни одной женщины) Бабашинский. Командиры десятков — Константин Полушин, Павел Цветков, Владимир Майоров, Акидин Тетерин и другие. Всего нас — шестьдесят пять человек.

Мы разделили отряд на две группы, в зависимости от «военного опыта» студентов. В первую группу вошли студенты и инженеры, у которых уже имелась некоторая военная подготовка, — участники войны с белофиннами, активисты Осоавиахима, во вторую — те, кто совсем слабо разбирался в военном деле. Затем, когда мы разбивали отряд уже на боевые десятки — снайперов, разведчиков, подрывников, во главе каждой из них ставили товарища из первой группы.

Начались занятия. Первые дни учеба проходила в институте, где перед будущими партизанами выступал с лекциями профессор А. Н. Кузнецов — создатель взрывчатого вещества сигнала. Профессор знакомил нас со свойствами и методами использования различных взрывчатых веществ. Затем наш отряд был направлен в Кавголово, где партизаны изучали отечественное и трофейное оружие, учились ориентироваться по компасу, читать карту, знакомились по карте с районом своих будущих действий. А наш медбрат тем временем постигал основы оказания первой помощи раненым.

Из Кавголово мы снова вернулись в Ленинград, где нас экипировали и вооружили. Институтские лаборатории снабдили нас в достаточном количестве сигналом, и мы, видимо, в этом отношении находились в более выгодных условиях, чем другие партизанские отряды ленинградцев.

Ранним утром двадцатого августа сорок первого года на трех автомашинах мы отправились в путь, в дальнюю даль, из которой не каждому из нас суждено было вернуться...

Настроение у всех было боевое, бодрое. Наши грузовики выехали на широкий Международный (ныне Московский) проспект и помчались на юг, к Пулковским высотам. Вот за спиной остались и Пулковские высоты, и Пушкин, и Слуцк (ныне Павловск). Не доезжая километров двенадцати до линии фронта, грузовики остановились. Мы перетащили в лес свое оружие и снаряжение, выслали радиальную разведку и расположились на короткий привал. Машины, привезшие нас, ушли обратно. Прошло несколько часов, и вот мы уже оказались за линией фронта, быстро перемещавшейся в то время к Ленинграду.

Перед нашим отрядом командование поставило две основные

задачи: собирать разведывательные данные о противнике и совершать диверсии. Нам рекомендовалось не ввязываться в крупные бои, избегать столкновений с вражескими гарнизонами, которые могли бы привести к большим потерям с нашей стороны. Поскольку наш отряд был специального назначения, мы не имели возможности пополнять его ряды за счет местного населения.

Установив двустороннюю радиосвязь с разведотделом штаба Ленинградского фронта, в непосредственном подчинении которого находился отряд, и передав туда наши координаты, мы приступили к выполнению задания.

В первые же дни пребывания в тылу отряд совершил несколько нападений из засады на немецкие штабные машины и хозяйственные подразделения.

Вскоре наши разведчики установили, что ежедневно по утрам из деревни, где, по имевшимся у нас сведениям, располагался штаб гитлеровской дивизии, выезжали восемь связных, как правило, на мотоциклах. С чисто немецкой педантичностью делалось это в одно и то же время. Нам стало также известно, что на первом и последнем мотоциклах ехала охрана, а на средних — везли почту: на третьем от головы колонны — обычную, на четвертом — почту с секретными документами, на пятом и шестом — тоже обычную.

В определенном, заранее намеченном месте на шоссе мы прикрепили к столбу светлую стальную проволоку, с другой стороны шоссе проволока крепилась к блоку, возле которого, тщательно замаскировавшись, дежурили несколько бойцов. То же самое сделали на некотором расстоянии впереди на шоссе за поворотом. И так — в нескольких местах. Пропустив всю кавалькаду, партизаны из первой засады перед последним мотоциклистом неожиданно натянули проволоку на уровне шеи, и мотоциклист, сбитый ею, вылетел, как пробка, из своей машины. Его уничтожили, забрали документы, оружие. Подобные же операции проделали с другими мотоциклистами. Через километр группа партизан в упор расстреляла оставшихся связных, забрала оружие, почту, обмундирование и быстро ушла в лес.

Такая охота получила у нас название «сухой операции». Той памятной осенью мы провели их немало и совершенно бескровно с нашей стороны — за все время не было ни одного убитого, ни одного раненого. Особенно удачным был день двадцать третьего сентября. Группы нашего отряда уничтожили тогда штабную машину с шестью фашистами, несколько мотоциклистов и семь автомашин с бензином.

«Сухие операции» пришлось по душе нашим партизанам. После выполнения задания они, довольные и счастливые, возвращались на базу.

Однажды командиром головной группы был назначен студент третьего курса Дима Коваленский. Операция прошла успешно, мы ждали возвращения группы, а ее все нет и нет. Начали уже беспокоиться: не стряслась ли какая беда? И вдруг видим: идет немецкий офицер с белым флагом в руке. Наши часовые чуть было его не пристрелили, но вовремя спохватились — все же с белым флагом фашист. Он подходит ближе и на ломаном русском языке просит отвести его к «самому партизанскому командиру». А позади него на некотором расстоянии идут наши бойцы. Часовые ничего не понимают: почему они так спокойно шагают, если впереди гитлеровец? Растерялись, пропустили немца. Он подходит к нам, и тут только мы видим, что это... Дима Коваленский. Переодевшись в мундир убитого гитлеровца, он решил «пошутить» и пошел впереди своих бойцов с белым флагом «к партизанскому командиру». Пришлось сделать ему серьезное внушение: такие «шуточки» могли плохо кончиться.

«Сухие операции» приносили много полезных сведений, необходимых командованию фронтом. Четвертого мотоциклиста из

Ахат Шагеевич УСМАНОВ родился в 1901 году в Казанской губернии. Семнадцати лет ушел на фронт, сражался против белогвардейцев под Астраханью и на Волге. В 1930 году окончил Ленинградский горный институт. В 1939 году вступил в ряды КПСС.

Когда началась Великая Отечественная война, Усманов находился с геологической экспедицией под Старой Руссой. С августа 1941 года и до июня 1942 года он — командир партизанского отряда; затем воевал в рядах Советской Армии. В боях был дважды ранен.

В настоящее время Усманов живет в Ленинграде, он — кандидат геолого-минералогических наук, работает преподавателем Горного института.

канальнады связных мы по возможности старались брать живым: помимо того, что именно он вел в своей коляске самые важные документы, это всегда был и очень хороший «язык», как правило, — представитель штаба и старший всей группы. Поэтому большую ценность имели и те сведения, которые он нам сообщал.

Всю почту мы тщательно просматривали. Многие студенты в отряде отлично знали немецкий язык. Они переводили и затем отбирали документы, которые представляли интерес для штаба фронта. Зашифровав полученные данные, передавали их по радио в разведотдел. Особо важные документы обычно старались передать через линию фронта. Запрашивали разведотдел о пароле, направлении и месте перехода переднего края. Партизаны-посылынные не раз попадали под обстрелы, получали ранения, но все же с честью выполняли задания. Иногда переход через линию фронта был сопряжен не только с огромными трудностями, но и с жертвами. Боец нашего отряда Стенанов погиб, доставляя документы в штаб фронта.

После очередной «сухой операции» гитлеровцы обычно тут же высылали против нас на двух-трех машинах карательный отряд. Однако мы вовремя уходили в глубь леса, меняли на некоторый период тактику, занимались другими боевыми делами, а потом вновь где-нибудь в удобном месте на шоссе устраивали проволочную ловушку.

После нескольких неудач карателей гитлеровцы вывесили в селах воззвание к населению, которое гласило, что в лесах появились бандиты, нападающие на немецких связных и грабящие доблестных солдат вермахта. За указание местонахождения «бандитов» — то есть нас, партизан, — и доставку их немецкое командование сулило большое вознаграждение.

ОТ ПРОСТОГО К СЛОЖНОМУ

Шли дни. Отряд наш по-прежнему действовал в лесистых районах Ленинградской области — к западу, востоку и северо-востоку от станции Мшинская в направлении Вырицы, Тосна и Октябрьской железнодорожной магистрали. Бойцы успешно овладевали различными видами трофейного оружия. Его у нас уже было столько, что мы охотно делились им с соседними партизанскими отрядами. Хватало у нас и взрывчатки.

«Боевой репертуар» отряда расширился. Мы стали нападать

на склады врага, на небольшие подразделения гитлеровских войск, на конвой, сопровождавший военнопленных. Во время одной из операций нам удалось освободить несколько десятков красноармейцев.

Партизаны нашего отряда организовывали засады на шоссе Ленинград—Кириши и устраивали, по образному выражению комиссара, «тартарарам». В течение дня бойцы минировали многие участки шоссе, мосты, включая и мелкие. А под вечер недалеко от заминированного участка производили несколько взрывов. Гитлеровцы немедленно высылали карательный отряд. Когда машины с карателями появлялись на шоссе, снова гремели взрывы. Уцелевшие гитлеровцы попадали под губительный огонь лежавших в засаде партизан.

Однажды во время «тартарарама» нам удалось сбить из станкового пулемета гитлеровский разведывательный самолет, посланный в район диверсии. Он упал в лес и сгорел.

Добрую службу сослужили нам бесшумные винтовки: использование их в засадах имело большой психологический эффект, вызывая у противника панику и неуверенность в соотношении сил. Такими винтовками были вооружены разведчики и снайперы, дежурившие возле поврежденной нами вражеской линии связи.

Однажды нам поручили уточнить местонахождение гитлеровского бензозаправочного пункта, расположенного в большом лесном массиве где-то западнее Луги, и сообщить его точные координаты. Наши разведчики во главе с Федором Драко отправились выполнять задание. Вскоре они, действительно, обнаружили пункт на одной из больших полян, хорошо защищенной со всех сторон лесом. Там заправлялись бензином не только автоколонны, следующие к линии фронта, но и самолеты-разведчики, приземлявшиеся тут же, на поляне.

Координаты бензозаправочного пункта были сообщены в штаб фронта. После этого нас запросили, достаточно ли у нас сил для нападения на бензозаправочный пункт и его ликвидации, а если нет, то рекомендовали объединиться для совместных действий с соседними партизанскими отрядами.

Мы установили связь с соседями и начали готовиться к операции. Через несколько дней бензозаправочный пункт был уничтожен.

Но не успели мы доложить о выполнении боевого задания, как обнаружили, что километрах в пятнадцати, как ни в чем не бывало, приземляются на заправку фашистские самолеты-

разведчики и так же спокойно заправляются автомашины, идущие к фронту. Что за чертовщина?.. Пришлось взять и этот пункт под наблюдение.

Уточнили его координаты, передали в штаб фронта. На этот раз получили приказ уничтожить бензозаправочную с помощью нашей фронтовой авиации. Теперь это оказалось не так-то просто: гитлеровцы сумели подготовиться к отпору. Им удалось подбить несколько наших самолетов. Понесли потери и мы. Однако задание все же было выполнено.

Но что за наваждение? Да выполнено ли? Ведь буквально на другой день километрах в десяти-двенадцати от второго и километрах в пятнадцати от первого объявился еще один бензозаправочный пункт, который функционировал как ни в чем не бывало. Заправлялись машины, заправлялись самолеты. Пункты явно были не ложными, а настоящими, действующими.

Что же делать? Если без долгих размышлений вновь пойти в атаку и на этот пункт, то, кто знает, с какими потерями она будет сопряжена? Мы начали ломать голову над решением трудного ребуса. Каждый должен был высказать свои соображения. Наиболее интересный план предложил Павел Цветков, гидрогеолог, студент четвертого курса.

Подумав и обменявшись мнениями, мы приняли предложение Павла.

И вот Цветков, вооружившись миноискателем, в сопровождении нескольких бойцов начал описывать по лесу огромные замкнутые круги. Он прощупывал каждый метр почвы, внимательно прислушиваясь, не раздастся ли попискивание в наушниках. Круги постепенно уменьшались, как бы приближаясь к какому-то условному, невидимому центру.

Поиск продолжался день, другой... И наконец Цветков нашел то, что искал.

— Есть! — радостно воскликнул он, когда в наушниках раздалось попискивание.

Партизаны вырыли ямку и увидели широкую металлическую трубу бензопровода. По ней бежало горючее из основного бензохранилища к филиалам, два из которых мы уже разгромили. Идя с миноискателем в направлении, куда уходил бензопровод, Павел Цветков установил ориентировочно местонахождение гнездового бензохранилища, полностью упрятого под землю в густом лесу, в стороне от посадочных площадок и заправочных пунктов, тщательно замаскированного и надежно охраняемого.

Дополнительная разведка помогла нам уточнить данные, в со-

ответствии с которыми мы и разработали план операции, разработали очень тщательно, детально. И операция прошла отлично. Наконец-то было разгромлено все бензозаправочное гнездо, у которого оказалось еще два филиала, один — удаленный всего на четыре, а другой — на двенадцать—пятнадцать километров.

Так находчивость одного из наших товарищей — студента Павла Михайловича Цветкова, участника войны с белофиннами, помогла успешно выполнить трудную задачу, поставленную перед отрядом штабом Ленфронта. К сожалению, Павлу не суждено было дожить до дня победы над фашизмом, он погиб в одном из боев.

„ЧАПАЙ“ И „ФУРМАН“

После очередной диверсии на дороге отряд наш вел трудный бой с карателями. В конце концов нам удалось оторваться от гитлеровцев и мы отошли в лес. Люди, измотанные, голодные, утомленные боем и бессонной ночью, нуждались в отдыхе. На привале начали готовить грибной суп, — с продуктами было в это время неважно, — чистить оружие, приводить в порядок свою одежду. Выслали, как всегда, радиальную разведку, выставили часовых. Разведка донесла, что в ближайших деревнях гитлеровцев нет и вообще все кругом вроде бы спокойно. До вечера можно переждать и отдохнуть, а ночью совершить переход на базу, чтобы повторно не столкнуться с карателями.

И вдруг во второй половине дня недалеко от места привала, в каких-нибудь двух—трех с половиной километрах, затарахтели выстрелы. Я немедленно выслал разведчиков в направлении стрельбы. Они вскоре вернулись и доложили, что кто-то ведет бой с гитлеровцами, причем фашисты явно теснят и гонят к болоту тех, кто с ними сражается. По всей видимости, это партизаны. Но какие? Откуда? У нас были сведения, что поблизости нет партизан, а тут вдруг бой.

Однако рассуждать было некогда. В лесной войне чего не случается. Надо выручать товарищей. И я немедленно выслал на помощь оборонявшимся хорошо вооруженную группу наших партизан.

Вскоре стрельба усилилась — это наши бойцы вступили в бой. Прошло немного времени. Стрельба прекратилась. Еще полчаса томительного ожидания, и мы увидели возвращавшихся товарищей. С ними шла группа подростков четырнадцати—пятнадцати лет, по всему видно, очень утомленных.

— Это они там с фрицами дрались, — докладывают мне партизаны. — Тяжелый для них был бой. Просят представить их вам...

От группы подростков отделяются двое и подходят ко мне. Я смотрю на них, вооруженных немецкими автоматами, гранатами и пистолетами, и глазам своим не верю. Совсем еще мальчишки! Откуда они здесь взялись? Да еще вооруженные до зубов?!

Один из мальчишек испытующим взглядом осмотрел меня с головы до ног, словно не слишком-то доверяя, и спросил грубовато:

— Ты кто такой?

— Я — командир партизанского отряда, того самого, который пришел вам на выручку.

— Командир? — почему-то с некоторым сомнением переспросил мальчишка. — А фамилия как?

— Усманов. А вы кто такие и откуда?

— Я, — он сделал шаг вперед, — Чапай... Командир отряда, которому вы пришли на помощь, — и протянул мне руку.

— Ну, здравствуй, «Чапай», — невольно улыбнулся я. — Сколько же тебе лет?

— Пятнадцать. А это, — он показал на стоявшего с ним рядом мальчишку, — Фурман. Ему — четырнадцать...

«Ну, конечно, — подумал я, — кто же может быть еще рядом с легендарным Чапаем, как не Фурманов, которого мальчишка называл на свой лад — «Фурманом».

Мальчишки, мальчишки! Я никогда не забуду тот день, когда неожиданно-негаданно сошлись наши партизанские тропы, когда вы по неосмотрительности или из-за излишней самоуверенности своей сами навязали фашистам неравный для вас бой и из сорока семи товарищей, таких же четырнадцати-пятнадцатилетних подростков, потеряли тридцать. Вас пришло к нам в отряд только семнадцать. И мы вместе ели горячий, ароматный грибной суп, а вы рассказывали нам о своих необыкновенных, поистине героических и достойных памяти народной военных приключениях...

Все они были ремесленниками — учащимися одного из ленинградских ремесленных училищ. Летом их послали, как тогда говорили, на окопы. Они вместе с другими ленинградцами строили оборонительные сооружения на дальних подступах к городу. Мальчишки работали не жалея сил. Тут же спали, тут же ели: перед отъездом им был выдан сухой паек на две недели.

И вдруг услышали:

— Кругом — немцы... Уходите...

Эта весть пронеслась с быстротою молнии по рядам работавших на оборонительных сооружениях. Люди побросали лопаты, лопаты и пошли на север, к Ленинграду. Через несколько километров они наткнулись на гитлеровцев, которые, как потом выяснилось, высадили воздушный десант.

Ребята-ремесленники, узнав, что путь на Ленинград отрезан, рассудили по-своему: раз уж они очутились на территории, захваченной врагом, то надо уходить подальше в лес и партизанить. Собрались на «военный совет» и постановили организовать свой, мальчишеский, партизанский отряд. В него вошло около пятидесяти подростков. Но какой же отряд может быть без командира и комиссара? И тогда единодушно выбрали командиром Мишу Зеленкова — самого боевого и шустрого мальчишку, умеющего подчинить своей воле других. Миша предложил ребятам называть себя Чапаем. Комиссаром отряда он назначил своего приятеля Саню (к сожалению, запомнил его фамилию). Так при «Чапае» появился «Фурман». Другому подростку поручили вести хозяйственные дела отряда.

Затем оставшийся сухой паек был разделен на такие порции, чтобы можно было растянуть его подольше. И, наконец, встал главный вопрос: где раздобыть оружие? Пока что у них было единственное и очень ненадежное оружие — лопаты да ломы. С ними многого не добьешься. «Чапай» предложил свой план, который был одобрен «Фурманом» и другими бойцами отряда.

Не мешкая приступили к действиям. Начали выслеживать гитлеровских парашютистов-десантников, рассеявшихся по лесу, и нападать на них. Так появились в отряде немецкие автоматы, гранаты, пистолеты, ножи. А с их помощью было сделано несколько нападений на гитлеровских обозников и связных...

Не прошло и трех—пяти дней, как все мальчишки были уже вооружены. «Чапай» и «Фурман» разработали план дальнейших активных действий — по всем правилам партизанской тактики. Они нападали первыми лишь в том случае, если противник оказывался слабее и преимущество, а стало быть и шанс на успех, было явно на их стороне. Если же противник был сильнее, «чапаевцы», уклоняясь от встречи, уходили в другое место, чтобы там выбрать объекты для своей очередной операции. И надо сказать, что действовали они смело, озорно, но осмотрительно, с умом, причиняя немало хлопот гитлеровцам, особенно их мелким тыловым подразделениям.

И, главное, все обходилось почти без потерь. Возможно, это-то

несколько и успокоило мальчишек, им море показалось по колени. Вот почему они в тот несчастный для себя день решили напасть на кадровую роту фашистского вермахта, двигавшуюся по шоссе. Это было, конечно, серьезным просчетом. Одно дело — тыловой хоззвод, а другое — кадровая рота вышколенных головорезов. Гитлеровцы не растерялись, немедленно перешли в контратаку. Неся большие потери, ожесточенно отстреливаясь, юные патриоты вынуждены были отступать. Фашисты медленно, но верно прижимали их к болоту, одновременно обходя с трех сторон. Бой шел не на жизнь, а на смерть, и если бы по чистой случайности вблизи не оказался наш отряд, они бы все полегли в болоте...

— Так что же будем делать дальше, «Чапай»? — спрашиваю я. Он молчит. «Фурман» вопросительно смотрит на него.

— Разрешите нашему отряду влиться в ваш, товарищ командир...

— Нет, друже. Замечательные вы ребята, но все-таки придется переправить вас к нашим. Там вы сейчас нужнее и полезнее будете, чем здесь...

— Товарищ командир, — взмолился чуть ли не со слезами на глазах «Чапай», — пусть остальные, я не возражаю, но меня и Фурмана, прошу, оставьте у себя. Я вас очень прошу, очень. Поверьте, мы все, все будем делать. Вы не пожалеете. Мы хотим остаться с партизанами. Ну, пожалуйста, товарищ командир...

Тронули меня эти неутомимые романтики, показавшие себя настоящими солдатами. Решил я оставить «Чапая» и «Фурмана» в отряде, а остальных переправил через линию фронта в расположение армии генерала Федюнинского.

Оба парнишки стали великолепными, просто незаменимыми разведчиками в нашем отряде. К сожалению, «Фурман» погиб потом в одном из боев, а «Чапай» — Миша Зеленков — уже после войны окончил военное училище в Ленинграде и стал кадровым офицером. Сейчас он майор.

С А Н Я И Ш У Р А

А вот еще одна небольшая история.

Пришли однажды в наш отряд, который тогда располагался в районе поселка Лужки, брат и сестра. Сане, девочке, было тринадцать лет, а Шуре, мальчику, всего одиннадцать.

— Папка наш на фронте погиб, — рассказали они. — А мамку

немцы расстреляли за то, что папка наш — красноармеец. Вот мы и убежали из деревни к вам...

В самом деле, у кого же еще искать защиты и убежища этим маленьким сиротам, как не у партизан? И хотя жизнь наша была полна опасностей, мы все же рассудили, что ребятам у нас будет надежнее.

Саня и Шурик вскоре стали любимцами всех наших бойцов. Эти славные ребята не сидели без дела. Они оказались хорошими разведчиками. Целыми днями брат и сестра, маленькие, незаметные, оборванные, крутились среди гитлеровцев, не вызывая у них ни малейшего подозрения, за всем следили и все отлично запомнили. Множество ценных сведений доставили они нам.

Пошли как-то Саня и Шурик на выполнение очередного задания. Шурик идет впереди, а Саня — на некотором расстоянии за ним. Подошли к селу. А там стоит какой-то немецкий солдат и кричит:

— Мальчик, иди сюда!..

Шурик остановился в нерешительности: идти или нет? Ведь под рубашкой у него пачки сводок Совинформбюро! Да сзади еще и Саня идет. Кто знает — какие намерения у гитлеровца? Может, просто так зовет — что-нибудь спросить или прикажет что сделать, а может...

— Иди, иначе стрелять буду! — снова кричит гитлеровец.

И тогда Шурик не выдержал — повернулся и побежал назад. Солдат вскинул винтовку и выстрелил. Пуля угодила мальчугану в ногу. Шурик упал. Почти одновременно к нему бросились

и солдат — с одной стороны, и Саня — с другой. Сестренка подбежала первой, но ничего не успела сделать со сводками. Фашист задрал мальчугану рубаху, увидел пачку листовок, схватил его за шиворот и потащил в село. Саня сперва шла рядом и просила «дяденьку» отпустить раненого братика. Гитлеровец, конечно, не отпустил. Тогда Саня бросилась наутек к лесу, чтобы сообщить нам о беде.

Узнав о случившемся, мы с комиссаром приняли решение — послать в село сильную группу бойцов, чтобы разгромить гитлеровцев и освободить мальчугана. Нам было известно, что фашистский гарнизон в этом селе небольшой.

С ходу ворвались мы в село. Гитлеровцы бежали. Но, увы, Шурика уже спасти не удалось. Фашисты успели расстрелять маленького героя. Тело его палачи подвесили к дереву за ноги, привязав к нему дощечку с надписью: «За связь с партизанами».

Мы похоронили Шурика с почестями и поклялись сурово отомстить фашистским извергам за все их злодеяния.

А Саня еще долго служила в нашем отряде, по-прежнему смело и находчиво выполняла самые трудные и опасные задания. Незадолго до конца войны она вернулась в свою деревню, а потом поселилась в городе Острове.

ПОСЛЕДНЯЯ ОПЕРАЦИЯ

Наш отряд продолжал сбор разведывательных данных для штаба фронта, совершал диверсии на железных и шоссейных дорогах, устраивал засады, большие и малые «тартарарамы», уничтожал фашистские гарнизоны в небольших населенных пунктах, склады и комендатуры. Это были операции не такого уж крупного масштаба, но в те сентябрьские дни они имели большое значение. Мы наносили постоянный урон гитлеровцам, рвавшимся к Ленинграду, отвлекали их силы, позволяли командованию фронта ориентироваться в той обстановке, которая складывалась во вражеском тылу. А ведь таких отрядов, как наш, к тому времени в оккупированных районах Ленинградской области действовало немало.

Как-то уже поздней осенью наши разведчики обнаружили крупный склад боеприпасов, расположенный метрах в восьмистах от населенного пункта, где размещался гарнизон гитлеровцев. Это было днем. Немедленно доложили в штаб фронта и получили указание уничтожить склад своими силами. Действовать

надо было как можно быстрее и решительнее, чтобы не дать возможности гитлеровцам обнаружить нас и принять меры к усилению охраны. Разведчики установили, через какие интервалы происходит смена караула склада, и доложили мне. Было решено произвести атаку в момент смены караула.

И вот вечером того же дня с наступлением темноты партизаны во главе с Александром Птицыным и Александром Карповым окружили склад, почти бесшумно сняли охрану. На складе хранились артиллерийские снаряды и мины разного калибра. И все это взлетело на воздух. Получился превосходный фейерверк, который как бы подводил некоторый итог нашей разведывательно-диверсионной работы в тылу оккупантов.

Я не случайно употребил слово «итог». Дело в том, что с приближением зимы командование приказало вывести отряд горняков на переформирование. В него были влиты бойцы морской пехоты, несколько десятков местных партизан. Отряд получил и иные задачи. Совершив переход через линию Октябрьской железной дороги в район, расположенный за линией Волховского фронта, мы начали действовать в более глубоком тылу врага, вдали от Ленинграда.

Но это уже новая страница в истории партизанского отряда номер 81, которым мне довелось командовать в те годы.

ВЗРЫВЫ В НОЧИ

Второго июля сорок первого года наш артиллерийский дивизион вступил в бой. Гитлеровцы бомбили нас и обстреливали по несколько раз в день. Под давлением превосходящих сил противника отступала пехота, отходили и мы, неся большие потери. В сентябре от нашей части, попавшей в районе города Фастова в окружение, осталась в живых лишь горстка бойцов.

Более двух месяцев мы группами по несколько человек пробирались к своим. Как-то под вечер расположились на отдых вблизи дороги, идущей на Невель. Я пошел на разведку в полу-сожженную деревню. На мне была, как и всегда, красноармейская форма, в кармане пара гранат-лимонок. На околице деревни встретил девчущку-подростка. Спросил ее:

— Кто живет в крайней хате?

— Тетка Фруза, — ответила она и, немного помолчав, тихо добавила: — У нее фашисты дочку убили, учителку нашу.

Тетка Фруза, худая, невысокая женщина лет шестидесяти, встретила меня в сенях. Молча провела в избу, усадила на лавку в стороне от окна. Так же молча нарезала большие ломти хлеба, пододвинула кринку молока и только тогда, когда убедилась, что я наелся, спросила:

— Куда же ты, хлопец, путь держишь?

— К своим. Говорят, где-то под Великими Луками бои ведут.

— А ты часом не политрук?

— Нет. Сержант я. А что?

— Сын у меня политруком служит. Чуть постарше тебя. Может, мается так же где-нибудь.

Расспросив гостеприимную хозяйку про места, по которым нам предстояло идти, я стал прощаться. Тетя Фруза (к сожалению, не припомню ее фамилию) вынесла мне из кладовой буханку хлеба, большой кусок сала и... наган с кобурой и запасными патронами.

— Возьми оружие, сынок. Я его с убитого нашего командира сняла. А найдешь своих — воюй смело. Да хранит тебя бог!

Несмотря на тревожное время и на страшное горе, в голосе тети Фрузы была спокойная ласковость, какая-то надежная уверенность. От всего этого у меня на сердце легче стало, казалось, сил прибавилось.

Несколько дней спустя, пробираясь кустарниками к реке Ловать, мы неожиданно наткнулись на группу вооруженных людей в красноармейской форме. Старший из них, положив руку на рукоятку маузера, повелительно спросил:

— Кто такие?

— А кто вы? — ответил я вопросом на вопрос.

— Ишь, какой петушистый выискался. Нас десяток, их трое, а он отвечать не желает, — засмеялся незнакомец. — Мы разведчики. А чьи — небось по форме догадаешься.

— Ну а мы — окруженцы.

— Оружие есть?

— Конечно.

— Тогда порядок. Боец без оружия — муха, а не боец.

Нам повезло. Человек, спрашивавший нас, был командиром специальной разведывательной группы. Он рассказал нам, что вблизи Великих Лук действуют несколько партизанских отрядов и групп.

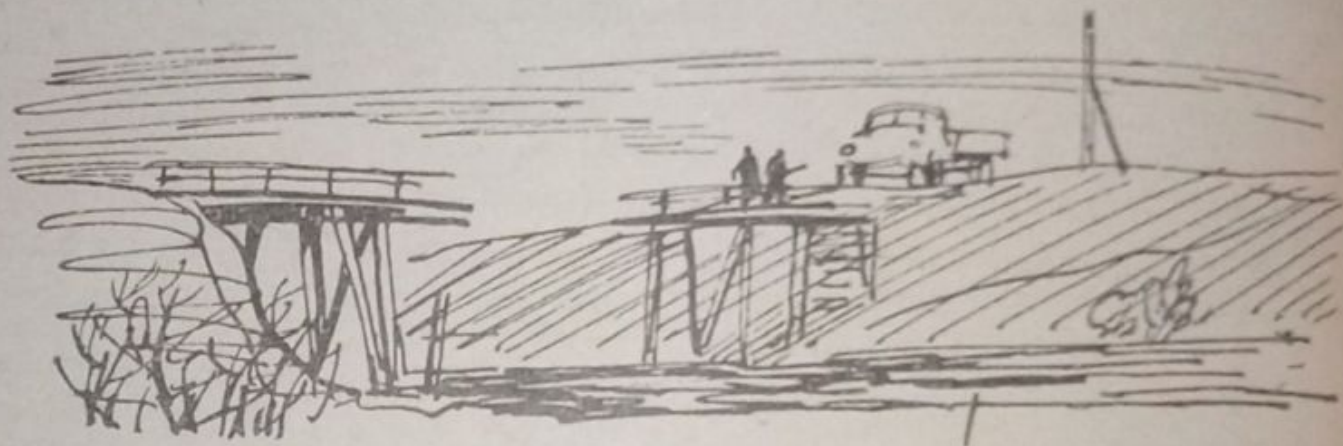
Мы довольно быстро установили с ними контакты. Новый, сорок второй год я встречал уже в рядах народных мстителей. Назначили меня командиром отделения. Нашим отрядом командовал Н. В. Шиповалов, кадровый военный, тоже вышедший из окружения.

„СТОП, ЧЕРТОВА МАШИНА!“

Зима в тот год выдалась лютая. Морозы стояли до тридцати градусов. Глубина снежного покрова в некоторых местах достигала полутора метров. Все это затрудняло маневр отряда. А маневрировать нам приходилось все время — штаб 3-й Ударной армии требовал новых и новых разведывательных данных. Весь январь армия вела наступательные бои. Однако преодолеть сопротивление фашистских войск под Великими Луками тогда не удалось. 3-я Ударная перешла к обороне, мы — к диверсиям.

Нашим диверсиям очень мешал фашистский бронепоезд, курсировавший по ветке железной дороги Великие Луки—Невель. Довимал он не одних нас. Благодаря хорошо поставленной воз-

душной разведке гитлеровцы быстро узнавали о прибытии на фронт наших резервов. По ночам бронепоезд вел точный огонь по их расположению. Часто, возвращаясь с очередной ночной операции, артиллеристы бронепоезда варварски обстреливали деревни.

Было сделано несколько попыток уничтожить «огнедышащее чудовище», как окрестили бронепоезд жители одной из пострадавших деревень, но все они оканчивались неудачей. Одна из диверсионных групп не вернулась с задания. Командиром ее был сибиряк Николай Никитин, с которым за два месяца совместной партизанской жизни я крепко подружился.

Мы стояли тогда в деревне Балаболкино. Как-то поздним вечером командир отряда Шиповалов вызвал меня в штаб и спросил:

— О судьбе Никитина знаешь?

— Знаю, что не вернулся. Но Николай вернется — он ведь у нас...

Командир перебил меня:

— Нет, Халтурин, Никитин не вернется. И никто не вернется. Все погибли. Задание придется выполнить твоей группе. За тем и вызвал. — И уже жестче добавил: — Бронепоезд гитлеровцев должен слететь под откос. Это сейчас дело нашей партизанской чести.

Подорвать бронепоезд мы решили вблизи станции Опухлики. Вечером двадцать третьего марта вышли на операцию. Все время тщательно вели разведку, старались обходить населенные пункты. Зашли лишь в деревню Мацкевичи. И то чуть не произошла беда. В одном из домов, вблизи которого мы пробирались, неожиданно зажегся свет, и у крыльца мелькнули какие-то тени. Но

я успел крикнуть: «Свои!», хотя, конечно, не знал, с кем нас свел случай. У крыльца оказались действительно свои — красноармейцы-лыжники из батальона сибиряков, о действиях которых в тылу врага мы знали.

Было уже далеко за полночь, когда мы вышли к деревням Хватыни и Колесниково. Оккупанты чувствовали себя полными хозяевами этих мест и гарнизоны держали не везде. Не было их и в этих двух деревнях. Я с уважением подумал о нашем командире. Это он посоветовал караулить бронепоезд поближе к Невелю.

Вот и лес. Он подходит к самой железной дороге. На перекрестке лесных дорог, где проходил санный путь и могли появиться гитлеровцы, мы поставили часового. Поблизости были навалены бревна. Очевидно, их куда-то вывозили. Это было кстати — наши следы могли не броситься сразу в глаза.

К железной дороге группа двигалась очень осторожно. Расставив охрану, приступили к минированию. На полотно вышли Иван Муравьев, Костя Черкасов и я. Мину поставили натяжного действия, тщательно ее замаскировали. У шнура остались Мура-

Дмитрий Александрович ХАЛТУРИН родился в 1918 году в деревне Покровск Вятской губернии (ныне Марийская АССР). Работал учителем. В 1939 году был призван в армию.

С осени 1941 года по июль 1944 года Дмитрий Александрович — в рядах народных мстителей. Его боевой путь — от командира группы до командира бригады.

После окончания войны Халтурин — на партийно-советской работе, затем учится в институте. В настоящее время живет в городе Великие Луки, работает заместителем директора завода высоковольтной аппаратуры.

вьев и Черкасов. Они находились всего в нескольких метрах от рельсов. В случае, если бы их обнаружил патруль, наши пулеметчики Сергей Хлоптунов и Сергей Рудаков ударили бы по врагу с фланга.

Долго лежали затаясь. К утру подул злой мокрый ветер. На рассвете раздался долгожданный стук колес. Впереди блеснули две яркие вспышки — бронепоезд открыл огонь. Грохот колес становился все громче. Пора!

— Стоп, чертова машина! — звонко, озорно крикнул Муравьев и дернул за шнур.

В небо, взбухшее тяжелыми тучами, взлетел огненный столб. Один из бронированных вагонов, распоротый снизу взрывом, покатился под откос. Раздался сильный скрежет металла. Спустя минуту-другую с площадки уцелевшего вагона застрочили пулеметы, но нас уже надежно укрыли деревья.

Мы шли быстро. В условленном месте нас ожидали проводники с лошадьми. Наиболее опасную зону — район Ваулинского моста на шоссе Невель—Великие Луки — проскочили на санях, так и не увидев ни одного фашиста.

ПО ВЕСЕННИМ ДОРОГАМ

Наступила весна сорок второго года. Линия фронта все ближе и ближе подходила к Великим Лукам. После зимнего разгрома под Москвой фашисты вынуждены были оттягивать свои силы на западные рубежи. Вот тогда-то командование и решило использовать в операции партизан совместно с частями Красной Армии.

Красноармейцы-лыжники смело выдвинулись в районы поселка Поречье и закрепились у развилки шоссе дорог Великие Луки—Невель и Великие Луки—Поречье. С этого рубежа и предполагалось, совершив бросок, нанести удар по гарнизону железнодорожной станции Фенино. В задачу партизан входило: сделать заслон на Череухинском переезде, чтобы затруднить подход резервов противника к месту боя со стороны Невеля, и подорвать мост через реку Балаздынь. Командовать партизанскими силами было поручено мне.

В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое апреля отряд красноармейцев-сибиряков и наша объединенная партизанская группа вышли по своим маршрутам. Весенние разливы затрудняли переход, ноги вязли в грязи. Ночь выдалась хмурая. Мы шли, проваливаясь в темноту словно в бездну. И все-таки про-

двигались довольно быстро. С рассветом были уже вблизи цели. Оставив несколько десятков человек в засаде у переезда, я повел подрывников к мосту.

Как и было условлено, красноармейцы завязали бой первыми. Мы, лежа в укрытии, ожидали, когда в него втянутся все подразделения вражеского гарнизона. Нервничали — казалось, что вот-вот покажется из-за пригорка вражеский эшелон, посланный на помощь гитлеровцам в Фенино. Выждав еще некоторое время, я тихо подал команду.

Короткая перебежка, и в сторону будки полетели наши гранаты. Налет с дистанции кинжального удара быстро решил исход дела в пользу партизан. Не прошло и десяти минут, как охрана моста была перебита и на его пролете появились трое бойцов со взрывной машинкой. Но тут произошла беда — армейская техника подвела. Что-то случилось с машинкой — взрыва не произошло. А где-то за переездом уже раздался паровозный гудок.

Медлить было нельзя. Вынув из кармана кусок бикфордова шнура, я побежал на мост. Прикрепить шнур к взрывчатке — дело нескольких секунд. Осталось только «прикурить». Шнур был короток, и я понимал, что это означало для меня. Рука, зажигающая спичку, конечно, дрожала. Но вот огонек побежал по шнуру. Рывком бросаюсь с насыпи. Качусь под откос, стараясь прикрыть руками голову. Оглушенный взрывом, вижу, как надо мной проносятся обломки шпал. Но, по-видимому, правы были товарищи, утверждая после операции, что я «родился в сорочке» — тогда меня даже не ранило.

Стрельба в районе Фенина стихла, и мы начали отходить. Шли медленно — попали в полосу густого тумана. В одной из деревень наши разведчики наткнулись на вражеских конников. Началась перестрелка. Я приказал выдвинуться вперед на высоту пулеметчикам. Позицию они заняли выгодную. Под защитой их точного огня наша разведка вернулась без потерь. Переправившись через реку Еменку, мы соединились с колонной красноармейцев — участников разгрома фенинского гарнизона.

Вскоре нам пришлось опять сражаться плечом к плечу с красноармейцами-сибиряками. Случилось это при следующих обстоятельствах.

С группой бойцов я находился в засаде на шоссе Усвяты—Невель. Караулили штабную машину, но так и не дождались. Зато уничтожили две грузовые машины. Подбили их ружейными гранатами.

Возвращаясь на базу, от разведчиков узнали о движении кара-

телей к району Поречье—Пасино, который по-прежнему контролировали наши друзья — сибиряки. Гитлеровцев было много. В распоряжении их имелись орудия и танкетки. Мы поспешили армейцам на помощь.

Стремительный удар заставил врага повернуть к реке Ловать. Это, конечно, была ошибка, и мы не преминули ею воспользоваться. Еще сильнее заговорили наши пулеметы. Многие гитлеровцы бросились вилась, но на середине реки их настигли партизанские пули. Мы потеряли в этой схватке одного человека — бойца Клопова. Раненых, правда, было порядочно. В это время подоспела фашистская артиллерия. Ее огонь помешал нам организовать «майскую купель» для остальных карателей.

Весной появились новые партизанские формирования. В начале лета мне было поручено командовать 4-м отрядом 1-й Калининской партизанской бригады. Комиссаром отряда был назначен политрук Степан Дмитриевич Литвинец.

Сформировав отряд, мы начали готовиться к большому рейду по тылам той же 16-й немецкой армии. Теперь нам предстояло действовать в районах, расположенных вдоль магистрального шоссе, идущего на Ленинград.

НА ЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

Это было на шестой или седьмой день войны. Утром гитлеровцы бомбили лужский железнодорожный узел. Содрогались дома, со звоном сыпались разбитые стекла. В этот момент раздался телефонный звонок: первых секретарей райкомов и горкомов вызывали в Смольный.

Совещание проводил секретарь обкома партии Терентий Фомич Штыков. Обсуждать должны были два вопроса: формирование истребительных батальонов и строительство оборонительных рубежей. Когда нам объявили повестку дня, все невольно переглянулись, и на лицах отразилось недоумение. Многие из нас рассуждали примерно так: «Ну хорошо, батальоны истребителей крайне необходимы. Неважно, что фронт далеко. Противник обладает мощной авиацией, может в любой момент забросить диверсантов. Но строить оборону у Луги или Гатчины?!»

Совещание в обкоме партии насторожило всех. В заключение Штыков сообщил, что в помощь секретарям райкомов и горкомов партии для организации истребительных батальонов будут присланы опытные пограничники.

— К лужанам, — сказал он, — приедет капитан Лукин...

Не мешкая все отправились по местам. На следующий день с рассветом приехал капитан. Стройный, подтянутый, он вошел в кабинет и по-военному представился. Почему-то сразу все почувствовали, что к нам прибыл деловой, смелый и решительный человек.

— С чего начнем? — был первый вопрос капитану.

— С командного состава.

Наша беседа проходила в присутствии третьего секретаря райкома партии Владимира Федоровича Варзанова и председателя райисполкома Евгения Ивановича Утина. Командиром истребительного батальона единодушно решили назначить капитана Лукина, начальником штаба — командира запаса, работника

райфо Ивана Павловича Диева и комиссаром — районного прокурора Николая Андреевича Андреева.

Эти люди энергично взялись за работу, и в самое короткое время в батальоне насчитывалось уже около трехсот человек, а затем и пятьсот. Вскоре мы смогли создать и второй истребительный батальон, во главе которого был поставлен командир запаса, участник гражданской войны Николай Брыкусов.

Через несколько дней меня снова вызвали в Ленинградский обком партии. Это было шестого июля. В Смольном перед секретарями райкомов и горкомов партии поставили новую задачу: немедленно создавать партизанские отряды, организовать подпольные группы и центры. Враг быстро продвигался вперед, и Красная Армия вела бои с гитлеровцами уже под Псковом.

За основу партизанских отрядов были взяты у нас ранее сформированные истребительные батальоны. Было решено организовать восемь отрядов. Первый отряд — самый крупный, в количестве сорока человек — возглавили капитан Лукин и комиссар Андреев. Командиром второго отряда стал Брыкусов, а комиссаром — молодой коммунист Николай Авдеев. В третьем командовали Диев и Петр Августович Михалис, в четвертом — Станислав Иванович Полейко и его родной брат Иван Полейко, в пятом — Николай Александрович Панов. Шестой отряд должны были вести на врага Владимир Петрович Сабуров и Александр Капица, седьмой — Михаил Васильевич Романов и Михаил Федорович Тернов, восьмой — Марков и рабочий тигельного завода Яков Степанов.

Ни у кого не было опыта партизанской войны. Потому не обошлось и без некоторых казусов. Надеясь на то, что фашистов быстро погонят от Ленинграда, мы решили заготовить продукты на два, от силы на три месяца, а о теплой одежде вообще не побеспокоились.

Враг наступал. Бои уже шли на территории Городецкого сельсовета и очень быстро приближались к Луге. Партизанские отряды один за другим отправлялись в те места, в которых предстояло им действовать. Они расположились и заняли боевые позиции в северной, западной и юго-западной части Лужского района. Здесь простирались большие лесные массивы и топкие болота. На территории Естомичского, Роковенского, Торошковского и Наволочского сельсоветов партизанских отрядов в первые дни войны не было. Тут местность открытая: мелкие перелески да кустарники.

Параллельно с организацией партизанских отрядов и эвакуацией городского населения, возросшего в пять раз за счет беженцев, райком партии много внимания уделял подпольным группам в районе. Их было создано восемь: две находились в самой Луге, остальные — в деревнях Бежаны, Поддубье, Толмачево, Малое Замошье и в сельсоветах Будниковском и Конезерском.

Какие же люди руководили этими группами?

Подпольщиков Будковского сельсовета возглавила Анна Михайловна Яковлева, пожилая женщина, беспартийная. Она работала овощеводом в колхозе «Искра». В селе жили ее родственники. Райком партии знал, что старая женщина из колхоза «Искра» всем сердцем предана Советской власти. И не ошибся в этом.

В деревне Поддубье подпольщиками руководил председатель сельсовета Михаил Симаков. Когда ему предложили возглавить подпольщиков, он заявил, что выполнит любое задание. Слово Симаков сдержал, не подвел нас в тяжкую пору.

Райком партии в деревнях подбирал руководителей подпольщиков из местных жителей. Прислать чужого человека в деревню перед приходом гитлеровцев — значило наверняка обречь его

Иван Дмитриевич ДМИТРИЕВ — уроженец Осьминского района, выходец из крестьянской семьи, проработавший много лет в Ленинградской области, хорошо знал местные условия и людей. Учитывая это, Ленинградский штаб партизанского движения назначил его руководителем Лужского межрайонного подпольного центра. С осени 1943 года — он комиссар 9-й партизанской бригады.

После войны Дмитриев работал секретарем Лужского райкома партии, затем секретарем Ленинградского обкома партии, председателем Ленинградского областного исполнительного комитета.

Сейчас Иван Дмитриевич на пенсии. Ему 56 лет. Живет в Ленинграде.

на провал. Незнакомец сразу вызвал бы подозрение. Иначе складывалась обстановка в городе. Здесь масса народа. Многие не знают друг друга. Люди приезжают и уезжают.

При таких обстоятельствах и появился в Луге бывший директор Котельской средней школы Николай Николаевич Теплухин. У него имелась справка из Областного отдела народного образования, в которой говорилось, что он как директор средней школы «скомпрометировал себя и со своими обязанностями не справился», а потому, дескать, Теплухин переводится в Лужскую начальную школу. Справка была оформлена задним числом. Николай Николаевич Теплухин возглавил первую лужскую подпольную группу.

Руководителем второй лужской подпольной группы была назначена Елизавета Михайловна Яковлева. Она приехала к нам по указанию обкома партии из Сланцев. В ее личное дело вложили бумагу, в которой говорилось, что Яковлеву в Сланцах оставлять нельзя: город пограничный, а у нее родственники репрессированы. Значит, она женщина «неблагонадежная». Мы устроили Яковлеву в жилуправление. При этом постарались сделать так, чтобы личное дело Яковлевой попало в руки фашистов.

Луга горела. Красноармейцы, яростно отбиваясь от наседавшего врага, покидали город. В райком партии поступали последние донесения. В них сообщалось: население эвакуировано, скот весь угнан, оборудование машинно-тракторных станций и промышленных предприятий погружено на машины и в вагоны и отправлено в тыл.

В эти последние часы пребывания в Луге пришло донесение о первом боевом крещении большой группы партизан во главе с Павлом Елисеевичем Кривоносовым из партизанского отряда капитана Лукина. Когда Лукин уходил на свою базу, ему дали задание вести разведку на Киевском шоссе у развилки дорог на Плюссу и Струги Красные. Командованию Красной Армии нужно было знать интенсивность транспортировки войск и техники врага. Партизаны группы Кривоносова не только выполнили эту задачу, но и, заминировав дорогу в пяти-шести местах, взорвали несколько танков и автомашин.

И вот наступил час покинуть город. Это было двадцать четвертого августа. Мы еще не потеряли из виду Луги, а в город уже ворвались фашисты.

В лесу между деревнями Долговка и Пехенец наша группа встретила со штабом корпуса генерала Астанина, войска кото-

рого обороняли Лугу. Мы попрощались с генералом и с комиссаром корпуса Гаевым. Они отходили на Новинку и Тосно, наш путь лежал в противоположную сторону. Очень трудно передать сейчас словами те чувства, которые охватили нас. Тут были печаль и тревога, тяготили расставание и предстоящая неизвестность.

Отойдя в сторону, мы расположились на маленькой полянке. Здесь состоялось последнее заседание бюро райкома партии. Райком был преобразован в районный штаб партизанского движения.

Меня избрали руководителем штаба, первым заместителем стал Евгений Иванович Утин, председатель райисполкома, вторым — директор дома отдыха имени Воровского Платон Никифорович Никифоров. Членами штаба были утверждены — второй секретарь райкома партии Александр Петрович Дроздовский, третий секретарь Владимир Федорович Варзанов и председатель Лужского городского исполнительного комитета Михаил Георгиевич Кустов.

Партизаны, растянувшись цепочкой, неторопливо зашагали по лесной просеке, вдоль глубокой канавы к заранее намеченному месту расположения штаба. Командиры партизанских отрядов знали, что райком партии превратился в штаб, и знали, где его искать.

Идем ночь, идем другую. Костров не зажигаем. Соблюдаем осторожность. Наконец приблизились к своей базе. Но тут мы услышали отдаленный грохот и гул движущихся машин и танков. Решили остановиться в нескольких километрах от базы. В разведку попросились заведующий отделом учета райкома Данилов и секретарь райкома комсомола, шустрый девятнадцатилетний юноша Михаил Милош. Объяснив задание, я предупредил Данилова и Милоша, чтобы они умили свою горячность и проявили максимальную осторожность.

Послали разведчиков на рассвете.

Лишь перед заходом солнца наши дозорные увидели возвращавшихся Данилова и Милоша. Оба пришли возбужденные, радостные. Докладывают:

— База в целости и сохранности. Поблизости никого не обнаружили, а в тайнике нашли записку, — и Милош протянул мне лист бумаги.

Расшифровали написанное. Это оказалось донесение командира партизанского отряда Сабурова. Мы обрадовались. Значит, люди активно действуют. Сабуров сообщал, что его отряд получил

боевое крещение. Партизаны уничтожили в первом своем бою несколько гитлеровцев, захватили трофеи и, самое главное, не понесли никаких потерь.

Прочитав сабуровское донесение, я спросил Милоша и Данилова, как прошла разведка и почему они пришли такими возбужденными. Данилов признался:

— Мишка первого фашиста убил, ну и я тоже.

Я, по правде говоря, даже подпрыгнул:

— Как так убил? Я приказывал провести разведку скрытно, не обнаруживать себя.

— Мы, товарищ начальник штаба, все сделали без малейшего шума, — сказал Милош.

— Как же это?

— Ей-богу, без шума, — вмешался в разговор Данилов. — Когда возвращались назад, мы решили узнать, что это за грохот там, за лесом. — Разведчик протянул руку на запад. — Шли, шли, смотрим — впереди дорога. Подползли к шоссе. А на нем танки, машины, пушки. Все движется к Ленинграду. Вдруг слышим немецкую речь. Кто-то громко перекликается. Мы внимательно пригляделись. На дороге ни одного человека не заметили, а голоса слышим отчетливо. В этот момент в небе раздался сильный рокот. Летели наши самолеты. Они развернулись и начали громить фашистскую колонну. Мы взглянули вверх на «ястребков» и над своими головами увидели немецких связистов. Они с помощью кошек забрались на столбы и там натягивали провода. А тут началась дикая стрельба. Стреляли самолеты по фашистам и гитлеровцы по самолетам. Вот мы под общий шумок и кокнули двоих фашистов. Они так и остались висеть на столбах.

В общем, группа наша достигла лагеря благополучно. Когда люди отдохнули, на розыски отрядов отправились почти все члены штаба. Один за другим покидали лагерь заведующий военным отделом райкома партии Александр Федорович Климанов, директор районного торгового отдела Павел Андреевич Туморин, заведующий лужским райфо и заместитель председателя райисполкома Прокофий Константинович Гагарин, заведующий райзо Василий Виноградов, шофер Константин Иванович Мурзин и другие наши товарищи. Сам я с небольшой группой людей отправился на связь с Красногорским отрядом Михаила Васильевича Романова. Под его началом находилось двадцать пять человек — в основном работники школ, лесхозов, председатели колхозов Красногорского и Ветчинского сельсоветов.

Мы появились в отряде Романова в тот момент, когда в нем

еще не улеглось возбуждение от только что проведенной боевой операции. В скоротечном бою партизаны подожгли две машины с горючим, ехавшие из Луги на Осьмино, перебили охрану. Только Романов окончил рассказ о бое, как подбежал дозорный.

— Товарищ командир, — доложил он, — от Красных Гор идет колонна фашистов. Насчитали семьдесят человек.

— Отправляйтесь назад и не спускайте глаз с колонны, — приказал дозорному Михаил Васильевич.

— Что ты задумал, Романов?

— А я сам на них нападу.

Бойцов у Романова в наличии было человек двадцать. Остальные выполняли разные поручения. Если прибавить пять членов штаба, то получалось, что нас в три раза меньше гитлеровцев. При таком соотношении сил было опасно завязывать бой, не имея к тому же еще достаточного опыта. Романов согласился с моими доводами.

— Тогда какой же мы примем план? — спросил он.

— Взрывчатка и мины есть?

Посоветовавшись, мы решили пропустить фашистов к деревне Ветчины без всяких помех. Не обнаружив там партизан, они должны вернуться назад. К их возвращению мы задумали приготовить сюрприз — заминировать дорогу. После первых взрывов немцы, несомненно, бросятся спасаться в придорожные кюветы. Здесь, рассуждали мы, встретим их вторым сюрпризом — заминируем кюветы. Для этой цели нам могут послужить толовые шашки, минные и ручные гранаты. Чтобы они сработали безотказно, привяжем к чекам взрывателей шпагат и протянем его в траве вдоль всего кювета. Гитлеровцы в панике обязательно зацепятся за бечевку ногами или руками, выдернут чеки и взлетят на воздух.

Заминировав дорогу и кюветы, мы выбрали удобные позиции вдоль шоссе, замаскировались в ельнике и стали ждать. Лежим час, другой, третий. Наконец из-за поворота появились гитлеровцы. В колонне раздавались смех, выкрики, — фашисты шли пьяными.

— Сейчас вам будет не до смеха, — прошептал лежавший рядом со мной Романов. Я заметил, что его пальцы даже побелели, сжимая винтовку.

В колонне кто-то затянул песню. Его поддержали. И тут припевом к фашистской песне грохнули взрывы...

В этом бою мы наголову разбили оккупантов. Ни одному из них не удалось скрыться. Наши бойцы вооружились немецкими

автоматами. Среди трофеев были два ротных миномета с достаточным, на первый случай, запасом мин.

Смело и удачно проведенные первые операции помогли нам сплотить отряды в боевые коллективы. Штаб решил, что настало время, когда каждый партизан должен принять присягу на верность. И вот во всех отрядах, выстроившихся на своих базах, зазвучали волнующие слова партизанской клятвы:

— Я клянусь до последнего дыхания быть верным своей Родине, не выпускать из рук оружия, пока последний фашистский захватчик не будет уничтожен на земле моих дедов и отцов.

Мой девиз: видишь врага — убей его!

Я клянусь свято хранить в своем сердце революционные и боевые традиции ленинградцев и всегда быть храбрым и дисциплинированным партизаном. Презирая опасность и смерть, клянусь всеми силами, всем своим умением и помыслами беззаветно и мужественно помогать Красной Армии освободить город Ленина от вражеской блокады, очистить все города и села Ленинградской области от немецких захватчиков...

Эта клятва эхом разнеслась по лужским лесам. Она звучала как грозный приговор оккупантам.

Гитлеровцы понимали военное значение Лужского района — через Лугу проходили важнейшие магистрали: Варшавская железная дорога и Киевское шоссе. Поэтому они самым энергичным образом внедряли жесткий оккупационный режим в городе.

В Луге создали городскую управу и назначили бургомистром предателя — лужского юриста Решетникова.

Район был разделен на волости во главе со старшинами. Лучшие земельные угодья переданы во владения гитлеровским генералам и полковникам. Потянулась из-за рубежа в нашу округу и всякая белогвардейская нечисть. В Лужский район, например, вернулся барон фон Бильдерлинг, который при царском режиме владел имением и жестоко эксплуатировал конезерских, люблинских и городецких крестьян. Барон явился в совхоз «Володарское», собрал крестьян ближайших деревень и приказал сдать ему скот, сельскохозяйственный инвентарь, а также выделить из каждого села мужчин и женщин для работы в его поместье.

В каждом населенном пункте гитлеровцы ввели строгий режим для перемещения жителей. Чтобы попасть в Лугу, обязательно требовалась справка от старосты деревни или волостного старшины. Из города не выйдешь без специального разрешения бургомистра. После восьми часов вечера жителям вообще запрещалось появляться на улицах Луги.

Нам удалось кое-где поставить на должность старост своих людей: в колхозе «Крестьянский труд» — Цыганкова, в колхозе «Большой брод» — Алексея Илларионовича Иванова.

Эти люди, как и подпольщики, ежечасно ходили, как говорится, по острию ножа. Алексей Илларионович буквально под носом у захватчиков надежно спрятал трактор, случайно оставшийся в деревне. На селе имелся еще огромный невод. Раньше колхозники ловили им рыбу в ближайших озерах. Гитлеровцам захотелось полакомиться рыбой, и они начали искать невод. Иванов и его скрыл от фашистов.

На первых порах мы почти ничего не знали о действиях подпольных групп. В штаб и в отряды доходили слухи о том, что фашистам удалось выявить многих подпольщиков и уничтожить их. Проверить эти слухи в то время было почти невозможно: прифронтовые дороги кишели движущимися во всех направлениях войсками, и пробраться в отдаленные сельсоветы района никто не мог.

Однажды штабу доложили о провале группы инструктора райкома комсомола Анатолия Ваулина. Я слушал рассказ, а сам вспоминал свой последний разговор с ним накануне ухода в лес.

— Анатолий, тебя мы хорошо знаем — на наших глазах вырос. Верим тебе и поручаем ответственное дело: возглавить подпольную организацию в тылу врага. Обоснуешься в одной из деревень Перечицкого сельсовета. Из Луги с тобой поедут комсомолка Тоня Бардистова и Саша Парфеев. На месте в твою группу войдут коммунист Семен Алексеевич Андреев и беспартийный Константин Павлович Баранов.

Анатолий выслушал меня внимательно и коротко ответил:

— Выполню! Не подведу!

На розыски группы Анатолия Ваулина решили послать в Перечицкий сельсовет его друга Мишу Милоша и Алешу Никитина. Долго отсутствовали ребята. Но зато принесли радостную весть: Анатолий Ваулин и его товарищи живы, активно действуют.

После нашего последнего разговора в райкоме партии Ваулин сразу же принялся за дело. Прежде всего он встретился с Тоней Бардистовой. Девушке едва исполнилось восемнадцать лет. Ваулин посмотрел на нее внимательно и спросил с сомнением:

— Ты все знаешь?

— Да, — твердо ответила Тоня.

— Готова на все?

— На все!

— Тогда слушай, что я тебе скажу...

Анатолий изложил свой план. Чтобы избежать подозрений, Ваулин предложил поселиться в деревне у Тониного отца под видом мужа и жены.

— Вот только родители твои могут не согласиться.

— Я знаю своих отца и мать. Скажем им все откровенно. Они нас поймут. За родителей отвечаю головой.

Как и условились заранее, Анатолий с Тоней пошли к ее отцу в деревню Малое Замошье. Тоня оказалась права. Родители приняли их хорошо. Через два дня в это же село пришел Саша Парфеев.

Много полезных сведений сообщили подпольщики партизанскому штабу. Под видом грибников Анатолий и Тоня приходили к одному из заранее согласованных с партизанами мест и опускали в дупло-тайник записки с важной информацией.

В конце октября Анатолий Ваулин и его верный друг Тоня через тайник сообщили партизанским командирам, что против народных мстителей готовится большая карательная экспедиция.

Из последующего донесения Анатолия нам стало известно, что гитлеровцы осведомлены о делах и местонахождении первого отряда капитана Лукина, который располагался в Балеенском лесу. В то же время он сообщил кое-что о численности и планах карателей. Получалось, что на одного партизана приходилось три фашиста с автоматами. Были у карателей минометы и танкетки. Они рассчитывали двигаться на автомашинах по лесной дороге пока возможно, затем спешиться и развернутым строем начать наступление на партизанскую базу.

В начальный период мы не имели средств сообщения и поэтому не могли быстро оповестить соседей о надвигавшейся опасности и принять соответствующие меры: то ли соединиться и действовать сообща, создав перевес в силах, то ли организовать удары по противнику с разных сторон. Поэтому отряду Лукина пришлось столкнуться с врагом в одиночку.

Кадровый командир капитан Лукин быстро оценил обстановку. Он решил покинуть лагерь, оставив там бидон спирту, кое-какие продукты и некоторые вещи, чтобы создать видимость поспешного бегства, и перейти на другое место. Однако замысел его заключался не в том, чтобы спокойно отойти, а в том, чтобы, сделав хитрый маневр, обмануть врага и нанести ему неожиданный удар.

По заданию Лукина разведка определила, до какого места гитлеровцы могут проехать на автомашинах, где они их оставят. Он послал туда несколько смельчаков и приказал им по условному сигналу поджечь автомашины.

Затем капитан вызвал в отряд Тоню, которая прекрасно ориентировалась в родных местах, и попросил ее вывести отряд по глухим, малоизвестным тропам в тыл противнику. Расчет Лукина был прост и хитроумен. Ночью немцы наступать не будут. А пока они дойдут до лагеря, пошарят там и, никого не обнаружив, отправятся в обратный путь, будет уже за полдень. Ясно, что, не найдя партизан, они уже не будут особо бдительными, а после спирта, пожалуй, и порядка в их рядах не увидишь.

Логические рассуждения капитана оправдались. Партизаны встретили карателей почти на полпути между лагерем и автомашинами. Они шли, не соблюдая боевой строй, группами по три-четыре человека, оживленно разговаривали. Это были хорошие мишени. Народные мстители воспользовались беспечностью врага и с разных сторон открыли по ним огонь.

Гитлеровцы сначала опешили. Начали метаться, отыскивая укрытия и ведя беспорядочную пальбу. Минометы врага и танкетка оказались беспомощными — мешал лес.

Несколько часов шел бой. Близился вечер. И тут каратели, отстреливаясь, начали отходить к своим автомашинам. А партизанам только это и нужно было. Они еще раньше на пути отступления врага разбросали множество противопехотных мин величиной с вазелиновую коробку. Тут и там слышались резкие хлопки, крики, стоны фашистов.

Кое-кому из фашистов удалось добраться до автомашин. Но и там их не ждало спасение. Словно на ярко освещенной сцене, каратели метались около горящих машин, и повсюду их настигали партизанские пули. Гранаты завершили начатое дело.

В этом бою был уничтожен весь отряд фашистских карателей — около ста пятидесяти человек. Тридцать из них, в основном раненые, попали в плен.

А на следующий день в деревнях появились листовки, рассказывавшие о неудавшейся карательной операции и разгроме врага. Это было дело рук Ваулина, Тони и их товарищей. Они в ночь с шестого на седьмое ноября разбросали и расклеили в окрестных селах листовки.

Для себя Ваулин и Тоня выбрали деревню Пелково, где находился штаб карателей. В кромешной темноте, под гул неистового ветра молодые патриоты выполняли опасную работу. Они даже сумели прикрепить листовки на дверях фашистской комендатуры. Утром жители Пелкова читали:

«Фашисты! В Москве вам не бывать. Как ушей своих не

видать вам и Ленинграда. Запомните, кровопийцы, скоро придется бежать вам. Но мы настигнем вас в вашем паршивом логове. Смерть гадам!»

Руководитель лужской подпольной группы Николай Николаевич Теплухин умело играл роль «лояльного гражданина». Он заметил, что некоторые учителя школы, особенно сестры Антонина Васильевна и Валентина Васильевна Пенины, относятся к нему недоброжелательно. Директора школы, бывшего офицера царской армии, сестры открыто презирали за его угодничество перед гитлеровцами. И вот однажды, когда кончились в школе занятия и сестры направились к выходу, Теплухин обратился к ним:

— Вы спешите? А я хотел попросить... нет ли у вас аспирина? Я что-то простудился...

— Заходите. Что-нибудь найдем, — не очень вежливо ответила ему Валентина.

— Мне доброе говорили о вас, — начал разговор Теплухин, когда пришел в дом к Пениным.

Сестры насторожились. Немного помолчав, Антонина полюбопытствовала:

— Кто же и что мог про нас сказать?

— Люди, — ответил Николай Николаевич и сделал паузу. — Люди, которым верят коммунисты, а я в их числе.

Поговорив откровенно, Пенины поверили, что их гость свой человек. Тут же они договорились о действиях. Потом Пенины и Теплухин не раз встречались. После таких встреч в городе появлялись листовки, написанные от руки печатными буквами. Читая их, жители Луги узнавали о важнейших событиях на фронтах, о зверствах оккупантов.

Сестры-учительницы привлекли к подпольной антифашистской работе своих учеников: Вову Артемьева, Васю Данилова, Колю Алексева и Нину Ершову. Ребята переписывали листовки и распространяли их в семьях лужан. Они проникали всюду и всячески вредили гитлеровцам: просверливали дыры в бензобаках и бочках с горючим, засыпали песок в дизельные моторы, прокалывали шины, срывали плакаты, в которых оккупационные власти сулили за головы партизан большие награды.

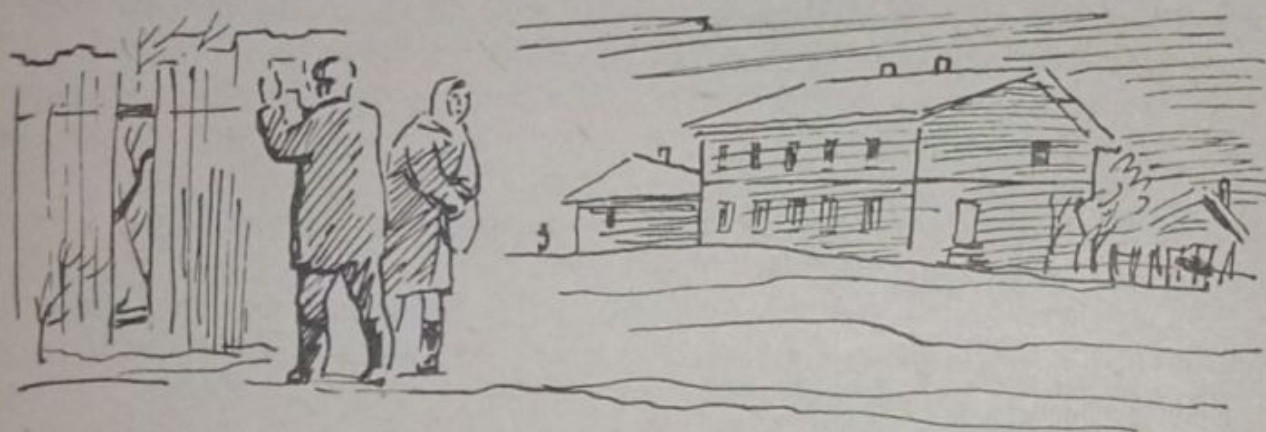
У нас подобные посулы вызывали только иронические улыбки: значит, мы неплохо допекаем оккупантов.

И это было действительно так. Каждый из наших восьми отрядов почти ежедневно совершал диверсию.

Гитлеровцы торопились перешить колею Варшавской железной дороги. Она нужна была им как воздух, а сабуровцы лишали

их возможности пользоваться стальной магистралью. На расстоянии в пятьдесят километров между Лугой и станцией Дивенская партизаны множество раз взрывали рельсы, насыпи, мосты.

Отряд Полейко сделал успешный налет на деревню Пелково, где в здании школы разместилась хозяйственная часть гитлеровских войск. Узнали партизаны, что около деревни Долговка фашисты накопили огромное количество сена. Они уничтожили часовых, облили керосином и бензином стога и подожгли их.

Сманеврировав в сторону Оредежа, отряд взорвал железнодорожный мост на Витебской железной дороге.

Осенью сорок первого года командование фашистских войск направило против лужских партизан крупную карательную часть. Деревни, заподозренные в помощи партизанам, безжалостно сжигались. Неслыханными зверствами каратели пытались запугать население, ослабить размах народной войны. В деревне Ложок фашисты расстреляли шестидесятипятилетнего отца и жену партизана Макарова, подожгли их дом, а трехлетнюю дочь живую бросили в огонь. Страшное преступление совершили гитлеровцы в деревне Именицы. Здесь они уничтожили жену и дочь командира партизанского отряда Михаила Романова, зверски замучили и расстреляли других его родственников.

Чтобы не оказаться застигнутыми врасплох, мы предприняли ряд предосторожностей, усилили разведку, дозоры на подступах к лагерям, с еще большей тщательностью маскировали свои следы и партизанские тропы.

В отряде Станислава Полейко была замечательная разведчица — Антонина Петрова. Отважная комсомолка выполняла

самые рискованные задания командования. Был случай, когда Тоня спасла от разгрома отряд Панова.

Располагался этот отряд на хуторе Сутоки. Партизаны только что провели дерзкую операцию, и им разрешили два-три дня отдохнуть. В полдень Панов и я сидели под елью и разбирали проведенные операции. Вдруг слух уловил какой-то шум. Я поднял голову и глазам своим не поверил. В окружении группы партизан к нам приближалась Тоня Петрова. Она еле передвигала ноги, пальто и платье на ней превратились в грязные окровавленные лохмотья. У меня мелькнула мысль: «Как же она к нам попала? Ведь отряд Полейко от нас должен быть далеко».

— Что случилось, Антонина?

— Немедленно... Немедленно, — с трудом выговаривала Тоня.

— Что немедленно?

— Немедленно уходите из лагеря. Фашисты точно знают, где вы расположились, знают силы отряда и не сегодня-завтра нагрянут сюда...

О готовящемся разгроме отряда Панова разведчица узнала, выполняя задание своего командира Полейко, который, по рекомендации штаба, послал Тоню к старосте деревни Сабцы Ивану Григорьевичу Федорову. Староста был наш человек, беспартийный активист. По заданию подпольного райкома он собрал важные сведения о вражеских гарнизонах и уже несколько дней ждал связного.

Нарядно разодетая, в субботний вечер Тоня ушла в Сабцы якобы на вечеринку. Возле околицы перед Тоней вынырнул из темноты патруль:

— Стой! Кто идет? Куда?

Тоня спокойно ответила:

— Известно куда — на гуляние.

Один из патрульных, по-видимому полицай, говорил по-русски. Он подозрительно долго рассматривал документы, а потом вдруг принялся обнюхивать Тоню, как собака... Длительная жизнь в землянках накладывала на нас свой отпечаток. Сколько ни мойся, как ни проветривай вещи, а от нашей одежды, да и от нас самих исходил специфический «лесной» запах. Вот он-то и подвел Тоню.

— Партизанка! — закричал полицай. — Из леса явилась!

Тоню обыскали и повели под конвоем в деревню, к начальнику гарнизона. Тот после угроз приказал вызвать старосту, того самого, с которым у Петровой сорвалось свидание. Федоров и глазом не моргнул, хотя сразу узнал партизанскую связную.

— Известна ли тебе эта девица? — спросил обер-лейтенант.

— Да их разве можно всех знать, — равнодушно ответил староста. — Много их тут развелось, вертихвосток.

Фашист заколебался. Безразличный тон старосты подействовал на него успокаивающе. И все же он приказал запереть девушку до утра. Тоню отвели в хлебный амбар. Поставили часовых. Положение складывалось неприятное: утром, наверное, отправят в Лугу, а у ищеек-гестаповцев хороший нюх — быстро выяснят, кто она такая.

Грустные размышления Тони были прерваны разговором за стеной сарая. Часовой-полицай, охранявший амбар, и еще кто-то говорили о недавнем крушении поезда, о разгроме на дороге воинской колонны. Упоминался хутор Сутоки. «Это же все относится к отряду Панова», — подумала Тоня и прильнула ухом к стене. Из дальнейшего разговора она поняла, что фашисты хорошо знают о месте расположения партизанского отряда и что завтра или послезавтра в полдень они окружат лагерь с трех сторон и прижмут партизан к озеру.

— Капут партизанам, — со смехом сказал часовой. — Ни один не уйдет живым.

— А много их?

— Сколько бы ни было — всех перебьем!

Узнав об опасности, нависшей над товарищами, Тоня не могла ни о чем другом думать. Любой ценой, любыми средствами она должна предупредить отряд. Ночь тянулась томительно долго. А утром к ней пришла неожиданная радость. Она заключалась лишь в одном слове, которое шепотом, незаметно для других, произнес Иван Григорьевич Федоров:

— У оврага.

В полутора километрах от деревни ее ждало спасение. В лесу раздался выстрел. Конвоиры растерялись, а разведчица кинулась в кусты. Она не замечала, как ветки и сучья рвут ее одежду, ранят ноги, руки, разбитое лицо. И вот Тоня перед нами...

Не прошло и часа, как весь отряд перебазировался на другое место, оставив врагу пустые землянки. Наши разведчики, заранее выбрав удобные для наблюдений позиции, видели, как фашисты... атаковали партизанский лагерь. Сначала налетели три самолета и сбросили несколько бомб, затем с трех сторон ринулись в лес автоматчики. Нетрудно представить охватившую гитлеровцев ярость, когда выяснилось, что они били по пустому месту, а партизаны сумели скрыться. Вдобавок на дверях одной из землянок каратели обнаружили записку с довольно язвительным текстом...

Незлегко приходилось партизанам в конце года. Летняя одежда не спасала от наступивших холодов. Все отряды испытывали недостаток в продовольствии. Связи с Ленинградским обкомом партии и с частями Красной Армии не было. Мы тогда не располагали ни рациями, ни радиоприемниками. А фашисты все чаще проводили карательные операции. И мы смело принимали бой.

В одной из ожесточенных схваток оборвалась жизнь нашей смелой разведчицы, нашей общей любимицы — Тонечки. В апреле сорок второго года Указом Президиума Верховного Совета СССР Антонина Васильевна Петрова была посмертно удостоена звания Героя Советского Союза. С болью в сердце мы прощались со своим боевым другом.

В ряды народных мстителей вставали все новые и новые патриоты. Кое-где стихийно возникали целые партизанские отряды. Однажды нам сообщили о таком отряде, развернувшем активные действия на территории Сабицкого сельсовета. Состоял он из крестьян, самому молодому из которых было пятьдесят пять лет. Возглавлял отряд дед по фамилии Марков. Не теряя времени, я связался с Варзановым. Он в свое время работал в Сабицах председателем сельсовета и хорошо знал всех людей. Варзанов сказал, что на Маркова вполне можно положиться, и, улыбаясь, добавил:

— Ишь донекло — и старики поднялись, а мы считали их немощными.

А от стариков то и дело поступали отрадные вести. Они не нападали на гитлеровцев около своих деревень, оберегая жизнь семей, а уходили за много километров в сторону. Но однажды старики вынуждены были столкнуться с врагом и около своей деревни. Там как-то приземлился фашистский транспортный самолет. То ли он был подбит, то ли сел из-за неисправности. Часть прилетевших фашистов отправилась в деревню требовать людей для охраны. Остальные занялись починкой самолета. Жители, к которым обратились летчики, согласились покараулить машину, но тут же тайком послали своего человека в лес, в «дедовский отряд». Партизаны Маркова уничтожили всех гитлеровцев и сожгли самолет.

Зимой в деревню Сабицы пришел председатель Островского сельсовета Васильев. Выполнив данное ему партийное задание, он решил по пути к партизанам заглянуть в Сабицы к своим родственникам. Его предупредили, чтобы он остерегался: в деревне завелись предатели.

— Кто же эти гады? — спросил Васильев.

— Отец и сын Кобруцкие.

Старший Кобруцкий жил в деревне постоянно, сын же сидел в тюрьмах как уголовник, а в первые дни войны сбежал из заключения. Оба Кобруцких из кожи лезли вон, чтобы выслужиться перед оккупантами.

Васильев где-то раздобыл немецкую форму, переоделся и под видом латыша, служащего в гитлеровских войсках, заявился в дом Кобруцких. Коверкая русские слова, он сказал, что отстал от части и очень устал. Кобруцкие не знали, на какое место посадить гостя. Они накормили его, угостили самогоном. Из разговоров подвыпивших предателей Васильев понял, что на рассвете младший Кобруцкий уйдет к гитлеровцам сообщить о месте расположения партизанского отряда.

«Немедленно надо сообщить старикам», — мгновенно мелькнуло в голове Васильева. Хозяева пытались уложить его спать, но он заявил, что отлично отдохнул, набрался сил и мигом доберется до соседней деревни, где стоит фашистский гарнизон.

Как раз в это время мы послали на связь с «дедовским отрядом» Варзанова и Климанова. В глухом лесу, на просторной просеке, где летом были покосы, они увидели полуразрушенный сарай, через щели которого мелькали бледные огоньки. Партизаны вошли, и Варзанов сразу узнал деда Маркова и Васильева. Вдоль стен сидели бородачи. Трое из них во главе с Марковым расположились вокруг перевернутой бочки. В центре сарая стояли отец и сын Кобруцкие. Старики-партизаны судили своих односельчан, продавшихся врагу.

Увидев Варзанова, Марков спросил его:

— Что, секретарь, делать с этими гадами?

— Смотрите сами, — ответил связной штаба.

Тогда Марков по очереди начал опрашивать всех присутствующих. Со всех сторон несло гневное:

— Смерть!

— Смерть!

— Смерть!

После приведения приговора в исполнение вожак партизан-стариков сказал:

— Так будет со всеми супостатами — и с фашистами, и с их слугами.

Это был голос людей, не желающих никакой власти, кроме Советской, голос всей непокоренной земли Лужской.

У СТЕН РОДНОГО ГОРОДА

Воскресный день обещал быть веселым и радостным. Молодежь по предложению горкома комсомола устраивала коллективную вылазку в Булынинский лес.

Неожиданно к нам вышел секретарь горкома партии Михаил Петрович Ермолович. Всегда веселый, жизнерадостный, на этот раз он был чем-то озабочен. От него мы услышали страшное слово — война.

Секретарей комитетов комсомола Ермолович попросил зайти в кабинет и тут же стал отдавать распоряжения. Часть людей направил в помощь работникам горвоенкомата, часть, и меня в том числе, оставил дежурить в горкоме партии.

Дальше события развивались с какой-то неумолимой быстротой. Город Великие Луки бомбили уже на четвертый день войны. Первая бомба упала во двор нашей школы. Началась эвакуация промышленных предприятий. Третьего и четвертого июля вражеские самолеты произвели массированные налеты. Для устрашения населения фашистские летчики снижались до бреющего полета и включали дико воюющие сирены. Появились толпы беженцев. В конце второй декады июля в Великих Луках уже шли ожесточенные уличные бои.

Утром восемнадцатого июля я пришла на станцию Великополье, где в те дни размещался штаб армии. Командованию потребовалось срочно установить связь с действующим западнее Великих Лук 1-м кавалерийским партизанским отрядом. Решено было послать связного. Выбор пал на меня. Я обратилась к начальнику штаба, писавшему какое-то распоряжение партизанам:

— Товарищ командир, сделайте, пожалуйста, приписку.

Полковник удивленно поднял на меня утомленные глаза:

— Какую приписку?

Я растерялась и сбивчиво стала просить, чтобы полковник приказал меня оставить в отряде. Взгляд моего собеседника

потешел, и он что-то действительно приписал. Подавая мне пакет, сказал:

— В город не заходите — туда уже ворвались фашисты, проберитесь окраинами. Отряд ищите вблизи железной дороги. Передайте пакет, а дальше — как командир решит. Приказать ему вас оставить не могу, а рекомендацию написал.

Через несколько минут я была уже в дороге. В направлении Великих Лук тяжело ухали орудия. Когда подошла к городу, услышала частую винтовочную и пулеметную стрельбу. Было очень горько и обидно: родной дом рядом, но там уже хозяйничают враги.

Партизанский отряд я нашла в деревне, в которой он, по предположению армейских товарищей, и должен был находиться. Штаб его размещался в домике, стоявшем в отдалении у кустарника. Часовой меня не пропустил в помещение. На шум вышел комиссар отряда Петр Алексеевич Иванов и, услышав мою настойчивую просьбу увидеть командира, разрешил пропустить меня в дом. В комнате нам навстречу из-за стола поднялся широкоплечий, рослый, лет сорока мужчина в гимнастерке с португеей через плечо и строго спросил:

— Кто вы? Зачем пришли в отряд?

Я, назвав себя, подала пакет. Он быстро надорвал его и принялся читать мелкоисписанную бумагу. Когда дошел до приписки, сделанной по моей просьбе, задал вопрос:

— Стрелять-то хоть умеете?

— Так точно, — ответила я, как заправский красноармеец, — окончила осоавиахимовские курсы. Есть и оружие — пистолет.

— Ну, раз так — тогда оставайтесь. С дороги умойтесь, поешьте и на печку — дело к ночи идет.

Первое я сделать успела, а второе и третье пришлось отложить. Вбежал дозорный и доложил о приближении гитлеровцев. Мы выскочили из дома, и я вместе с бойцами отряда залегла у плетня крайней избы деревни. Фашисты шли беспорядочной толпой. В сумерках казалось, что их очень много. Когда они приблизились к нам почти вплотную, командир отряда приказал:

— Огонь!

Раздался дружный залп. Гитлеровцы, не ожидавшие такой встречи, метнулись в сторону. Многие из них остались лежать на дороге. Мы выскочили из засады и, стреляя на ходу, бросились им наперерез. Не зная наших сил, фашисты побежали.

Так я приняла боевое крещение и стала бойцом 1-го кавалерийского великолукского партизанского отряда. Создан он был

из активистов двух сельсоветов. Состоял из сорока бойцов, каждый третий боец был коммунистом. На вооружении отряд имел две тачанки, несколько пулеметов.

Командовал отрядом Андрей Дорофеевич Петров, до войны много лет работавший председателем Овсищского сельского Совета Великолукского района. Он участвовал в гражданской войне, в девятнадцать лет командовал эскадроном. Энергичный, волевой и смелый, Андрей Дорофеевич в первые же дни войны проявил себя хорошим командиром. Наш отряд умело взаимодействовал с 366-м полком Красной Армии. Командование 22-й армии представило Петрова к правительственной награде — ордену Красной Звезды.

Партизаны рассказали мне о двух боях, которые провел отряд накануне моего прихода. Узнав, что в деревню Тулубьево приехала большая группа фашистов и начала там грабить население, Петров поднял по тревоге бойцов. Галопом проскакав десять километров, партизаны-конники залегли в засаду. Разведав силы неприятеля, командир послал несколько бойцов к месту, где стояла машина оккупантов, а основными силами напал на самих грабителей. Ни один фашист не ушел живым. В этом бою особенно отличились партизаны-коммунисты Василий Андреев, Михаил Тихомиров и беспартийный колхозник Иван Акимович Цыпалев.

Другой бой был проведен совместно с конным взводом 366-го стрелкового полка. Красноармейцам и партизанам удалось разгромить большое подразделение вражеских войск, уничтожить при этом две автомашины, захватить два противотанковых орудия и штабные документы. Интересно, что один из документов касался нашего командира. Речь шла о награде за его голову, указывались в этой бумаге приметы, по которым можно было бы опознать Петрова.

Хорошо воевал наш командир, любили мы его. Андрей Дорофеевич дождал до светлого дня нашей победы. Но его сейчас нет среди нас. Он умер не так давно от тяжелой болезни.

В нашем отряде воевали и два сына Петрова — шестнадцатилетний Игорь и четырнадцатилетний Саша. Отчаянные были ребята — в отца. С их помощью нам удалось установить постоянное наблюдение за шоссе на дороге Великие Луки—Новоскольные. Занимались этим школьные товарищи братьев Петровых. Двухэтажное здание Тулубьевской школы стояло на горе. На чердаке его и несли юные разведчики свою боевую вахту.

Однажды Сашу, Игоря и Ваню Богданова отправили в деревню

Шеверено разведать, есть ли там фашисты. Не успели ребята дойти до деревни, как услышали рокот мотора. Саша забрался на дерево, осмотрелся. Видит: машина подошла к мосту через реку Удрай и остановилась. Из нее вылезли четверо гитлеровцев и с корзинами отправились в Шеверено. Поначалу юные партизаны хотели открыть огонь по грабителям, но, посоветовавшись, решили поступить иначе. Они переплыли речку, подползли к машине и прокололи шины. Затем Игорь сел на лошадь и кустарниками помчался в отряд, а Саша и Ваня спрятались возле дороги и стали наблюдать. Вскоре они увидели возвращавшихся гитлеровцев с награбленным у колхозников добром. Уже все было готово к отправке, и водитель хотел садиться за руль, как вдруг обнаружил, что машина выведена из строя. Пугливо озираясь по сторонам, фашисты бросили машину и побежали в деревню Альхомово, где была расположена их часть.

Через некоторое время мальчики заметили вдалеке на дороге танк. Видимо, он шел, чтобы взять машину на буксир.

«Нет, не бывать этому!» — решили ребята.

Саша пулей слетел с дерева и, найдя в кузове банку с бензином, поджег автомобиль. Когда подъехали гитлеровцы, на месте, где совсем недавно стояла машина, валялись куски обгорелого железа.

Через сутки после того, как я пришла в отряд Петрова, наши войска сумели выбить фашистов из Великих Лук. Тридцать три

Вера Ивановна КРАВЧЕНКО родилась в семье рабочего в городе Великие Луки. С этим старинным русским городом связана вся ее жизнь. Здесь, на берегах Ловати, она выросла, вступила в комсомол, начала работать.

Отсюда ушла в партизанский отряд. Стала разведчицей. Попала в госпиталь. После выздоровления служила в армии, в разведке, позднее — медицинской сестрой. На фронте Вера Ивановна стала членом партии.

В настоящее время Кравченко живет в родном городе. Работает, как и до войны, учительницей в школе.

дня после этого еще держался наш город. Великолучане сумели за этот срок вывезти ценное оборудование, эвакуировать значительную часть населения. Но в конце августа фашисты вновь захватили город, и через Великие Луки и Новосокольники пошли к Москве и Ленинграду эшелоны с живой силой и техникой врага.

Командование армии поставило перед местными партизанскими отрядами задачу — всячески срывать эти перевозки, наносить систематические удары по железнодорожным объектам. На долю нашего отряда в первой половине сентября достался разъезд Киселевичи, расположенный на Витебской железной дороге. На этом разъезде оккупанты держали значительный гарнизон, недалеко от полотна железной дороги находился крупный склад боеприпасов.

Для налета Петров выбрал ненастную, темную ночь. Шел дождь. Подъехали к Киселевичам и разделились на группы. Часть партизан под командованием Василия Андреева поползла с бутылками горючей смеси к стационарному помещению, другая — в сторону железнодорожного моста и склада. У самого здания на Андреева метнулись две тени. Он быстро отпрыгнул и выстрелил. Взвыла смертельно раненная сторожевая овчарка. Выстрелив по второй собаке, Андреев бросил в окна бутылки. Из здания выбежали несколько гитлеровцев, но они сразу же попали под губительный партизанский огонь.

Первая группа начала отходить, когда воздух расколол взрыв на насыпи железной дороги.

— Мост! — удовлетворенно крикнул Петров.

Все застыли в ожидании. Прошло минуты три-четыре, и вдруг высоко в небо, молнией прорезая темень, взлетел могучий столб огня. Затем раздался оглушительной силы удар.

— А вот и склад! Теперь можно уходить, — сказал командир.

Когда отряд был уже примерно в километре от догорающего разъезда, со стороны станции Насва послышались артиллерийские выстрелы. Снаряды рвались в Киселевичах.

— Это по кому же немцы лупят? — удивленно спрашивали партизаны.

— Как по кому? — смеялся Петров. — По нашему брату, — они, видать, решили, что мы будем головешки собирать от Киселевичей.

А выстрелы становились все чаще и чаще. Из каких соображений исходил начальник насвинского гарнизона — даже предположить трудно, но его пушки довершили разгром разъезда и на большой протяженности разбили полотно железной дороги.

В середине сентября наш отряд стоял в восемнадцати километрах от Великих Лук, в лесах Сидоровщинского сельсовета. Лагерь располагался у топкого болота. Поблизости, на горке, росло много лип, — вот и прозвали партизаны свой бивуак «Белая липа». Сидели мы однажды вечером у неяркого костра и слушали рассказ о том, как жена Петрова Марфа Ивановна вместе с Сашей пробралась на разведку в Великие Луки, да, опознанные предателем, еле спаслись. Неожиданно меня позвали к командиру.

— Ну как, дочка, соскучилась небось по дому? — спросил меня Андрей Дорофеевич.

— Ничего подобного, — запротестовала я, не поняв к чему клонит командир.

Петров хитровато улыбнулся:

— А вот комиссар говорит, что тебе очень хочется в городе побывать, в парке побродить, посмотреть, как там, что и где.

— Очень хочется, очень, — теперь уже обрадованно подтвердила я.

— Мы думаем, Вера, направить тебя в город, — сказал комиссар. — Поедешь под видом больной с верным человеком, а потом будешь выдавать себя за беженку, ищущую отца. Командованию срочно требуются данные о гарнизоне. Нужен разведчик, хорошо знающий Великие Луки. Необходимо также уточнить — это уже для нас — месторасположение лагеря военнопленных. — Комиссар помолчал, подумал о чем-то, потом посмотрел мне в глаза и продолжал уже тише и мягче: — Дело, сама понимаешь, опасное — на острие ножа ходить будешь. Зря не рискуй...

Остаток вечера я провела с командиром и комиссаром — разучивала легенду, с которой я должна была идти в родной город. Андрей Дорофеевич устраивал мне подробнейшие «допросы», придираясь к каждому ответу, заставляя одно и то же повторять снова и снова.

Шестнадцатое сентября. Никогда не забуду этот день... На востоке только-только заалела зорька, а Андрей Дорофеевич и Петр Алексеевич уже проверяли мою деревенскую «амуницию». Они попрощались со мной на опушке леса, пожелали удачи, и я зашагала к деревне Гороховье, где ждал меня проводник Николаев.

И вот мы едем. Дребезжит и скрипит плохо смазанная телега. Изредка попадаются путники, еще реже — подводы. Едем молча. Я полулежу на мешках с зерном. Смотрю на Николаева и думаю: «Нам, партизанам, что! И лес, и овраг укроют, и оружие в руках.

А ведь он безоружный в стаи врага пробирается. И не первый и не последний раз».

Патруль. Полузакрываю глаза и все равно вижу — стоят трое с автоматами... Рожки надменные. Приказывают остановиться. Николаев покорно, но подчеркнуто неторопливо достает документ. Смотрите дескать — вашего начальства печать.

— А эта? — Автоматом в мою сторону.

— Больная, сродственница, в больницу везу, — спокойно отвечает мой возница.

Пронесло!

Еще одна проверка, и мы в городе. Милый, родной город! Как изменился он за один месяц! На улицах не слышно детских голосов, смеха. Чужая лающая речь. Мы медленно движемся в сторону Летнего сада. Теперь нет здесь ни кленов, ни тополей. Все вырублено. А образовавшийся пустырь обнесен колючей проволокой. Вижу истощенных, истерзанных людей. Они в строю получают «еду» — несколько полусгнивших морковок. Это лагерь военнопленных.

Во дворе одного из домов на набережной лейтенанта Шмидта приемный пункт. Сдающих зерно — единицы. Немец-приемщик хвалит Николаева:

— Гут рожь, гут.

Николаев получает талон на выдачу соли, и мы отправляемся к Сеньковскому переезду. Здесь я расстаюсь с нашим верным помощником и иду дальше одна. Выхожу к фашистскому аэродрому. Насчитываю до десятка самолетов. Стоят в боевой готовности — значит, аэродром действующий. Оттуда в район Карцева,

где, как мне сказал Петров, видимо, находится вражеский штаб. По дороге на рыночной площади замечаю очень крупную колонну автомашин. По всему видно — расположились надолго.

Действую теперь смелее. Иду к своей школе. Зачем? Сама не знаю — просто потянуло. И это «просто» чуть не окончилось для меня трагически. У разбитого здания школы меня встретил некто Геруцкий, который знал, что я ушла в партизанский отряд. Он быстро вышел из-за угла на дорогу, где проходил в это время немецкий солдат, и, показывая в мою сторону, что-то быстро зашептал ему, а затем скрылся.

Бежать уже поздно. От сильного волнения у меня пошла кровь из носа. Стою, вытираю — пусть гитлеровец думает, что я скрываться не собираюсь. На мое счастье, солдат, очевидно, не понял, что рассказывал ему предатель. Но на всякий случай он быстро подбежал ко мне и стукнул в спину прикладом, что-то пробормотав по-своему. Я упала в канаву. Пролежав с минуту, пока гитлеровец не свернул на другую улицу, я бросилась к забору, пролезла под досками в сад, а оттуда выбралась к Ловати.

Была у меня в тот день и добрая встреча. На одной из улиц я чуть не столкнулась с работником типографии Егором Гавриловичем Колпаковым. Пожилой печатник, увидав меня в необычной одежде, понял, что это неспроста. Он сообщил мне много ценных сведений. Из короткого разговора с ним я узнала также, что он, Цветков, Гусев, Нечаев и Богданов устраиваются работать в немецкую типографию и что их нужно связать с кем-нибудь из наших командиров.

На город уже надвигались сумерки. Садами я добралась до заставы. Караулила с полчаса, пока часовой не отошел в сторону от колючей проволоки, затем быстро юркнула под нее, а там канавкой в поле. Знакомые с детства кусты, не раз я бегала сюда на лыжах. И наконец — лес. Я шла к нему, и мне казалось, что деревья протягивают навстречу ветки, как бы говоря: «Ну иди, иди быстрее, тебя здесь ждут!»

Было уже поздно, когда я появилась у партизанского костра. Выслушав мой рассказ, командир приказал построить отряд и тут же объявил мне благодарность. Но самой большой для меня наградой было увидеть лица родных людей, почувствовать себя свободным человеком.

На другой день наша авиация нанесла бомбовые удары по складу с горючим, аэродрому и скопленню машин на рыночной площади. А еще через несколько суток бойцы Шутенков и Иванов

пробрались в Великие Луки. Я была проводником до города. Они сделали проходы в проволочных ограждениях лагеря военнопленных. Часть заключенных бежала.

Спустя несколько дней вместе с Шутенковым и Ивановым я ходила в разведку к железной дороге. Мы должны были установить порядок движения поездов на участках Великие Луки—Невель и Великие Луки—Новосокольники. С этой целью мы проникли в расположение противника на станциях Чернозем и Воробецкая. По нашим данным летчики разбомбили эшелоны на этих станциях, повредили мост через реку Свирстицу.

Часто бывая в разведке в оккупированных поселках и деревнях, я видела страшные расправы немецко-фашистских захватчиков с мирным населением. Не изгладится из памяти, как бронепоезд гитлеровцев вел огонь по поселку Сенцово. После обстрела фашисты-факельщики подожгли уцелевшие дома. Погибло около ста человек, из них часть сгорела живьем.

В одной из спаленных врагом деревень мы нашли на пепелище единственную оставшуюся в живых жительницу — девочку Ниноу, лет шести-семи. Один из наших товарищей написал тогда стихотворение. Помню, оканчивалось оно словами:

Друзья, мы перед Ниною в ответе,
Пусть схватки будут злее и сильней.
Нет подвига прекраснее на свете,
Чем детям возратить их матерей!

В конце года отряд Петрова был переброшен в советский тыл. Меня же перевели в отряд Марсова, где я и встретила новый, тысяча девятьсот сорок второй год.

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Все, кто сражался в тылах фашистских армий группы «Север», знают, как расшифровать ЛШПД. Так в годы войны сокращенно назывался Ленинградский штаб партизанского движения.

Размещался он в небольшом трехэтажном особняке на улице Герцена. Мне довелось работать в одной из его оперативных групп.

Ленинградский штаб партизанского движения был создан в сентябре сорок первого года для военно-оперативного руководства боевой деятельностью партизанских отрядов. Подчинялся он непосредственно обкому партии. В состав штаба были введены начальник областного управления НКВД П. А. Кубаткин, начальник разведотдела Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев и заведующий военным отделом Ленинградского обкома М. Ф. Алексеев. Начальником штаба был назначен секретарь Ленинградского обкома партии М. Н. Никитин.

Михаил Никитич Никитин, высокообразованный, энергичный человек, сыграл выдающуюся роль в организации народной войны в тылах фашистских армий, осаждавших Ленинград.

Сын питерского рабочего, он с пятнадцати лет начал работать на Путиловском заводе. После революции Михаил Никитич участвовал в организации комсомола, а затем возглавлял профсоюзную организацию завода «Знамя труда». В двадцать пятом году Никитин стал членом Коммунистической партии. После окончания экономического отделения Института красной профессуры Михаил Никитич работал в аппарате Ленинградского обкома — инструктором отдела пропаганды и агитации, заведующим отделом пропаганды, затем секретарем областного комитета.

Никитин хорошо знал партийный актив города и области. Знали и его коммунисты, уважали за чуткое отношение к людям, партийную принципиальность и неиссякаемую энергию.

Начальником оперативного отдела штаба был назначен

М. Ф. Алексеев, его помощником — кадровый командир Красной Армии В. В. Антаненко. Отдел занимался переброской отрядов через линию фронта, разработкой для них боевых заданий, осуществлял военно-оперативное руководство боевой деятельностью партизан.

Во главе разведывательного отдела был поставлен подполковник Е. Н. Атрощенко. Опытный разведчик, Евсей Никитич и его помощник П. И. Вагин давали задания партизанским отрядам по разведке вражеских гарнизонов, аэродромов, военных баз и складов. Отдел изучал деятельность оккупационной администрации и положение в тылу гитлеровской армии. Каждый день с военной точностью разведчики наносили на карту полученные данные, составляли справки и донесения Военному совету фронта.

При штабе был создан также и отдел связи. Начальником его назначили подполковника А. М. Шатунова. Радисты отдела связи круглосуточно ловили сообщения командиров партизанских отрядов и руководителей подпольных организаций. Определяя место отделов в системе штаба, М. Н. Никитин говорил:

— Разведотдел и отдел связи — это наши глаза и уши.

Умело подбирали кадры для командного состава партизанских формирований П. Г. Матвеев, бывший инструктор военного отдела обкома, и Борис Газа, сын известного революционера Ивана Газа. И не их вина в том, что среди тех, кого они подбирали для посылки во вражеский тыл, лишь немногие имели опыт подпольной работы и партизанской деятельности.

Снабжением партизан оружием, боеприпасами, одеждой, обувью, продовольствием и медикаментами занимались сотрудники отдела материально-технического обеспечения. Начальником его был назначен председатель областного совета физкультуры и спорта А. Ф. Михайлов, помощником по парашютно-десантной службе — кадровый военный Г. А. Талярчик. В условиях блокированного Ленинграда Михайлов сумел создать большую материальную базу, где было все необходимое для вооружения и снабжения целых партизанских соединений. Вооружение, снаряжение и боеприпасы отдел получал на базах фронтов, хлеб, мясо и другие продукты, а также одежду и обувь приобретал далеко за пределами Ленинградской области. С этой целью представители штаба выезжали в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан и другие районы страны. Там они рассказывали трудящимся о героической борьбе ленинградских партизан и обращались с просьбой о помощи. И советские люди помогали народным мстителям.

Г. А. Талярчик быстро создал парашютно-десантную службу штаба. Он сам тренировал парашютистов. За годы войны штаб отправил в тыл противника самолетами тысячи партизан и подпольщиков.

Особое место в штабе занимал отдел по руководству работой партийно-комсомольского подполья. Этим отделом руководил М. А. Старшинов. До войны Михаил Алексеевич заведовал сектором партийных кадров Ленинградского обкома партии. Он хорошо знал актив и характер партийной работы. Вместе со своей помощницей по комсомолу А. П. Шапошниковой Старшинов подбирал людей для работы в подпольных организациях, обеспечивал партизан и подпольщиков газетами и листовками, собирал информацию о положении советских людей в тылу вражеской армии.

Особенно напряженно работал штаб весной и летом сорок второго года. Тогда принимались активные меры по укреплению подпольных партийных организаций и партизанских отрядов.

В Боровичах, Малой Вишере и Валдае, куда собирались вышедшие из вражеского тыла остатки разбитых партизанских отрядов, формировались новые отряды, батальоны, бригады. Перед отправкой в тыл в Ленинграде на улице Герцена и на

Панкратий Романович ШЕВЕРДАЛКИН родился в 1906 году в бедной крестьянской семье. В 1933 году окончил Ленинградский институт политпросвещения имени Крупской. Работал лектором Ленинградского обкома КПСС.

В первые дни войны Шеевдалкин — уполномоченный Ленинградского обкома по организации партийного подполья в тылу вражеской армии, затем работник оперативной группы Ленинградского штаба партизанского движения.

После войны Панкратий Романович был на партийно-советской работе. С 1953 года работает в Ленинградском государственном университете. Он доктор исторических наук.

областной партизанской базе на улице Декабристов Никитин, Алексеев и Матвеев беседовали с партийными вожаками партизан Ф. И. Сазановым, А. Н. Буховым, И. Д. Дмитриевым, В. К. Красотиным, В. Ф. Ожиговым, Г. И. Мосиным, И. Н. Гавриловым, В. А. Разыграевым и другими. В результате этих обсуждений отшлифовывалась партизанская тактика, совершенствовалось руководство партийным подпольем.

Вместо разгромленных фашистами райкомов создавались новые. В Малой Вишере на базе оперативной группы А. А. Гузеев и я формировали Тосненскую, Лужскую, Оредежскую, Новгородскую, Батецкую и другие районные и межрайонные партийные группы. Такую же работу проводили В. П. Гордин и Н. И. Поликарпов в Валдае.

За зиму и весну было сформировано, подготовлено и перебросено в тыл вражеской армии более трех десятков районных и межрайонных партийных групп, заменивших подпольные райкомы партии. На базах штаба и оперативных групп было создано и переправлено в тыл противника более сотни партизанских отрядов и групп, пять батальонов и три бригады.

Осенью нашему партизанскому штабу передали полк гражданского воздушного флота. С этого времени ленинградские партизаны получали в большом количестве боеприпасы, за линию фронта теперь оперативно переправлялись целые отряды. Только за полтора года — с августа сорок второго по декабрь сорок третьего года — по заданию оперативной группы Северо-Западного фронта летчики перебросили в тыл противника десятки тонн боевого груза и вывезли около тысячи трехсот раненых и больных партизан.

В начале сорок третьего года областной комитет партии заслушал сообщение М. Н. Никитина о работе партийных организаций на оккупированной территории, поручил штабу усилить партийно-политическую и военно-организаторскую работу среди партизан и населения, приступить к созданию межрайонных партийных центров.

Первыми за линию фронта переправились члены Псковского подпольного центра под руководством секретаря Псковского горкома В. Ф. Михайлова и секретаря райкома В. А. Акатова. Затем самолетами были заброшены в тыл Гдовский, Лужский, Кингисеппский, Новгородский и другие подпольные центры. Межрайонные центры сыграли большую роль в развитии партизанского движения, которое осенью во многих районах области перерастало во всенародную вооруженную борьбу.

В середине сентября секретарь Уторгошского райкома партии Г. А. Рябков сообщил М. Н. Никитину, что в районе деятельности 5-й партизанской бригады, между Новгородом и Лугой, начинается вооруженное восстание. Узнав об этом, А. А. Жданов предложил

подготовить обращение к населению оккупированных районов области. Двадцать четвертого сентября такое обращение в виде листовки было отправлено во все оккупированные районы области. В воззвании говорилось об успешном наступлении Советской Армии. Обком призывал советских людей уничтожать вражеские гарнизоны и органы оккупационной администрации, восстанавливать повсеместно Советскую власть. В тылу вражеской армии образовывались все новые и новые партизанские отряды. Им не хватало командиров, радистов, медицинских работников. Плохо было и с вооружением.

Работники штаба Матвеев, Газа, начальники оперативных групп Тужиков и Гузеев заранее подобрали добровольцев в войсковых частях, в учреждениях и на предприятиях. Эти люди прошли специальную подготовку. Партизанские летчики перебросили тогда во вражеский тыл сто тридцать пять командиров и комиссаров отрядов, двести шестнадцать командиров диверсионных групп, около двух тысяч подрывников и разведчиков, двести восемь радистов, восемьдесят медицинских работников. Партизаны получили более семи тысяч автоматов, более двух тысяч пулеметов, минометов, противотанковых ружей, свыше ста двадцати тонн взрывчатки.

Когда началось наступление советских войск под Ленинградом, по предложению Никитина были созданы военно-партизан-

ские советы. В них входили представители штаба Е. Н. Атрошенко, А. А. Тужиков, А. А. Гузев, командиры бригад Н. А. Рачков, И. Г. Светлов, К. Д. Карицкий, В. П. Объедков, а также представители командования Ленинградского, Волховского и Прибалтийского фронтов. Советы координировали боевую деятельность наступающих частей Советской Армии и партизан. На этом этапе битвы за Ленинград партизанское движение было особенно организованным, целенаправленным и высокоэффективным.

В дни, когда решалась судьба народов Прибалтики и Карелии, ленинградские партизаны оказали братскую помощь своим эстонским, латвийским и карельским товарищам. В феврале и марте сорок четвертого года штаб сформировал и переправил в Эстонию партизанские бригады под командованием А. Ф. Филиппова, Д. А. Макарова, Ф. С. Янгирова и несколько отдельных отрядов и боевых групп. В Карелию был направлен сводный отряд «Ленинградец» под командованием Н. И. Иванова и М. С. Ильина.

Мужественно, самоотверженно сражались с врагом партизаны и подпольщики. Все, что было связано с их героической борьбой — боевые донесения, газеты и листовки, дневники и записные книжки, фотографии и зарисовки, — тщательно собиралось и хранилось в штабе, как ценнейшие реликвии.

Запомнились нам всем слова Никитина:

— Ну вот, товарищи, и окончилась партизанская война в Ленинградской области. Много жертв стоила она нам. Партизаны, оставшиеся в живых, ушли на фронт, руководители партизанского движения приступили к восстановлению разрушенного фашистами народного хозяйства области. Скоро будет расформирован и наш штаб. Все его хозяйство и документация поступят в распоряжение советских и партийных органов. Вы своими глазами видели, в каких трудных условиях развертывались партизанское движение и подпольная партийная работа. Знаете людей, которые, не страшась опасности, презирая смерть, шли на выполнение боевых заданий. Вот обо всем об этом и нужно рассказать людям.

Через несколько дней после этого разговора Ленинградский штаб партизанского движения был расформирован.

НЕПОКОРЕННАЯ ГДОВЩИНА

ОБОРОНА ГОРОДА

Гдов еще в июне был объявлен на военном положении. Вскоре поступило сообщение, что бои идут уже за Псков. Возникла непосредственная угроза и для нашего города. Была создана эвакуационная тройка во главе с председателем райисполкома И. Н. Гавриловым. Членами тройки стали третий секретарь райкома партии М. С. Алексеев и начальник районного отделения милиции П. С. Сохин. В один из первых июльских дней первый секретарь райкома партии Товий Яковлевич Печатников сообщил нам (я тогда работал заведующим отделом пропаганды и агитации райкома), что получен приказ о строительстве противотанковых рвов южнее города. Их необходимо было построить за десять—пятнадцать дней. По призыву райкома на работы вышло все население Гдова и южной части района — более десяти тысяч человек.

Одновременно велась эвакуация населения из города. Со станции ежедневно уходило на Ленинград несколько эшелонов с людьми и ценным имуществом. Всего было отправлено около шестидесяти эшелонов. Во второй декаде июля в городе остались районные и партийные советские организации и созданный нами истребительный батальон. Командиром его был назначен П. В. Сохин, комиссаром — заведующий военным отделом райкома партии И. И. Кошелев. В истребительном батальоне насчитывалось около ста пятидесяти человек. Это были главным образом люди уже непризывного возраста, а также комсомольцы — ученики средней школы и техникумов.

После падения Пскова в Гдов на машинах приехали многие работники Псковского горкома партии и горисполкома, Середкинского и Полновского райкомов и райисполкомов, а также бойцы

истребительных батальонов поселков Середки и Полны. Вскоре город заполнили красноармейцы. Прибыло и подкрепление из Ленинграда: два истребительных полка, сформированные из слушателей военных школ, рабочих Кировского завода, пограничников и студентов.

Двенадцатого июля сорок первого года начались бои за Гдов. В этот грозный час райком партии превратился в подлинный штаб обороны города. По настоянию Печатникова 118-я дивизия (она отступала в составе двух пехотных полков и одного артиллерийского) заняла рубежи вокруг города. Бойцы нашего истребительного отряда окопались вдоль шоссе, идущего из Гдова, около деревни Мазиха.

На Гдов наступали две немецкие дивизии с юга и одна с востока, от Черневской спичечной фабрики. Фашисты не ожидали столь яростного сопротивления, думали с ходу овладеть Гдовом. Ожесточенные бои за Гдов продолжались четыре дня. Прилегающие к городу деревни переходили из рук в руки. В сражении за деревни Сельцы, Великие Луки, Гривы и Брагино погибло много бойцов истребительных батальонов и воинов 118-й дивизии, но и гитлеровцы понесли большой урон.

В дни обороны новыми гранями засверкал организаторский талант Товия Яковлевича Печатникова. Был наш секретарь вездесущим: то его видели в штабе генерала Гловацкого, то беседующим с бойцами-ленинградцами. Работа в райкоме не прекращалась ни на один час. Все вопросы решались оперативно.

Шестнадцатого июля противник подошел к Гдову вплотную. Телефонная и телеграфная связь с Ленинградом была нарушена. В пять часов вечера в райком партии к Печатникову явились два представителя — от Северо-Западного фронта и от Ленинградского обкома партии. Они ознакомили его с директивой, обязывающей всех коммунистов района во главе с райкомом партии в случае оккупации района остаться на его территории для организации и развертывания партизанского движения.

Из Гдова на Ленинград уходили последние эшелоны с ранеными и имуществом железнодорожной станции. Командование дивизии отдало приказ об отводе войск к городу Сланцы. К семи часам вечера весь партийно-советский актив собрался около райкома партии и, погрузив на грузовые машины оружие, боеприпасы, несколько ящиков консервов, мятных пряников и конфет, выехал в том же направлении. Около полуночи мы добрались до Волчьестровской лесной дачи, расположенной недалеко от границы с Эстонской ССР.

А красноармейцы продолжали сражаться за Гдов до утра. Основные силы дивизии под прикрытием ночи отступили. Часть ее попала в окружение и пробивалась сквозь губительный огонь. Немецкая артиллерия подожгла город. Тушить пожар было некому...

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Где-то на севере ухали пушки. В небе гудели фашистские самолеты. А на лесной поляне, где мы собрались ранним утром семнадцатого июля, было по-мирному уютно и солнечно. «Лесное» заседание бюро райкома партии было коротким — решался один вопрос: о создании партизанского отряда. Командиром отряда бюро утвердило В. А. Пашкина, комиссаром — Т. Я. Печатникова.

Началась партизанская жизнь. Было нас в отряде сорок два человека. Не всем удалось сразу приспособиться к условиям партизанского быта. Питались мы первые дни теми продуктами, которые успели захватить перед отправкой в лес. Суп варили из консервированной свинины с вермишелью, закусывали сладкими пряниками. Конфеты экономили. Соли не было.

И действовали вначале робко. Уничтожали одиночные вражеские машины и переправляли бойцов и командиров окруженной

Великая Отечественная война застала Владимира Семеновича ЗАЙЦЕВА в городе Гдове. Работал он в Гдовском РК ВКП(б). В июле 1941 года ушел в партизаны. Народными мстителями стала вся его семья: отец, мать и два брата. Отец Зайцева — Семен Матвеевич Зайцев, участник Октябрьских боев в Москве и гражданской войны, — был схвачен гитлеровцами и повешен в октябре 1941 года.

С марта 1943 года Владимир Семенович — на партийной работе. Затем учится в Высшей партийной школе и в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В настоящее время Зайцев живет в Москве, работает в аппарате ЦК КПСС. Он доктор исторических наук.

в Эстонии 8-й армии через линию фронта. Довольно быстро нам удалось установить связи с колхозами, расположенными на побережье Чудского озера. Но заготавливать продовольствие в колхозах было трудно. В деревнях стояли фашистские гарнизоны. Нередко свинью или овцу, выделенную крестьянами партизанам, приходилось брать ночью с боем.

В первые же дни существования отряда командование направило в Ленинград трех бойцов. Эта группа, перейдя линию фронта, добралась в конце июля до Ленинграда. Получив в Смольном директивы для подпольного райкома, наши посланцы благополучно вернулись обратно. Они принесли с собой газеты, которыми мы были несказанно рады.

Вскоре стало известно, что на территории района действует еще один партизанский отряд, образованный из уцелевших бойцов Гдовского истребительного батальона, которым командовал И. И. Кошелев; комиссаром отряда стал прокурор района М. Ф. Ополченный. Отряд расположился за рекой Плюссой, в лесах у деревень Шепец и Каменка, и совершал выходы в сторону Гдова, на шоссе Чернево—Гдов. Партизаны разрушили и сожгли несколько мостов, уничтожили четыре немецкие автомашины.

Когда установилась связь между отрядами, по предложению Печатникова была создана сводная группа. Вскоре она провела операцию у деревни Смередье, куда на двух грузовых и одной легковой машинах приехали оккупанты за скотом. Пока мародеры забивали скот и погружали туши на машины, партизаны устроили на дороге засаду. Им удалось поджечь впереди идущую машину.

Остальные остановились. Фашисты бросили машины. Отстреливаясь, они стали отходить, но уцелели немногие.

Подавляющее большинство сельского населения Гдовского района не сумело эвакуироваться. Путь тем, кто пытался это сделать, преградили двигавшиеся с востока к Гдову фашистские войска. Колхозники провели одну-две недели в лесах, а затем вернулись в свои деревни и продолжали жить по-колхозному. В двадцатых числах августа бюро подпольного райкома партии решило передать во все деревни директиву, рекомендовавшую распустить временно колхозы, распределить весь общественный скот, лошадей, инвентарь и собранный урожай между колхозниками под сохранные расписки, наделить скотом, лошадьми и инвентарем в первую очередь семьи воинов, призванных в Красную Армию. Сохранные документы о распределенном колхозном имуществе тщательно прятать от врага.

Крестьяне верно поняли смысл директивы и довольно быстро начали ее выполнять.

В некоторых колхозах, расположенных по реке Плюссе, сразу же после оккупации района возникли группы самообороны. Они были небольшие. Так, например, группа Черневской спичечной фабрики состояла из шестнадцати человек, щепецкая группа колхозников артели «Новый труд» насчитывала тринадцать человек. Решено было считать все эти группы партизанскими, а их командирам дали указание действовать под руководством Кошелева и Пашкина.

Колхозным партизанским группам поручили нести дозорную службу на реке Плюссе и в случае переправы фашистов через реку оказывать им сопротивление. Связные (обычно ими были школьники) уведомляли обо всем происходящем командование партизанских отрядов. Они же днем наблюдали за противником, а вооруженные колхозники в это время работали в поле.

В первой половине сентября Печатников предложил организовать комсомольско-молодежный партизанский отряд. Вскоре он был создан. Командиром его стал А. Ф. Кравчук, я — комиссаром. Отряд расположился у деревни Луговец.

С перебазированием отряда Пашкина—Печатникова за реку Плюссу все правобережье Плюссы от спичечной фабрики в Черневе до села Вейно превратилось в партизанскую зону. Называли этот район по-разному — кто партизанским краем, кто партизанской стороной. Была установлена связь с отрядами Сланцевского, Лядского и Полновского районов.

В отряде Кошелева—Ополченного находился редактор районной газеты В. Сажин и несколько наборщиков. В августе Сажин выпустил первый номер районной газеты «Гдовский колхозник». Газета выходила тиражом в несколько сот экземпляров и быстро распространялась среди населения.

В этом же отряде был и секретарь Гдовского райкома комсомола Ваня Никитин. Он вырос в районе, его любила гдовская молодежь. Это был энергичный, жизнерадостный и смелый человек. В отряде Никитин создал молодежную истребительную группу, в которую входили комсомольцы Ваня Прокофьев — учитель истории Гдовской средней школы, Яша Малков — курсант Ленинградского артиллерийского училища, Саша Гордеев, Толя Власов, Толя Писуков и Леня Зайцев — ученики Гдовской средней школы. На боевые операции с этой группой иногда ходила Анна Акинфова — учительница Ульдигской школы. Ее в отряде звали просто Анкой.

Ваня Никитин часто навещал комсомольцев, проживавших в оккупированных деревнях. Некоторые из них вступили в наш комсомольско-молодежный отряд. Другие, чаще всего девушки, стали собирать и передавать нам разведывательные данные.

Случилось так, что Ваня Никитин первым из партизан отряда Кошелева пал в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Это было в августе сорок первого года. Группа партизан под его командованием возвращалась от Гдова с боевого задания. При переправе вброд через реку Плюссу партизаны попали в засаду. Никитин, приняв на себя огонь фашистов, дал возможность товарищам отползти в овраг. В этом бою Ваня погиб. Гитлеровцы намеревались захватить труп отважного командира, но партизаны из укрытия открыли по ним огонь. Вновь разгорелся бой. Он продолжался около часа. На помощь подоспели партизаны из Щепецкой группы, а затем и из отряда Кошелева. Фашисты вынуждены были отступить.

Ваню Никитина похоронили с воинскими почестями на кладбище у деревни Щепец. Восьмого апреля сорок второго года Указом Президиума Верховного Совета СССР секретарю Гдовского райкома комсомола Никитину Ивану Никитичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

После гибели Никитина руководство комсомольцами в партизанской зоне принял на себя Иван Зимарев — секретарь комсомольской ячейки щепецкого колхоза «Новый труд». Болезнь не позволяла ему быть в партизанском отряде. Вокруг Зимарева образовалась комсомольская группа, в которую входили Майя Агапова, Люба Чернова, Валя Петрова, Зина Березина, Петя Зимарев. Они были из разных деревень. По заданию Ивана Зимарева комсомолки проникали в Гдов и добывали для нас ценные сведения, доставали медикаменты.

БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ

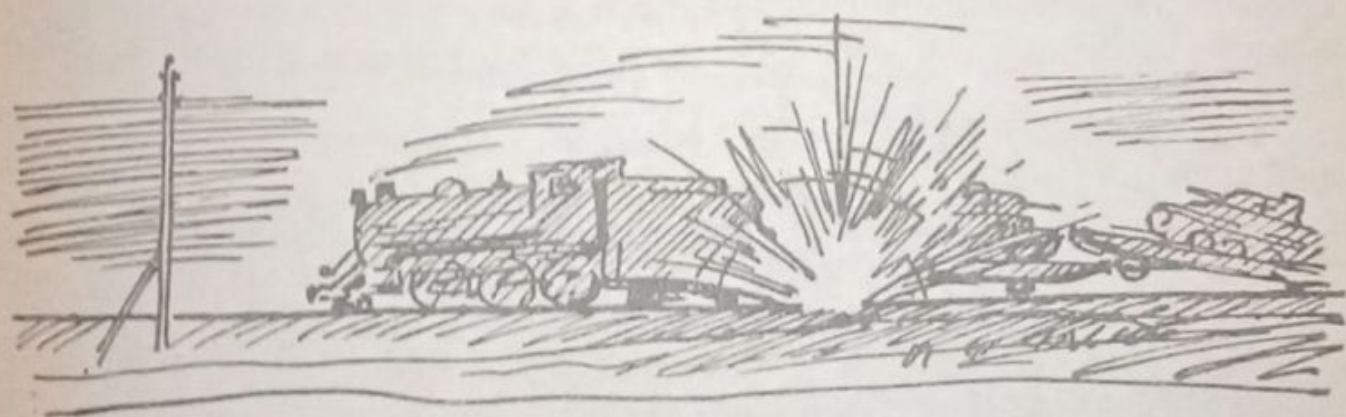
Однажды группа бойцов из отряда Пашкина—Печатникова зашла в деревню Большие Рожки. Деревенские мальчишки рассказали, что, когда части Красной Армии отступали к Ленинграду, шофер одной машины разгрузил за деревней в лесочке какие-то небольшие желтоватые кирпичики, как мыло, и железные коробки. Партизаны попросили показать. Оказалось, что кирпичики — это взрывчатка, а железные коробки — противотан-

ковые мины. Припрятали ребята и много медных трубочек. Это были капсулы к противотанковым минам. Так гдовские партизаны неожиданно-негаданно получили около трех тонн взрывчатки и сотни противотанковых мин.

Шло время. Отряды наши накапливали опыт. Вначале мы, бывало, сидели день-два в засаде, ждали появления фашистов на автомашинах, мотоциклетах или велосипедах. Осенью, когда гитлеровцы вдоль шоссежных дорог, идущих к Ленинграду, наладили телефонную связь, мы научились «вызывать» их по телефону. Особенно удачной такая операция была у села Вейно. В ней участвовали все партизанские отряды и Щенецкая группа. Последняя была придана нашему молодежному отряду.

Днем на дороге между Губино и Вейно мы оборвали провода и устроили засаду. Через некоторое время к месту обрыва прибыл восстановительный отряд. Когда фашисты приступили к ремонту линии, партизаны открыли по ним с трех сторон огонь. Часть гитлеровцев залегла и стала отстреливаться, другие обратились в бегство. Но путь отступления им отрезал отряд Пашкина—Печатникова. Оккупанты были полностью уничтожены. Нам достались богатые трофеи — ручные пулеметы, винтовки, гранаты. Потерь отряды не понесли.

Большой неожиданностью для нас было открытие движения на железной дороге Псков—Гдов—Сланцы. Фашисты исполь-

зовали ее для переброски через Гдов к Ленинграду своих войск и боеприпасов.

Как вести диверсионную борьбу на железных дорогах, мы не знали. Решено было испытать противотанковые мины. Но как ставить их? Будут ли они действовать на железнодорожном полотне? Все это волновало партизан.

Первой испытала действие противотанковых мин на железной дороге диверсионная группа Печатникова, в которую вошли М. Алексеев, М. Кулаков, Н. Новожилов и я. Шестого сентября, взяв с собой двадцать килограммов тола, противотанковую мину и капсули, мы направились к Гдову, к деревне Барваровщина. Целый день наблюдали за движением, изучали местность. Крестьяне рассказали нам, что дорога усиленно охраняется, особенно утром, перед началом движения поездов.

Наступила ночь. Она была лунная, но пасмурная. Выйдя на железнодорожную насыпь, мы нашли на ее изгибе стык между рельсами. Расстелили палатку, чтобы не оставлять после себя следов. Сделанной днем деревянной лопатой вырыли яму и положили в нее взрывчатку, а сверху противотанковую мину. Весь выбранный песок из ямы убрали в мешки и высыпали его в кусты.

Ночью движения на железной дороге не было. Ждать пришлось до утра. На рассвете прошли, переговариваясь, обходчики. Вслед за ними дрезина. Стало совсем светло. Крутом стояла тишина. Вдруг послышался стук колес поезда. С опушки леса, где мы находились, через полянку была видна насыпь. Мину ставили ночью, и место точно никто не заметил. Всем показалось, что поезд уже прошел то место, где поставлена мина. И вдруг раздался оглушительный взрыв. Над железнодорожной насыпью в воздух поднялся паровоз, затем он перевернулся и рухнул под откос. С треском полетели вагоны. Спустя несколько минут уцелевшие и пришедшие в себя фашисты открыли беспорядочную стрельбу.

Возвращение наше было нелегким. Немецкое командование выслало на место крушения роту солдат. Одновременно, зная, что подрывники могли прийти только из партизанской зоны, отряд вражеских велосипедистов отправился на перехват на дорогу Гдов—Чернево. Но мы довольно благополучно добрались до реки Плюссы, где нас ожидали перевозчики из Щенецкой партизанской группы.

С этого дня в течение всего сентября деятельность всех партизанских отрядов была сосредоточена на диверсиях на железной дороге. Севернее и южнее Гдова на железнодорожном полотне почти ежедневно ставились мины. В результате нам удалось уничтожить двенадцать вражеских эшелонов. Гдовские партизаны обучили подрывному делу партизан Сланцевского района, которые вскоре пустили под откос три эшелона противника.

Так был выведен из строя весь подвижной железнодорожный

состав, захваченный гитлеровцами во время наступления. Им пришлось перешивать колею, приспособивать ее под свои паровозы. Движение по железной дороге возобновилось только на следующий год, весной сорок второго.

Дерзкие диверсии гдовских партизан вызвали ярость немецко-фашистских захватчиков. Против нас был брошен полк, снятый с фронта. В середине октября каратели предприняли в нескольких пунктах переправу через реку Плюссу в районе от Чернева до Добруч. Первыми вступили в бой с ними партизанские группы Щепца, Чернева, Котениц, Кежова и Ужова.

Переправившись через Плюссу, фашисты повели наступление на партизанскую зону. Отряд Кошелева после ожесточенной схватки с карателями отступил к деревне Луговец. Сюда же отошли и все остальные отряды и группы. В общей сложности наш сводный отряд насчитывал около двухсот штыков. Мы расположились отрядами в лесу между деревнями Луговец, Красно и Черно. Каратели заняли все деревни вокруг леса.

Утром двадцать седьмого октября начался бой. Был он очень тяжелым и продолжался весь день. Вечером собралось бюро райкома партии и командование трех отрядов.

Решили на время рассредоточиться. Отряд Пашкина отошел в леса Сланцевского района, к деревне Завастье. Отряды Кошелева и Кравчука, пробившись сквозь кольцо окружения, перебазируются в леса около деревни Гверстка, расположенной недалеко от сожженной фашистами спичечной фабрики в Черневе.

Каратели продолжали нас теснить. Связь между отрядами была нарушена, наши зимние продовольственные базы захвачены.

В начале ноября в районе деревни Завастье члены бюро райкома партии обсудили вопрос о дальнейшей деятельности партизанских отрядов. Некоторые, в особенности Печатников, настаивали на продолжении борьбы в районе. Другие предложили вывести партизанские отряды через линию фронта. Вопрос решено было обсудить на открытом партийном собрании отрядов. На собрании большинство партизан высказалось за переход линии фронта. Бюро райкома партии вновь рассмотрело вопрос и решило, что часть членов райкома партии и районного партийного актива обязана остаться в районе. Всем остающимся в районе партизанам разрешалось по их усмотрению разбиться на группы. Желаящих идти через линию фронта решено было вывести организованно. Возглавили отряд В. А. Пашкин и

И. Н. Гаврилов. Первого ноября отряд под их командованием вышел из деревни Завастье к линии фронта.

В районе остались секретари райкома Печатников, Демин и Алексеев, заведующий райземотделом Павлов.

ТРУДНАЯ ЗИМА

В ночь с седьмого на восьмое ноября Кравчук и я скрытно пробрались в деревню Щепец. Зашли в дом колхозницы Шкаликовой — жены командира Щепецкой партизанской группы. Она сообщила, что из партизан в деревне остались М. И. Агапов, А. И. Агапова и моя мать Е. В. Зайцева. Встречаться с ними не советовала. Мы попросили ее найти Ваню Зимарева. Встреча была радостной и в то же время печальной — осталось нас немного. Ваня сообщил, что по дорогам и деревням днем и ночью рыскают каратели. Агапов живет в землянке на Ореховом острове, расположенном километрах в пяти от Щепца, за лесом в болоте. Этот остров мог бы служить зимней базой для подпольной группы. Зимарев обещал разведать, где находится группа Печатникова.

Мы перебрались на мельницу за деревней Каменка. Пробыли там целую неделю. Один раз туда заехали гитлеровцы, но обыска не устраивали. Томительно тянулось время. Кравчук, человек по натуре горячий, не раз порывался уйти.

Наконец на мельницу пришла комсомолка Майя Агапова. Она рассказала, что на днях карательный полк фашистов снялся и на машинах направился к Гдову. Осталась только комендатура в Черневе с небольшим гарнизоном. Передвижение между деревнями стало менее опасным и можно перебираться на Ореховый остров. Мы не замедлили туда отправиться. Жильем нашим стала сравнительно благоустроенная землянка человек на десять, с нарами и печкой. Ночью Агапов ушел в Щепец. Дня через два, вернувшись к утру, он порадовал нас: девятнадцатого ноября увидимся с Печатниковым в деревне Луговец.

В точно назначенный день в натопленной специально для партизан риге Кравчук и я встретились с Печатниковым, Деминным, Алексеевым, Павловым и Кóшевым. После последнего боя с фашистами прошел почти месяц. Все заметно изменилось за это время, отпустили бороды и усы. У Товия Яковлевича борода была густая, вьющаяся, лопаткой. Одеты все по-зимнему: в ватных брюках, фуфайках, полушубках, шапках-ушанках, в трехпалых

теплых перчатках. Принесли зимнее обмундирование и нам. Оно пришлось весьма кстати. Теплое обмундирование подготовили партизанам крестьянки деревни Луговец.

Так в деревне в полном составе собрались все оставшиеся в районе члены Гдовского райкома партии: три секретаря — Т. Я. Печатников, М. М. Демин, М. С. Алексеев, два заведующих отделами райкома партии: оргинструкторским — А. М. Кравчук и отделом пропаганды и агитации — В. С. Зайцев, а также заведующий райземотделом райисполкома К. Ф. Павлов и председатель колхоза «Застрельщик» Я. М. Кошев. До поздней ночи вокруг маленькой коптилки заседал райком партии. Обсуждались сложившаяся в районе обстановка и дальнейший план действий. Все члены группы высказались за то, чтобы остаться в районе. Решили сосредоточить главное внимание на проведении разъяснительной работы среди населения и организации саботажа мероприятий оккупационных властей. Оставшуюся в районе группу партийно-советских работников стали именовать Гдовским подпольным районным партийным центром. Ее возглавил первый секретарь Т. Я. Печатников.

В конце ноября районный партийный центр перебазировался на Ореховый остров. Мы побывали в деревнях, установили связи с населением. Демин разработал целую систему мер, обеспечивающих безопасность нашего передвижения. Подобрал среди населения доверенных людей, которые сигнализировали об опасности. Такими доверенными были: в Щепце — Зимарев, в Луговце — Хомяков, в Завастье — Богданов. Иван Зимарев, например, жил в бывшем помещичьем доме на втором этаже. Свет лампы из его окна обычно был виден далеко в поле. Договорились, что, если в деревне спокойно, свет будет гореть до полуночи, если опасно — света не будет.

Алексеев сумел за короткий срок установить связь со всеми существующими в районе нелегальными группами. Таких групп оказалось несколько. В лесу у деревни Черно действовала группа военнослужащих в составе шести человек во главе с воентехником Богдановым. У деревни Кежово действовала группа Самойлова, в которую входили комсомольцы А. Писуков и А. Дубов. По согласованию с районным партийным центром группа Богданова уничтожила нескольких предателей.

В декабре сорок первого года немецкие комендатуры стали вызывать все взрослое население на регистрацию. На паспортах советских граждан ставилась печать и делалась надпись на немецком языке. Некоторые жители Заплюссы, подозреваемые

фашистами в связях с партизанами, с регистрации не вернулись. Надо было по возможности обезопасить людей. И тогда по заданию Кравчука комсомольцы группы Зимарева научились ставить печать и делать паспортную отметку. Особенно искусно эту работу выполняли Майя Агапова и Люба Чернова. Надобность в явке в немецкие комендатуры отпала. Благодаря этому удалось спасти от гибели и угона в Германию многих людей. Зимарев, кроме того, налаживал обмен паспортов у беженцев, собирал паспорта умерших.

Я отвечал за агитационно-пропагандистскую работу. Радиоприемника мы не имели. Сведения о положении на фронтах были скудные. О том, как героически борется блокированный Ленинград, о начале разгрома фашистов под Москвой мы знали из подобранных советских газет и листовок. На основании их я составлял сводки о положении на фронтах, члены центра пользовались ими для проведения бесед с крестьянами. С помощью комсомольцев группы Зимарева удалось собрать небольшую библиотеку. Из поселка спичечной фабрики в Черневе был получен рулон бумаги для подпольной газеты.

В декабре фашисты приказали избрать в каждой деревне старост. Члены партийного центра при встречах с крестьянами рекомендовали выдвигать старостами благонадежных людей. Некоторым крестьянам в деревнях Заплюсья мы прямо говорили, чтобы они приняли на себя обязанности старост.

Оккупационные власти стали еженедельно, по субботам, созывать старост в Гдове. Сопровождения проходили в клубе. Немецкие офицеры выступали перед старостами с докладами, а затем районный начальник гражданской администрации Ребкенин и его заместитель Тальвик зачитывали разные приказы и распоряжения оккупантов. Партийный центр использовал эти сборища. По нашему заданию старосты деревень Заплюсья выясняли настроение других старост, умело передавали им указания центра, собирали ценную информацию.

Как-то зимой оккупанты приказали старостам провести сбор шерсти и теплой обуви, пригнать лошадей и подвезти сено в Гдов. Районный партийный центр передал старостам директиву: шерсти и валенок фашистам не давать, мобилизации лошадей оказывать возможное сопротивление. Сбор шерсти и теплой обуви был сорван. Мобилизацию лошадей гитлеровцам провести удалось. Но крестьяне пригнали в Гдов старых, истощенных коней, запряженных в ветхие или тяжелые сани, с небольшим запасом сена и соломы.

Гитлеровцы считали, что им удалось полностью очистить Заплюсье от партизан. И вдруг до них дошел слух о существовании подпольного партийного центра. Во второй половине февраля сорок второго года в Заплюсье снова нагрянули карательные отряды. Они расположились в деревнях Рудно, Вейно, Заболотье, Чернево, стали устраивать ночные засады в населенных пунктах и на перекрестках дорог. Произошло несколько ночных столкновений в деревнях Рудно, Черно, Подолешье, Мошки, Щепец. Но каждый раз мы под покровом ночи ускользали. Каратели терялись в догадках, где же искать основную базу партийного центра.

Больше месяца фашисты безрезультатно рыскали по лесам. Несколько раз они близко подходили к Ореховому острову, но тропа так искусно была замаскирована, что остров не вызывал подозрений.

И вот в конце марта, среди ночи, в дверь землянки кто-то сильно постучал. Мы вскочили и схватились за пистолеты и гранаты. Но за дверью послышался женский голос. В землянку вошли А. В. Агапова и еще одна женщина. Они рассказали, что партийный центр кем-то выдан, фашисты знают об Ореховом острове и должны явиться сюда.

На рассвете мы покинули свое зимнее убежище. На следующий день каратели брали его штурмом. Трофеями гитлеровцев стали несколько консервных банок да пустые патронные гильзы.

В БОЯХ И ПОХОДАХ

Апрель сорок второго года для гдовских партизан был трагическим. Несколько дней наш партийный центр провел в лесу близ деревни Заболотье, где располагался карательный отряд. Но долго оставаться на одном месте было нельзя. В первых числах апреля мы подошли к деревне Луговец и, несмотря на предупредительные знаки об опасности, зашли к Хомякову. Он был удивлен и испуган, рассказал, что каратели почти каждый день навещают деревню, прочесывают леса. У Заболотья убит руководитель Кежовской группы А. Ф. Самойлов, а комсомольцам А. Дубову и А. Писукову удалось скрыться.

Решили перекочевать к деревне Завастье. Остановились в землянках, вырытых осенью прошлого года партизанами отряда Пашкина—Печатникова. В ночь с шестого на седьмое апреля Кравчук, Павлов и я направились на разведку. Многочисленные

знаки, оставленные Богдановым — бревно поперек дороги, срубленная ветка на развилке лесных дорог, шест на обочине дороги при выходе из леса, — предупреждали об опасности. Но в деревню надо было во что бы то ни стало войти. В полночь мы подкралась к дому Богданова. На условный стук никто не отозвался. Хотели было уходить, когда дверь немного приоткрылась. Показался Богданов. Он шепотом сказал:

— В деревне немцы.

Хорошо, что дом Богданова стоял на окраине деревни и подход к нему прикрывал большой каменный скотный двор. Мы незаметно покинули Завастье.

Второй раз разведку Печатников приказал провести вечером следующего дня. Пошли Демин и Кошев на лыжах. Не прошло и десяти минут, как в той стороне, куда они ушли, послышалась стрельба. Печатников скомандовал:

— На лыжи, за мной!

Надо было быстро проскочить полянку и занять оборону на противоположной ее стороне. В это время показался Кошев. Он крикнул:

— Демин убит!

Каратели успели раньше выскочить на опушку, чем мы пересекли полянку. Фашисты открыли огонь. Упали на снег сраженные пулями Агапов и Кошев. Мы начали отстреливаться. Несколько фашистов свалилось и осталось лежать на снегу, остальные отступили и залегли. Перестрелка продолжалась с пол часа, до заката солнца. Ни та, ни другая сторона не решалась выходить на поляну. С наступлением сумерек мы отошли. Преследовать нас фашисты не решились, видимо, не знали, что партизан всего несколько человек.

За ночь мы сделали двадцатикилометровый переход и вышли к деревне Вейно. Началось таяние снега. Лыжи пришлось сбрывать. Направились в Щепец. Здесь нас ждало новое тяжелое известие: была разгромлена комсомольская организация. Какой-то подлый предатель выдал ее. Комсомолка Майя Агапова и ее мать были расстреляны. Так от рук фашистов погибла вся семья Агаповых — честные труженики, замечательные советские патриоты. Расстреляны были также комсомолки Люба Чернова и Зина Березина. Руководитель комсомольской организации Иван Зимарев успел скрыться. Он погиб от рук фашистских палачей позднее. В Щепце к нам присоединились комсомольцы А. Писунков и А. Дубов.

Когда в лесах стаял снег, нам стало легче уходить от кара-

телей. Первым делом Печатников предложил проверить склады продовольствия, оружия и взрывчатки. Фашисты до них не добрались, и мы пополнили свои запасы, которые за зиму заметно истощились. Запасы муки оказались значительными. Партийный центр решил часть муки передать доверенным в деревнях людям для выпечки хлеба, остальное — семьям, пострадавшим от оккупантов.

Вблизи деревни Луговец отрядом Кошелева—Ополченного была спрятана партизанская типография. Место это знал Толя Писуков, бывший в этом отряде. По заданию Печатникова я, Павлов и Писуков попытались днем забрать типографию. Но, подходя к месту бывшей стоянки отряда, мы услышали чужую речь. Нас ждала засада. Пришлось спрятаться. Когда в лесу стало темнеть, гитлеровцы ушли. Мы очень осторожно пробрались к землянкам. Земля кругом была вытоптана — видно, не один день здесь провели фашисты в засаде.

Писуков быстро нашел тайник. Шрифт и все к нему принадлежности были упакованы и обернуты брезентом. Убрав все в мешки, мы сделали ложный отход к болоту, а затем быстро добрались до своих товарищей.

Решено было возобновить выпуск подпольной районной газеты. Для издания ее все необходимое было: около пуда шрифта, банка типографской краски, угольник, верстатка, валик, шило, заготовленная еще зимой бумага. Но наборного дела никто из нас не знал. Печатников довольно сердито сказал мне:

— Вот что, друг, ты заведомо пропаганды, тебе и газету выпускать. Опыт некоторый имеешь — работал в редакции. А наборному делу учишься сейчас, раз в мирное время не смог этой премудростью овладеть.

Я сразу же приступил к делу. Разбирать шрифт помогали все. На плащ-палатке раскладывали по кучкам буквы шрифта. Медленно и с большим трудом, но дело двигалось. Шрифта хватило на одну полосу размером пятнадцать на двадцать сантиметров. Набиралась она в три колонки. Вся полоса поместилась на угольнике. Оттиски с набора делали на пне...

Девятого мая газета «Гдовский колхозник» была готова. Нам она понравилась. Над титулом справа помещался призыв: «Смерть немецким оккупантам!». Передовая статья была озаглавлена: «День освобождения близок». Специальную статью мы посвятили Ленинграду. В других материалах сообщалось о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Гдовском районе, о возвращении в деревни бывших кулаков. Газета призывала население

оказывать сопротивление угону советских людей в Германию.

Отпечатано было более ста экземпляров. Вечером газету у нас читали крестьяне деревни Луговец. Они подсказали нам и материал для следующего номера. Нужно было срочно на страницах газеты прокомментировать так называемый фашистский земельный закон, который именовался «новым порядком землепользования».

Второй номер «Гдовского колхозника» был набран и напечатан довольно быстро — за два дня. Его тираж составил около двухсот экземпляров. Две полосы занимала статья «Сущность земельной реформы», написанная мною. Предварительно она обсуждалась нашим небольшим, но дружным коллективом.

Произошло в первые июньские дни и другое радостное событие. В район вернулась группа партийных и советских работников. Вместе с председателем райисполкома И. И. Гавриловым линию фронта перешли И. И. Кошелев, М. Ф. Ополченный, М. И. Рысев, В. С. Семенов, Разыграев, радист А. Е. Гинзбург. По пути следования к ним присоединился Р. Ф. Викторов. Все мы были чрезвычайно рады встрече. Но спали до утра: расспрашивали возвратившихся товарищей о положении на фронтах, о партизанах других районов, о семьях. Они сообщили нам, что Печатников, Демин и Пашкин награждены орденами Красного Знамени, Алексеев и Павлов — орденами Красной Звезды, Кошелев и Рысев — медалью «За отвагу».

Группа Гаврилова принесла с собой газеты, карты, оружие и главное — рацию. Уже на следующее утро была установлена связь с Большой землей и передана радиogramма о присоединении группы Гаврилова к районному партийному центру. Штаб приказал нам усилить сбор разведывательных данных.

В середине июня наша группа совершила поход от деревни Луговец к деревне Гверестка. По пути мы оставили в «почтовых ящиках» газеты. «Почтовыми ящиками» служили расположенные недалеко от населенных пунктов дупла деревьев, кучи камней.

Встречаясь с доверенными людьми, мы узнали, что оккупанты сформировали из отщепенцев полицейский отряд, намереваясь использовать его против партизан.

Хотя сил у нас было и мало, мы решили проучить фашистских насильников и предателей Родины. В двух деревнях расстреляли фашистских прихвостней. Нескольким старостам сделали грозные предупреждения. А на охотников за невольниками для немецких

заводов организовали засаду. Фашисты двигались осторожно на трех машинах. Подпустив их поближе, мы открыли по ним огонь из ручного пулемета и винтовок. Наши пули сразили многих фашистов. Машины развернулись и на полной скорости умчались. Больше в Заплюсье летом сорок второго года фашистские «вербовщики» не появлялись.

В нашей походной типографии вблизи деревни Гверестка были набраны и отпечатаны в виде листовок два обращения районного партийного центра: «К военнослужащим, состоящим в немецких карательных отрядах» и «К молодежи, насильно призванной немцами на военную службу». Листовку с обращением к молодежи удалось доставить в солдатскую казарму. Эту дерзкую операцию выполнили Петя Зимарев — брат Ивана Зимарева и учительница Александра Минина. Когда немецкие офицеры обнаружили листовку, ее уже успели все прочитать. Многие из ребят бежали.

Партийный центр через своих связных стал налаживать связь с Лядским партизанским отрядом и с районным партийным центром Сланцевского района. В начале июля к нам в район деревень Гверестка—Щеpec на связь пошли посланцы лядских партизан—Забелин, Субботин, Степанов и Ульяша Семенова, секретарь Лядского райкома комсомола. Но на хуторах Лавыньской пустоши они наткнулись на засаду гитлеровцев. Забелин и Субботин были убиты, Степанову и Ульяше Семеновой удалось скрыться в лесу. Трупы Забелина и Субботина каратели сожгли в сенном сарае.

Здесь же, на хуторах Лавыньской пустоши, вскоре погиб наш боевой товарищ И. И. Кошелев.

Гаврилову и мне помогли разыскать Степанова и Семенову и привести их к месту расположения Гдовского партийного центра. Через «почтовый ящик» связная Минина достала у врача Черневской больницы Иванова медикаменты. Несколько дней Степанов и Семенова провели у нас.

ГИБЕЛЬ ПЕЧАТНИКОВА

Летом сорок второго года мы направили в Ленинградский штаб партизанского движения несколько радиogramм с разведданными. Нам было рекомендовано устроить крупные диверсии на железной дороге.

В конце июля мы переправились на левый берег реки Плюсы и двинулись к железной дороге. Одну группу возглавил Печатников. В нее входили Рысев, Гинзбург, Дубов и я. Во главе второй

группы был поставлен Гаврилов. В его группу вошли Алексеев, Кравчук, Ополченный, Павлов, Семенов, Писуков и Викторов. Группа Печатникова должна была подойти как можно ближе к Гдову и заминировать железную дорогу между станцией Гдов и седьмым разъездом, группа Гаврилова — проникнуть в северную часть района, осмотреть места около Волчьегоостровской лесной дачи и на обратном пути заминировать железную дорогу между станцией Добручи и городом Сланцы.

Обе группы имели также задание установить связь с проживавшими в деревнях коммунистами. Перед отправкой на операцию бюро Гдовского райкома партии приняло по этому поводу специальное решение. Оно было переписано в двух экземплярах и находилось у Печатникова и Гаврилова. Каждая группа имела по пачке последних номеров подпольной газеты «Гдовский колхозник», по три-четыре пуда взрывчатки и коробки противотанковых мин.

И вот мы в пути. Первая остановка в деревне Остров. Установили связь с населением, послали разведку в Гдов. Пока ждали возвращения разведки, Товий Яковлевич предложил отпечатать постановление бюро райкома партии о задачах легально проживавших коммунистов, что и было сделано. Всего по данным, собранным Печатниковым и Кравчуком, в районе легально проживали сорок три коммуниста. На каждом экземпляре постановления Печатников написал фамилию, кому оно предназначалось, под постановлением расписался и убрал всю пачку в свою планшетку.

Спрятав близ одного из хуторов типографию, мы пробрались в лес, примыкающий к Гдову. Немцы охраняли станцию на дозорных вышках, по железнодорожному мосту через речку Гдовку ходил часовой. День мы провели в кустах на пригорке. В бинокль наблюдали за городом и движением поездов.

Наступила ночь с первого на второе августа. Оккупанты, видно, забыли о партизанских диверсиях на этой дороге в первые месяцы войны и не охраняли ее по ночам. Между станцией Гдов и местом пересечения железной дороги шоссейной дорогой с Гдова на Чернево группа поставила две мины. Ставили их Печатников и Рысев не спеша, тщательно маскировали. А остальные вели наблюдение за местностью. Между деревнями Гривы и Хохлово решили поставить еще одну мину. Но когда ее закладывали, она неожиданно взорвалась. Печатников и Рысев погибли.

В Гдове и в Верхолянах взрывы были хорошо слышны. В нашу

сторону полетели красные ракеты. Вдали послышались выстрелы. Мешкать было нельзя, и все же Дубов, я и Гинзбург поднялись на насыпь, на место взрыва. Там зияла огромная воронка, а на откосах лежали согнутые дугой рельсы. Трупы погибших товарищей обнаружить в ночной темноте не удалось. Но на траве валялись белые листки, на которых было отпечатано постановление бюро райкома партии и написаны фамилии коммунистов. Оставить все это гитлеровцам — значило подвергнуть опасности более сорока человек. Ползая на коленях, мы собрали все до единого листка.

Теперь — на шоссе. Не успели мы пробежать с полкилометра в сторону деревни Гривы, как за спиной послышался шум машин. Свернули в канаву и укрылись в кустах. Пошли третьи бессонные сутки. У всех шумело в ушах, разламывались головы, тошнило.

Возвращение в Заплюсье было нелегким. Видно, кто-то видел группу Печатникова, когда мы шли к Гдову, и донес фашистам. На хуторах разместились конные отряды оккупантов. Дважды мы нарывались на засады, отбивались от преследовавших нас карателей.

Фашисты быстро отремонтировали взорванное полотно железной дороги и возобновили движение. Но двух других поставленных Печатниковым мин они не обнаружили. В первых числах августа на них подорвались два больших эшелона. Один из них шел к Ленинграду с техникой и живой силой. Как потом донесла разведка, погибло несколько десятков гитлеровцев.

Поход группы Гаврилова был успешным. До Чудского озера группа добралась незамеченной. Встречало ее население там с радостью. Крестьяне с большим интересом читали подпольную газету, слушали рассказы о Красной Армии, о героической обороне Ленинграда. На железной дороге между станциями Добручи и Сланцы Гаврилов и его товарищи поставили две мины с большим зарядом взрывчатки. На этих минах подорвались тоже два фашистских эшелона.

В середине августа сорок второго года мы опять были вместе. Положение сложилось тяжелое: батареи радиации сели, ожидаемый самолет не сбросил груза в указанное время и место. Связь с Большой землей была потеряна. Несколько дней мы провели в Полновском районе, затем направились в Лядский район. У деревни Тупичино встретились с лядскими партизанами. До конца августа действовали вместе. Затем, обсудив обстановку, решили идти за линию фронта.

Путь в советский тыл был долгим и трудным. По лесам и болотам прошли от Гдова до Великих Лук более пятисот километров. Две попытки перейти линию фронта окончились неудачно. В середине октября в Рдейских болотах, в трех километрах от передовой линии немецкой обороны, подорвался на mine и погиб А. М. Кравчук.

В конце октября сорок второго года наша группа переправилась через реку Ловать. 25-ю годовщину Великого Октября мы встречали в Валдае.

ПАРТИЗАНЫ — РОДНЯ СОЛДАТСКАЯ

Весной сорок первого года зенитный артиллерийский дивизион, в котором я служил, вышел в лагерь. Обстановка день ото дня становилась все более напряженной. В нескольких десятках километров — нижнее течение Немана. А за Неманом — территория гитлеровской Германии. Там шло подозрительное сосредоточение войск. Немецкие самолеты чуть ли не каждый день вторгались в наше воздушное пространство. Заместитель командира дивизиона по политчасти, выступая перед красноармейцами, предупредил:

— Будьте бдительными и всегда готовыми к бою. Могут быть провокации.

Не знаю, то ли по указанию свыше, то ли наш командир сам решил, но в ночь на двадцать второе июня отбой в дивизионе не объявляли. Все мы находились на огневых позициях.

Ровно в четыре часа утра появились восемнадцать фашистских бомбардировщиков. Они принялись бомбить военный городок.

На следующий день разгорелись ожесточенные схватки с наземными и воздушными силами противника. Но силы были неравными. В районе Скаудвиле и Россиены на наши боевые порядки обрушилась целая лавина вражеских танков и моторизованной пехоты. Дивизия и корпус понесли большие потери в людях и технике, а наш дивизион как боевая единица перестал существовать. Последним из дошедших до меня боевых распоряжений был приказ: «Мелкими группами выходить из окружения».

И вот мы вдвоем с красноармейцем Богдановым пробираемся по местам, которые стали тылами фашистских полчищ. У нас личное оружие, компас и вырванная из школьного учебника географическая карта. Идем на восток глухими проселками и тропами, а то и напрямик через лесные чащи.

Как мы ни старались избегать противника, нам это не всегда удавалось. В одной из стычек я был ранен в ногу. Дальше пришлось ковылять еле-еле. Но, как бы там ни было, мы добрались

наконец до Западной Двины. Ночью переплыли ее. Где-то справа остался город Полоцк, слева — районный центр Россоны. Впереди — город Невель, который мы намеревались обойти с юга.

В этих-то краях и прослышали мы от местных жителей, что в округе действует партизанский отряд. Решили: повстречаемся с отрядом — попросим зачислить нас в партизаны.

Однажды под вечер (это было уже в августе) на исходе второго месяца наших скитаний мы сели отдохнуть на небольшой высоте, заросшей молодым сосняком. Видим, в нашу сторону идут двое. Оба в шинелях советского образца, без оружия. Как потом выяснилось, это были партизаны Крылов и Сияшкин.

Один из них спросил:

— Откуда вы, ребята?

— Идем из окружения.

— В плену не были?

— Нет, не были.

— А куда путь держите?

— К фронту. Хотим перебраться к своим.

— Может, есть желание вступить в партизанский отряд?

— А отчего бы не вступить?

Так мы попали в отряд имени Валерия Чкалова. Состоял он из кадровых военных. Командовал им Сергей Дмитриевич Пенкин. Он расспросил нас: кто мы, откуда, где и как воевали, почему оказались в тылу противника, хотим ли стать партизанами. Выслушав нас, он в заключение сказал:

— Вы, товарищ Лебедев, назначаетесь в группу лейтенанта Худякова. Разущите его сейчас же. Он распорядится, где вам расположиться и чем заняться.

Дмитрия Васильевича Худякова я разыскал мигом. Коренастый, смуглолицый, очень энергичный и подвижный, он встретил меня радушно. С первых же слов поинтересовался:

— Откуда родом-то?

— Вологодский.

— Ну что ж, хорошо. Вологодские да вятские — люди хватские, семеро одного не боятся. А я вот — с Урала. Мы почти что земляки. На одном солнце портянки сушили.

Кажется, впервые за два месяца я рассмеялся. А собеседник мой продолжал:

— Значит, зенитчик? А вот у нас профиль немного другой — стрелки, пулеметчики, минеры, подрывники, разведчики. Но ты не огорчайся. На первых порах займись-ка поусерднее стрелковым делом и гранатометанием. Осилишь?

— Постараюсь.

Дней через пять после моего вступления в отряд командир приказал группе Худякова устроить засаду на шоссе Полоцк—Себеж, в двадцати пяти километрах от нашего лагеря. Мы отправились ночью, и когда начало светать, были уже на месте. Облюбовали позицию, укрылись, замаскировались. Ждем.

С первыми лучами солнца на шоссе появилось несколько вражеских грузовых машин. Мы внезапно обстреляли их из ручного пулемета и винтовок, бросили несколько гранат. Гитлеровцы, сидевшие в кузовах, были большей частью перебиты, а уцелевшие бросились наутек. Нашими трофеями оказались винтовки, патроны, гранаты и несколько велосипедов.

Все это пополнило наши скудные запасы. Отряд жил, как говорится, на подножном корме. Надо было самим добывать оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. Особенно большой спрос был у нас на взрывчатку. Она требовалась чуть ли не каждый день. А где ее взять?

Думали, думали и надумали. На некотором расстоянии от лагеря находилось минное поле. В отряде были превосходные саперы. Под их руководством мы извлекли свыше четырехсот

До войны Сергей Эммануилович ЛЕБЕДЕВ работал трактористом МТС. В Красную Армию был призван в 1940 году. Война застала его на западной границе. Выйдя из окружения, он стал бойцом красноармейского партизанского отряда имени Чкалова. Участвовал в боевых операциях 2-й Особой партизанской бригады Северо-Западного фронта. Командовал отрядом 3-й Ленинградской партизанской бригады.

По окончании войны Сергей Эммануилович работал в Белебелковском райкоме партии Новгородской области. Сейчас он трудится мастером на одном из заводов города Старая Русса.

мин, предварительно обезвреженных. Сотню оставили на текущие нужды, а остальные до поры спрятали в укромном месте.

Патроны мы ходили искать по местам боев. Мукой и зерном с нами делились крестьяне. Труднее было с мясом. Но выручил случай. В лесу нашли небольшое стадо скота, которое, видимо, гнали откуда-то с запада, но так и не пригнали, куда следовало. Решено было использовать скот для партизанского пропитания.

Плохо обстояло дело со связью. Радиостанции в отряде не было, и связи ни с фронтовым командованием, ни с другими партизанскими отрядами мы не имели. Лишь однажды встретились с фронтовой разведгруппой и через ее рацию передали в штаб Северо-Западного фронта две радиограммы. В одной сообщалось о существовании нашего отряда и его ближайших планах, в другой — добытые нами разведывательные данные.

В сентябре было принято решение взорвать мост через реку Дриссу на шоссе Полоцк—Себеж. Руководить операцией командир отряда поручил начальнику штаба Ивану Ивановичу Сергунину. Я был назначен в группу прикрытия.

Перед выходом Сергунин предупредил:

— Еще раз проверьте подгонку оружия и снаряжения. Чтоб в пути ничто не брякало и не звякало. Идти легким, неслышным шагом. Никаких разговоров. Курить только по разрешению на привале.

Мы тронулись в путь. Идем едва приметными глухими дорогами и охотничьими тропами. Деревни и хутора обходим стороной. Подрывники несут тол, огнепроводный шнур и детонаторы, остальные — по две немецких противотанковых мины.

Осенняя темная ночь была уже на исходе, когда мы, выйдя на лесную опушку, приблизились на расстояние гранатного броска к полотну железной дороги. Разведчики доложили: до моста километр, мост не охраняется.

Значит, гитлеровцы нас не ждут.

Командир отдал короткие приказания. Стрелки и пулеметчики блокировали подступы к мосту. Под их прикрытием подрывники начали «колдовать» возле мостовых опор. Приготовления длились недолго. Я до боли в глазах всматриваюсь в ночную темень, напрягаю слух, но ни мне, ни товарищам обнаружить противника не удается. Вздрагивает под ногами земля. До нас доносятся звуки взрыва.

Молодцы подрывники, дело свое сделали! Еще один мост на путях к Ленинграду взлетел на воздух.

Боевой счет отряда день ото дня возрастал. Гитлеровцы решили направить против нас карательную экспедицию. Помнится, наш партизанский лагерь находился в это время в районе хутора Парамки. Хутор этот стоял в глубине крупного лесного массива, в стороне от больших дорог. Он был хорошей базой отряда и служил убежищем для семей деревенских активистов.

Девятнадцатого сентября из хутора прибежал крестьянский мальчишка. Отдышавшись, он сказал, что по дороге в Парамки движется большая группа фашистов.

Мигом была подана команда: «В ружье!» Отряд в полном составе направился в сторону хутора. Командир решил встретить незваных гостей за околицей, на опушке леса. Бойцы заняли позиции, приготовились к бою.

На дороге показались каратели. Они ехали на велосипедах и с опаской озирались вокруг. По команде Пенкина мы открыли огонь. Несколько фашистов было убито, а уцелевшие моментально спешили и рассеялись по пригорку. Немного опомнившись, они стали стрелять из минометов.

Наш командир придерживался всегда разумного правила: если не знаешь численности, огневых средств и расположения противника — не торопись с атакой. И мы пока остаемся на своих позициях. Гитлеровцы же, напротив, уверены в превосходстве своих сил и после короткого огневого налета нахально лезут в атаку. Мы подпускаем их метров на семьдесят и открываем шквальный огонь. Особенно успешно действуют пулеметчики Слепов и Камолов.

Противник не выдерживает и откатывается назад, но через некоторое время предпринимает новую атаку. Так повторяется

несколько раз. Наконец, потеряв надежду овладеть хутором, каратели отступают. Многие из них полегли под партизанскими пулями. Мы тоже понесли потери: убито четверо, в том числе один из самых отважных и умелых бойцов отряда — Федотов; ранен Кумриди.

Лагерь отряда на другой день пришлось перебазировать на островок на болоте в районе деревни Лоево. А лесной хутор уберечь нам так и не удалось. Недели через две на шести автомашинах в сопровождении танкетки в Парамки ворвались гитлеровцы. Они сожгли строения, а всех, кто не успел бежать, расстреляли. Палачи в военных мундирах не пощадили даже двухлетних детей — Жанну Фрумкину и Геню Михейкина.

Злодеяния гитлеровских извергов разжигали в наших сердцах неукротимую ненависть и жажду мести.

Примерно в конце сентября большая удача выпала на долю группы подрывников во главе с Зацепиным. Они взорвали мост и железнодорожное полотно на магистрали Полоцк—Псков. Это была дерзкая, смелая операция. Провели ее прямо под носом у крупного вражеского гарнизона.

В начале октября была предпринята еще более значительная операция — налет на железную дорогу Невель—Полоцк. Главным объектом диверсии был намечен мост около станции Железница. Осуществление операции возлагалось на стрелковую роту во главе с Утевым и Воскресенским и на группу подрывников. Всем сводным отрядом командовал Логинов.

Выступили мы днем и в сумерки неподалеку от цели остановились на последний привал.

— Основная наша задача, — напомнил Логинов, — взорвать мост. Вы, товарищ Утев, атакуете казарму с началом стрельбы на мосту. На тот случай, если дело обойдется без стрельбы, начинайте налет сразу же после взрыва. Я и Воскресенский будем находиться в районе моста.

Установили порядок взаимодействия групп, определили команды, сигналы, пути отхода.

Мы — группа обеспечения — идем к мосту первыми. Стараемся, чтобы движение наше было совершенно бесшумным. Но это не всегда удается. До слуха доносится то шорох чьих-то шагов, то шелест задетых кем-то ветвей, то хруст валежника. Кажется, что затаившийся где-то поблизости враг все это тоже слышит и вот-вот пустит в ход оружие. Впереди, на фоне почти совсем темного неба, угадывается ровное возвышение — железнодорожная насыпь. На ней — будка. Тщательно обследуем все вокруг. Ни души.

Что-то загадочное. Ведь разведка наша, основываясь на дневных наблюдениях, сообщила, что мост охраняется, возле будки было замечено около десятка гитлеровцев. Может быть, они отсиживаются где-нибудь в укромном месте? Ночь-то уж больно темная и холодная.

Осторожно идем вдоль полотна к мосту. Часовых там тоже нет. Докладываем Логинову, и он подает команду:

— Подрывники — к бою!

Они уже начеку и проворно берутся за работу. В ажурное тело моста закладывают добрый центнер взрывчатки, подводят огнепроводный шнур и отходят в безопасное место.

Раздается взрыв. Почти одновременно со станции Железница доносятся звуки стрельбы и рвущихся гранат. Это начали действовать партизаны под руководством Утева. И действовали, как потом выяснилось, успешно. Подобравшись к станционной казарме, они бросили в окна несколько гранат. Выбегающих гитлеровцев встретили пулеметным огнем.

Отличилась и группа партизан, посланная Утевым на разъезд Молокоедово и в деревню Мухино. Она уничтожила в этих пунктах около двух десятков фашистов.

В назначенное время партизаны организованно отошли к месту сбора. Результат получился превосходный: задача выполнена, потерь в людях нет, ранен, и то не опасно, один — младший лейтенант Синяшкин, командир взвода. Особенно хорошо действовали подрывники Любимов и Панченко, а также пулеметчики Афанасьев, Козырев и Макаров.

...Надвигалась зима. Командование должно было срочно решить острые насущные вопросы жизни и боевой деятельности отряда: о характере, масштабах и тактике действий в зимних условиях, о местах базирования отряда, о путях и способах снабжения партизан продовольствием, обмундированием, оружием и боеприпасами. Последовало приказание: покинуть невельские леса и начать поход на восток, по направлению к городу Осташкову, чтобы там перейти линию фронта и соединиться с частями Красной Армии.

Двинулись мы, помнится, в конце октября. На первых порах шли сравнительно быстро, без помех. Но фашисты узнали о передвижении нашего отряда. На одном из участков маршрута к северу от Великих Лук противник вынудил нас свернуть с лесной дороги в гиблое болотистое урочище, известное среди местных жителей под названием Низы.

Ох, и хватили мы лиха в этих самых Низах! Мороз покрыл болотную топь тонкой коркой льда и припорошил снегом. Мы

шли, то и дело проваливаясь по пояс в грязную и холодную жижу. От чрезмерного напряжения на лбу и спине выступал обильный пот, а от ног к туловищу поднимался леденящий холод. Иногда на нашем пути попадались заросшие чахлым сосняком островки.

Наконец объявили привал. Лечь бы сейчас и заснуть. Но нельзя — замерзнешь либо схватишь лютую, непоправимую простуду. Самое лучшее — развести костер и обсушиться. Так мы обычно и делали. Пообсохнув немного и отдышавшись, мы снова лезли в зыбкие болотные хляби и продолжали свой путь.

Один из переходов оказался особенно тяжелым. Люди совсем обессилены и на привале буквально валились с ног. Подкрепиться было нечем. Выданный в дорогу паек — хлеб и вареное мясо — давно уже все съели, и бойцы довольствовались одной картошкой, испеченной кое-как в костре. Огонь все же развели, и кто сам, кто с помощью других начали обогреваться и сушиться. Многие думали, что идти дальше не в состоянии. И вот тут кто-то из коммунистов, не помню сейчас, кто именно, тоже мокрый и уставший, как и все, обратился к бойцам:

— Нам, ребята, топтать еще по этому «асфальту» километров пять. Пусть каждый соберет в кулак все свои силы и постарается километры эти одолеть. Пусть более сильные и выносливые помогут тем, кто изнемог.

Разумеется, после этого болотная топь не стала асфальтированной твердью. Под ногами по-прежнему колыхалась зыбкая трясина. Непомерная усталость тоже не исчезла. Но люди заметно прибодрились и упорно двигались дальше. Тем, кто совсем уж выбивался из сил, товарищи помогали нести оружие и снаряжение.

Наконец мы вышли из болота. На твердой земле, у жарких лесных костров обсушились и отдохнули. Впереди нас ждала новая серьезная преграда — река Ловать. Как-то удастся ее преодолеть? Разведка сообщила: гитлеровцы контролируют все мосты, броды и паромные переправы через реку. В прибрежных деревнях засели каратели и ждут нашего появления. Значит, до зарезу нужна выдержка, военная хитрость, умение найти выход при любых обстоятельствах.

Для форсирования реки выбрали участок побережья между двумя деревнями. Подступы к Ловати в этом месте открыты. Вряд ли противник мог подумать, что именно здесь мы будем переправляться.

С наступлением темноты вышли к реке и занялись поисками любых подручных средств, которые могли бы пригодиться для

форсирования. Но прежде чем эти поиски увенчались успехом, было сделано важное открытие. Боец Степан Щитов лег на тонкий лед и по-пластунски пополз к противоположному берегу. Лед под ним угрожающе трещал и прогибался, но партизан, широко раскидывая руки и ноги, продолжал ползти и вскоре оказался на том берегу. Опыт удался. Последовал приказ:

— Всем порознь, не сучиваясь, преодолевать водную преграду ползком по льду.

Перебрались благополучно. Лишь один боец по неосторожности угодил в воду. Не желая подводить товарищей, он не кричал, не звал на помощь, а лишь барахтался в полынье. Подоспевшие товарищи выручили его из беды.

За Ловатью фашистов в населенных пунктах было значительно меньше. И мы теперь совершали наш поход днем, направляясь к озеру Селигер. На ночлег устраивались в деревнях. Люди отдохнули, подкормились и, как говорится, вошли в боевую форму.

И вот однажды на марше (это было примерно в начале ноября сорок первого года) неподалеку от одной из деревень Пенковского района, на Валдайской возвышенности, мы повстречали группу конных партизанских разведчиков. Оказалось, что они из действовавшей в тех местах партизанской бригады. Разведчики настойчиво порекомендовали нашему командиру встретиться с командованием бригады. Такая встреча на другой день состоялась.

В итоге переговоров было решено, что наш отряд имени Чкалова войдет в состав 2-й Особой партизанской бригады. Командовал бригадой кадровый военный, опытный партизанский вожак Леонид Михайлович Литвиненко. Старший лейтенант Герман, имя которого стало в дальнейшем широко известным, был заместителем комбрига по разведке. Штаб бригады возглавлял старший лейтенант Белаш. Наш командир Пенкин стал начальником особого отдела бригады.

Меня после объединения назначили в разведывательную группу при штабе бригады. Командовал ею Андрей Иванович Мигров, отчаянно смелый и опытный в военном отношении человек, родом из-под Опочки. По характеру службы нам, разведчикам, приходилось постоянно общаться с А. В. Германом.

— Разведка в тылу врага,— говорил Александр Викторович,— дело особенно трудное. Помимо смелости и отваги в нашем деле нужно обладать особой выдержкой, тройной зоркостью и осмотрительностью, умением мгновенно принять решение и выполнить его.

Почти до конца года бригада действовала в районе Андреаполь—Пено—Молвотицы. В дальнейшем она проводила свои операции значительно западнее этих мест.

Февраль и март сорок второго года мы рейдировали в глубоком тылу противника. Затем в полном составе 2-я Особая перешла линию фронта для отдыха и переформирования. Вскоре, по решению командования, она была преобразована в 3-ю Ленинградскую партизанскую бригаду.

ДОБЛЕСТЬ ЛЕСГАФТОВЦЕВ

■ ■ а двух грузовиках мы ехали к Финляндскому вокзалу по занесенным снегом улицам, мимо разбитых домов, встречая на своем пути людей, везущих санки с умершими. При виде этого сжималось сердце. Почти у каждого из нас в осажденном городе оставались родные, близкие друзья, любимые.

На вокзале на нас смотрели с любопытством. Слышался женский шепот:

— Видать, пленные. Ишь какие молодые.

— Пленные с автоматами не бывают, — авторитетно разъяснил женщинам пожилой мужчина. — Летчики английские, наверно. Оружие-то не наше, да и одеты в комбинезоны из диагонали.

Мальчишка, стоявший невдалеке, критически осмотрел говорившего и безапелляционно изрек:

— Никакие не летчики английские. Десантники наши, вот кто они. К немцам в тыл собираются.

Паренек был близок к истине. К десанникам, правда, мы отношения не имели. А вот во вражеский тыл действительно собирались. Мы — это двадцать пять бойцов партизанского отряда Дмитрия Косицына. Все, за исключением меня, спортсмены-студенты известного на всю страну Института физической культуры имени Лесгафта.

Командовал отрядом Дмитрий Федорович Косицын, заслуженный мастер спорта, старший преподаватель института. Невысокий, седеющий Дмитрич, как называли его за глаза бойцы, уже дважды водил за линию фронта летучие отряды лесгафтовцев.

Первый поход начался на шестой день войны. Двадцать физически хорошо подготовленных партизан-спортсменов появились в районе города Порхова первого июля. С тех пор на протяжении четырех месяцев они непрерывно рейдировали по тылам врага. Быстро маневрируя, делая переходы по сорок—пятьдесят километров в сутки, партизаны собирали и сообщали в штаб цен-

ные разведывательные сведения с разных участков прифронтовой полосы. Двадцать бесстрашных совершили тридцать семь налетов, уничтожили броневик, восемь легковых и восемь грузовых автомобилей, взорвали восемнадцать мостов на шоссе и железных дорогах.

Зимой во время второго рейда по вражеским тылам лестофтовцам пришлось действовать на коммуникациях в районе, где размещались крупные вражеские гарнизоны — между поселком Сиверская и Лугой.

И вот теперь третий поход. Накануне его я был включен в состав отряда по указанию П. Г. Матвеева, начальника отдела кадров Ленинградского штаба партизанского движения. Петр Григорьевич, знакомя нас с Косицыным, дал мне лестную характеристику, как радисту, прошедшему специальную подготовку. Помнится, Косицын большой радости при встрече со мной не проявил, хотя его отряду и очень нужен был квалифицированный радист. Посматривая весьма подозрительно на мою тщедушную фигуру, он сказал:

— А ведь мы всё на лыжах да на лыжах путешествовать будем.

— Ходить умею и на лыжах, — ответил я.

— Ходить — одно, броски совершать по пятьдесят километров — другое.

— Выдержу.

— Так ведь это не налегке, — не унимался Косицын.

— Выдержу и с нагрузкой, — упрямо твердил я.

И все же командир тогда, конечно, в меня не поверил...

В студенном вагоне мы провели час. Затем столько же тряслись в кузове грузовика, пока не добрались до прифронтовой деревни. В ее теплых хатах отряд подзадержался. И основательно — на несколько дней. Дело в том, что штаб партизанского движения приказал Косицыну взорвать вражеский эшелон не ночью, а днем, да так, чтобы его... снял на ленту кинооператор. С этой целью в отряд был направлен Н. И. Голод, человек смелый, но спортсмен не ахти какой. Вот Косицын и тренировал его перед броском через линию фронта.

Дни нашей «деревенской жизни» пролетели незаметно. И вот дана команда приготовиться к переходу. Собрались в несколько минут. Одеты в маскировочные халаты, с рюкзаками за плечами, на лыжах, мы стоим в одну шеренгу, ждем командира, ушедшего с докладом к коменданту. Ребята шутят со знакомыми девушками. Кое-кто из жителей, глядя на наши ноги, озабоченно качает

головой. Они жалеют нас, обутых в лыжные ботинки, — на улице тридцатиградусный мороз.

Появился Косицын, и мы двинулись. Шли быстро, но не к переднему краю нашей обороны, а вдоль линии фронта. Переходить ее группами в зимние дни сорок второго года было исключительно трудно, подчас и невозможно.

Лыжню прокладывал студент Владимир Шапошников, комиссар отряда, превосходный лыжник, чемпион ленинградского общества «Динамо» по лыжам в сороковом году. За ним гуськом вытянулись остальные бойцы. Последним шел Косицын. А впереди себя он поставил меня. Никогда не забуду этого многочасового перехода и негромкого голоса сзади:

— Жми, радист, жми!

Устал я тогда зверски. Как выдержал — не знаю. Но зато, когда наконец остановились на отдых, командир с улыбкой посмотрел на меня и сказал:

— Нормально! Дойдешь!

И вот мы у переднего края нашей обороны. Последние напутствия бойцов и командиров подразделения, занимавшего этот участок. Нам жмут руки, желают благополучия и успеха. Командир части приказывает командиру разведки провести нас через минные поля.

Михаил Романович ВАСЬКОВСКИЙ
родился в 1921 году на Киевщине. Детство и юность его прошли в Ленинграде. Когда началась Великая Отечественная война, Васьковский был студентом Военно-механического института. С декабря 1941 года — радист рейдового отряда партизан — студентов и преподавателей Института физической культуры имени Лесгафта. С марта 1944 года — Васьковский на комсомольской работе. В настоящее время он — секретарь Всеволожского горкома партии, член пленума Ленинградского областного комитета КПСС. Был делегатом XXII и XXIII съездов КПСС.

Он провел нас по только ему известной дорожке. На прощание сказал:

— Ползите прямо. Метрах в ста от того конца поляны — пулеметные гнезда. Будьте осторожны.

То и дело взлетали немецкие осветительные ракеты. В промежутках между вспышками ракет мы выползли на полянку. Двигаться было тяжело. Где-то слева рвались мины. Изредка немецкий пулемет открывал огонь, и длинная очередь трассирующих пуль тянулась к нашему переднему краю.

Руки, несмотря на сильный мороз, горели, с нас градом катился пот. Проползли не более семисот метров, а казалось, что мы совершили переход в пятьдесят километров, до того вымотались.

Командир дал сигнал повернуть влево. Теперь мы ползли вдоль немецкой обороны. Канава. Кубарем скатываемся в нее, мину-две вслушиваемся в эту обманчивую тишину. Над головой просвистела мина и разорвалась где-то совсем рядом. Руки крепко сжимают автомат. Снова ползем. К счастью, кустарник позволяет местами делать перебежки. Нам то и дело встречаются истоптанные дорожки. Вслушиваемся в темноту.

Взметнулась ракета метрах в пятидесяти слева. По цепи командир отдает приказ: ползти вдоль опушки. Двадцать пять бойцов двигаются медленно, осторожно, без малейшего шума. И снова по цепочке:

— По одному в глубь леса — дистанция десять—пятнадцать метров.

Встали на лыжи и осторожно, без палок идем вперед по густому еловому лесу. Командир останавливается, разворачивает карту:

— Десятиминутный отдых. Можно выпить по глотку спирта и съесть шоколад.

И снова бросок. Многочасовой. Многокилометровый. Идем просеками, болотами. Но чаще всего наш путь лежит через густой еловый лес.

К вечеру двадцать шестого февраля мы дошли до района своих боевых действий. Расположились в лесу. Сидя на корточках около костра, сушили одежду, варили партизанскую похлебку, делились впечатлениями о переходе. Легкоатлет Ермолаев как бы невзначай заметил:

— А двигались мы прилично, в среднем по сорок—сорок пять километров в ночь. Да еще с грузом по двадцать пять—тридцать килограммов.

Разговорились бойцы, вспомнили первые рейды. Сергей Доро-

шенко попросил командира рассказать, как он один на один встретился с немецким обозом, где было около двухсот гитлеровцев.

— «Встретился», — усмехнулся Косицын. — Просто случайно наткнулись друг на друга. От дороги я находился в двадцати—двадцати пяти метрах. Уйти, уклониться? Но уж больно велик был соблазн. Когда прошли первые повозки, я прицелился и дал длинную очередь из автомата, — несколько фрицев свалились на землю. Началась паника, стрельба, а я, пользуясь этим, бил по ним. При отходе фашистская пуля угодила мне прямо в диск от автомата. Диск разворотило, ну а я жив и невредим, как видите.

Обсохнув, бойцы занялись устройством шалашей, а я — «радиорубки». Между двумя соснами уложил глыбы снега, установил антенны, вылепил снежный столик. В тот поздний февральский вечер передал в штаб партизанского движения две радиogramмы. Одну — о переходе нами линии фронта в районе населенных пунктов Кремино и Тарасино, вторую — о размещении какого-то крупного штаба гитлеровцев на станции Черемна.

Проходя мимо моей «радиорубки», кто-то из ребят пошутил: — С комфортом жить будем. С музыкой. Запел музыкант: точка-тире, точка-тире.

Оброненная мельком фраза понравилась бойцам, и меня с этого дня стали называть «музыкантом». Я не обижался, и прозвище прижилось.

На следующий день из обкома пришла радиogramма:

«Косицыну. Поздравляю с высокой правительственной наградой Вас, Шапошникова, Дорошенко, Мещанинова, Федотова, Микова, Сидоренко, желаю в дальнейшем боевых успехов в тылу врага. Родина вас не забудет. Никитин».

Начались рукопожатия, поцелуи. Все поздравляли награжденных.

Я передал в Смольный ответ командира отряда: «Искренне благодарим за награду. Будем продолжать мстить фашистским мерзавцам. Косицын».

В районе, где предстояло действовать нашему отряду, оккупанты чувствовали себя хозяевами положения. Поздней осенью и в начале зимы им удалось разгромить небольшие местные партизанские отряды. Фашистское командование приказало расклеить по всем деревням объявления о том, что партизаны начисто уничтожены.

Мы срывали эти объявления, а на один из столбов прикрепили партизанскую листовку. На обыкновенном тетрадном листке

написали: «Генералам, полковникам, офицерам и прочим разбойникам вшивой германской армии! Прочли ваше объявление и очень удивились, как это вы нас уничтожили до того, как встретились лично. Ждите встречи!»

Отряд разделился на группы по четыре-пять человек. Каждая группа имела задачу разведывательного характера. Косицын прекрасно понимал, как важна нашим штабам информация из района, где в силу ряда причин ослаблено партизанское движение.

Наша разведка была тщательной и весьма скрытной. В результате ее командир приказал мне передать в Смольный радиogramму следующего содержания: «Двадцать седьмого—двадцать восьмого по железной дороге в направлении от станции Гатчина на станцию Луга идет переброска танков, артиллерии и другой техники. В сторону Ленинграда — несколько составов с войсками».

Спустя сутки над участком Варшавской железной дороги, где мы побывали, появилась наша авиация и отбомбила места сосредоточения фашистской техники. Уже после войны я узнал, что это было сделано по личному приказанию командующего Ленинградским фронтом, которому передали нашу радиogramму по указанию А. А. Жданова.

Вечером второго марта я радировал и о выполнении отрядом специальной операции — дневного взрыва железнодорожного моста с одновременным крушением воинского эшелона. Все произошло так, как и было задумано командиром. Подходы к месту операции, распределение обязанностей, пункт сбора, условные сигналы, пароль — все было тщательно продумано и доведено до сведения каждого бойца. Два дня наша разведка дежурила

у железной дороги между станциями Низовская и Дивенская, изучая движение, систему охраны, подходы.

На операцию вышли в ночь. Было не по-мартовски холодно. Мерзли пальцы рук и ног, щипало щеки. Впереди медленно и осторожно продвигалась наша разведка. За ней неторопливо шли и мы. Наконец, связной доложил командиру:

— До дороги не более одного километра.

— Прирал, — распорядился Косицын, — курить нельзя, разговаривать шепотом. Пробудем здесь часа три.

Тяжелое это было ожидание, но все понимали, что ночью снимать немислимо. Ребята посмеивались:

— Растерялся Голод. Нужно было в немецкой комендатуре на дневную съемку разрешение получить. Вот и не мерзли бы тогда по его вине.

Кинооператор отшучивался:

— Не горюйте, хлопцы. На обратном пути забегу к коменданту — извинюсь.

В половине пятого командир приказал своему заместителю Каллену взять пять бойцов и приступить к минированию. Вскоре к железной дороге осторожно заскользили на лыжах и мы. Занимаем посты. Ни одного звука, ни одного шороха.

Через несколько минут сквозь еловые ветви, покрытые снегом, мы ясно увидели две длинные, тощие, закутанные с головой в башлыки фигуры: это шагал немецкий патруль. Гитлеровцы прошли, ничего не заметив.

Опять гнетущая тишина. И вдруг гудок паровоза. Эшелон воинский. Быстро считаю вагоны и платформы — более двух десятков. Один из вагонов пассажирский. У окна — немецкий офицер и рядом морда овчарки. Проходит еще секунда, и раздается оглушительный взрыв. Столб пламени разрывает мост. Треск, металлический скрежет, клубы дыма.

Кинооператор, стоя в полный рост, крутит ручку аппарата. Мы ведем автоматный огонь по уцелевшим закрытым вагонам. Командир дает сигнал к отходу. Но нас задерживает Голод. Он, забыв про все, продолжает увлеченно снимать.

Мы терпеливо ждем, понимая, как важно показать в Ленинграде боевой успех партизан в условиях суровой зимы, в местах высокой концентрации фашистских войск. Наконец Косицын дает сигнал, и мы мчимся к лесу. Уцелевшие гитлеровцы открывают беспорядочный пулеметный огонь...

Прошли сутки. Разведчики доложили командиру, что в окрестных деревнях население уже знает о нашей диверсии, фашисты

спешно организуют розыск партизан. Командир решает покинуть полюбившуюся нам базу. Несколько часов идем по лесной дороге. Недалеко от деревни Чаши дозорные просигналили: «Опасность!» Мы залегли в кустах, зарылись поглубже в снег. Никто не произнес ни слова. Через несколько минут мы услышали фыркание лошадей. Мимо нас не спеша проехали сани, в которых было пять человек. Я увидел, как Калнен стал медленно целиться из автомата. Но командир остановил его и кивком головы показал на дорогу. Косицын угадал: это была разведка. За ней ехали на десяти подводах остальные гитлеровцы.

Повозки поравнялись с нами. Калнен дал длинную очередь. Без команды заговорили наши автоматы. Только несколькими фашистам удалось убежать в лес. Командир приказал быстро обыскать повозки и убитых, собрать оружие. К Калнену один из бойцов подвел уцелевшую лошадь и спросил:

— Куда ее?

Командир задумался, потом усмехнулся:

— Напишите письмо карателям и пошлите с лошадю.

Боец, стоявший около командира, на листке из блокнота печатными буквами написал:

«Партизаны карали, карают и будут карать немецких карателей. Ваши сподвижники, коченеющие на морозе, жалеют, что в трудную минуту вы не вместе с ними. Следующая очередь — ваша».

Листок положили в шапку убитого гитлеровца и лошадь понеслась галопом по лесной дороге.

В дальнейшем нам также сопутствовала удача. Мы взорвали железнодорожный мост через реку Ящеру. Еще один эшелон, на этот раз с орудиями и боеприпасами, пустили под откос. В этой диверсии я осваивал новую профессию — подрывника. Учили меня замечательные мастера этого дела А. Калнен и П. Луговцов.

В отряде очень любили Александра Яновича. Ему было около пятидесяти лет. Половину из них он отдал службе в Красной Армии. Имел звание майора, а в тыл врага пошел командиром отделения. Немного грузноватый, чуть-чуть медлительный, наш Яныч, как любили называть его партизаны, и в походе, и в разведке, и в открытом бою был храбрейшим из храбрых. Его мужество, находчивость, яростная отвага восхищали лесгафтовцев.

Через несколько дней после диверсии от рабочего лесопункта коммуниста-подпольщика Иванова нам стало известно о двух негодях, выдавших фашистам нескольких советских патриотов. Мы захватили предателей. Судили их в лесу и приговорили к рас-

стрелу. Командир зачитал список советских людей, пострадавших и погибших по доносам этих предателей.

Больше оставаться в тылу нам не разрешили. Нужно было доставить в Ленинград в целости и сохранности кинооператора с его драгоценной пленкой. Восьмого марта мы перешли линию фронта.

Прошло две недели. И мы снова отправились в поход. На этот раз во вражеский тыл мы летели на двух «дугласах». Лесгафтовцам предстояло выполнить новое особое задание штаба фронта.

В ЛЕСАХ И ОКОПАХ

В Луге уже в первые дни войны начали формировать истребительный батальон. Командиром назначили капитана пограничных войск Петра Гавриловича Лукина. Комиссаром батальона стал районный прокурор Николай Андреевич Андреев, а начальником штаба — командир запаса, преподаватель военного дела в средней школе Иван Павлович Диев. Создавались также и партизанские отряды. Для них в глухих лесных дебрях закладывались надежные тайники, где было спрятано оружие, боеприпасы, продовольствие.

А пока мы, будущие партизаны, на поле в Заречной стороне неподалеку от завода абразивных инструментов занимались строевой подготовкой. Многие из нас проходили действительную службу в Красной Армии, кое-кто был на фронтах гражданской войны, а мне, например, довелось участвовать в боях с белофиннами. Поэтому азы солдатской науки были для нас не новы.

Командиром нашего отряда назначили Владимира Петровича Сабурова. Я его хорошо знал еще до войны. Он принадлежал к числу тех, кого называют романтиками, мечтателями. Объездил чуть ли не полстраны в годы первых пятилеток. Работал на строительстве Уралмаша. Учился в сельскохозяйственном техникуме. Служил в команде одноподчинников кавалерийского полка. У нас в Луге он работал старшим землеустроителем. Сабуров был добрым человеком, однако это не помешало ему стать строгим командиром.

Двенадцатого июля отряд наш был построен и отведен в глубину городского парка. Капитан Лукин объяснил боевую задачу: скрытно пройти в тыл противника, разведать его силы, выбрать подходящий объект и нанести по нему внезапный удар. Мы должны были также минировать дороги и уничтожать связь.

С наступлением сумерек тридцать бойцов во главе с Сабуровым быстро и молча расселись по автомашинам. За каких-нибудь полчаса мы подъехали к переднему краю. Он проходил тогда

у перешейка Заплюсского озера, который смыкался с болотом Соколиный Мох, углубляясь дальше в сторону деревень Красный Бор, Поддубье, Крени. Тут я не раз бывал по своим служебным делам. Вешние воды затопляли эти места километров на десять, а нынешним жарким летом кругом было сухо. На передовой царила странная тишина. Мы прошли от автомашины метров триста или четыреста и очутились в ольховых зарослях, в окопах, отрытых красноармейцами.

— Где же немец-то? — шепнул кто-то из наших бойцов.

— Там, впереди, — отозвался сосед-красноармеец. — Видишь ли, господу фашисты ночью изволят отдыхать. Только думаю, что недолго так-то будет...

В окопах появились армейские разведчики. Вполголоса они переговаривали с командиром отряда. Мы вытянулись в цепочку и, пригибаясь, двинулись за ними. Через минное поле шли след в след, потом ползли по мху. Летние ночи короткие, терять нельзя ни одной минуты. Надо незаметно миновать посты противника. Каждый неверный шаг, малейшая оплошность могли стоить жизни, вызвать огонь гитлеровцев. Услышав шорох, замирали, прижимаясь к земле. Проводники-разведчики простились с нами. Теперь во вражеском тылу нам предстояло действовать самостоятельно.

Командир решил до рассвета отвести отряд в ближний лесок, окруженный болотами. Тут и расположились на дневку, заняли круговую оборону. День прошел спокойно. Правда, вправо от нас, со стороны шоссе, часто был слышен рокот моторов. Мы видели, как из сарая на краю деревни Заплюсье вышла группа фашистов. Однако по-прежнему кругом было тихо, только звуки редких выстрелов доносились с нашей стороны.

— Противник, по всей вероятности, накапливает силы для прорыва, — заметил Сабуров. — Узкий перешеек сковывает его маневр.

Следующей ночью командир повел отряд дальше. Когда солнце пригрело и осушило росу, мы подошли к лесной деревне Замошье. Многие дома были сожжены. Наша разведка дала знать, что гитлеровцев в ней нет. В лесочке мы встретились с местной партизанской группой, возглавляемой Иваном Барановым, жителем деревни Милютино. Оказалось, что эти-то смельчаки и не допустили фашистов в Замошье. Гитлеровцы в короткой схватке понесли потери и, удирая, огнем из пушки подожгли дома.

Нашему командиру стало известно, что в деревне Большие Лъзи расположился штаб одной из фашистских дивизий. «Вот бы

разгромить это вражеское гнездо», — мечтали мы. Но Сабуров трезво оценил обстановку.

— Не по силам нам, — сказал он. — Пойдем к Григорьевке, там гарнизон должен быть невелик.

Почти двое суток мы вели наблюдение за этой деревней. Скрытно подойти к ней вплотную было невозможно: с одной стороны вязкое болото, с другой — ровное, как стол, поле. В бинокль мы хорошо видели гитлеровцев. Они тщательно охраняли свой тыловой объект, по деревенской улице ходил патруль.

— Самое лучшее, если бы кому-нибудь из нас удалось пройти в Григорьевку под видом местного жителя, — сказал Сабуров. — Но это очень рискованно...

— Товарищ командир! — встал с земли Коля Мухин, самый юный из нас, семнадцатилетний паренек. — Отпустите меня в деревню.

Сабуров внимательно посмотрел на него:

— Ну что ж, давай готовься, да будь осторожен.

Коля мгновенно снял добротные сапоги, потоптался босыми ногами в грязи, сбросил армейскую пилотку и ремень. Малорослый, с взъерошенными волосами, он сейчас ничем не отличался от деревенских мальчишек. К нему снова подошел командир:

— Расскажи, что думаешь дальше делать?

— Кустами проберусь к крайним домам. Там я мальчишек заприметил. Поговорю с ними и выведаю все, что нужно. Да вы не волнуйтесь, товарищ командир.

— А если тебя сцапают? Тогда что? — нарочито строго спросил Николай Александрович Панов, заместитель командира партизанского отряда.

Коля нагнулся, схватил горсть земли, поднес ее ко рту:

— Вот честное слово, землю ем за то, что партизанской тайны не выдам.

Как он задумал, так и действовал. Кустами и задворками наш юный разведчик вышел к крайнему дому, подозвал к себе одного из подростков. Видим: уселись ребята у обочины дороги, толкуют о чем-то спокойненько. Вдруг к ним подъехал на велосипеде гитлеровец. Мухин сунул пареньку клочок газеты, предложил махорки и сам моментально свернул сигарку. Велосипедист остановился, а Коля жестом показал ему, что вот, мол, собрались закурить, да нет спичек. Гитлеровец досадливо махнул рукой и покати́л дальше.

Наш разведчик вернулся с важными сведениями. Он подчитал, что в Григорьевке находится до ста пятидесяти вра-

жеских солдат, около двух десятков автомашин и два легких танка.

Приближался вечер. Сабуров решил совершить налет на вражеский гарнизон. Панов во главе штурмовой группы в сумерках должен был напасть на деревню. Если гитлеровцы перейдут в контратаку, то наши бойцы сразу же станут отходить. А в это время группа прикрытия под командой Сабурова ударит по фашистам с фланга. Таков был план командира. Только внезапность и дерзость могли принести успех.

Я был в группе прикрытия. Панов уже повел свою группу. И мы, застыв в напряжении, ждали той минуты, когда кинемся в бой. В первый бой!

Взрыв гранат расколол вечернюю тишину. Со стороны деревни донеслись крики. Но почему же не слышно винтовочной стрельбы? Скоро вернулся Панов, доложил Сабурову, что гитлеровцы, бросив в деревне убитых и раненых, отошли за реку Плюссу, к шоссе на дороге. Вот досада! Если бы мы устроили засаду на дороге, то враг оказался бы в ловушке.

В первой схватке каждый из нас увидел воочию, что хотя захватчики и сильны, но бить их можно.

После налета на Григорьевку отряд вдоль реки Плюссы

Александр Александрович ТИХОНОВ родился в Ленинграде, в семье служащего, в 1912 году. Трудовую деятельность начал подростком, работал в совхозе.

С первых дней Великой Отечественной войны Тихонов — участник боев: сначала он командир отделения, затем старшина в одном из отрядов лужских партизан. В феврале 1942 года Александр Александрович — снова в армии. Участвовал в боях на Волховском, Юго-Западном и других фронтах. Войну закончил в Берлине командиром огневого взвода артиллерийского полка.

Живет А. А. Тихонов в Ленинграде, работает в городской конторе Госбанка.

отошел к северу и расположился на отдых в редком ивняке. Выставили посты. Ночью Сабуров решил произвести рекогносцировку. Вместе с ним пошли Николай Панов, Григорий Пирогов и я. Перейдя обмелевшую речку, миновав кустарник, а затем поляну, мы оказались у самой полевой дороги, на которой сохранились свежие следы солдатских сапог и автомобильных шин. Командир приказал заминировать дорогу. Пирогов кинжальным штыком от винтовки откопал лунки, а мы с Пановым заложили в них заряды. Потом отошли и притаились в густом кустарнике. Рано утром гитлеровцы вышли из деревни Милютино и двинулись по дороге как раз к заминированному участку. Один за другим прогремело несколько взрывов. Враг оставил тут около двух десятков трупов своих солдат. А мы благополучно возвратились к товарищам.

Прошло почти три недели, как наш отряд действовал в тылу противника. Добыты ценные разведывательные данные. Потрепан вражеский гарнизон в Григорьевке. Проведено несколько диверсий на дорогах, повреждены многие линии связи. Пора и к дому, в Лугу.

Командир выбрал наикратчайший путь — через Конезерье, Великолесье и дальше к стыку Батецкого и Лужского районов. Оставив позади Соколиный Мох, мы углубились в вековой лес. На склоне лесного холма сделали короткий привал. Кругом тишина, даже зверей напугала война. Но что это за дымное облако повисло невдалеке над лесными зарослями? Сабуров недоуменно смотрит то на карту, то на это странное облако.

— Здесь на добрых пять километров нет никаких селений, — задумчиво говорит он.

Надо заметить, что наш командир превосходно читал карту, да и без нее всегда точно и безошибочно ориентировался. Военная подготовка и специальность землеустроителя помогали ему в этом.

Трое бойцов — Тимошенко, Федоров и Пирогов — получили задание провести разведку. Оказалось, что население деревни Подлесье, колхозники артели «Красный Октябрь», спасаясь от фашистских грабителей, расположились лагерем в здешних глухих лесах. Мы отправились к ним. Колхозники обступили нас, стали расспрашивать о Ленинграде, о боях за Лугу. Подошел председатель колхоза Иван Егорович Егоров.

— Первым делом надо покормить гостей, а потом разговорами заниматься, — сказал он.

Ярче запылали костры. Кто-то из колхозников поймал из отары барашка. Хлебосольное гостеприимство было как нельзя

кстати. Уже много дней мы довольствовались остатками сухарей, черникой и костяникой.

От колхозников мы узнали, что население многих деревень забирает с собою колхозное добро и скрывается в лесах. Те, что помоложе, обзаводятся оружием и в меру своих сил борются с фашистскими захватчиками. Несколько дней назад жители деревни Староверский Луг подорвали автомашину с гитлеровцами.

Попрощавшись, мы двинулись дальше. На нашем пути встретился еще один лесной лагерь. В нем разместились жители колхозов «Победа» и «Красный Октябрь». От них мы услышали рассказ о мужественном комсомольце, председателе Великосельского сельсовета Г. П. Федорове.

Когда гитлеровцы, заняв станцию Передольскую, круто повернули влево, в сторону Шатновичей, один из бойцов группы местной обороны, созданной председателем сельсовета, примчался к нему и сообщил, что фашистские танки подходят к деревне. Выслав разведку, Федоров принялся скорее прятать и уничтожать сельсоветские документы. На поле недалеко от деревни показались фашистские танки. Комсомолец успел позвонить в Лугу секретарю райкома. Через несколько минут он погиб — его сразила шальная пуля. О танковой колонне противника райком быстро сообщил командованию наших войск. Артиллеристы 235-й дивизии открыли огонь. На поле возле деревни Шатновичи остались подбитыми несколько танков и около ста автомашин. Мы видели своими глазами это кладбище фашистской техники, когда в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июля между деревнями Шатновичи, Голубково и Торошковичи искали сравнительно безопасное место перехода линии фронта.

А она, эта линия, была совсем близка. Перейти ее стало намного сложнее, чем в тот июльский вечер, когда мы уходили на задание в тыл врага. Сейчас всюду натыкались на вражеские артиллерийские позиции, танки. Выручили проводники из лесного лагеря колхозников, рассказавшие нам о Григории Федорове. С их помощью на стыке границ Батецкого и Лужского районов мы благополучно перешли линию фронта. Вечером того же дня отряд без потерь вернулся в Лугу.

Город сильно пострадал от вражеских бомбежек и артиллерийского обстрела. Но израненная Луга еще держалась. Гитлеровцы на подступах к ней несли огромные потери.

Снова мы собрались в своей казарме в городском парке. Там узнали, что кроме нас в тылу противника побывали отряды ком-

мунистов Н. Г. Брыкусова, М. В. Романова, участника гражданской войны П. Е. Кривоносова. Они записали на свой боевой счет много уничтоженных фашистских головорезов, десятки автомашин.

Теперь батальон капитана П. Г. Лукина насчитывал без малого триста бойцов. Отряд Николая Георгиевича Брыкусова выделился в самостоятельную отдельную часть.

Натиск врага усилился. Передний край теперь проходил в восьми—десяти километрах юго-западнее нашего города, за деревней Раковичи. Фашисты охватили Лугу полукружьем, искали слабые места в обороне и всюду встречали упорное сопротивление. Части 41-го корпуса сдерживали врага. Перед нами была поставлена задача оказать помощь войскам.

Отряд занял позиции в районе дома отдыха имени Воровского. Вперемежку с бойцами 486-го стрелкового полка 177-й дивизии мы разместились в окопах, соединенных ходами сообщения. Утром по левому флангу, где проходила шоссеиная дорога, противник открыл артиллерийский и пулеметный огонь.

Наши позиции бомбили и фашистские самолеты. Неистовствовал смертоносный вихрь. Казалось, что в окопах все уже сметено. Наконец гитлеровцы перенесли артиллерийский и минометный огонь в глубь нашей обороны. А из укрытий выползли танки с крестами на броне, за ними во весь рост пошли солдаты. Психическая атака!

Мы видели, как машины с крестами напоролись на минное поле. Один взрыв, второй, третий... Но вражеская пехота, оглашая воздух беспрерывным треском ручных пулеметов и автоматов, продолжает наступать. Подпустив ближе, наши пулеметные взводы кинжальным огнем охватили с разных сторон наступающую лавину. Дрогнул враг... Безуспешными оказались и последующие атаки. Гитлеровцы в тот день не продвинулись ни на метр...

Девятнадцатого августа противник вышел к Варшавской линии железной дороги. Кольцо вокруг Луги замкнулось. Райком партии ушел в подполье, он действовал теперь на территории Красногорского и Ветчинского сельсоветов.

Сабуров по правому берегу реки Луги увел наш отряд в лесные чащобы. Командир выбрал место для лагеря в лесу между деревней Бежаны и станцией Мшинская, километрах в десяти—двенадцати от железной дороги. Бойцы-партизаны отрыли три глубоких котлована, опустили в них срубы, уложили накатник, а наверху сделали прокладку из рулонов резины, припасенных

еще в городе. Никакой дождь не мог проникнуть в наше лесное жилье. Каждая землянка вмещала до двенадцати человек.

В отряде имелись в достаточном количестве гранаты и патроны, а вот взрывчатки не было совсем. Выручила солдатская смекалка. Мы узнали, что в реке Луге наши воинские части затопили немало тола. По берегу расставили дозоры, неподалеку разожгли костер. Хорошие пловцы Фадеев, Силаев, Тимофеев, Топталов, Воробьев, Тимошенко вызвались быть ныряльщиками. Они бросались в воду, подымали со дна толовые шашки и передавали их товарищам. Потом смельчаки, стуча зубами от холода, подбегали к костру, обогривались и снова ныряли на речное дно.

Вскоре шестеро наших партизан отправились к железнодорожному полотну. Сделали подкоп под шпалу, заложили мешочки с толом. Укрывшись в кустах, стали ждать появления поезда. Заметили его еще издали. Топталов рассчитал время и поджег шнур. Но увы! Поезд промчался, а взрыва не последовало. Оказалось, что шнур был порван. Не повезло на первый раз.

Правда, рельсы все же удалось взорвать, и движение поездов на этой линии временно приостановилось. Но пустить под откос хотя бы один вражеский эшелон мы так и не сумели. Мешали неопытность, плохое знание подрывного дела. Одной смелости тут было мало.

А вот на автоколонны мы нападали удачно. Опыт в таких операциях у нас уже был.

Как-то мглистым осенним утром командир привел нас к шоссейной дороге между Долговкой и Толмачевом. Замаскировались. Ждем.

— Сигнал — мой первый выстрел. Отходим в северном направлении, — отдает приказ Владимир Петрович.

На пригорок поднимаются машины с высокими кузовами, покрытыми брезентом. Передние уже перевалили подъем и с большой скоростью мчатся по асфальту. Автоматная очередь сверлит кабину первого грузовика. Это — сигнал: стреляет наш командир. Бросаем гранаты. Вижу, как автомобили неуклюже разворачиваются на шоссе. Фашисты пытаются скрыться в кювете и падают под прицельным автоматнo-ружейным огнем.

— Это за Москву! — кричит Михаил Никитин.

— А это за Ленинград!..

Больше десяти автомашин противника с военным грузом после нашего налета остается на шоссе. Командир по цепи передает приказ — отходить в лес. Мы петляем, кружим по лесным тропам, чтобы не привести за собой на базу возможных преследователей.

Почти каждый день наши мелкие группы подстерегали врага на дорогах, из засад обстреливали фашистские колонны, гранатами уничтожали автомашины. Но мы понимали, что удары наши должны быть сильнее. Этого требовал и штаб. А в отряде опять не хватало взрывчатки.

Однажды вечером Сабуров пригласил к себе в землянку командиров отделений.

— Завтра пойдем к соседям на левый берег Луги, — сказал Владимир Петрович. — Капитан Лукин, как вы знаете, теперь командует отрядом. Попросим у него тола. Да и вообще полезно для дела встречаться с соседями. В лагере останутся охрана, наши хозяйственники, раненые и больные.

Почти двадцать километров лесной чащобой пробирались мы к местечку Сутоки, где располагался отряд Петра Гавриловича Лукина. Шли не как туристы или грибники. По пути вырезали телефонную связь, минировали дороги, обстреляли колонну автомашин.

Встреча с друзьями-соседями была радостной. Бойцы капитана Лукина подбили двадцать пять автомашин, артиллерийское орудие, сожгли два самолета, два склада с горючим, взорвали двадцать мостов, истребили более двадцати солдат и офицеров.

Петр Гаврилович рассказал нам, что гитлеровцы в районе Дарьина накапливают большие силы, собираются бросить их против партизан. В лесах от Толмачева до Сабид противник сосредоточил танки, вездеходы, артиллерию.

— Нашим отрядам надо быть начеку и взаимодействовать в боевых делах, — сказал Лукин.

Поделиться взрывчаткой с нами он, к сожалению, не смог.

Как предупреждал Лукин, так и получилось. Враг усиливал нажим на партизан, стараясь оградить от наших ударов коммуникации, всеми мерами обезопасить магистраль Луга—Ленинград. В конце сентября каратели ворвались в деревню Пустыня, где в местной школе располагался отряд Ивана Павловича Диева. Завязался тяжелый бой, и партизанам пришлось отойти. Гитлеровцы жестоко расправились с жителями деревни.

Наши отряды теперь стали чаще менять свои базы, сближаться между собою. К нам в лагерь пришел С. И. Полейко со своими бойцами.

— Оставаться в дарьинских лесах бессмысленно, — сказал он. — Каратели станут искать нас там, а мы будем воевать рука об руку с вами.

Братья Станислав и Иван Полейко до войны работали в Луге. Первый был заведующим гаражом дорожно-строительного участка, второй — мастером ремесленного училища. Когда началась война, райком назначил Станислава командиром, а Ивана — комиссаром партизанского отряда. Бойцы во главе с братьями Полейко били оккупантов в Волошове, под Красными Горами, Толмачевом. Побывав у нас, Станислав Иванович повел свой отряд в сторону Перечиц.

Положение все больше обострялось. Гитлеровцы посылали одну карательную экспедицию за другой.

Мы долгое время не виделись с руководителями партийного подполья. Связь поддерживали с ними постоянно, но после ухода из Луги лично не встречались. Районный штаб по руководству партизанским движением находился на стыке трех районов: Лужского, Оредежского и Красногвардейского (ныне Гатчинского). Место очень удобное: кругом густые леса, болота, озера. Штаб работал в обстановке строгой конспирации.

Гитлеровцы знали, что где-то в Лужском районе существует подпольный партийный центр, знали, что руководит им секретарь райкома. В деревнях появились объявления: за голову И. Д. Дмитриева оккупанты сулили тридцать тысяч марок, четыре гектара земли, две коровы, десять литров вина и тридцать пачек махорки. «Среди советских продажных нет!» — такую надпись сделал кто-то карандашом на одном из объявлений.

И вот Дмитриев вместе с А. П. Дроздовским, П. Н. Никифоровым, П. К. Гагариным, В. Ф. Варзановым и другими пришли в наш лагерь. Неожиданная, радостная встреча!

В одной из землянок собрались коммунисты. Секретарь райкома, рассказав о боевых делах лужских партизан, отметил, что

за несколько месяцев пребывания в тылу малочисленные отряды народных мстителей были измотаны непрерывными боями. Кончаются запасы боеприпасов. В некоторых отрядах, в том числе и у нас, нет даже раций. На этом совещании было решено решить нам выход в советский тыл.

Двадцать четвертого октября с восходом солнца опустели землянки. Все мы столпились вокруг командира. Выслали вперед разведку.

— Присядем на минутку по русскому обычаю, — сказал Сабуров. — А теперь пора и в путь...

В декабре сорок первого года отряд вышел из лесов к деревне Бритино в расположение войск Волховского фронта.

БОЙЦЫ ЛЕСНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В конце июля сорок первого года в четырех километрах от нашего села фашисты окружили какую-то красноармейскую кавалерийскую часть. Весь день ухали пушки, стрекотали пулеметы, доносилась винтовочная перестрелка. Ночью к нам приполз раненый командир-кавалерист. Пуля пробила ему грудь навывлет.

— Откуда ж ты, сынок? — спросила мать, промывая и перевязывая рану.

— Издалека, армянин я, а зовусь Целак Акопович Ефремьян.

— Всех война тронула, — вздохнула мать, бережно укладывая на постель чужого сына, ставшего ей близким и родным.

— Часть бы мне догнать, — задумчиво сказал командир.

— Можно попробовать, — согласился отец. — Ты, Коля, к вечеру травы побольше накоси, телегу помажь получше, может что и удастся.

Эскадрон мы настигли в лесу за Мухаревом, но вернулся домой я не сразу. Командир эскадрона предложил везти раненого дальше. Мне же только этого и хотелось. Однако через неделю меня отправили обратно. По дороге домой я встретил группу вооруженных людей. Это были ленинградские рабочие, специально посланные в тыл врага.

— Куда едешь? — спросил меня их командир.

— Домой, в Ручьевую.

— Тебе туда не попасть, там уже фашисты.

— Тогда возьмите меня с собой.

— Сколько же тебе лет?

— Шестнадцать исполнилось. В этом году школу окончил.

— Что ж, оставайся, — и, обернувшись к товарищам, добавил: — Сгодится для разведки. К тому же местный, небось всю округу знает.

— Знаю, конечно, — обрадованно подтвердил я, хотя до этого отлучаться далеко от дому мне не приходилось.

И вот первое задание. Командир отряда Савченко приказал

разведать численность гарнизона в деревне Тягущи. Вместе со мной пошел Петя Карпов, тоже из нашей школы.

В Тягущах гитлеровцы не обратили на нас никакого внимания, — мало ли мальчишек ходит по деревне. Разузнав все, мы отправились обратно. Когда вышли за деревню, решили нарисовать на бумаге, где стоят зенитные батареи и пулеметы. Только достали тетрадный лист, как из-за кустов, причесывая мокрые волосы, вышел, видимо, только что искупавшийся, солдат. Услышав шорох, Петя быстро скомкал бумажку и сунул куда-то в траву.

— Вы что здесь делаете? — невероятно коверкая слова, спросил гитлеровец.

— Да вот яички на табак меняем, — ответили мы, указывая на корзины.

— А, яйки, это гут, карашо. Давайте сюда.

— А табак, дяденька? — осмелели мы.

Но гитлеровец даже не обернулся.

— У, проклятый фашист, — выругался я, — подожди, узнаешь...

Савченко похвалил нас за хорошую разведку, но посоветовал впредь все держать в уме, не доверять бумаге. А бойцы долго смеялись над нашей неудавшейся «коммерческой» операцией.

Еще в начале войны в Дедовичском районе для борьбы с диверсантами из партийного и советского актива был создан партизанский отряд. Возглавляли его секретари райкома Рачков и Майоров. Теперь, когда район был оккупирован фашистами, местные отряды объединились с ленинградцами. Основным центром партизанских сил стал Серболовский лес. Мы с Петей Карповым по-прежнему ходили в разведку, но, как только заикались, что хотим стать настоящими бойцами, получали отказ. Партизаны шутили:

— Какие же вы бойцы, у вас и оружия нет.

— Давай добудем оружие, — предложил я Пете. — У меня есть две гранаты, сделаем на дороге засаду, собьем какого-нибудь фашиста, и все в порядке.

К нам присоединился и Сеня Сироткин. Чуть свет мы вышли на дорогу Железница—Хохлово и стали ждать. Вскоре появился немецкий кавалерист. Когда он с нами поравнялся, я размахнулся и бросил гранату. Но за те секунды, что прошли до взрыва, конный оказался уже вне опасности. Более того, он обернулся и хлестнул по нас очередью из автомата. Попав первый раз в жизни под огонь, мы бежали буквально без оглядки до ближних кустов. Но, отдышавшись, снова решили идти в засаду. На этот раз нам

повезло. Взрывом был убит вражеский мотоциклист. Нам достались автомат, пистолет и две гранаты.

— Вот это другое дело, — похвалили нас старшие товарищи, рассматривая добытое оружие, — теперь вы хотя и очень молодые, но настоящие бойцы.

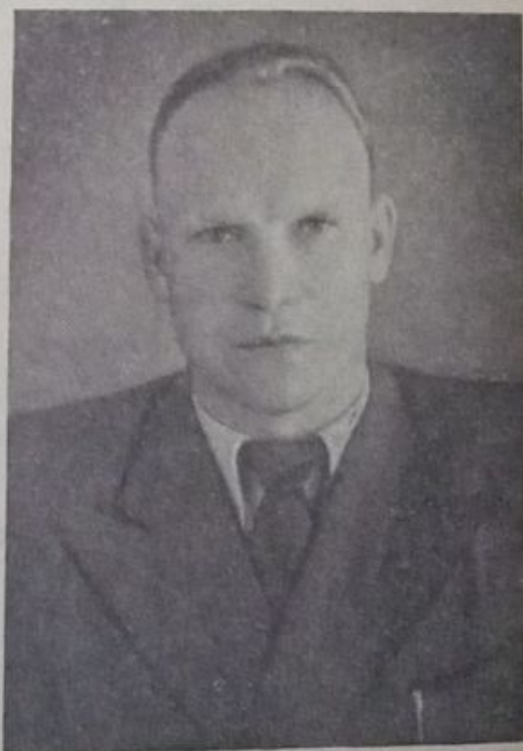
Так в августе я стал полноправным членом партизанской семьи. Партизанами стали и мой отец и старший брат Иван.

Оккупанты все больше и больше терроризировали население. С помощью предателей они узнавали имена коммунистов, советских активистов. Расправлялись с ними с невиданной жестокостью. Мне до сих пор не забыть, как в Ясках у окна своего дома на глазах жены и детей был повешен за ребро местный коммунист. Садисты не дали его снять до тех пор, пока в тяжелых муках он не скончался.

Партизанское командование решило уничтожить предателей. В деревне Каруево жил некий Григорьев. Гестаповцы снабдили его оружием, немецкими документами. Этот выродок выдал многих сельских активистов. Решением партизанского суда ему был вынесен приговор — смерть. Привести приговор в исполнение поручили Засорину и мне. Ночью мы пришли в деревню Каруево, где жил предатель. Когда Засорин вошел в дом, негодай выскочил

Когда началась Великая Отечественная война, Николаю БОГДАНОВУ исполнилось 16 лет. Он только что окончил среднюю школу. Летом 1941 года фашисты заняли родные места Богданова — Псковщину. И юноша взял в руки оружие. Воевал с гитлеровцами в составе 2-й, затем 6-й бригад ленинградских партизан.

В послевоенные годы Богданов — на партийной работе. В настоящее время Николай Яковлевич работает заведующим отделом Псковского обкома КПСС.

во двор и пытался убежать в сад. Я за ним. Он обернулся и дважды выстрелил. К счастью, пули пролетели мимо. Но зато я не промахнулся. На грудь предателю мы положили партизанский приговор, который заканчивался словами: «Собаке — собачья смерть».

Вскоре в наших лесах появился отряд Николая Григорьевича Васильева и Сергея Алексеевича Орлова. Первый был кадровый командир, второй — секретарь райкома. Из разрозненных партизанских групп осенью сорок первого года они создали 2-ю партизанскую бригаду. В нее влился и наш отряд.

Собранные в один кулак партизаны стали смелее нападать на вражеские гарнизоны, и вскоре от оккупантов была освобождена большая территория. Народ назвал ее Партизанским краем. Советская власть в тылу врага была восстановлена в четырехстах деревнях Дедовичского, Белебелковского и Ашевского районов. Военным руководителем этой лесной республики, ее душой был замечательный организатор и командир Н. Г. Васильев.

В лесной республике, как и в довоенные годы, действовали колхозы. Они снабжали партизанские базы продуктами и одеждой. Во многих деревнях, где были учителя, ребята ходили в школу. Работали медпункты. Регулярно проводили собрания. В случае опасности крестьяне бросали работы и вместе с партизанами давали врагу отпор. В свободную минуту партизаны охотно помогали населению. Это была одна семья, сплоченная ненавистью к врагу, не вставшая перед ним на колени.

Зима первого военного года наступила рано. Уже в середине октября выпал снег. Морозы и метели не остановили партизан. Они действовали все более активно. Об успешных боях 2-й бригады не раз сообщало Советское Информбюро. Обозленные гитлеровцы в начале декабря предприняли карательную экспедицию. Против нас были брошены полевые войска и даже танки. Командование бригады привело свои силы в полную боевую готовность. В двух направлениях пошла партизанская разведка. В сторону деревни Паревичи повел своих бойцов командир взвода Павел Разуев. Недалеко от деревни разведчики нарвались на крупную засаду. Партизаны бились до последнего патрона и все погибли.

Наша группа должна была произвести разведку в сторону деревни Железницы. Дорога шла через мою родную Ручьевую. Когда мы вошли в деревню, я увидел, что нашего дома уже нет, он сожжен карателями. От соседей я узнал, что кто-то донес гитлеровцам, что трое из нашей семьи — отец, брат и я — ушли

в партизаны. Дома оставалась мать и шесть сестер и братьев. Старшему, Косте, было четырнадцать лет, младшей, Вале, — годик. Фашисты решили расправиться с нашей семьей. При въезде в деревню они открыли стрельбу из пулеметов и минометов, хотя в домах были только безоружные жители. Подъехав к нашему дому, офицер-эсэсовец посмотрел в записную книжку и махнул рукой факельщикам. Те стали поджигать надворные постройки, а сам он и несколько солдат вбежали в дом.

— Вег, вег, — орал офицер, угрожая матери пистолетом.

Ребятишки раздетые выскочили на улицу. Мать хотела младшую завернуть в одеяло, но фашист выхватил его из рук и бросил себе под ноги. Босиком, раздетую, с ребенком на руках вытолкали солдаты мать на улицу. Дом запылал. Вокруг собрался народ, кто-то из мужчин незаметно подложил под ноги матери две

шапки, женщины унесли девочку, а потом, пользуясь суматохой, увели и спрятали мать.

Выполнив задание, мы вернулись в бригаду. Карательная экспедиция окончилась для фашистов провалом их планов. В бессильной злобе они сожгли несколько деревень и оставили нас на некоторое время в покое.

В середине января сорок второго года по заданию штаба Северо-Западного фронта наша бригада готовила налет на город Холм Калининской области. Дошедшая до нас радостная весть о разгроме фашистов под Москвой подняла настроение людей, все приободрились.

Наш взвод состоял в основном из молодежи. Командовал им вышедший из окружения командир Красной Армии Дорофеев. Приказ о начале операции пришел вечером. На санях по Рдей-

ским болотам часть бригады двинулась по направлению к Холму. Расстояние не близкое — восемьдесят километров. Вел колонну Николай Александрович Рачков. Стоял трескучий мороз, и нам то и дело приходилось соскакивать с саней, чтобы согреться.

На дневку остановились в деревне Ретча. Мы разместились в доме Бодраковых. Нас приветливо встретила молодая женщина и сразу хлопотала около печки. Звали нашу хозяйку Мария Илларионовна, но мы ее между собой называли «маленькая мама». И позднее не раз мы находили приют в этой гостеприимной семье. Тут мы получали теплую одежду, продукты и даже махорку, которая в войну была порой дороже хлеба.

Отдохнув, двинулись дальше. К Холму подъехали со стороны поселка Локни. Недалеко от города Рачков остановил отряд и выслал вперед разведку, в составе которой оказался и я. Под покровом ночи мы неслышно стали приближаться к первым строениям. На наше счастье, вражеский патруль не выдержал лютого холода и ушел погреться. Когда мы подошли к дому, неожиданно хлопнула дверь и на крыльце появился часовой, закутанный с ног до головы. Он не успел даже вскрикнуть, как все было кончено. Труп мы спрятали в снегу за забором, а сами двинулись к центру города. Улицы были забиты автомашинами, подводами. Дойдя до берега Ловати, мы повернули назад.

Бой за Холм начался ранним утром восемнадцатого января атакой партизан с трех направлений. На окраину города вступили без шума. Но внезапно ворваться в центр не удалось. На дороге со стороны Локни появилось три подводы с гитлеровцами. Подпустив их поближе, Володя Егоров дал несколько очередей из пулемета. Сразу вспыхнула стрельба по всей окраине города.

Наш взвод получил приказ захватить двухэтажное деревянное здание, в котором располагался штаб какой-то вражеской части. В окна полетели гранаты, затрещали выстрелы, кто-то догадался порвать связь. Но и гитлеровцы ответили огнем.

— Вперед, смелее, ребята! — командовал Дорофеев.

Мы выскочили во двор. Здесь в ряд стояли грузовики, покрытые брезентом, и штабные легковушки.

— Зажечь машины! — услышал я команду и бросился в глубину двора. Зажег одну машину, другую и вдруг увидел, как из здания выбежало несколько солдат. Я выстрелил в упор. Первый солдат упал, а второй поднял руки. На помощь подскочили ребята. Мы разоружили гитлеровца, оставили кому-то под охрану, а сами ворвались в здание. Едва открыли дверь, как нам навстре-

чу бросилась громадная овчарка. Кто-то с ходу выстрелил, и собака вытянулась на пороге. В штабе все было разбито, валялись трупы гитлеровцев. Мы взяли документы, прихватили трофеи и стали догонять своих, которые к этому времени уже вышли на берег Ловати.

Наступил рассвет, а бой на улицах все еще продолжался. Особого ожесточения он достиг в районе тюрьмы, где действовал отряд Василия Зиновьева.

Утром вражеский гарнизон получил подкрепление. В воздухе появилась немецкая авиация. Мы стали отходить. На локнянской дороге столкнулись с крупной гитлеровской частью. Силы были неравные. Командование решило не принимать боя, а чтобы обеспечить отход, назначило группу прикрытия, в которую вошли пулеметчик Володя Архипов, Саша Дмитриев, Иван Смирнов, Михаил Морозов и я. Снег был по пояс. Мы вконец измотались. Целые сутки отбивались от наседавших гитлеровцев, уводили их все дальше и дальше от расположения отряда. Наконец нам удалось оторваться от преследователей.

Бригада ушла в Серболовский лес. В Партизанском крае в это время началась большая работа по подготовке обоза с продовольствием для трудящихся Ленинграда. Возглавляла эту работу специальная тройка в составе А. Г. Поруценко, В. И. Лильбока и Е. М. Петровой. К проведению собраний среди населения они привлекали старых коммунистов, которых хорошо знали жители окрестных сел. Мой отец до войны был депутатом Дедовичского районного Совета. Его товарищ, старый коммунист Иван Егорович Егоров, тоже активно участвовал в общественной жизни. И поэтому, естественно, им было поручено проводить собрания в деревнях нашего сельсовета.

Январским вечером в самой просторной избе нашей деревни собралось все население Ручьевой и Холова.

— Тяжело ленинградцам, очень тяжело, — начал собрание отец. — И холодно и голодно.

— А ведь мы можем им помочь, — вступил в беседу Иван Егорович. — Скоро пойдет в Ленинград партизанский обоз. Наверно, и у вас найдется, что туда отправить.

Сразу стало шумно. Все обрадовались, что могут помочь защитникам города Ленина. Возбужденные люди не заметили, как крестьянин по прозвищу Стульчак (народ не хотел даже называть по фамилии этого выродка) потихоньку вышел из хаты и направился в деревню Яски, где стоял фашистский гарнизон. Когда гитлеровцы узнали, что собрание проводят всего два пар-

тизана, они решили тут же расправиться с ними, а заодно устранили непокорную деревню. В сторону Ручьевой направился вражеский отряд.

— Фашисты идут, — закричали мальчишки, вбежав в избу, где шло собрание.

Все стали разбегаться. Заголосили женщины, заплакали ребята.

— Давай к лесу, Иван Егорович, — заторопил товарища отец, — может, проскочим.

— А как же твоя семья? — спросил на ходу Егоров.

— Найдутся добрые люди, позаботятся, а вот если мы попадемся, то и им и нам не сдобровать.

Гитлеровцы заметили партизан и бросились за ними в погоню. Отец и Иван Егорович стали отстреливаться. До леса было уже недалеко, когда фашистский офицер приказал открыть огонь из пулемета. Егоров погиб, а отца ранило. Трое гитлеровцев, решив, что теперь они возьмут партизана живым, подбежали к отцу. Превозмогая боль, он взмахнул гранатой и бросил ее под ноги фашистам. Один сразу упал, а двое, раненные осколками, прекратили преследование. Обозленные гитлеровцы опять открыли огонь из пулемета, и отец упал замертво.

Выждав несколько минут и убедившись, что партизаны действительно мертвы, фашисты притащили их тела в деревню.

— Ага, Богданов, доигрался, — радовался один из немецких прислужников Быстров. — Всю их семью под корень надо, все партизанское семя.

Отец был мертв, но и над мертвым партизаном фашисты решили надругаться. Они привязали его за ноги к саям и потащили по деревне.

— Объясняй, что со всеми партизанами так будет, — указывал гитлеровец Быстрову. — А где его семья?

— Где Ксения Богданова? Где, говорите! — наскокивал негодяй то на одного, то на другого крестьянина.

Отец оказался прав: люди не выдали ни мать, ни детей.

— Семейку свою Яков Богданов давно в лагерь увез, — говорили все опрашиваемые.

А она была рядом. Наша соседка Анна Дмитриевна Ульянова, муж которой тоже был в партизанах, уложила мать на кровать, накрыла матрацем, а сверху посадила своих ребятшек. Гитлеровцы заскочили к ней в избу, но ничего подозрительного не заметили. Порыскав по деревне, они вскоре убрались, боясь, что нагрянут партизаны.

В ту же ночь партизанское командование, до которого еще не дошла весть о расправе, послало в разведку в деревню Болотня моего брата Костю и секретаря сельсовета Лешу Кустова. Они запрягли лошадь в сани и под видом местных жителей двинулись в путь. Все шло поначалу хорошо. Ребята замечали, где расположились гитлеровцы, старались запомнить все, что могло заинтересовать командование. Посредине деревни их остановил патруль. Четырнадцатилетний Костя не вызвал никакого подозрения, и солдат уже хотел отпустить разведчиков, когда подошел тот же Быстров. Приглядевшись внимательно, он вдруг злобно сказал:

— А этого я знаю, богдановский щенок.

Разведчиков тут же схватили и посадили в холодную избу. Там уже находился арестованный Петя Карпов и еще несколько человек. Через некоторое время Костю и Лешу полицаи повели на допрос.

— Какое задание вам дали партизаны? — спрашивали гестаповцы.

Но ребята молчали. Их били прикладами, выкручивали руки, а добиться ничего не могли.

Ночью за деревней началась стрельба. Напуганные гитлеровцы вывели арестованных на расстрел. Поставили у стенки сарая и дали несколько автоматных очередей. Кто стонал, того добились прикладами. Потом у всех забрали валенки, шапки и уехали.

На рассвете жители пошли хоронить убитых. Они увидели, что один из казненных еще жив. Это был Костя. Пуля прошла выше сердца, раздробила плечо. Кроме того, у него были обморожены ноги и кожа на голове.

— Чей ты, откуда? — допытывались женщины, когда Костя пришел в сознание.

— Я из Ручьевой, Богданов, — прошептал брат.

Крестьяне снарядили подводу и привезли его домой, а остальных захоронили.

Когда развернулись эти трагические для меня события, наш отряд выступил в поход на Яски. После Холмской операции я уже был командиром отделения в роте Осокина. Мне едва исполнилось семнадцать лет. Бойцы тоже были ненамного старше командира.

Путь в Яски проходил через нашу деревню, и я решил на минуту забежать домой. Командир отряда Синельников, знавший уже обо всем, что случилось, долго меня отговаривал, но я все-таки настоял на своем. Войдя в избу, посредине увидел гроб, пла-

чущую мать, ребяташек и на кровати — чуть живого Костю. Я оцепенел от боли и ненависти.

— Николай, пора, — тихо позвал пришедший за мной Вася Гавриков.

Обняв мать, я побежал догонять своих.

Похороны состоялись уже без меня. На митинг приехали командир отряда Рачков, Майоров и еще несколько партизанских вожаков. Костю отправили в партизанский госпиталь к нашему врачу Лидии Семеновне Радевич, а мать с ребятами было решено на самолете переправить в советский тыл. Пришла она на лесной аэродром, а там — раненые. Уступила место раненым в одном самолете, в другом, а потом заявила:

— Бог с ним, не полечу я никуда, отправляйте вы раненых, им тяжелее.

Так и осталась она в тылу врага до дня освобождения.

Ребята узнали, какое у меня большое горе, и всячески старались отвлечь от тяжелых мыслей. На отдых мы остановились в деревне Железница, где когда-то учились в школе. Встретила нас учительница Людмила Сергеевна Лепник. Она очень обрадовалась, затопила чугунок, наварила картошки, и мы долго вспоминали школьные годы, такие близкие и такие далекие.

Отдыхали до полуночи, потом снова двинулись в путь. До Яссок, в которых стоял большой вражеский гарнизон, оставалось километров семь. Это было огромное село с несколькими каменными зданиями. Когда мы подходили к деревне, застрочил пулемет.

— Отделению Богданова уничтожить пулемет! — передали приказ командира.

Мы поползли к сараю. Первым добрался до него Егор Николаев. Он ловко метнул гранату, и гитлеровцы замолкли.

Начался бой. Смело действовали штурмовые группы. Скоро враги остались только в каменном подвале школы.

— Комсомольцы, вперед! — скомандовал Синельников.

Маскируясь за деревьями, мы стали приближаться к фашистам, засевшим в подвале. Но кинжальный огонь другого вражеского пулемета прижал нас к земле. Петя Федоров первым бросил гранату, но она не достигла цели, а сам отважный партизан упал, сраженный пулей. Полетели гранаты Васи Гаврикова, Саша Дмитриева и моя. Пулемет замолчал. Но и Вася и Саша были тяжело ранены. Я бросился к ним на помощь, но нас сразу засек снайпер. Кому-то из партизан удалось уничтожить снайпера. Мы вынесли раненых.

Васе Гаврикову помощь была уже не нужна. Шесть пуль пронзили грудь моего отважного друга, пришедшего в партизанский отряд вместе со мной в начале войны. Вся семья Гавриковых храбро сражалась с оккупантами. В партизанском отряде были отец Васи Василий Григорьевич, мать Нина Федоровна и старший брат коммунист Валентин...

В конце февраля 2-я бригада разгромила гарнизон и в Дедовичах. Партизаны уничтожили большой склад боеприпасов, взорвали мост через Шелонь.

Лесная республика просуществовала целый год. Летом сорок второго года фашистам удалось окружить край огненным кольцом. Подтянув танки, бросив против партизан самолеты, гитлеровцы вышли к нашим базам.

Наш полк находился тогда вблизи деревни Мухарево. Вызвав к себе, командир полка Рачков дал мне планшет с картой, наметил точкой, где должен находиться отряд «Ворошиловец», и сказал:

— Пойдешь сюда и установишь связь с ворошиловцами.

Целый день провел я в поисках, но отряда найти так и не удалось. А возвратившись обратно, не нашел и штаба полка. Отряды уже снимались и направлялись к исходным рубежам, намеченным для прорыва вражеских «клещей». Нам дали приказ выйти в советский тыл на переформирование. Выходить было решено мелкими группами. Нашу группу возглавил начальник штаба полка Василий Иванович Ефремов.

Едва стемнело, мы миновали вражеские посты и стали пробираться по Рдейским болотам.

К утру, выбрав кочки, на которые кое-как можно было присесть, мы устраивали привал. Кончался отдых, и снова хлюпала под ногами вода, проваливалась зыбкая почва. Шли по ночам. Днем фашистские самолеты не давали нам покоя.

На пятые сутки сварили последний котелок ржи. Теперь кормились клюквой и голубикой. Люди совсем ослабли. Наконец нам посчастливилось выйти на сухое место. На небольшой возвышенности стояла деревня Лесовые Горки. Жителей там не было давно, и раздобыть что-нибудь поесть не удалось.

— Василий Иванович, там какая-то шкура на чердаке висит, — доложил кто-то из ребят.

— Несите, попробуем, шкура ведь тоже съедобная.

Кожа позеленела, заплесневела, и было не разобрать, то ли ее содрали со старого быка, то ли с лося. Мы ее вымыли, выскребли, разрубили на куски и сварили. Дымная, безвкусная

похлебка все же несколько подкрепила силы, и, отдохнув, мы снова двинулись вперед.

Прошло еще два дня. Силы покидали нас совсем.

— А что, Василий Иванович, на моей кобуре кожа не хуже, чем у того быка, — предложил я. — Попробуем, сварим.

— Давайте отведаем супа из кобуры, — улыбнулся Василий Иванович.

Это был наш последний резерв. К счастью, вскоре за Холмом мы встретили армейскую разведку, и она перевела нас через линию фронта.

Отдых и переформирование заняли примерно два месяца. Мы набрались сил, подлечились. Вновь идти в тыл врага бригада должна была в небольшом составе — всего триста бойцов. Мы знали, что комбриг наш серьезно болен, и не понимали, почему его не заставят как следует вылечиться.

Перед отправкой комбриг выступил перед нами с речью. Кашель мешал ему говорить, однако он не подавал вида, что ему тяжело.

В ночь на двадцать девятое ноября сорок второго года мы по льду перешли реку Рдею. Вражеская оборона была глубоко эшелонирована, и из некоторых блиндажей гитлеровцы вели по нам огонь. Комбриг шел в колонне вместе со всеми. Шаг его становился все тяжелее, по лицу градом катился пот. Почти силой бойцы уложили его. Разведчики плотным кольцом в два ряда

околожили носилки с больным комбригом, чтобы ни одна шальная пуля не тронула дорогого всем человека. Рядом шла санитарка, вытирая комбригу выступающую изо рта кровь.

Миновав линию фронта, мы остановились в лесу и сделали привал. Немного отдохнув, комбриг поздравил нас с удачным

переходом. Разведчики подогнали ему лошадь с санями, и вся колонна двинулась на старые базы в Серболовский лес.

Враги, узнав о нашем появлении на территории бывшего Партизанского края, всполошились. С целью разведки наших сил они послали маршевый батальон. Комбриг приказал уничтожить гитлеровцев, которые расположились в деревне Жилой Борок. Выполнение задачи было поручено полку Виктора Павловича Объедкова. Полк блестяще провел операцию. Комбриг получил от Объедкова краткое, но довольно выразительное сообщение: «Жилой Борок взял, ни один фашист не ушел, пленных нет».

После этого гитлеровцы долго не решались сунуть нос в расположение нашей бригады, а мы продолжали наносить им чувствительные удары. Разгромили гарнизоны в деревнях Починок, Ухошино, провели несколько диверсий на дорогах.

В эти дни нам, разведчикам, поручили охрану штаба, где находился и работал комбриг. Часто, стоя на посту, я думал об этом большом и сильном человеке. Припомнилось, как в августе сорок второго года гитлеровцы в жарком бою у деревни Пустыньки совсем уже было потеснили отряд «Буденовец». И тут в гущу врагов с маузером в руке бросился комбриг, а за ним комиссар с группой бойцов. Поднялись в атаку и остальные партизаны. Враг позорно отступил с большими потерями.

Около двенадцати ночи в стороне отряда Алексева раздался взрыв, а за ним несколько выстрелов. Я вошел в землянку. Комбриг не спал, он о чем-то думал, к тому же его, видимо, мучила боль в горле. На лицо падал свет от коптилки из снарядной гильзы. В печурке горел огонь. У изголовья висели маузер, бинокль. Рядом лежал раскрытый планшет. Едва я успел доложить о случившемся, в землянку вбежал Алексеев.

— Погиб комиссар Смирнов, — взволнованно крикнул он.

Комбриг изменился в лице. Он медленно оделся и вышел последний раз взглянуть на товарища по борьбе.

А через некоторое время комбриг и сам уже не мог выходить из землянки, смертельный недуг свалил этого могучего человека.

Последние дни рядом с ним все время находился его боевой соратник и друг — комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов.

Вскоре комбрига отправили в советский тыл. А затем пришла печальная весть: Николай Григорьевич умер в госпитале, в Валдае. Не у одного из нас невольно скатилась непрошенная слеза. Мы поклялись еще сильнее бить врага.

Нашей 2-й бригаде было присвоено имя комбрига Васильева.

ГЛУБОКИЙ РЕЙД

Хмурые октябрьские дни первого года войны. По-осеннему сыро и пасмурно. В избе нас трое. Что-то тихо напевает себе под нос Петр Неволин. Он сидит у окна и латает порванную телогрейку. Иосиф Буров молчит и сумрачно скручивает сигарку. Я листаю учебник географии сына хозяев дома и с горечью думаю: «Как же так — говорили, что будем воевать с врагом на его же собственной территории, а получилось?.. Вон куда дошли — чуть ли не до Осташкова! Отсюда и до моей родной деревушки рукой подать...»

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал я и встал.

Вошел старший лейтенант. На вид ему было лет около двадцати пяти. Оглядев нас, спросил:

— Есть здесь кто-либо из командиров?

Вопрос был не праздным. Из окружения мы вышли в такой одежде, которая меньше всего говорила о нашей принадлежности к армии. Я представился:

— Командир. Танкист. Из Пятой танковой дивизии.

Он почему-то обрадовался:

— Танкист, значит? Это хорошо!

— Чего ж тут хорошего, товарищ старший лейтенант? Танкист есть, а машины ни одной. Плохо это! — ответил я.

— Не горюй! На войне всякое случается... Ну, давай знакомиться, коллега... Герман Александр Викторович. Тоже танкист и тоже, — он улыбнулся, — между прочим, без машины. Однако не горюю, а воюю... Присядем.

Мы сели к столу. Герман спросил:

— Какой судьбой здесь, в Задубье, если не секрет? Впрочем, со мной можно в открытую. Вот мандат.

Я взял удостоверение: «Предъявитель сего Герман А. В. выполняет работу особого значения по заданию Военного совета СЗФ...» Обратил внимание на подписи: начальник штаба Северо-

Западного фронта генерал-лейтенант Ватутин, начальник разведотдела СЗФ полковник Деревянко. Вернув мандат, я стал рассказывать Герману о том, как мы попали сюда, в калининскую деревушку Задубье...

Осенью сорокового года я окончил танково-техническое училище и получил назначение в часть, находившуюся в Прибалтике. Службу начал командиром взвода по ремонту средних танков в составе 10-го танкового полка 5-й дивизии. Летом стояли мы недалеко от государственной границы. На рассвете двадцать второго июня наша казарма наполнилась дымом, вокруг все загрохотало, стало светло, как днем.

Бомбежка и артиллерийский обстрел сделали свое дело: за городом наши машины почти все погибли. Под градом свинца мы с трудом перебрались за Неман, и там командир полка полковник Богданов сказал: «Пойдем на Вильнюс! Таков приказ комдива... На оставшихся танках!»

А их осталось совсем мало. Поэтому кто внутри ехал, кто на броне. Я с пулеметом — на жалюзи. Шли на полных скоростях, но до столицы республики не добрались — оказались отрезанными, потеряли связь со своими. Не прорвалась и специальная ударная группа из нескольких машин. Погиб командир полка. Об этом рассказал экипаж единственного танка, вырвавшегося из пекла. Оказавшись в тылу врага без горючего и боеприпасов, стали прощаться с техникой — механики-водители разгоняли машины и пускали их под обрыв. А сами выпрыгивали на ходу.

Мы пошли на северо-восток. С двумя компасами и тремя ручными пулеметами наша группа двигалась по ночам. По жеревке ходили в разведку и за продуктами в деревни. Однажды в районе Полоцка я встретился и познакомился с Иосифом Буровым — он, армеец, примкнул к нам. У Великих Лук к нам присоединился Петр Неволин из сибирской дивизии.

В районе Пушкинских Гор, Новоржева и Бежаниц было очень много фашистских гарнизонов и полицейских застав. Мы повернули строго на восток и после нескольких стычек и перестрелок с патрулями перешли линию фронта около деревни Машугина Гора. После отдыха в деревне Задубье хотели влиться в ближайшую танковую часть...

— Документы удалось сохранить? — спросил внимательно слушавший мой рассказ Герман.

— Припрятали... Не все, правда...

— А в каких пунктах стоят вражеские гарнизоны, сказать можете?

Что знали, мы рассказали старшему лейтенанту. Он, не перебивая, делал какие-то пометки и записи в блокноте. И вдруг ошеломил нас вопросом:

— А как вы смотрите на обратный путь в тыл противника?

— Мне лично хотелось бы вернуться в механизированную часть. А они — не знаю, — повернулся я в сторону Бурова и Неволлина.

Буров не замедлил с ответом:

— Время военное, мы пойдем, куда прикажут.

Неволин добавил:

— Только сообщить о нас надо по назначению, чтобы не считали дезертирами.

— Это можно, — ответил Герман. — В общем, думайте, я зайду еще раз.

Когда Герман зашел на следующий день, я ответил за троих:

— Согласны, товарищ старший лейтенант. Просим сообщить, куда и с кем...

— Одевайтесь, пошли со мной.

Через несколько минут мы познакомились с майором-кавалеристом. Это был Леонид Михайлович Литвиненко, человек лет сорока, смуглый, плотный. Он сказал нам, что штабом Северо-Западного фронта создана 2-я Особая партизанская бригада, в основном из военных, уже нюхавших порох. Она направляется в тыл врага. Ему поручено командовать бригадой. Вот он и набирает добровольцев.

Так Буров, Неволлин и я стали партизанами 2-й Особой бригады, которая располагалась в районе Осташкова и ежедневно пополнялась людьми. Вскоре со многими из них я познакомился — Александром Белашем, Виталием Тарасюком, Николаем Бурьяновым, Степаном Панцевичем, Владимиром Загороднюком — командирами, а также медиками — Анатолием Ивановым, Валентиной Бабуриной, Екатериной Даниловой, переводчицей Ниной Зиновьевой, бойцами — Михаилом Стецем, Григорием Лемешко, Федором Богуславским и другими. Но по-настоящему узнал их в боевых делах на оккупированной гитлеровцами территории.

Первым проводили мы за линию фронта отряд Тарасюка. Затем со своим отрядом ушел Загороднюк. И, наконец, в канун праздника Октября — остальные подразделения бригады. На границе Сережинского и Пеновского районов мы соединились с отрядами Тарасюка и Загороднюка. Вся бригада была теперь в сборе. Наступала пора активных действий.

Как-то разведка донесла: в Андреаполе крупный склад боеприпасов. Герман доложил об этом Литвиненко. Комбриг решил уничтожить склад.

Два отряда приблизились к населенному пункту и залегли. Специальная группа под руководством Григория Быкова в маскировочных халатах должна была снять часовых, без шума разделаться с охраной в караульном помещении, затем вывезти боеприпасы, нужные бригаде, а остальные взорвать.

Все прошло хорошо, но попасть на склад не удалось, — помещала расположенная неподалеку от склада, в каменном доме, огневая точка врага. Тогда Быков приказал взорвать склад. Первая «шумная» операция обрадовала и нас самих, и местных жителей — они думали, что сюда прорвались части Красной Армии. Видимо, по этой же причине фашисты даже не преследовали нас после диверсии.

Через несколько дней рота под командованием Степана Панцевича уничтожила радиостанцию в районе Замошья. Под руководством самого комбрига мы разгромили большую трофейную команду гитлеровцев и захватили собранное ими оружие и боеприпасы.

Константин Васильевич ГВОЗДЕВ — уроженец деревни Васьки Краснохолмского района Калининской области. В 1938 году в возрасте девятнадцати лет он поступил в военное училище, которое окончил накануне Великой Отечественной войны.

С осени 1941 года до весны 1944 года Гвоздев находился в рядах партизан. Воевал с фашистами в составе 2-й Особой партизанской бригады Северо-Западного фронта. Затем его назначили командиром отряда 3-й Ленинградской партизанской бригады, позднее — командиром полка.

После войны Константин Васильевич окончил Академию бронетанковых и механизированных войск. Сейчас он офицер Советской Армии.

В выполнении ряда боевых операций мне довелось участвовать вместе с Александром Викторовичем Германом. Одна из них запомнилась особенно хорошо.

Мы должны были устроить засаду на шоссе на дороге. Шли долго. Герман был сосредоточен, отдавал короткие, но ясные, с полуслова понятные команды. Вышли к дороге и замаскировались в кустарнике.

— Стрелять только по моей команде! — предупредил всех Герман.

Сначала увидели колонну машин в сопровождении броневика. Герман решил ее пропустить. Спустя час-полтора из-за поворота показался обоз из двух с лишним десятков подвод. Впереди фашисты пустили полицаев — пусть, мол, первыми удар принимают, если что.

Полицаи шли быстро, винтовки держали на плечах. Один из них, свернувший зачем-то в кювет, заметил торчащий из куста ствол пулемета. Полицай на мгновение опешил, затем схватился за винтовку. Растерялся и наш пулеметчик: выстрелить в него дая — значит, насторожить фашистов, они залягут в оборону. Спас положение Герман. Молниеносно подавшись вперед, он раздвинул кусты, показал гранату в одной руке, маузер в другой и головой кивнул полицаям влево: «Проходи, мол, не оборачивайся. А пикнешь — мокрое место от тебя останется!» И тот струсил: засеменял быстрее по заснеженной лесной дороге.

Когда же головная полицейская охрана прошла, по гитлеровцам разом ударили все партизаны, лежавшие в засаде. Ни один из фашистов не ушел. Нашими трофеями стали подводы с продовольствием, оружием и военным снаряжением.

В ноябре в бригаду влились бойцы и командиры партизанского отряда имени Чкалова, воевавшие в невеликих лесах. Это были кадровые армейцы. Нашими товарищами стали Михаил Воскресенский, Иван Крылов, Сергей Пенкин, Иван Сергунин, Дмитрий Худяков, Николай Чернявский и другие смелые люди.

Рейдируя с целью сбора разведывательных данных вблизи Молвотиц и Холма, Андреаполя и Торопца, в районе важнейших железнодорожных коммуникаций Великие Луки—Новосокольники—Невель, мы громили вражеские гарнизоны, полицейские управления, взрывали и сжигали мосты...

— Принимай пополнение, — вскоре после новогоднего праздника сказал мне политрук Сергей Пенкин, назначенный начальником особого отдела. — Вчера прибыло одиннадцать армейцев.

Пробивались к своим на восток, узнали о нас от крестьян и разыскали.

Так в огневой группе появились два станковых пулемета на повозках, а в нашу дружную семью вошли Павел Лебедев, Владимир Зарницын, Александр Фомин, Сергей Князюк, Петр Пучков. Нас было теперь три десятка человек. Мы смогли выделить минометный расчет под командой казаха Закирова.

В конце января сорок второго года бригада начала рейд на запад, в направлении к Латвии. Как-то Герман вызвал меня и политрука Шмакова.

— Товарищи, — сказал он, — комбриг поручил мне разработать план налета на станцию Насва и руководить им. Сами понимаете — Витебская дорога очень важна для гитлеровцев: по ней они бросают подкрепления своим войскам, осаждающим Ленинград. Разведка проведена. Ваша задача — сковать противника во время налета у вокзала. Ясно?

— Ясно, — ответил я, — действовать будут пулеметчики и гранатометчики.

— Кого пошлете за старшего?

— Оба пойдем, Александр Викторович.

— Хорошо. Готовьте людей.

Сводный отряд по разгрому станции возглавил Худяков. На лошадях мы бесшумно добрались до Насвы и неожиданно ударили по фашистам. Я и Шмаков повели группу «огневи́ков», как назы-

вали нас в бригаде, к вокзалу. Забросали его гранатами. В ночном бою особенно смело действовали бойцы Фомин, Быстров, Федосов, Стец.

У меня был трофейный немецкий автомат, но мало патронов к нему. Это знали и мои ребята. Во время боя на путях был обна-

ружен небольшой эшелон. К нему побежал Тиунцев. Вдруг слышался его голос:

— Василич, пляши! Смотри-ка!..

Я понял причину радости Михаила: на снегу лежали опознанные ящики. Это были патроны.

Насву мы «потрясли», как любил говорить наш комбриг, основательно: испортили путевое хозяйство, сожгли складские помещения, подорвали здание вокзала, перебили гарнизон. Фашисты направили к станции бронепоезд, но он опоздал.

Через два дня Литвиненко поручил командиру отряда Тарасюку подготовиться к налету на крупный железнодорожный узел Новосokolьники. Я был назначен его заместителем. Со мною шла вся огневая группа. В пяти километрах от поселка мы перекрыли большак и захватили возвращавшегося с совещания волостного старшину. Начали допрос.

— В Новосokolьниках не знают о вашем близком присутствии, — уверял арестованный.

— Врешь! — резко прервал его комиссар отряда Леонов. — Запутать хочешь!

— Видит бог — не вру. Слово мое верное. Поверьте — что хотите сделаю.

— Верное, говоришь, слово? Сделаешь, обещаешь?

Мы решили так: чтобы лучше знать о противнике, попробовать использовать напуганного волостного старшину. Леонов приказал:

— Иди в поселок, все точно высмотри и приходи сюда же. Тогда простим. Не вернешься — всех твоих родственников перевернем вплоть до бабушек и дедушек, а тебя найдем хоть у самого бога. Понял?

— Сделаю. Видит бог — сделаю.

Не доверяя старосте, мы намного впереди места намеченной встречи выставили секреты. Однако волостной вернулся. Один пришел, без гитлеровцев, и с необходимыми для нас сведениями. После их анализа мы пришли к выводу, что нашему отряду с таким крепким «орешком», как Новосokolьники, не справиться. Это дело будущего. А пока Литвиненко разрешил ударить нам по полустанку Выдумка, находившемуся в девяти километрах от узла.

Под утро тридцатого января мы сделали бросок туда. Моя огневая группа и взвод лейтенанта Утева атаковали железнодорожный переезд, забросали гранатами дзоты около него. Мужественно действовали автоматчики Михаил Стец и Михаил Тиун-

цев, они были все время впереди атакующих. Вражеская пуля сразила насмерть Тиунцева. Его тело и оружие вынес с поля боя Стец. Автомат бесстрашного партизана затем передавался в нашей группе лучшему бойцу как символ.

Отважно действовали в том бою и другие партизаны. Степан Панцевич забросал гранатами вокзал, подавил вражеский пулемет. Медсестра Таисия Лебедева вынесла из-под огня нескольких раненых.

Рейд наш на запад продолжался. Мы прошли Пустошинский и Себежский районы Калининской области. И отовсюду в штаб Северо-Западного фронта наше командование посылало ценные сведения о противнике. На одном из озер мы приняли самолет с Большой земли, и впервые за все время войны получил я письма от родственников. Сколько было радости и у меня, и у других таких же счастливицев!

— Не уходите отсюда. Завтра еще вылет к вам, — сказал пилот, доставивший нам письма, газеты, листовки, медикаменты и даже ящик табаку.

Мы ждали самолет несколько дней. Нам очень были нужны боеприпасы к отечественному оружию и топографические карты. Но «воздушный извозчик» почему-то не прилетел.

Без карт, вслепую, идти по тылам врага, к тому же со скудным запасом патронов, было безрассудно, и комбриг приказал:

— Снова на восток! Патроны беречь, избегать открытых боев. Обоз сократить.

Весной сорок второго бригада закончила глубокий рейд по тылам фашистских войск и вышла в расположение частей Красной Армии.

Вскоре группа командиров нашего соединения была отозвана штабом фронта на другую работу. Попрощались с нами Литвиненко, Белаш, Терехов. В командование бригадой вступил Александр Герман. Его заместителем по разведке стал Худяков, а помощником по материально-техническому обеспечению — Буров. Меня назначили начальником штаба отряда, которым командовал Александр Пахомов, а комиссаром был Василий Юдченков. Бригада, пополненная добровольцами и вышедшими из госпиталей партизанами, стала именоваться 3-й Ленинградской...

Теплым летним вечером на берегу озера Сиг мы приняли клятву ленинградского партизана, скрепив ее своей подписью. Помню, как старательно выводили фамилии на листе рядом с текстом клятвы бронебойщик Михаил Бабыкин, его брат Але-

ксандр, командир группы пулеметчиков Николай Чернявский, командир отряда Николай Бурьянов и другие. Это был торжественный, памятный всем нам день.

А темной безлунной августовской ночью мы всей бригадой прорвались через линию фронта в тыл врага. Трудно проходимыми поддорскими и холмскими лесами, коварными Рдейскими болотами шли на запад. Путь наш лежал через знаменитый Партизанский край. По указанию Ленинградского штаба партизанского движения мы задержались там, чтобы помочь 1-й, 2-й и 4-й бригадам, отражавшим бешеный натиск карателей.

Почти сразу же по прибытии вступили в бой. Наш комбриг Герман был назначен начальником сектора обороны по реке Полисть. Восьмого августа каратели повели решительное наступление. Мы занимали оборону в районе деревни Починок, окопавшись на высотках. Вокруг нас горели деревни. Черный дым плыл по синему небу, порой закрывая солнце... И вот первый бой нашего отряда. На Починок шли два танка и до двух рот пехоты.

— Держись, Костик! — крикнул мне Пахомов и пополз к пулеметчикам.

— Бронебойщики, вперед! — приказал я.

Расчеты противотанковых ружей стали выдвигаться к большому, густо заросшему саду на окраине деревни.

Танки, остановившись в отдалении, дали залп. Потом еще один. Когда загорелись дома, из-за машин с бело-черными крестами на броне выбежали пехотинцы с автоматами наперевес. Тронулись вперед и танки.

— Получай, подлюга! — зло крикнул бронебойщик Розенков и выстрелил из противотанкового ружья.

Мимо. Даже плюнул с досады. Выстрелил второй раз. Завертевшись, танк остановился, — сползла перебитая гусеница. Розенков хотел еще раз выстрелить, но осколком разорвавшегося снаряда был тяжело ранен.

За ружье взялся Князюк. Выстрел, другой, третий — подожжена вторая фашистская машина. Но пехота шла и шла. Только тогда, когда с близкого расстояния ударили наши автоматчики, гитлеровцы залегли. Но ненадолго. Подошло подкрепление — сотни две пьяных немецких солдат. И все они с дикими криками бросились в атаку. Но мы заставили и этих залечь. Атака захлебнулась. Лишь за один день наш отряд отразил пять атак. У наступающих было много убитых и раненых. Но теряли людей и мы. В бою за Починок погиб Сергей Князюк.

В Партизанском крае наш комбриг продолжал проводить

тактику стремительных ударов по врагу. Он очень умело направлял отряды в засады, на вылазки. Даже специальный приказ издал по бригаде — о засадах в условиях обороны. После таких засад появлялись трофеи, пленные.

— У нас плохо с продовольствием, — сказал как-то Пахомов, обращаясь ко мне. — Бери людей и отправляйся в засаду — «порыбачить» у реки.

По противоположному берегу шла дорога, по которой частенько проезжали гитлеровцы. Мы перебрались через реку и притаились. К полудню разведчики сообщили:

— Идут пять подвод в сопровождении восьми—десяти человек.

Мы подпустили их вплотную... «Рыбалка» окончилась успешно: фашистов перестреляли, повозочным из местных крестьян вернули лошадей и телеги; хлеб, сало, колбасу, сахар взяли в отряд.

В Партизанском крае продолжались жестокие, кровопролитные бои. Погиб, отражая натиск карателей, Павел Лебедев, командир расчета станковых пулеметов. Погиб здесь и ветеран бригады Виталий Тарасюк. Ранены были командир отряда Николай Бурьянов, комиссар отряда Иван Костарев...

Не повезло и мне. Я был ранен в ногу. Медицинская сестра Надежда Михайлова перевязала рану, помогла добраться до укрытия. Как ни хотел остаться в строю — хирурги отказали. Незадолго до выхода нашей бригады из Партизанского края в новые районы боевых действий мне пришлось проститься со своими товарищами.

Ночью У-2 увозил меня в советский тыл...

РАДИ ДЕТЕЙ

Случилось так, что в мае сорок первого года я приехала с сыном на лето к родителям и застряла в Плюсском районе Ленинградской области.

В нашу деревню Нежадово пришли фашисты. И началось... Они отбирали хлеб, скот, увозили в Германию молодежь.

День ото дня становилось все хуже. В окрестных деревнях оккупанты расстреливали местных активистов. От избы к избе бродили сироты. Худенькие, оборванные. Поздней осенью по требованию жителей деревень был наконец открыт дом призревания. Разместился он в совхозе Гривцово, под Плюссой. Туда собрали ребят в возрасте от двух до тринадцати лет. Все они простуженные, ослабевшие от голода. В приюте — ни обуви, ни одежды, вместо кроватей и нар — соломенные матрацы на холодном полу. Не хватало еды. Столпятся, бывало, малыши у кухни, просят добавки. Повариха Матильда Гансовна плачет — нечем накормить детей.

Заведовала детским домом Мария Васильевна Виноградова. Она приехала на лето из Ленинграда и жила в деревне с двумя детьми Борей и Кирой. Виноградова предложила нескольким женщинам работать в детском доме. Поступила туда и я — воспитательницей.

Опекуном приюта назначили отца Федора, невесть откуда вынырнувшего пона, странного, бесшабашного. В детском доме он бывал очень редко. А появится — мы с жалобой: детей кормить нечем. Он отправится в какую-нибудь деревню, соберет верующих и начнет: «Бабоньки! Помолимся господу-богу». — «Грешники ты, батюшка, — слышатся голоса прихожан. — Любовниц займел... Россию пропиваешь...» Как там заканчивалось богослужение, не знаю, а только на другой день Матильде Гансовне приносили для ребят кто муку, кто овощи. Но так бывало редко.

Настоящим нашим шефом стала ленинградка Евгения Николаевна Моница. До войны она работала в институте заведующей

кафедрой иностранных языков. Евгения Николаевна приехала отдыхать с дочерьми Надей и Женей. Гитлеровцы, узнав, что Моина в совершенстве владеет тремя иностранными языками, предложили ей работать переводчицей в плюсской комендатуре. Она отказалась и стала преподавать в Нежадовской школе. Вскоре немецкий комендант опять вызвал ее в Плюссу и приказал организовывать и контролировать работу школ в районе. Она согласилась.

Многим мы — воспитатели приюта — обязаны ей. Всякий раз, когда кормить детвору было нечем, мы шли в Плюссу к Моиной и получали муку, соль, картошку.

Не раз Евгения Николаевна спасала нас, работников приюта, от расправы.

Как-то весной сорок второго года в дом ввалился фельдфебель. Стал осматриваться и вдруг что-то закричал по-немецки, показывая на портрет Гитлера.

Посмотрела я на портрет и обмерла: вместо глаз зияли дыры. Фельдфебель тычет мне автоматом в лицо, орет:

— Во ист сафедующий?

— Нет. Ушла за продуктами.

Меня арестовали. Ведут по улице, толкают прикладом в спину. За усадьбой совхоза — пустынная дорога. Со страхом думаю: «Сейчас, вот сейчас автоматная очередь и — кончится жизнь...» На мое счастье мы встретили Моину. Она шла к нам в приют. Узнав о случившемся, Моина поговорила с фельдфебелем, и меня отпустили. Евгения Николаевна тогда сказала:

— В Гривцове детдому оставаться теперь нельзя. Будем искать новое место.

Вскоре мы перевезли ребят в Большое Захонье Лядского района, в бывший господский дом. Он стоял на берегу речки, был вместительным, но запущенным.

Дети есть дети. Как ни плохо им жилось, они и в то тяжелое время любили песни, игры. Чаще всего играли в войну. Причем «красноармеец» обязательно побеждал «фрица». Мальчики, бегая по кустам и канавам, находили патроны, осколки снарядов, однажды притащили в столовую даже винтовку.

В овраге старшие ребята устроили «пещеру». Туда стаскивали ржавое оружие. Они мечтали создать свой партизанский отряд. Был даже избран командир — Саша Чернявский, бойкий, смелый ленинградский мальчуган.

Как мы боялись, чтобы обо всем этом не стало известно гитлеровцам. В непрерывных хлопотах и волнениях прошел еще год.

Летом сорок третьего в наших краях активнее стали действовать партизаны, участились диверсии на дорогах, налеты на гарнизоны оккупантов. Ребята узнавали об этом и радовались. Однажды они прочли в найденной листовке о победе советских войск под Курском. Ребятишки высыпали на улицу, стали бегать и выкрикивать:

Ехал Гитлер тук-тук-тук,
А под Курском пук-пук-пук...

Дежуривший у здания солдат вначале безучастно глядел на веселый хоровод. Но, услышав имя Гитлера, поднялся на второй этаж узнать, почему дети так радостно поют о фюрере. Мы показали ему четыре таблетки сахарину, которые берегли для больных малышей, жестами объяснили, что сегодня будто бы все дети пили сладкий чай, а потому и «славят Гитлера». Немец самодовольно улыбнулся и вышел.

Всяких страхов пришлось пережить. Фашисты, изрядно подвыпив, любили «забавляться». Никогда не забуду один случай. Они подозвали к себе шестилетнюю Тамару Абрамову, дали ей буханку хлеба, сказали: «Беги!» — и натравили овчарку. Громкая собака настигла девочку, сбила с ног, но, услышав новую команду хохочущих гитлеровцев, остановилась. Больше недели проболела Тамара, ночью вскакивала, кричала...

А потом исчез Саша Чернявский. Нет его к ужину, не вернулся и к ночи. До рассвета мы искали его — не нашли. А утром пришел старшина волости, злой и, как всегда, сильно выпивший:

— Сопляки дома?

— Дома.

— Все?

— Все.

— Врете! А кто выкрал мои документы? Кто, спрашиваю?!

Я сказала, что наши дети сделать этого не могли. Волостной поволок меня к своему дому, распахнул дверь и гаркнул:

— Смотри!

На крашеном дощатом полу были видны следы детских ног.

— Так вот! — зарычал волостной. — Либо приведешь ко мне змееныша, укравшего документы, либо я расправлюсь со всеми вами.

Прибежав в детдом, я рассказала об угрозе старшины. Заведующая быстро собралась и ушла в Плюссу к Мониной, а я отправилась домой, надеясь там встретить брата-партизана.

В Нежадово пришла еще засветло. Ночью явился Николай. Ходил подрывать «железку», на обратном пути забежал домой. Бодрый, загорелый.

— Здорово, сестра! Ну как там ваши орлята?

— Беда у нас, Николай. Выручайте!

Выслушав меня, брат ушел, пообещав помочь.

Через два дня я вернулась в детский дом. Надя Гряклова, Нина Цимбер, Муся Прокофьева, Вера Загорская обступили меня:

— Тетя Оля! А у нас новость!

— Волки волостного унесли!

Я еще утром знала о казни партизанами старшины, но все же спросила:

— Как это унесли?

— Мария Васильевна нам говорила: ехал он на велосипеде, а волки цап его — и в лес. С велосипедом!

— Зачем волкам велосипед? — Рыженькая девочка из младшей группы удивленно пожала плечами.

— Во-олки! Тоже скажут... Волостного застрелил Саня Чернявский, из правдашнего ружья. Я тоже уйду в партизаны! — сказал Олег Дуров.

Ольга Федоровна ХОХЛОВА родилась в 1917 году в Псковской области. Трудовую деятельность начала в пятнадцатилетнем возрасте — санитаркой больницы. Затем училась в школе медицинских сестер.

Сейчас работает хирургической медицинской сестрой в одной из стоматологических поликлиник Ленинграда.

Начался спор — одни верят, другие нет. Я кое-как утомонила ребят.

И опять потянулись дни, полные тревог и волнений. В одну из ноябрьских ночей оказались пустыми койки Олега Дурова и Славы Богданова. Мы знали, что ребята любили рыбачить на противоположном берегу речки, где стоял сарай. Это был склад с зерном. Ребята пробирались туда, но часовой отгонял их. И они обычно устраивались где-нибудь поблизости.

Утром кто-то поджег сарай. Дым стелился над рекой, искры долетали до крыльца нашего дома. Ребята прильнули к окнам.

— Вот здорово! — восхищались старшие.

Я побежала к пылающему сараю. Мне почему-то казалось, что где-то там должны быть Олег и Слава. Но ребят там не оказалось.

За спиной заскрежетали тормоза автомобиля. Два гитлеровца схватили меня.

— Ты поджигай?

— Молчу.

— А-а, партизанен! Шнелль!

И офицер потащил меня за руку к горящему сараю.

К нам подбежала, запыхавшись, наша добрая повариха Матильда. Она бросилась офицеру в ноги:

— Господин офицер, мой отец Ганс... Фрау не виновата!.. Киндер воспитывает...

Офицер что-то сказал солдатам. Они сели в машину и уехали.

Через несколько дней детский дом выселили, вышвырнули под открытое небо, не разрешив брать ни продуктов, ни кухонного имущества. Каратели приказали:

— Сидите на берегу. Придут грузовики и увезут вас.

Ребятишки, ежась от утренних заморозков, бродили понуро по лужайке.

— Напрасно мы, девочки, не убежали с Аликом и Славкой, — сказала Тамара Андреева.

— Когда? — спросила Галя Абрамова.

— А помнишь, когда задумали мост на шоссе поджечь?

Я невольно улыбнулась: вот они какие, наши робкие девочки!

Думали мы, гадали и решили не ждать «милости» от захватчиков, а идти в Нежадово. Там есть большие помещения — школа, здание бывшего монастыря, больница двухэтажная. Партизаны ближе. В Нежадове находилась и Моница.

Идти далеко — одиннадцать километров! Больных и самых маленьких несем по очереди на руках. Нам помогают старшие

воспитанники. Я несу малыша (так мы и не узнали, чей он, откуда), несу и думаю, что с нами будет.

В деревне Дубровка остановились на отдых. Жители хорошо накормили всех. И мы снова тронулись в путь. К вечеру кое-как добрались до Нежадова. Под монастырскими елями развели

костер. Мария Васильевна ушла в деревню. Вернулась она в слезах. Новости ужасные: арестована Моина! Фашисты обыскали дом над озером, где Евгения Николаевна снимала дачу; бросили ее с детьми в кузов грузовика и под усиленной охраной повезли в Плюссу, оттуда — в Струги Красные. Нежадовцы рассказывали, что, когда Моину везли, она крикнула:

— Погибаю за Родину!

Уже совсем стемнело. Дети хотели спать. На свой страх и риск занимаем амбулаторию нежадовской больницы. Разместились вроде бы и неплохо, печки натопили. Дети улеглись спать, а мы, воспитательницы, пошли к местным жителям за продуктами для детей.

Через два дня нас «навестили» два немецких солдата. Из их разговоров мы поняли, что фашисты собираются заколотить двери и окна, сжечь дом вместе с «киндер-партизанен».

Медлить было нельзя. Мария Васильевна отправилась в далекий путь.

— К нашим... Не вернусь — сходишь ты, — сказала она, обращаясь ко мне.

Тревожно шумят под окном вековые березы и ели. Ночью не смыкаем глаз. Ни Марии Васильевны, ни наших... Собираюсь и я в путь. Ночь выдалась ветреная, вьюжная. Куда идти, где искать? Иду, утопая в сугробах. И вдруг ветер доносит лошадиный хрип,

сирии полозьев. Сердце мое колотится, даже в груди больно. А вот и обоз! Бегу навстречу и попадаю в объятия партизана с автоматом. От него я узнала, что для спасения ребят комбриг В. И. Обьедков послал отряд партизан во главе с заместителем начальника политотдела С. Т. Жигаревым.

Бойцы усадили заспанных ребятшек на повозки и сани, увезли в лес. Пока подводы добирались до безопасного места, партизаны около часа вели бой с карателями, показавшимися на дороге в Нежадово...

Прошло с тех пор много лет. Выросли воспитанники нашего детского дома. Удалось мне разыскать Марию Прокофьеву. Она окончила школу ФЗО, живет в Риге, работает портнихой. Там же, в Риге, нашлись в конце войны и дети Евгении Николаевны Мошиной. Надя и Женя получили высшее образование. Работают в Ленинграде.

Побывала я в гостях и на Васильевском острове, у своих бывших воспитанниц сестер Абрамовых, Галины и Тамары. Обе они работают на заводе «Севкабель».

Недавно с помощью газеты «Псковская правда» я узнала и о Вале Серкине. Перед началом войны мальчик отдыхал в деревне у бабушки. Оккупация... Смерть бабушки... Голодное скитание... Судьба привела этого худенького, курчавого мальчика в наш приют. Когда партизаны спасали маленьких обитателей детдома, они отвезли Валу в деревню Заозерье Лядского района (там была основная база партизан 6-й бригады), к колхознице Анастасии Павловне Погодиной. Добрая женщина приняла мальчика, как сына. Минувшим летом вместе с женой и дочуркой Ларисой он навестил Анастасию Павловну, до слез растрогал ее своим приездом и подарками.

Повариха наша Матильда Гансовна на заслуженном отдыхе живет в городе Пушкине. Добрейшая женщина. Она помогла нашей воспитаннице Вале Румянцевой разыскать родную мать. Встреча-то была какая!

Где остальные? На целине? На строительных лесах Братской ГЭС? Трудятся в колхозах Псковщины или на ленинградских фабриках? Отзовитесь, милые девочки и мальчики!

ДОРОГИ ВЕДУТ НА ЗАПАД

Наш партизанский отряд формировался в советском тылу, в городе Кимры. Насчитывалось в нем около семидесяти человек. Командиром отряда был назначен Владимир Иванович Марго — заведующий Себежским районным отделом народного образования, комиссаром — Андрей Семенович Кулеш, работавший секретарем Себежского райкома партии по кадрам.

Поучили нас кое-чему (многому ли научишь за десять—пятнадцать дней?), дали винтовки, несколько автоматов, ручных пулеметов, и отправились мы в конце мая сорок второго года в путь-дорогу. Перед нашим отрядом была поставлена задача: перейти линию фронта недалеко от города Великие Луки и развернуть боевую деятельность в западных районах тогдашней Калининской области, в частности в Себежском и Идрицком.

Вблизи города шли бои «местного значения» — так их называли в сводках Совинформбюро. Два дня после марша мы отдыхали в деревне Букрово, затем добрались до деревни Черпесы и вскоре оказались в так называемой нейтральной зоне, которая образовалась в то время на стыке Великолукского, Новосokolьничского и Локнянского районов. Местность там лесистая, изобилует труднопроходимыми болотами.

Расположились сначала в деревне Ушаково Локнянского района. Соседние деревни Жары, Медведовка и другие были заняты партизанами других отрядов. Словом, собралось здесь нашей партизанской братии более чем достаточно, — одни готовились перейти линию фронта, другие только что вернулись с оккупированной врагом территории. И для всех здесь был как бы перевалочный пункт. Фашисты знали об этом. Они бомбили деревни, обстреливали их из артиллерии.

Мы тоже не оставались в долгу, делали налеты на мелкие вражеские гарнизоны, а один раз даже попытались, правда безуспешно, разгромить довольно крупный гарнизон на разъезде Шубино.

Неудачно закончилась у нас и первая попытка перейти линию фронта. Вышли мы из Ушакова днем, растянулись по дороге в цепочку, выслали вперед дозор из пяти человек. Погода ясная, солнечная, кругом все тихо, птицы поют, словно и нет никакой войны. Дозорные вместе с проводником Смирновым, человеком местным (до войны он был в этих краях председателем сельского Совета), ушли от нас метров на сто пятьдесят—двести. Вдруг из перелеска раздались выстрелы.

Отряд залег. Приготовились мы к обороне и ждем, что будет дальше. Стрельба вскоре прекратилась. Что случилось с дозором — никто не знает. Но вот минут через двадцать прибежал Андреев, высокий, немного мешковатый парень. Он шел за проводником во главе дозора.

— Засада там была, — взволнованно объяснил он. — Проводника убили. Он одного полицая успел ухлопать, да вот и сам тут же погиб. Всю голову ему разнесло разрывной пулей.

Нам оставалось только одно: отойти, что называется, на «исходные позиции». И снова на несколько дней осели мы в нейтральной зоне. Начались поиски опытного проводника, хорошо знающего эту местность, а главное — неохраемые подходы к железной дороге.

В ночь на двадцать седьмое июля отряд наконец снова двинулся в путь. Повел нас старичок, небольшого роста, щупленький, седенький, в потрепанном армячке, с палкой в руке. Повел по чистому полю. Ярко светила луна. Видимость на добрых дватри километра. Многие из нас нервничают, кажется, что дедок-проводник выбрал слишком уж неподходящее время и место для перехода. Но тот и в ус не дует. Шагает и шагает себе, опираясь на палку. Когда объявили привал, партизаны окружили проводника, поглядывают на него с недоверием. А старик спокойно поглаживает свою седую бороду и помалкивает. Только ясные, глубоко сидящие глаза с лукавой усмешкой как бы говорят: «Эх, вы! Думаете, с ума спятил дед? Нет, он знает, что делает».

Минут через десять все поднялись и снова цепочкой двинулись за проводником. Наконец вышли к железнодорожной насыпи.

— Быстрее, быстрее. Не задерживаться! — передается шепотом команда.

Вот мы уже за железной дорогой, уже отошли от нее километра три. Кругом все такая же тишина — ни выстрела, ни звука.

Проводник остановился.

— Счастливого вам пути, сынки, — сказал он и низко поклонился, обнажив седую голову.

— Героический дедок. Откуда он такой взялся? — спросил я своего земляка и друга Семена Багрия.

— А ты разве не знаешь? — удивился Багрий. — Это же дед Симан, знаменитый проводник партизанский. Он, батенька мой, перевел и вывел нашего брата столько, что, наверное, и сам со счета сбился. Золотой старик! Говорят, он в сорок первом году целую нашу дивизию вывел из окружения по тому болоту, которое мы как-то переходили, помнишь?

От Багрия я узнал, что дед Симан, когда пришли гитлеровцы, покинул родной дом и связал свою судьбу с партизанами. Вел он нас той ночью вблизи Насвы, как говорится, под носом у противника. Помогло нам и то, что накануне красноармейская рота, в которой, как узнали позже, служил Александр Матросов, провела успешную вылазку. Чтобы ликвидировать образовавшийся прорыв, немецкое командование вынуждено было снять часть своих сил из-под Насвы. Старый проводник умело воспользовался этим обстоятельством.

Теперь путь наш лежал на запад. Мы двигались параллельно железной дороге Новосokolьники—Рига и через четверо суток были уже на территории Пустошкинского района в Алушковской

Александр Арсентьевич КОЗЛОВ
родился в 1914 году в деревне Леонтьево Торопецкого района Калининской области. Работал учителем, потом секретарем многотиражной газеты. Перед войной, по окончании юридических курсов, был направлен на работу судьей в город Западная Двина. Отсюда и ушел в партизаны. Сражался в тылах фашистских армий групп «Центр» и «Север» в отрядах 5-й и 4-й Калининских партизанских бригад. Был автоматчиком, пулеметчиком, политруком взвода.

В настоящее время А. А. Козлов живет в городе Великие Луки. Работает ответственным секретарем газеты «Путь Октября».

лесной даче. Лес тут большой, но редкий. Пройдешь шагов сто — дорога, а там, смотришь, расступились медные колонны стволов, и открылась перед тобой широкая, зеркальная гладь лесного озера. Кругом невысокие горы, холмы, под ногами мягко стелются травы, как шелк, шуршит темно-бурый мох.

Отряд расположился в густом сосняке близ небольшого озерка. Здесь мы отдыхали несколько дней. Партизаны устанавливали связи с населением, готовились к предстоящим боевым делам, добывали продукты. Нелегко было организовать питание целого отряда. Продовольственной базы — никакой, вещевые мешки

давно опустели. Питались мы тогда по «аттестату»: «Хозяюшка, нет ли чего поесть?» Как правило, нам давали хлеб и кое-какие продукты. Население в большинстве своем приветливо встречало нас и помогало кто чем мог, хотя каждый знал, что за это может поплатиться жизнью.

В отряде, за неимением настоящих саперов, я считался специалистом по подрывному делу. Однажды командир отряда сказал мне:

— Обосновались мы здесь прочно. Пора тебе, Александр, за дело приниматься. Советовался я с комиссаром. Решили взорвать мост через реку Алоль на большаке, по которому поселок Кудеверь связан с Пустошкой.

— Спасибо за доверие, Владимир Иванович, — отвечаю командиру. — Только ведь вы знаете, что я — автоматчик, а подрывник не ахти какой. Кое-что кумекаю, но...

— Я тоже специального института, где готовят партизанских командиров, не оканчивал, — прервал меня Марго. — Бери людей и готовься. Выход — сегодняшней ночью.

До моста километров около двадцати. Пройти такое расстояние летом, да по лесистой местности, для нас не представляло большого труда. Шагаем вшестером. Впереди идет Василий Иванович Иванов, бывший работник милиции, за ним — я, за мной — Петр Воробьев, Лев Петровский, Максим Кошкин, и замыкает группу второй Иванов — Иван Николаевич, сутулый, угловатый, уже пожилой человек. У троих из нас за плечами мешочки со связками тола. Маловато, правда, его — килограммов двадцать. Взрывчатки в отряде вообще было мало, приходилось беречь каждую толовую пашку.

Идем быстро. Ночь теплая. Тихо и не особо темно. Вот и река. За нею луг, а там дальше темною стеною возвышается лес. Обязанности у нас распределены заранее. Два Ивановых и Кошкин идут в засаду, мы втроем — к мосту.

Подбираемся бесшумно, хотя по данным разведки знаем, что немецкой охраны здесь не должно быть. Заложена первая связка тола. Остается заложить в разных местах еще две, потом соединить все это детонирующим шнуром, поджечь полуметровый обрезок бикфордова шнура и быстро уйти. Казалось бы, все так просто...

Но немало пришлось попотеть, прежде чем толовые связки оказались на месте. Чтобы прикрепить их снизу к продольным балкам, надо было свеситься с моста вниз головой. Хотя Лева Петровский и крепко держал меня за ноги, все думалось: а вдруг сорвусь? Но все обошлось благополучно. Мы сделали свое дело и, отбежав от моста, залегли в канаву. Грохнул взрыв, в воздух полетели доски, обломки балок.

Вскоре после первой удачной операции мы взорвали еще два больших деревянных моста вблизи станции Забелье. Затем небольшими группами стали делать вылазки на железную дорогу и подрывать полотно.

Одной из задач, которые поставило командование перед нашим отрядом, был срыв экономических мероприятий оккупационных властей.

Августовской ночью на станцию Забелье, где была крупная немецкая сенобаза, пробрались молодые партизаны Буданов и Власов. Им удалось поджечь несколько стогов сена. Заметались солдаты охраны, пытались потушить пламя, но не тут-то было. За два-три часа от всей базы осталось только черное пепелище.

Мы в значительной степени дезорганизовали немецкие волостные управления Бессоновской, Юхновской, Криухинской, Кошелевской и Ермоловских волостей. В Ермолове нами был захвачен

продовольственный склад, в котором хранилось три тонны зерна и более тонны соли. В одной из деревень группа наших партизан, возглавляемая комиссаром Кулешем, напала как-то ночью на немецкий маслосырзавод. Оккупанты теперь стали реже выезжать из Пустошки в отдаленные населенные пункты, а если и выезжали куда-нибудь с целью грабежа, то только собрав предварительно порядочные силы.

Притихли и полицаи, завербованные гитлеровцами из уголовных и антисоветски настроенных элементов. Однако находились среди них отдельные «храбрецы», которые продолжали рыскать по деревням, выполняя различные приказы своих хозяев. Нужно было припугнуть их, а некоторых наказать. Вскоре такой случай представился.

Было это в начале сентября в деревне Бохново, куда, по данным нашей разведки, нередко заглядывали гитлеровцы из Алушковского гарнизона, расположенного по соседству. С отделением Василия Ивановича Иванова я находился в засаде недалеко от деревни. Все утро мы наблюдали за ней, но ничего подозрительного не заметили. Вдруг Николай Иванов, молодой разведчик, дернул меня за рукав:

— Вижу человека с ружьем. Сюда направляется по дороге. За спиной винтовка, а в руке не пойму что — не то ведро, не то сумка.

Присмотрелись мы. На гитлеровца не похож, не в форме, партизан тут нет, деревенский житель был бы без оружия.

— Значит, полицаи, — подвел итог нашим наблюдениям Василий Иванович. — Давайте захватим.

Трое партизан залегли в траве у дороги. Когда полицейский поравнялся с ними, они разом вскочили и скомандовали:

— Руки вверх!

Полицай остолбенел, выронил ведро, поспешно поднял руки. Мы обезоружили его и спрашиваем:

— Куда идешь?

— Вон туда, в ту деревню.

— А ведро для чего?

— За медом послал меня старшой.

— А где он, твой старшой?

— Там, в Бохнове. Их там двое осталось.

— Ну что ж, веди нас к своему старшому, — говорит Василий Иванович, — хотим познакомиться с ним и поговорить по душам.

Окружили мы хату, где сидели, закрывшись изнутри, предатели. Постучали в дверь и предложили:

— Сдавайтесь, иначе изба на воздух взлетит вместе с вашими потрохами.

Пленник наш тоже под дверью скулит:

— Выходите. Сопротивляться бесполезно. Вся деревня занята партизанами.

В хате несколько минут совещались, спорили. Потом дверь распахнулась. Полицейские, пошатываясь, перевалили через порог. Оружие — две винтовки, пять немецких гранат и пистолет «парабеллум» — они оставили в помещении. После допроса предатели были расстреляны.

Несколько позже попал в наши руки верный слуга гитлеровцев старшина Юхновской волости, человек лет за шестьдесят, с трясущейся плешивой головой и злыми, колючими глазами. Он вел хитрую игру: прикидывался другом партизан, защитником русских людей, а на деле предавал их.

Надо было разоблачить его. Прямых улик, подтверждавших предательство, у нас не было, а без улик, без доказательств не будешь же ставить человека к стенке. В это время часть нашего отряда во главе с командиром и комиссаром ушла в Себежский район. Старшина, видимо, имел сведения, что все мы ушли, и стал держаться более свободно и нагло.

Мы решили пойти на хитрость. В дождливую сентябрьскую ночь пришли к нему двое в немецкой военной форме и говорят:

— Ты, господин старшина, с партизанами дружишь. Придется доставить тебя к коменданту.

— Как это я дружу? Откуда вы взяли? — возмутился фашистский холуй.

— Нам известно, что в вашей деревне чуть ли не каждую ночь бывают партизаны, а ты не сообщаем об этом, — значит, дружишь.

Старшина раздраженно закричал:

— Я аккуратно посылаю в комендатуру подробные письменные сведения. Вот и сегодня послал с нарочным. Все описал, обо всем доклад свой сделал господам бургомистру и коменданту. А вы еще пристааете ко мне. Жаловаться на вас буду!..

Потом он рассказал почным пришельцам все, что знал о нашем отряде и о тех, кто помогает нам. Гости, к величайшему удивлению старика, не выразили ему благодарности за столь важные сведения, а схватили его за шиворот и потащили во двор, где с несколькими партизанами ждал их возвращения командир группы Василий Николаевич Никонов.

Партизанские нослы Юдаев и Курочко доложили командиру

о том, что рассказал им старшина. Старик слушал, мотая головой, а потом вдруг пустился бежать к озеру, да так припустил, что только грязь полетела по сторонам. Догнала его партизанская пуля у самого берега.

Вскоре и мы получили приказ перебазироваться в Себежский район, еще дальше на запад. Людей в отряде собралось столько, что он скоро был преобразован в партизанскую бригаду.

Свое рождение новое партизанское соединение отметило несколькими удачными боевыми операциями. Был разгромлен крупный фашистско-полицейский гарнизон в селении Дубровка на шоссейной дороге Себеж—Опочка. Такая же участь постигла и вражеские гарнизоны в деревне Борисенки и в поселке Томсино.

Наступил новый, сорок третий год. Утром второго января группа автоматчиков и пулеметчиков из нашего отряда отправилась на выполнение боевого задания. Мы выстроились во дворе небольшого домика в деревне Бойдаково, где размещался штаб, и ждали команду к отправке. В это время из помещения штаба выбежал командир взвода Токарев.

— Товарищи! — возбужденно крикнул он. — Великие Луки освобождены!

Могучее «ура» раздалось в ответ на это сообщение. Партизаны радостно поздравляли друг друга.

А через полмесяца мы узнали о прорыве блокады Ленинграда. От русского богатыря на Неве нас отделяло тогда почти пятьсот километров. Но район боевых действий 5-й Калининской партизанской бригады был тылом, питавшим фашистские армии группы «Север», и поэтому каждый уничтоженный вражеский эшелон, любое сорванное нами мероприятие оккупационных властей были помощью городу Ленина. Мы этим очень гордились.

ПОДАРОК ЛЕНИНГРАДУ

Февраль сорок второго года. Наш Партизанский край многим кажется чудом. Но он существует: работают сельсоветы, колхозы, партийные организации. Есть на территории края «центральная» Советская власть — Дедовичская оргтрояка. Я ее председатель, члены оргтрояки — Екатерина Мартыновна Петрова — работала до войны заведующей парткабинетом в Дедовичах и Владимир Иванович Лильбок — районный прокурор. Тройке для ее защиты выделили вооруженный партизанский отряд — восемьдесят человек под командованием Андрея Дубова.

Девятнадцатого февраля меня вызвали в Железницу на совещание командно-политического состава бригады.

— Нужно разгромить Дедовичи, — сказал комбриг Васильев.

Однако прежде чем начать обсуждение предстоящей операции, партизаны попросили прилетевшего в бригаду начальника партизанского отдела Северо-Западного фронта А. Н. Асмолова рассказать о положении в Ленинграде.

Затаив дыхание слушали мы Алексея Никитича. В заключение он сказал:

— Да, мужественно переносят ленинградцы все тяготы блокады. Но, товарищи, нельзя забывать, что каждый день в городе от голода, бомбежек и обстрелов погибают десятки, сотни людей.

Несколько минут все молчали. И вдруг комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов предложил:

— А что если обратиться к населению Партизанского края с призывом собрать продовольствие для осажденных ленинградцев?

— Уверен, что люди охотно поделятся с ленинградцами всем, что у них есть, — поддержал я.

На этом совещании было решено начать сбор продовольствия на территории Партизанского края и в примыкающих к нему деревнях Поддорского, Белебелковского, Ашевского и Дновского

районов. Ответственность за это возлагалась командованием бригады на нашу тройку.

А потом был подробно рассмотрен план налета на Дедовичи. Не стану рассказывать об этом большом бое, а также о разгроме в Ясках прибывших на подмогу дедовичскому гарнизону подкреплений. Успех наш был полным: гарнизон разбит, железнодорожная станция уничтожена.

После совещания я сразу же послал в деревню Круглово ординарца Толю Шебаршина с запиской к Петровой и Лильбоку, в которой кратко сообщал о принятом решении и просил, чтобы они, не дожидаясь меня, связались с сельсоветами, секретарями парторганизаций и начинали работу. Когда мы вернулись из-под Дедовичей, население Партизанского края уже знало о добром почине. Члены и работники тройки ездили по деревням, проводили собрания.

Однажды работник нашей оргтройки Семен Иванович Засорин отправился с группой партизан из отряда Дубова в Сосницкий сельсовет, где готовились к проведению собрания. На другой день утром в Круглово въехали три подводы. На двух — продовольствие, на третьей — Засорин. Когда внесли его в избу, смотреть было страшно: весь израненный, окровавленный, обмороженный. Мы тотчас же повезли Семена Ивановича в партизанский госпиталь к замечательному нашему врачу Лидии Семеновне Радевич. Она оказала ему первую помощь, а затем Засорина отправили самолетом на Большую землю. Семен Иванович жив и здоров до сих пор, а ведь с ним случилось тогда такое, чему и поверить трудно.

Он проводил собрание в деревне Великая Нива. Каратели, узнав об этом, под покровом ночи подобралась к деревне, сняли часовых, окружили дом и стали забрасывать его гранатами. Были убиты председатель сельсовета Воробьев, председатель колхоза Смирнов, партизан Валькин и другие участники собрания. Засорин выскочил в окно, но сразу же был ранен и упал. Гитлеровцы подбежали к нему и стали стрелять в упор по лежащему. Нанесли несколько ран, но он все еще был жив и не терял сознания. Тогда фашисты раздели его и бросили на снег. Засорин замерзал, истекая кровью, и наконец потерял сознание. Когда каратели ушли, жители деревни завернули Семена Ивановича в одеяло и привезли к нам.

В деревне Зеленый Клин Ефимовского сельсовета собрание проходило в доме председателя колхоза Григорьева. Вел его председатель сельсовета Виноградов. Ворвались каратели. Были убиты

Виноградов, Григорьев и несколько жителей. Потом гитлеровцы схватили и расстреляли жену и дочь Григорьева.

Но зверства фашистов не испугали народ. Горе ленинградцев жители Партизанского края воспринимали как свое личное. Стремясь помочь голодавшим осажденному городу, люди зачастую отдавали последнее. Дарья Васильева из деревни Бродки привела телянку и сказала:

— Это все, что я имею, но прошу — передайте ленинградцам.

Колхозник из деревни Агоровастая Братковского сельсовета Василий Мальшев сдал два ящика меду килограммов по пятьдесят каждый:

— Вот в дар ленинградцам, может, подлечит кого больных.

На базу в Нивки привозили замороженные туши телят, овец, мешки с мукой, крупу, сало, мед.

К началу марта продовольствия накопилось более трех тысяч пудов. Было решено немедленно готовить обоз.

Как-то утром меня вызвали в штаб. Приехал в Железницы, захожу в штабную землянку. Как сейчас вижу, встает из-за стола улыбающийся Васильев и говорит:

— Поздравляю, Александр Георгиевич! Тебе поручается возглавить делегацию партизан и колхозников от Партизанского края. Делегация пойдет в Ленинград вместе с обозом.

Александр Георгиевич ПОРУЦЕНКО — уроженец Псковской области. Получив среднее образование, работал в родных краях: был избачом, председателем сельскохозяйственной коммуны, председателем райисполкома.

В июле 1941 года Поруценко вступает в партизанский отряд имени Ленинградского обкома ВКП(б). В конце 1941 года становится председателем оргстройки в районе Партизанского края. Спустя год его утверждают руководителем Дедовичского межрайонного подпольного центра. Затем он назначается комиссаром 13-й Ленинградской партизанской бригады.

В настоящее время Александр Георгиевич живет в городе Острове Псковской области, работает директором головного молокозавода.

Тут же было решено, что в состав делегации войдут двадцать два человека — партизаны, отличившиеся в боях, и колхозники, особо проявившие себя при сборе продовольствия для ленинградцев. Договорились также, что отправится обоз не позднее пятого марта. Комбриг сообщил мне, что он дал приказ двум партизанским отрядам двинуться в леса к Рдейским болотам и там ждать подхода обоза, чтобы затем прорвать оборону немцев и обеспечить охрану обоза, когда он будет пересекать шоссе на дорогу Старая Русса—Холм.

Третьего марта был окончательно утвержден список членов делегации. Партизан в ее состав выдвигал штаб бригады, а колхозников — наша оргтрояка.

Одной из первых мы предложили поехать с обозом Анне Петровне Александровой из деревни Дубровка. Тогда ее, еще совсем молодую, звали попросту Нюрой. В ее доме хранилось собранное со всей деревни продовольствие, которое было перенесено затем в сарай и подготовлено для отправки. Нагрянули гитлеровцы. Точных данных они не имели, но что-то прослышали. Нюру с ребенком и матерью выгнали на улицу, на снег.

— Где хлеб?

— Не знаем, нет у нас ничего.

Фашисты стали угрожать расстрелом, но ничего не добились. Тогда они подожгли дом Александровых. Но и теперь ничего не сказали ни Нюре, ни ее мать. Оккупанты поверили, что продовольствия здесь нет. Им трудно было представить, что из-за него две деревенские женщины станут рисковать жизнью. Дом сгорел, а сарай уцелел от огня. Все продовольствие было доставлено на базу. Сейчас Анна Петровна и ее муж Николай Александрович живут в Дедовичах.

В состав делегации от колхозников вошел также и Василий Алексеевич Егоров, председатель Станковского сельсовета. С ним был просто фантастический случай. Однажды он проводил собрание, посвященное сбору продовольствия, в деревне Издебная. Каратели нагрянули неожиданно, схватили Егорова и повели расстреливать. Поставили у угла дома. Ночь была темная. Пока каратели вскидывали карабины, Егоров — за угол, потом за баню, в кусты — и убежал. Прямо из-под расстрела. И сейчас живет, работает в городе Сланцы.

Делегаткой от населения Партизанского края была колхозница Татьяна Маркова — тетья Таня, как мы все ее звали. Она умерла после войны. А в сорок первом и сорок втором в ее доме у границы Партизанского края в деревне Дровяная Станковского

сельсовета был наш госпиталь. Еще в самые первые дни оккупации тетя Таня спасла двух тяжелораненых красноармейцев. А с рождением Партизанского края обычно к ней первой привозили после боя раненых.

В числе делегатов был и Петр Григорьевич Михайлов из деревни Новая Юфимовского сельсовета. В его доме также хранилось продовольствие, собранное для ленинградцев. Когда недалеко от деревни завязался бой с карателями, от немецких зажигательных пуль загорелся дом Михайлова. Он бросился к мешкам и ящикам с продовольствием. Дым валил из всех окон, из дверей. Занялась огнем крыша.

— Петр Григорьевич, одежонку, может, вынести? Сгорит же все, — крикнул Михайлову один из помогавших ему односельчан.

— Потом одежду. Давайте быстрее! — ответил Михайлов и снова вбежал в избу.

Когда последние мешки с продовольствием были вынесены из дому, рухнула кровля.

В состав делегации от партизан 2-й бригады вошли Михаил Харченко — отважный пулеметчик, Дмитрий Степанович Ипатов, сбивший из автомата немецкий транспортный самолет, Катя Сталидзан — разведчица, комиссар отряда Иван Ступаков и другие.

Делегация везла сто двадцать пять тысяч рублей, собранных одновременно с продовольствием в фонд Красной Армии. Деньги население отдавало охотно, несмотря на то что советские рубли имели хождение наряду с оккупационными марками. И еще был у нас бесценный подарок — письмо Центральному Комитету партии от партизан и колхозников края с тысячами подписей под ним.

Когда все было подготовлено, штаб бригады окончательно определил маршрут обоза и выбрал участок для перехода фронта в районе Холм—Старая Русса. Здесь линия фронта проходила по шоссе на дороге Старая Русса—Холм и представляла собой цепь дотов, дзотов, блиндажей. От шоссе — в нашу сторону и туда, где были части Красной Армии, простирались обширные Рдейские болота. Они были почти непроходимы. Фашисты не ждали прорыва линии фронта в этих местах да еще с тыла.

Была установлена связь с 8-й гвардейской имени Панфилова стрелковой дивизией, переброшенной сюда из-под Москвы в начале года. О том, что обоз готов, штаб партизанской бригады радировал в Смольный.

Пятого марта вечером обоз отправлялся из Нивок. Провожать его съехалось все командование бригады: командир Васильев,

комиссар Орлов, начальник штаба майор Головай. Пришли колхозники из многих деревень.

Стояла безветренная погода, морозная ночь. Я был в самом конце обоза. Первые подводы прошли деревню Мухарево и подошли к деревне Татинец. Они были от меня очень далеко, но я явственно слышал скрип саней и храп лошадей, находившихся в голове этой огромной колонны. «Как-то перейдем мы фронт?» — подумалось с тревогой.

Путь обоза был намечен заранее: от Татинца к деревне Глотова, мимо деревень Беседки, Чертово, Папорино — на Рдейские болота. За первую ночь дошли до Глотова и миновали его. Здесь территория Партизанского края кончилась. Дальше следовало соблюдать особую осторожность. Не могло быть и речи о том, чтобы двигаться по дорогам. Свернули на снежную целину. Но вскоре передние лошади выбились из сил: тяжело прокладывать след в глубоком снегу, когда на подводе по три-четыре центнера груза. Тогда впереди подвод пошли люди.

Недалеко от линии фронта нас заметил немецкий самолет и начал бомбить. Трудно нам пришлось. Хорошо еще, что у летчика кончалось горючее и он улетел. Мы тем временем успели из чахлого кустарника войти в густой лес и в нем рассредоточить подводы, замаскироваться.

Пятнадцатого марта остановились в лесу около деревень Жемчугово и Каменка. Миша Харченко вместе с группой партизан ушел на связь с теми двумя отрядами, которые были посланы сюда командиром бригады и ждали обоз. Вернувшись, Харченко сообщил — отряды готовы. Сегодня в ночь они завяжут бой, чтобы открыть нам проход.

По данным разведки, линию фронта на этом участке охранял всего лишь один батальон гитлеровцев.

И вот наступил самый трудный момент. К шоссе подходят все двести двадцать подвод. Подходят с величайшей предосторожностью, медленно. Ноги лошадей обернуты в ватники и тряпье, чтобы не стучали копыта. Замотаны и лошадиные морды. До нашего слуха доносятся голоса гитлеровцев.

Ракета! Партизанские отряды, давно готовившиеся к этой операции, быстро прорывают оборонительную полосу врага, с боем оттесняют их влево и вправо и скоро создают нам свободный участок километра в полтора шириной. В образовавшийся проход устремляются подводы с продовольствием.

Со стороны Холма фашисты подбросили подкрепление на двадцати автомашинах. Но партизаны создали надежный заслон.

Помогла и армейская артиллерия. Гитлеровцам ночью так и не удалось восстановить линию обороны.

Обоз прошел без потерь, но в группах охранения во время перестрелки несколько человек было ранено. На Большой земле мы отправили их в армейский медсанбат, расположенный в деревне

Перегино на берегу Ловати. Подводы с продовольствием разместили в ближайших деревнях Долгое, Язвище и других. Здесь же были расквартированы ездовые и делегация.

Когда все устроились, меня и Ивана Ступанова пригласил к себе командир 1-го гвардейского корпуса генерал-майор Грязнов. Его штаб находился в деревне Переса. Генерал при нас связался с начальником штаба Северо-Западного фронта Ватутиным и доложил о нашем прибытии. У Грязнова мы пообедали, а к вечеру пришла радиограмма. Ватутин сообщал, что Ленинградский обком и командование фронтом предлагают продовольствие погрузить на машины, возчиков и партизан оставить по их желанию для пополнения дивизии, а делегации дать автобус и направить в Ленинград.

Не забыть волнующей радости тех дней. Первая остановка в Валдае. Митинг на городской площади. Колхозники района присоединили к нашему продовольственному обозу свою долю. И так всюду: в Боровичах, Ефимовском, Акуловке, Тихвине. В Боровичах нас познакомили с секретарем Ленинградского обкома партии Григорием Харитоновичем Бумагиным.

Двадцать восьмого марта мы приехали в поселок Кобона. Ночью переправились через Ладогу.

Наутро приехали на станцию Всеволожская. Нас встретили здесь заместитель председателя Совнаркома СССР Алексей Николаевич Косыгин, секретарь обкома партии, начальник Ленинград-

ского штаба партизанского движения Михаил Никитич Никитин, секретарь горкома партии Алексей Александрович Кузнецов, председатель Ленсовета Петр Сергеевич Пошков и председатель облисполкома Николай Васильевич Соловьев. В их присутствии мы сдали продовольствие и поехали в Ленинград.

Наутро состоялся прием у Андрея Александровича Жданова. Я вручил тетради с письмом и подписями, чек на сто двадцать тысяч рублей, — деньги были сданы в Валдайский банк. Добытые в бою двенадцать немецких автоматов и пятнадцать пистолетов мы преподнесли членам Военного совета прямо в кабинете. После беседы А. А. Жданов сказал:

— Отдохните, товарищи, и — милости просим. Ленинградцы ждут вас. Поезжайте на заводы, на передовую, на корабли. Расскажите о партизанской борьбе и сами послушайте ленинградцев, посмотрите, как они живут и борются.

На следующий день делегация разделилась на группы по три-четыре человека. Меня с товарищами пригласили на Кировский завод. Нам показали цехи по ремонту танков и авиационных моторов. Осажденные ленинградцы готовили оружие для защиты родного города, для победы. Тут же в цехах стояли топчаны, застланные простыми одеялами. На табуретках — кружки с водой. Здесь рабочие спали, иногда не выходя с завода по нескольку суток.

Во дворе завода состоялся митинг. Один из рабочих сказал, обращаясь к нам:

— Передайте партизанам, населению оккупированных районов, что камни есть будем, а Ленинград не отдадим!

Был я с товарищами на линейном корабле «Октябрьская революция» в гостях у балтийских моряков. Мы рассказали балтийцам о Партизанском крае. После встречи командир приказал подготовить орудия к бою и в нашем присутствии произвести залп по фашистским укреплениям.

Пятого апреля вновь состоялся прием нашей делегации в Военном совете Ленинградского фронта. Проходил он в историческом Актовом зале Смольного. Собрались представители предприятий, воинских частей, Краснознаменного Балтийского флота, партийный актив города. Здесь всем нам были вручены ордена и медали. Председатель Ленсовета П. С. Пошков зачитал письмо — обращение трудящихся Ленинграда к населению Партизанского края, к бойцам и командирам 2-й Ленинградской партизанской бригады.

Через день, седьмого апреля, наша делегация отправилась

в обратный путь. В Валдае мы узнали, что Указом Президиума Верховного Совета СССР члену нашей делегации отважному партизанскому пулеметчику Михаилу Семеновичу Харченко присвоено звание Героя Советского Союза. Здесь же, в Военном совете Северо-Западного фронта, начальник политуправления бригадный комиссар Ковалевский вручил Михаилу Харченко орден Ленина и Золотую Звезду Героя.

В Партизанский край мы вернулись в конце апреля. Население края готовилось к весеннему севу, его защитники — к новым боям с ненавистными немецко-фашистскими захватчиками.

„КРАСНЫЙ ДЕСАНТ“

Но-разному проводили первый военный новогодний вечер советские люди: кто у артиллерийских орудий в ожидании команды «Огонь!», кто на палубах вмерзших в Неву кораблей, кто в забое шахты, а кто в кругу семьи, после трудового дня, за чтением дорогих «треугольников» с фронта. Тот памятный вечер, а точнее ночь с тридцать первого декабря на первое января я встречал на заваленных снегом улицах города Калинина, куда только что приехал с группой чекистов из Москвы.

Резкий ветер мел поземку, завывал в развалинах, бросал горсти снежной крупы в лицо. Настроение у меня было явно не новогоднее. После разгрома фашистов под Москвой наш батальон расформировали. Часть моих товарищей перебросили через линию фронта в тыл врага для разведывательно-диверсионной работы, других направили в действующие части Красной Армии, а меня и еще некоторых чекистов — в освобожденный от оккупантов Калинин для очищения города от предателей и вражеской агентуры. Назначением я был недоволен. Просился в тыл врага, но начальство мою просьбу отклонило, сказав, что я недостаточно окреп после ранения.

Три месяца я провел в городе. Вместе с местными чекистами и жителями мы отрывали траншеи на месте массовых расстрелов советских граждан, извлекали оттуда трупы, чтобы опознать расстрелянных, разыскивали фашистских прихвостней — предателей Родины, арестовывали их. Так шли день за днем.

Но вот однажды меня вызвали в областной комитет партии. Секретарь обкома Иван Павлович Бойцов без обиняков спросил:

— До меня дошли слухи, что вы, товарищ Рыдин, рветесь за линию фронта. Точно ли это?

— Да, точно, — ответил я.

Бойцов продолжал:

— Из многих районов оккупанты выбиты, но в западной части области фашисты еще держатся, и, очевидно, это продлится не

один месяц. В некоторые районы решено направить подпольные райкомы партии, новые партизанские формирования. Что вы скажете, если мы будем рекомендовать вас командиром партизанского отряда?

— Скажу: спасибо за доверие.

— Ну, вот и договорились.

Восемнадцатого апреля сорок второго года состоялось собрание нашего отряда. Ему было присвоено название «За родную землю». Партизаны приняли присягу и сразу же стали готовиться к походу.

Действовать мы должны были в основном в Пустошкинском районе. Местность там лесистая. Много озер, рек. Перейти линию фронта предполагалось на участке, где стояли части 3-й Ударной армии.

По дороге к фронту, в городе Осташкове мы задержались на восемь дней. Прошли курс обучения — «действия во вражеском тылу». Занятиями руководил майор-пограничник. Из Осташкова поездом добрались до города Торонец, где нас вооружили канадскими винтовками и снабдили продуктами. Последний отрезок пути преодолели в пешем строю за четверо суток.

Переход по расплывшимся весенним дорогам показал, что отряд с ходу через линию фронта вести нельзя. Он не сплочен, не обстрелян, да и физически не подготовлен. Тогда мы решили временно остановиться вблизи города Великие Луки в селе Купуй и оттуда небольшими группами переходить через линию фронта.

В селе ни жителей, ни построек в то время уже не было. Сохранились лишь здание школы и сарай. В них я и разместил бойцов. Вскоре мы стали совершать диверсии на железных дорогах Рига—Москва и Витебск—Ленинград, на участках Великие Луки—Невель, Новосокольники—Невель, Великие Луки—Пустошка, а также на Ленинградском шоссе.

За три месяца, несмотря на потери, отряд вырос за счет местного населения с тридцати двух до ста двадцати человек. На вооружении у нас кроме винтовок и автоматов было четыре миномета, два станковых и восемь ручных пулеметов.

Однажды небольшая группа наших партизан возвращалась с минирования железной дороги Великие Луки—Идрица. На дзевке недалеко от деревни Конюшки партизан окружил крупный отряд карателей. Автоматные и пулеметные очереди разорвали полуденную тишину. Не растерялись наши бойцы — пошли на прорыв. Прикрывая отход боевых друзей, погиб пулеметчик Алексей Гончаров.

Две подруги — Зина Тимофеева и Катя Фарафонова — побежали, отстреливаясь, через поляну к лесу. Вражеская пуля настигла Фарафонову. Она упала. К ней бросилась Зина. Перевязала подругу. Девушки вели точный, прицельный огонь, но кончились патроны. Офицер-гитлеровец послал вперед нескольких полицаев, приказав им захватить партизанок в плен. Один из них крикнул:

— Сдавайтесь, не то худо будет!

В ответ прозвучало гордое:

— Советские люди в плен не сдаются!

Раздался взрыв гранаты...

Юные патриотки из города Калинина были посмертно награждены орденами.

В середине июня в Купуй прибыл штаб формируемой 2-й Калининской партизанской бригады. В его состав входили старший лейтенант Арбузов — комбриг, старший политрук Лекомцев — комиссар бригады, младший лейтенант Котляров — начальник штаба, переводчик, два радиста и разведчицы Ина Константинова, Дуся Цветова и Зоя Порываева. Как стало мне известно впоследствии, настоящее имя Порываевой было Маша. Арбузов по указанию обкома партии и штаба фронта объединил мой отряд и действовавшие в том районе два других партизанских отряда — Лесникова и Шиповалова. Через некоторое время Шиповалову удалось добиться «самостоятельности», и он вышел из бригады.

И сейчас, спустя двадцать с лишним лет, убежден, что такой выход не диктовался интересами дела. После ухода Шиповалова в бригаде насчитывалось около ста восьмидесяти бойцов.

У Георгия Николаевича Арбузова, по годам немного старше нас, был уже за плечами боевой опыт. В дни советско-финляндской войны он командовал ротой автоматчиков, водил своих бойцов в штыковые атаки, совершал на лыжах с группами смельчаков рейды по тылам врага. Родина отметила отвагу лейтенанта Арбузова орденом Красного Знамени.

И вот наконец пришел приказ: перейти линию фронта, углубиться в тыл врага более чем на сто километров, действовать на стыках Пустошкинского, Кудеверского и Опочецкого районов.

Двадцать девятого июля бригада под командованием Арбузова без единого выстрела перешла линию фронта, пересекла шоссе на Ленинград в районе деревни Линец и направилась к железной дороге Новосокольники—Себеж. Дорога усиленно патрулировалась гитлеровцами и на каждом километре, по приказу оккупан-

тов, охранялась специальными часовыми, выделенными старостами деревень.

Наши разведчики наткнулись на одного такого стража. Он немедленно сдал свое оружие и попросил связать его. Разведчики охотно выполнили его просьбу. Наши подрывники заминировали дорогу. Километрах в пяти мы остановились на дневку. Вскоре наша разведка сообщила о крушении немецкого воинского эшелона на поставленной нами mine. Начало было успешным.

На этой дневке фашисты нас не потревожили, по-видимому, были заняты ликвидацией последствий нашей диверсии и сосредоточивали силы для преследования. Арбузов решил послать глубокую разведку в трех направлениях. Под вечер ушли: в город Пустошку — Ина Константинова, в поселок Алоль — Дуся Цветова, в село Щукино — Зоя Порываева. Разведчицы после выполнения задания должны были встретиться с нами в сосновом лесу северо-западнее Щукина, где мы рассчитывали базироваться.

Вскоре после разведчиц двинулись и мы. Километрах в двадцати севернее Пустошки сделали вторую дневку. Высланная вперед разведка доложила, что по дороге движется колонна — около двухсот фашистов с собаками впереди. Мы приготовились к бою; пропустив их в глубь расположения нашей засады, открыли

Петр Васильевич РЫНДИН — уроженец Белгородской области. До середины тридцатых годов работал в колхозе. Затем по спецнабору служил в Красной Армии. В первый же год войны был ранен. Вернувшись из госпиталя, сражался под Москвой.

С апреля 1942 года до конца 1943 года Рындин — партизан. Командовал отрядом, бригадой. После освобождения Калининской области от оккупации Петр Васильевич участвовал в ликвидации националистических банд в западных областях Украины.

В 1957 году Рындин, когда ему исполнилось 40 лет, по состоянию здоровья вынужден был уйти на пенсию. Сейчас он живет в Винницкой области, в поселке Гнивань.

огонь. Многих своих солдат недосчитался после этого пустошкинский комендант.

На следующий день по нашему следу пошли танкетки. Одну из них мы подбили, две другие прекратили преследование. Позже от местного населения мы узнали, что оккупационные власти приняли бригаду за десант регулярных советских войск. Так под именем «Красного десанта» мы и значились во время рейда в немецких донесениях и в радиограммах, которыми обменивались начальники СД Опочки, Пустошки и Кудевери.

Остановившись в бору северо-западнее села Щукино, стали поджидать своих разведчиц. Первой вернулась Цветова. Она сообщила, что в поселке Алоль стоит небольшой карательно-заградительный отряд, а в Щукине — сильный гарнизон. Прошел день,

а Ины и Зои все нет и нет. Девушки были опытными разведчицами. Порываева несколько раз одна и в паре с Дусей Цветовой выполняла сложные задания.

Мы верили в счастливую звезду разведчиц. Но они так и не вернулись.

Что же произошло с ними?

Ина Константинова, собрав необходимые сведения, уже хотела идти к месту явки, как вдруг увидела большую колонну машин с солдатами. Решила выяснить номер части и куда она движется. Но разведчицу задержали полицейские. Почему-то вначале Ину отправили на машине в Идрицу, а затем привезли поездом в Пустошку. Позже, когда Константиновой удалось вырваться из рук гестапо, она рассказала:

— В Пустошке повели меня к коменданту. Тотчас был вызван переводчик, и началось.

— Говори, где отряд?

— Какой отряд? Я ничего не знаю.

— Врешь, ты партизанка.

Я начинаю снова рассказывать свою легенду. Он ходит из угла в угол и молчит. Потом, быстро подойдя к столу, открывает ящик и достает мой первый, «витебский» паспорт, который однажды у меня во время обыска взял староста деревни, куда я приходила с целью разведки.

— Чей это документ?

Молчу.

— Говори!

Я вижу, как краснеет его противная физиономия, смотрю ему в глаза и молчу. Он подбегает ко мне и изо всей силы бьет по уху. Думаю: «Бей, скотина. Придет и наш черед!»

— Говори!

Переводчик что-то бормочет, а я ничего не слышу и упорно смотрю на офицера. Он как-то взвизгнул и снова ударил меня несколько раз по лицу. Очевидно, на мгновение я потеряла сознание и упала. Встаю. Голова кружится. По щеке и губе течет что-то. Я трогаю рукой, вижу кровь. Оперлась рукой о стол и снова смотрю на него. Он дрожащими пальцами закуривает сигару.

— Так не скажешь?

Молчу.

Тут он подошел близко ко мне и поднес сигару к правой руке, которой я опиралась о стол. Почувствовав острую боль, я чуть не закричала, но ненависть к этому немецкому гаду помогла мне справиться с собой и не показать ему своей слабости.

Закусила губу. Немец с размаху бросил сигару в угол и что-то крикнул в дверь. Кто-то вошел и толкнул меня в плечо. Поняла, что меня уводят.

Я двигалась в каком-то тумане. Думала только об одном: как бы не показать свою слабость, и старалась держаться прямо и идти твердо.

Привели в тюрьму, втолкнули в комнату с железной решеткой. Я встала посреди комнаты. Пришла в себя. «Ну, — думаю, — теперь конец!»

Села на пол в углу. Стерла платком кровь с лица. Все болит, а особенно рука. Пепел сигары смешался с кровью. И мне стало так тяжело. Вспомнила родной дом в Кашине. Уткнулась в угол и заплакала. Мне стало легче.

Начало темнеть. Страшно хотелось пить. Я постучала в дверь.

Полицейский подал мне в котелке воды. Я напилась, вымыла лицо и руки. Спокойствие стало возвращаться ко мне. Начинаю взвешивать все: выводы весьма неутешительные. «Ну, — думаю, — пока еще жива, надо все-таки что-нибудь предпринять».

На следующий день Мне чудом удалось бежать. Она перебралась через линию фронта и после отдыха была направлена в другую партизанскую бригаду.

О судьбе Порываевой мы узнали на другой день нашей стоянки вблизи Щукина. У заросшей папоротником дороги дозор задержал женщину с кошелкой. Подозрений она у нас не вызывала, но перед тем как отпустить крестьянку, Арбузов расспросил ее.

— Лютует немец, — сказала она, — все какой-то красный десант ищет. Вот сеструха говорила: вчерась в Красном девушку поймали, Зоей будто зовут. Так уж били ее, несчастную. Говорят, завтра в Опочку повезут.

Услышав это, Дуся Цветова, Юлия Новоселова, Нина Салазко и другие девушки-бойцы стали просить Арбузова:

— Товарищ комбриг, прикажите в бой на Щукино идти.

Но старший лейтенант отклонил предложение подруг Порываевой. И поступил, конечно, правильно. Гарнизон в Щукине сильный, а главное — приведен в боевую готовность. Посоветовавшись, мы решили выслать ударную группу на дорогу Щукино—Глубокое, по которой каратели должны были вести пленницу. Засаду мы сделали в очень удобном месте. Напали на грузовик внезапно. Но Порываевой в нем не оказалось. Как нам стало известно позднее, в самый последний момент коменданту Щукинского гарнизона позвонили из гестапо в Опочке и приказали разведчицу доставить лично.

Там нашу Зою пытался завербовать в свою группу матерый контрразведчик Горбатов, в прошлом офицер белогвардейской армии Юденича. Затем ее долго допрашивал и пытал начальник отделения СД в Опочке капитан Крезер. Стоя перед виселицей, разведчица запела песню. Крезер не выдержал и выстрелил в нее. Вешали Порываеву уже мертвой.

На следующий день после неудачной попытки выручить Зою в расположении бригады появился крестьянин с косой. Вел он себя подозрительно. Сам напросился на разговор. В ответ на вопрос Арбузова: «Сколько примерно немцев в Щукине и Красном?» — засмеялся и затараторил:

— Что ты, что ты, товарищ начальник. Какие там немцы. Было немного, да и те в Глубокое ушли. Боятся даже вас.

На этой лжи фашистский лазутчик попался и был расстрелян.

Мы уже знали, что гитлеровцы стягивают вокруг бора значительные силы. Ночью из района Щукина пришли две наших разведчицы — Татьяна Прохорова и Варя Кафтырева. Возвращаясь из деревни Максимцево, девушки нарвались на засаду. Бежали под огнем. Прохорова была ранена пулей в грудь навывлет. С помощью подруги ей удалось дойти до нас. Разведчицы доложили:

— В Щукине находится несколько сот гитлеровцев. Есть бронемашинны. На дорогах в направлении нашей стоянки — многочисленные засады. Хватают всех неместных. Ожидается карательный отряд из Опочки.

— Пошли встречать опочецких фрицев, — предложил Арбузов. И мы пошли. Встретили их на дороге Щукино—Глубокое. Ударили из засады. Каратели, конечно, не ожидали нападения среди белого дня. Вражескую колонну мы изрядно потрепали. В этом бою Арбузов потерял свой орден и очень сокрушался по этому поводу.

В ту же ночь мы покинули облюбованный нами бор и начали переход в лесной массив в направлении на Идрицу. Продвигаясь на юг, спокойно переправились через реку Алоль и перешли Ленинградское шоссе. Углубившись в лес, попали в заросли малинника. Проголодавшиеся партизаны с аппетитом набросились на никем не тронутую малину. Место показалось для отдыха удобным, и мы решили остановиться для варки грибного супа. Но вдруг сзади раздались выстрелы. Оказывается, каратели уже шли по нашему следу.

Обстановка для нас складывалась неважная. С двух сторон наступали гитлеровцы, с третьей стороны было большое озеро, а с четвертой — южной — сгоревший лес. Решили отходить по выгоревшему лесу, прикрываясь огнем пулеметчиков. Потеряв шесть человек убитыми, бригада оторвалась на некоторое время от преследователей и вышла к озеру Белому. Здесь мы заняли оборону на подковообразной высотке.

Фашисты, убедившись по подобранным трупам, что они имеют дело не с десанниками, а с партизанами, развернутым строем, по тому же выгоревшему лесу пошли вскоре на нас психической атакой. Многие из них были пьяные. Слышались ругань на немецком, русском, украинском языках, лай собак. Мы поняли, что кроме регулярной немецкой части против нас брошены и сводные полицейские отряды.

Начался бой. Мы быстро отучили «психов» ходить в атаку во весь рост. Но к карателям прибыло подкрепление, и они вновь

яростно атаковали нас. На отдельных участках дело доходило до рукопашных схваток. Много гитлеровцев и полицаяев полегло у подножья высоты. Но и мы понесли непоправимую утрату — смертельно был ранен наш комбриг. В критический момент боя он подменил пулеметчика и точными очередями скосил шеренгу атакующих. Неосторожно выглянув из-за пулемета, попал под огонь фашистского снайпера.

Умирая, Георгий Николаевич все время думал об исходе боя. По его приказанию я принял командование бригадой, передав отряд Филиппу Тяпину.

— Держитесь дотемна, — говорил мне и Лекомцеву Арбузов, — а как стемнеет, сделайте марш-бросок за Великую. Фрицы побоятся ночью идти вслед за вами.

Мы так и поступили. Ночевали в восьми километрах от Алоли. Утром похоронили своего любимого командира. Чтобы фашисты не надругались над его телом, холма могильного не насыпали. И салюта не дали. Но все до единого поклялись отомстить гитлеровцам и за эту смерть.

И мстили. Боевой счет мести открыли в тот же день — тринадцатого августа. На территории Идрицкого района наша разведка обнаружила отряд немецких велосипедистов — человек около ста. Мы подпустили их на расстояние кинжального удара и почти всех уничтожили.

В тот день мне спас жизнь четырнадцатилетний партизан, мой связной Алик Овчинников. Он шел позади и вдруг заметил на дереве прицелившегося в меня гитлеровца. Алик снял его очередью из автомата.

На обратном пути к линии фронта ежедневно приходилось вести бой с мелкими карательными отрядами оккупантов и полицаяев. Фашисты разгадали наш маршрут и усилили охрану железной дороги Невель — Новосокольники. Переходили ее с боем, потеряв еще несколько человек. До линии фронта оставалось километров сорок, а у нас не было ни сил, ни патронов. Последний бросок сделали, как говорится, «на втором дыхании». Через линию фронта прошли ранним утром. Гитлеровцы заметили нас, когда мы уже приблизились к Ловати, и обстреляли из минометов и даже пушек. Но было уже поздно.

Трое суток отсыпались бойцы «красного десанта» в родном Купуе. А затем начали готовиться к новым боям и походам.

ЛЕСНАЯ ХИРУРГИЯ

Хотя моему диплому было, как говорится, без году неделя, колхозники считали меня опытным врачом. Вероятно, принимался во внимание не только возраст, но и пятнадцатилетний стаж фельдшерской работы. Словом, приехав в деревню Железница, куда меня назначили заведующей участковой больницей, я чувствовала себя уверенно.

Осматривая свои новые владения, я случайно наткнулась на чердаке на заброшенную мемориальную доску. Прочитав все, что на ней было написано, узнала несложную историю железнодорожной больницы. В конце девятнадцатого века граф Строганов подарил ее земству. Здание стояло в большом парке, на холме. Внизу текла Шелонь, кругом до самого горизонта зеленели леса. Я не переставала восхищаться этими живописными местами и на редкость удобным расположением больницы. Конечно, у меня тогда и мысли не было, какую роль оно сыграет во всей моей дальнейшей судьбе...

В первый день войны меня по телефону срочно вызвали в Дедовичи для освидетельствования призывников. Когда я возвращалась в больницу, дорогу было уже не узнать. Беспорядочно двигались люди, медленно тянулись телеги с привязанным к ним скотом. В ответ на мои расспросы люди устало говорили:

— Из-под Пскова.

Началась эвакуация и из Дедовичей. А к нам в больницу неожиданно, без всякого предупреждения привезли триста раненых, эвакуированных из Порхова. Дни стояли жаркие, раны у бойцов гноились. Двое суток не покладая рук мы делали перевязки и на подводах отправляли людей дальше. Некоторые красноармейцы были в очень тяжелом состоянии, нуждались в абсолютном покое, но выбирать не приходилось — со дня на день в деревне мог появиться враг.

Когда увезли последних раненых, я тоже стала готовиться в дорогу. Вдруг кто-то постучал в дверь. Вошел председатель

Дедовичского райисполкома Александр Георгиевич Поруценко.
— Что, собираетесь? — спросил он. — А я пришел просить вас не уезжать, остаться здесь.

О партизанах не было сказано ни слова, просто он объяснил, что я буду нужна людям. Признаться, я согласилась не сразу: на душе было и тревожно, и страшно. Гораздо позже я узнала, что Поруценко тоже остался в тылу и был назначен председателем Дедовичской оргстройки...

Помню, как я стояла на берегу Шелони и прислушивалась к нараставшему треску вражеских мотоциклов. Подошел председатель нашего сельсовета Петр Савельевич Савельев.

— Мне приказали взорвать мост, — сказал он и стал спускаться к реке.

Заложив взрывчатку, Савельев поджег шнур и отбежал в сторону. Раздался взрыв. На противоположном берегу показались вражеские мотоциклисты. Увидев, что мост разрушен, они повернули обратно.

— Ну, вот и все, — снова подошел ко мне Савельев. — Теперь можно и в лес подаваться. А ты оставайся. Да не скучай, мы к тебе в гости приходить будем...

Больница находилась в стороне от больших дорог. Но получилось так, что мимо нас прошли и наши отступавшие части, а позднее — и фашистские войска. В первые недели оккупации ко мне часто по вечерам или ночью приходили красноармейцы. Были они, как правило, с оружием и пробирались на восток, к линии фронта. Для них я организовала в больнице настоящий пункт питания. В леднике у нас был большой запас свиных туш. Еще в первые дни войны после одного из вражеских налетов, когда гитлеровцы обстреливали угоняемый скот, мы подобрали на дороге раненых животных. Теперь нам было чем накормить изголодавшихся бойцов, наполнить солдатские котелки.

Больных у меня осталось совсем немного. Медперсонала тоже. Одна из сестер, Тося Хрусталева, перешла линию фронта у Старой Руссы и вступила в армию. Вторая перебралась к родным за Локню, а после освобождения тех мест тоже ушла с нашими войсками.

В больницу стали наведываться оккупанты. Сначала группами, по трое, пятеро. Но вот однажды у больничного колодца остановился большой отряд с походной кухней. Набрали полное ведро воды, а пить не решаются. Позвали меня. Я довольно сносно говорила по-немецки. Объясняю им, что вода чистая, пригодная для питья. Они не поверили. Заставили выпить подряд четыре ста-

кана: все боялись, что вода в колодце отравлена. Потом налетели как саранча, наливают фляги, котлы. Офицер подошел ко мне, прищурился:

— А известно ли фэрау, что через четыре дня мы зайдем Ленинград?

Я не выдержала, съязвила с улыбкой:

— А не случится ли, как при Наполеоне?

Офицер расхохотался, хлопнул себя по кобуре.

— Ну нет, фэрау, это исключено. У нашего фюрера все предусмотрено.

Потом, когда отряд ушел, я себя ругала за неосторожный разговор. Он мог кончиться для меня плачевно.

Поговаривали, что немцы хотят превратить нашу больницу в госпиталь. Но, как видно, раздумали: слишком уж близко был лес...

В один из последних дней июля прибегают ко мне санитарка и говорит:

— Там четверо спрашивают главного врача.

Я спустилась вниз. Ко мне подошли военные:

— Не бойтесь, мы свои.

Заслуженный врач республики Лидия Семеновна РАДЕВИЧ больше десяти лет заведует радиологическим отделением в Ленинградском областном онкологическом диспансере. До этого она работала в Областной больнице, куда пришла сразу после освобождения Ленинградской области.

Лидия Семеновна — псковитянка, родилась в семье крестьянина. После окончания Витебского медицинского техникума работала фельдшером. В 1939 году закончила 2-й Ленинградский медицинский институт и получила назначение на Псковщину, в деревню Железница Дедовичского района, заведующей участковой больницей.

Во время войны ушла в партизанский отряд, больше полугода была единственным врачом в Партизанском крае.

Смотрю на них и не знаю, что думать. Вспомнились рассказы колхозников о белогвардейцах, которые идут с фашистами. А военные продолжают меня успокаивать:

— Да вы не волнуйтесь. Мы — ополченцы из ленинградского добровольческого отряда. Нам сказали, что вы могли бы помочь на первых порах с питанием. Ведь вас тут в колхозах все знают.

Налила я им в бидоны супу, дала две буханки хлеба, а сама думаю — не мешает проверить. Послала вслед своего дезинфектора Митю Тимофеева, молодого паренька. Он прополз за ними до оврага. Там моих гостей ждали. Митя услышал, как они обрадованно сказали:

— Ну, ребята, живем. Врач в больнице — свой.

Это были первые партизанские ласточки из отряда В. Савченко, сформированного в Ленинграде.

С тех пор стало у меня на душе веселее. По просьбе партизан я связалась с колхозниками, и они регулярно передавали через меня в лес мясо, хлеб и все, что удавалось припрятать, спасти от фашистского грабежа. Вскоре мы слышали о делах наших «подопечных». Из засад было уничтожено несколько машин, под откос спущен эшелон с вражеской техникой.

А однажды произошло несчастье. После того как партизаны подбили четыре немецких машины, фашисты, решив, что стрельба велась из больницы, обстреляли нас из миномета. Жертвами стали две девятилетних девочки, одна — дочь школьной уборщицы Быстровой, вторая — нашей санитарки Столяровой. Они играли в прачечной на берегу Шелони и, услышав выстрелы, выскочили на улицу. Их убило наповал у самого порога...

Появились раненые и среди партизан. Их привозили в больницу. Я перевязывала, вынимала пули. Тяжелораненых приходилось иногда класть в палаты. Во время одной облавы фашисты схватили колхозника Богданова из деревни Острый Камень. Он только что привез из леса в больницу раненого. На сене в телеге были обнаружены следы крови. Богданов сказал, что сдавал в Городне мясо, а сейчас ехал мимо больницы, возвращаясь домой. Его притащили к нам. Я подтвердила, что он не заезжал и никого не привозил. В конце концов его отпустили.

И все же кто-то донес, что у меня бывают люди из леса. В пятнадцати километрах от Железницы находился эсэсовский штаб. А в трех километрах от нас работал на мельнице мой брат, Иван Семенович Путнис. Латыш — переводчик у немцев — предупредил брата, что не сегодня-завтра в больницу нагрянут каратели. Я сообщила об этом партизанам, и мы договорились, что в бли-

жайшие дни никого ко мне присылать не будут. А вечером в больницу буквально приполз отставший от части красноармеец-узбек. Установить диагноз не составляло труда: дистрофия второй степени — кожа да кости. Я положила его в крайнюю по коридору пятую палату и с большой осторожностью начала подкармливать.

Прошло два дня, все было спокойно. Наши решили, что опасность миновала. И вот на третьи сутки шестеро партизан привозят ко мне раненого в ногу политрука Николая Ивановича Исаева. Я перевязала рану, уложила его в постель. И только успела накрыть на стол, как за окном раздался грохот. Выглянула — две немецких танкетки. Партизаны все — врассыпную. Выскочили из окон, да в овраг и скрылись в лесу. А я с испугу все тарелки в ведро побросала. И как раз вовремя: в дверях уже стояли два здоровенных эсэсовца с автоматами. Они провели меня по всему зданию, заглядывали под кровати и в шкафы, осмотрели чердак. Из предосторожности даже закрыли его на задвижку и задвижку прикрутили проволокой. Потом к больнице подъехала легковая машина. Эсэсовцы вытянулись в струнку, доложили, что посторонних в больнице нет. Только после этого из машины вылез тощий пожилой немец, судя по всему, в больших чинах. С той минуты, как он переступил через больничный порог, двое с автоматами не отходили от него ни на шаг.

Пожалуй, это был самый тяжелый момент во всей моей партизанской жизни. Позже, в лагере, у меня всегда был при себе пистолет. Я попадала за семь шагов в тонкую березу и была уверена, что дешево свою жизнь не отдам и живой меня не возьмут. А здесь мне, безоружной, нужно было не только защищаться, но и защищать других. Я мучительно думала, что предпринять. А над ухом жужжал размеренный голос приезжего эсэсовца:

— Я понимаю, вы женщина. Вас могли не спросить. Может быть, вас просто заставили оказывать помощь русским раненым?

И тут мне неожиданно повезло. Не успев эвакуироваться, в Железнице застрял главврач Дедовичской районной больницы. Визит эсэсовцев так напугал его, что он совсем потерял голову и решил, что сейчас самое лучшее — удрать. Поднялась тревога, и главврача сняли с подводы и привели на допрос. Пока с ним разбирались, я выскользнула в коридор и шепнула санитарке Наташе Столяровой:

— Живей неси в пятую судно и хлорку.

Эсэсовец вскоре отпустил взмокшего главврача. Дошла очередь до моих больных. Среди них был один слабоумный. При виде гитлеровцев он залез под кровать. Эсэсовцы присели на корточки

и стали колоть его штыками. Бедняга кричал. Я пыталась прекратить это издевательство. Тогда мне сказали, что я напрасно стараюсь выгородить русского солдата, — они все равно видят, что это симуляция. Наконец несчастного оставили в покое.

Когда подошли к кровати Исаева, я кратко пояснила:

— Местный крестьянин. Из-за язвы желудка не взят на фронт. А вчера его ранили партизаны...

Эсэсовец усмехнулся, приказал разбинтовать ногу. Я побледнела.

— Рана обработана, сейчас ее нельзя трогать, — откроется сильное кровотечение.

Гитлеровцы обменялись несколькими словами, которых я не разобрала, и направились в пятую палату. У дверей я без особой поспешности предупредила:

— Там брюшной тиф.

В нос ударил резкий запах хлорки. Эсэсовец отошел от двери. Дальнейший разговор происходил в ординаторской. Когда гитлеровцы уезжали, на глаза им попался больничный конюх дядя Ваня. Они посадили и его в машину. Я не на шутку взволновалась. Дядя Ваня был старообрядцем, отличался болтливостью, неуживчивым характером и большим пристрастием к водке. Что-то теперь будет?..

Среди ночи в больницу нагрянули партизаны. Они думали, что фашисты остались в деревне ночевать и решили выручить политрука. Утром, чуть свет, его увезли по дороге на Старую Руссу.

А через несколько часов из лесу в сопровождении двух колхозниц медленно выехала телега. Я вышла навстречу.

— Вот, Лидия Семеновна, посмотри-ка, кого к тебе привезли. Одет вроде по-нашему, а ничего не говорит. Не иначе, как немец.

У человека, лежавшего на телеге, была разбита челюсть. Я нагнулась над ним, тихо, отчетливо спросила:

— Дойче зольдат?

Раненый промолчал. Я повторила свой вопрос. И опять нет ответа. Тогда я быстро обшарила его карманы и вынула маленькую коробку с немецкими патронами. Раненый отвел глаза и каким-то неестественно тонким голосом произнес по-немецки:

— Ja.

Солдата втащили в палату. А я побежала в лес, к партизанам. Комиссар отряда выслушал меня и сказал:

— Из-за одного паршивого фрица мы можем лишиться нашего

врача. Мы не имеем права рисковать. Так что придется уж тебе полечить этого немца.

Я оказала раненому помощь, велела принести ему пищу. Он мог только пить и мы давали ему сырые яйца и сливки.

К вечеру вернулся дядя Ваня и сразу — ко мне:

— Ой, докторинушка, — он всегда так меня называл, — уж как мне было хорошо. И напоили меня, и накормили. Все про тебя спрашивали. Как, да что, да кто к тебе ходит.

— Ну а ты, дядя Ваня?

— Что ты, докторинушка, разве я тебя выдам, — возмутился он и затряс своей козлиной бородкой...

Еще через день в больницу ворвалась группа фашистов. Старший с порога закричал:

— Мы пришли за русским солдатом.

Очевидно, раненый «колхозник» не выходил у них из головы. Но на сей раз я была совершенно спокойна и твердо ответила:

— Здесь нет никаких русских солдат. У нас есть только раненый немецкий солдат.

Гитлеровцы бросились бегом по длинному коридору, но в палату вошли осторожно, с автоматами наизготовку... Раненого тут же увезли. О русском солдате меня больше не спрашивали.

Вскоре довелось мне услышать, как проходившие мимо больницы фашисты говорили:

— Здешнему врачу можно доверять. Она спасла нашего солдата и почти свободно говорит по-немецки.

На некоторое время меня оставили в покое. Вскоре, однако, оказалось, что покой этот весьма относительный. Меня начали таскать в Дедовичи, к бургомистру. Предлагали квартиру и новую работу. Я под разными предлогами отказывалась.

Тогда в один прекрасный день приходит ко мне с котомкой за плечами Дунька Кублова, дочь бывшего кулака, который уже работал в комендатуре. Приходит и требует, чтобы я положила ее в больницу. У нее всегда было что-то не в порядке с ногой. Говорю ей, что у меня и больных уже почти нет, и питания никакого. Дунька заявляет, что пришла со своими харчами. Чтобы не усиливать подозрений, пришлось оставить ее в больнице. Прописала я ей строгий постельный режим и положила в самую дальнюю палату. И тут начались мои мучения. Дунька не спала по ночам, выходила из палаты, шпионила за мной и за сестрами. Не знаю, что ей удалось выведать, но спустя неделю меня снова вызвали к бургомистру. Посыпались вопросы: почему не прошу помощи, от кого получаю продукты, кто приходит в больницу, не

лучше ли мне переехать в Дедовичи, чем вечно жить под страхом партизанских налетов? Продержали до вечера, гоняли из кабинета в кабинет, но все-таки отпустили.

Позднее, когда я ушла в лес, партизанская пуля настигла предательницу Кублову. Ее отец при освобождении Ленинградской области от оккупации был опознан местными жителями и тоже расстрелян...

Время шло. В наших лесах уже действовали не разрозненные отряды, а целая партизанская бригада во главе с Николаем Григорьевичем Васильевым. Возить раненых в больницу, которая была на глазах у оккупантов, становилось все более опасно. Партизанскому краю нужен был свой, партизанский врач...

Второго ноября я ездил на вызов за десять километров от Железницы. А вернувшись, застала больницу окруженной партизанами.

— Даем тебе два часа сроку. Собирайся, поедешь с нами в лес.

Для меня это не было неожиданностью. Я быстро собрала все медикаменты, инструмент, больничное белье. За пояс сунула «Краткий курс оперативной хирургии» Шевкуненко. С этим имуществом меня и привезли в прокуренную партизанскую землянку, которой суждено было стать моим первым лазаретом.

В Железнице остались фельдшер Нина Романовна Щербакова и медсестра Тося Махаева. Вскоре и они перебрались к партизанам, правда, в другие отряды. А у меня появилась новая помощница, комсомолка Нюра Егорова, мой верный адъютант.

Трудно было первое время: приходилось не только учить Нюру, но и самой многое постигать заново. До войны у меня совсем не было хирургической практики. А тут чуть ли не в первый же день ко мне привезли партизана, раненого разрывной пулей в живот. Требовалась немедленная операция, и полагаться я могла только на себя. Был, правда, еще Шевкуненко, по которому я вначале готовилась к каждой операции.

Суровая действительность опрокинула мои довоенные представления о стерильности. Спирт я берегла на крайний случай: им можно было промыть рану, но никак не руки. Мыла тоже не хватало, руки приходилось мыть золой. В течение дня я часто по нескольку раз сама стирала загрязненные бинты...

Так или иначе, мой первый хирургический опыт закончился благополучно. У Нюры в этот день был тоже дебют: под моим наблюдением она давала раненому наркоз. Происходило это в деревне Глотова, в избе колхозника Иванова, который для нас был просто дядей Мишей. Здесь мы жили, здесь размещался наш

госпиталь, и здесь же я вела прием больных. В то время я была единственным врачом на весь Партизанский край, так что на моем попечении находились не только партизаны, но и все местное население.

Фашисты усиленно обстреливали села Партизанского края с самолетов. Поэтому подолгу засиживаться на одном месте мы не могли. Хорошо, если в какой-нибудь деревне удавалось побыть недели две. Эти кочевые условия невероятно осложняли нашу и без того нелегкую жизнь.

Обычно я старалась разместить раненых по избам у колхозников. По крайней мере, я была спокойна, что моим подопечным будет обеспечен хороший уход, что хозяйева поделится с ними едой. А когда у нас не было перевязочного материала, колхозники разрывали на бинты простыни, полотенца. Нужно ли говорить, какому риску подвергались эти люди в случае неожиданного вторжения врага.

Днем с маленьким чемоданчиком в руке я вместе с Ньюрой, торопливо перебегая от дома к дому, осматривала своих больных. Потом мы принимали подводы с новыми ранеными. Иногда приходилось промывать раны и делать перевязки ночью при свете лучины. В таких поистине варварских условиях я делала довольно сложные операции, обрабатывала даже раны на голове, вытаскивала осколки. Не бралась только за лечение раненых в брюшную полость: при отсутствии самых примитивных средств стерилизации хирургическое вмешательство здесь было безнадежным делом и только причинило бы лишние страдания.

Скоро я научилась оперировать в любых условиях. Без замораживания извлекала из глубокой раны пули, стягивая тутим жгутом поврежденную конечность до полного онемения.

В конце сорок первого года фашистское командование организовало крупную карательную экспедицию против 2-й партизанской бригады. Побросав наши обжитые землянки, мы с величайшей поспешностью уходили от карателей. Вел нас комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов. Часть бригады во главе с Васильевым находилась на задании. Они присоединились к нам уже в пути. Двое суток мы кружили по лесу. Днем, чтобы хоть немного передохнуть, закапывались в снег. Мороз стоял лютый, силы у всех были на исходе. Я заметила, что на протяжении всего похода от меня ни на шаг не отходит Владимир Иванович Лильбок. Знакомы мы были еще до войны. Он работал районным прокурором в Дедовичах. Оказалось, что Лильбок получил от командования строжайший приказ — не выпускать меня из виду и, если у меня уже совсем не будет сил идти, тащить на собственной спине. Почти так и получилось. Не помню, кто нес мой чемоданчик. Мы брели, то и дело проваливаясь в болото.

К концу вторых суток все совершенно измотались. Спирт из моих неприкосновенных запасов был давно выпит. У многих — обморожены ноги. И тогда Васильев приказал — из первой же деревни, которая нам попадется, выбить гитлеровцев.

Нам повезло. Увидев приближающихся к Сусельнице партизан, фашисты без боя ушли из деревни. Отдохнуть, однако, мне не пришлось. Нужно было делать перевязки, срочно ампутировать обмороженные пальцы, лечить запущенные раны. У семнадцатилетнего Коли Веселова обморожены обе ноги, пальцы уже почернели. А у меня — никакого инструмента: почти все содержимое моего чемоданчика осталось в болоте. Чудом уцелели только кривые ножницы да пристегнутый к ремню именной кинжал. Наркоза тоже нет, есть лишь несколько папирос.

В то время папиросы у нас были на вес золота, дороже хлеба. Я собирала их, где могла. До войны я курила. Теперь бросила, каждую папиросу берегла для раненых. Выдавала по норме: одна папироса на троих бойцов.

И вот сунула я Коле папиросу и давай этими кривыми ножницами резать ему пальцы. Коля молчит, а слезы градом катятся, и сама я чуть не плачу. Тут еще ножницы сломались. Последний палец пришлось отрезать кинжалом.

— Вот и все, доктор, а вы боялись, — сказал Веселов и потерял сознание.

И все-таки Колю мы спасли. Потом на самолете его отравили в тыл...

Этой же ночью нас разыскал партизан из отряда Синельни-

кова, носивший странную фамилию — Стетюха. Когда мы покидали наш лесной лагерь, я с разрешения комиссара велела Володе Стетюхе пробираться деревнями к больнице. Он был ранен разрывной пулей в плечо, и рана начала гноиться. Партизану удалось дойти до Железницы. Там он застал одну Тосю Махаеву. Едва она перевязала рану, как в больницу нагрянули фашисты.

Тося спрятала Стетюху под кровать, а сверху закидала грязным бельем. Немцы сунулись было под кровать, но наткнулись на белье и дальше не полезли.

Володя рассказал, что каратели, узнав о моем уходе в лес, страшно избили моего старшего брата Антона Семеновича. Позже его вместе с другими жителями села угнали в Литву.

Тогда я еще не знала о гибели брата Ивана. Гитлеровцам стало известно, что он передавал партизанам хлеб...

Каратели зверствовали. Выжигали целые деревни, учиняли расправы над мирными жителями. В Паревичах у нас был свой фельдшер Цветков. Я постоянно поддерживала с ним связь, нередко направляла к нему больных крестьян. После того как партизаны выбили карателей из деревни, ко мне в Глотова пришла жена Цветкова с кучей ребятишек. Она рассказала, что ее мужа и шестнадцать односельчан фашисты повесили, а Паревичи сожгли. Семью Цветкова впоследствии перебросили в тыл. Старший сын Витя ушел в армию. После победы он вернулся в Дедовичи и женился на Нюре Егоровой. Познакомились они еще в бригаде. Людская дружба и любовь крепили вопреки всем ужасам войны...

Не обошлось без жертв и в Глотова. В подвале избы, где прежде размещался наш госпиталь, фашисты раскопали спрятанные медикаменты и парашюты. За помощь партизанам заплатил жизнью сын хозяина Митя...

Как-то глубокой ночью после долгих скитаний завезли нас в самый дальний угол Белебелковского района, в деревню Рябые Роги. Не было керосина, а мне предстояла срочная операция — ампутировать ногу с раздробленным коленным суставом. У меня оставалась еще бутылочка эфира для наркоза, для дезинфекции — крепкий самогон. В котелке над костром, как могла, прокипятила свой «инструмент» — старую ножовку. Какая уж тут стерильность, когда в котелок то и дело лезет копать!

При лучине я перепилила раненому кость, наложила швы простыми нитками, прокипяченными в том же котелке. Партизан потерял много крови, находился в крайне тяжелом состоянии. Надо было немедленно делать переливание крови. Сывороток для

определения групп крови у нас не было. Я знала — у меня первая группа. Закатала рукав, положила свою руку вплотную к безжизненно свисавшей руке раненого. Переливать кровь пришлось Нюре. Я говорила ей, что делать, показывала, как надо держать иглу. Кровь перелили непосредственно из вены в вену. Раненый сразу ожил, кожа у него порозовела... Потом я сама провожала его вместе с другими тяжелоранеными к самолету, чтобы отправить в тыл.

На самолет брали не больше двух человек. И я со слезами умоляла пилотов взять еще одного, третьего. Если мне удавалось это, я чувствовала себя по-настоящему счастливой. Но далеко не всегда разделяли мою радость раненые. Едва ли не силой пришлось отправлять партизанского командира Леонида Васильевича Цинченко. Он получил сильную контузию, однако ни за что не хотел покидать товарищей. Обиделся тогда на меня, даже прощаться не стал, отвернулся.

Учитывая трудности нашего госпитального быта, комбриг выделил в мое распоряжение отряд из двадцати трех человек под командой политрука Малафеева. Они снабжали нас дровами и продуктами, переносили раненых, помогали в наших бесконечных переездах. Без них, пожалуй, мы бы не справились с тем страшным несчастьем, которое обрушилось на госпиталь по вине предателя...

А произошло вот что. Фашисты разбомбили деревню Острый Камень, и как раз в тот момент, когда в ней проходило собрание, на котором обсуждали вопрос об организации продовольственного обоза для ленинградцев. По распоряжению оргтройки раненых привезли на подводах ко мне в Готово. Среди них был старик с раздробленной до плечевого сустава рукой. Руку пришлось оперировать, но положить старика после операции было негде. Он успокоил меня, сказал, что в деревню недавно после побега из плена вернулся местный фельдшер Сидоров. Он-то и будет делать ему перевязку. Я выдала старику бинт и риванол — больше ничего дезинфицирующего под рукой не нашлось — и написала Сидорову записку. Просила его оказать раненому помощь и советовала ему подумать о совместной работе, звала уйти в партизаны.

Вскоре фельдшер пришел ко мне, якобы за медикаментами. Поделилась, чем могла, и мы расстались.

Прошло несколько часов после его ухода. Я готовила инструмент. Надо было ампутировать ногу — у раненого началась газовая гангрена. Пока закипала вода, выбежала в соседнюю хату

наскоро перекусить. Не успела перейти дорогу, как услышала знакомый гул. Самолеты шли прямо на госпиталь. Снизившись до бреющего полета, они сбросили бомбы. Госпиталь загорелся.

Никогда не забуду этого страшного часа. Я слышала, как кричали в огне раненые. Видела, как подоспевшие Малафеев и его бойцы выбрасывают раненых через окна на снег. К школе бежали колхозники. Я кричала, не узнавая своего голоса:

— Спасайте! Скорее!

А сама не могла двинуться с места. У меня отнялись ноги. Упав на снег, поползла, изо всех сил отталкиваясь руками. Молнией в мозгу пронеслась мысль: «Что же я теперь буду делать без ног?» Каким-то невероятным усилием воли я вскочила и бросилась к горящему зданию.

Когда раненых разнесли по избам, я поехала в штаб, к начальнику особого отдела Николаю Иванову. Мне стало вдруг подозрительным и посещение Сидорова, предшествовавшее бомбежке госпиталя, и то, что после налета на деревню Острый Камень в ней уцелел только его дом. Доложила о случившемся комбригу. Васильев выслушал меня, покачал головой:

— Впредь, Лидия Семеновна, надо быть осмотрительнее. А за этим фельдшером мы уже следим.

Вскоре в доме Сидорова внезапно был сделан обыск. На чердаке партизаны нашли радию. Тогда стало понятным, откуда гитлеровцы получали точную информацию. На совести предателя было немало черных дел. Сидорова расстреляли.

Ночью за нами приехали подводы. Перекочевали мы на какой-то маленький хуторок. Я вылезла, смотрю — стоят две избы, а кругом — болото. Как тут разместить раненых? Положили всех на полу. Перевязки делали на корточках.

Пробыли мы на этом хуторке двое суток и двинулись дальше, в Краснодубье. Оттуда, с озера, три ночи подряд отправляли наших измученных раненых на самолетах в тыл.

Весной сорок второго года я была уже не единственным врачом в Партизанском крае. Каждая бригада обзавелась своими фельдшерами и врачами. Их доставляли к нам на самолетах. И у нас во 2-й бригаде появился новый врач — Алексей Иванович Иванов. Но поработать вместе нам почти не пришлось: вскоре я выбыла из строя. Случилось это так.

Как-то после Холмской операции ко мне ввалилось несколько человек в нахлобученных фуражках и немецких шинелях. С порога закричали:

— Хайль Гитлер!

От неожиданности я вздрогнула и выронила инструмент. Воспешные засмеялись. Я взгляделась получше и узнала наших партизан.

Не думали мы тогда, что невинная шутка обернется грозной бедой. Вскоре у партизан, надевавших шинели, начался сыпной тиф. Наш быт был достаточно неустроен, и я опасалась самого худшего — повальной эпидемии. Но, к счастью, общими усилиями мы ее предотвратили: отстояли от смерти сорок человек. Погиб только один.

И вот, когда угроза эпидемии окончательно миновала, я неожиданно свалилась в горячке. Не помню, как меня перевозили на самолете.

Очнулась я уже за линией фронта, в Валдае. Тиф был на редкость сильный, я провалялась три месяца. Лежала со всеми удобствами, в отдельной палате. А когда поправилась, получила новое назначение: начальником санитарной службы при Ленинградском штабе партизанского движения. На этом посту я оставалась вплоть до освобождения Ленинградской области от оккупации.

В БОЯХ И ПОХОДАХ

Весной сорок второго года в наш партизанский отряд «За Родину» влились три небольших отряда. Я был назначен начальником штаба. Подбирать боевые дела мы стали теперь «по росту».

В двадцати километрах от города Невеля находится село Лехово. Расположено оно на шоссе Невель—Усвяты. Эта дорога проходила вдоль линии фронта. По ней вражеские части получали боеприпасы и продовольствие.

Нам стало известно, что леховский гарнизон — около трехсот человек — охраняет склады горючего и продовольствия. Все это надо было уточнить. Командир взвода разведки лейтенант Мозгунов послал в Лехово двух разведчиц — Надю Козинцеву и Веру Горелову. На лошади, запряженной в розвальни, они двинулись в путь. Но когда подъезжали уже к селу, предатель-староста издали узнал «партизанскую» лошадь, и фашисты открыли по разведчицам огонь. Бросив лошадь, партизанки сумели уйти.

Вскоре Наде удалось все же пробраться в Лехово. Она вернулась в отряд с ценными для нас сведениями. Оказалось, что с трех сторон село опоясано проволочными заграждениями, окопами и блиндажами. Стоявший на возвышенном месте сарай превращен в мощный дзот с четырьмя станковыми пулеметами. Вокруг села сооружен высокий ледяной вал.

Мы решили разгромить врага в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое марта. Отряд разделили на две группы. Одну возглавил командир отряда Зылев, вторую — комиссар отряда Новиков.

За сутки до наступления, совершив тридцатикилометровый марш, мы пришли в деревню, расположенную в семи километрах от Лехова. Здесь устроили дневку. Чтобы противник не узнал о нашем расположении и возможных планах, командир приказал из деревни никого не выпускать.

Отряд выступил в назначенный час и, соблюдая все меры предосторожности, незамеченным приблизился к окраине села.

Здесь первым с врагом встретился командир партизанской роты Задерин. Часовой выстрелил, но промахнулся. Ответным выстрелом Задерин сразил гитлеровца наповал. Эти два выстрела и красная ракета послужили сигналом к атаке. В дома, где размещались гитлеровцы, полетели гранаты. От меткой стрельбы наших «пушкарей» загорелись неприятельские склады.

В центре села группа фашистов в несколько десятков человек сильным огнем из стрелкового оружия на какое-то время сковала действия партизан. Командир отряда приказал взводу бойцов из роты Задерина немедленно отойти в обход неприятельской группы справа. Не выдержав стремительного флангового удара, гитлеровцы бросились бежать. Партизанские ударные группы начали дом за домом прочесывать село.

Эти группы были у нас во всех ротах. Каждая такая группа состояла обычно из четырех-пяти человек. В условиях уличного боя они, в зависимости от обстановки, действовали или сообща, или в одиночку. В деховском бою особенно отличилась группа, которую возглавлял младший лейтенант Дмитрий Хруцкий. В нее входили пулеметчик Михаил Окулов и стрелки Семен Козлов и Павел Белов. Действуя то пулеметом, то гранатой, они настигали врага всюду, где он пытался оказать противодействие.

Вскоре почти все село было в наших руках, и лишь в западной его части гитлеровцы продолжали упорно сопротивляться. Мы с командиром роты Задериным отправились туда. За углом одного из домов два человека барахтались в снегу и душили друг друга. Впотьмах трудно было определить, кто из них свой, кто чужой. Раставив дравшихся насмерть людей, увидели, что наверху был здоровенный немец, а внизу — командир взвода лейтенант Дмитрий Козлов.

Бой понемногу затихал, выстрелы и взрывы гранат звучали все реже и реже. Но вот вдруг в доме, где побывали партизаны, ожил вражеский пулемет. Он в течение нескольких минут натворил немало бед. От его огня погиб командир пулеметного взвода лейтенант Касаткин. Организатор и комиссар нашего отряда Павел Александрович Новиков получил тяжелое ранение в обе руки. Пострадали и другие товарищи.

Иван Белюсов и я бросились к дому, из которого стрелял пулемет, метнули в окна несколько гранат. Пулемет замолк.

Итоги первого крупного налета нашего отряда были отрядными. Мы уничтожили склады с продовольствием, боеприпасами и горючим, а также двадцать шесть автомашин. Захватили один миномет, четыре станковых и пять ручных пулеметов, более

сорока винтовок, четыре десятка лошадей, большое количество обмундирования, продовольствия и фуража. Противник понес значительные потери — свыше ста человек убитыми и ранеными. Пленные показали, что в селе была расквартирована усиленная рота. Командир роты капитан Гинкельман был убит.

Эта победа была и для нас не бескровной. Четырнадцать наших товарищей пали в бою, а двадцать шесть получили ранения. Урон немалый. Однако при всей горечи понесенных утрат леховская операция воодушевила, окрылила партизан.

После налета на Лехово наш отряд продолжал действовать активно и успешно. Мы устраивали засады на шоссе и проселочных дорогах, нападали на вражеские посты, опорные пункты и гарнизоны. В отряд вступали новые патриоты-добровольцы. В июле у нас насчитывалось уже более пятисот человек.

По указанию Калининского обкома партии и штаба фронта отряд был преобразован в 1-ю Калининскую партизанскую бригаду, состоявшую из четырех отрядов. Командирами отрядов стали Д. А. Халтурин, В. Ф. Задерин, А. И. Савитков, И. Р. Ермолаев, комиссарами — С. Д. Литвинец, С. В. Лукьянов, К. А. Юхов и А. И. Никитин.

Федор Тимофеевич БОЙДИН родился в деревне Осиновый Рог Урицкого сельсовета Великолукского района Калининской (ныне Псковской) области. После окончания средней школы учился в Пензенском артиллерийском училище.

Воевать лейтенант Бойдин начал под Смоленском: командовал огневым взводом, батареей. Под Вязьмой попал в окружение. С января 1942 года Бойдин — командир партизанского отряда, затем — бригады.

После окончания Великой Отечественной войны Федор Тимофеевич — на комсомольской и партийной работе. В настоящее время Бойдин живет в городе Западная Двина. Он секретарь райкома партии. Был делегатом XXIII съезда КПСС.

В начале осени мы получили приказ начать активные боевые действия в районе между Идрицей и Опочкой. Силы у нас к этому времени были изрядные — около тысячи бойцов.

Сосредоточившись в южной части Себежского и Идрицкого районов, мы в начале октября двинулись в рейд в северном направлении: побывали под Опочкой, в западных пределах Кудеверского района, а затем направились к Пустошке. Вместе с бригадой проделал путь и командир партизанского корпуса Василий Васильевич Разумов.

Начали мы с диверсионной акции. При переходе железнодорожной линии Москва—Рига наши бойцы привели в негодность около километра линии телеграфно-телефонной связи, повредили на порядочном расстоянии путь и взорвали один железнодорожный мост.

Более значительным событием явился бой за село Дубровку. В селе, расположенном на перекрестке шоссе дорог, находился фашистский гарнизон, охранявший склады с отобраным у населения зерном. И вот восьмого октября бригада ворвалась в Дубровку. Гитлеровцы сначала оказали упорное сопротивление, и тогда заговорили партизанские пушки. Артиллерийский огонь вызвал в стане врага переполох. Фашисты в панике бросились удирать из села.

Помнится, в ходе боя произошел интересный эпизод. Мы с командиром корпуса вбежали в здание немецкой комендатуры. Увидев на столе телефонный аппарат, Разумов снял трубку и стал вызывать Идрицу.

— Алло, Идрица, Идрица! Почему, черт бы вас побрал, долго не отвечаете? Партизаны атакуют Дубровку, быстрее высылайте помощь!

В Идрице находился крупный неприятельский гарнизон. Гитлеровцы, приняв Разумова за полицая, пообещали выслать подкрепление. И действительно направили в Дубровку большой грузовик с четырьмя десятками солдат. Но у деревни Алатовичи его перехватил оставленный в засаде отряд Задерина. Каратели вместе с машиной были уничтожены.

В Дубровке нам достались немалые трофеи. Но особенно дорого было отнятое у врага зерно. Большую часть его вернули населению и лишь немного взяли с собой для партизанского довольствия.

С наступлением сумерек бригада покинула село. Часа через три мы были уже километрах в двенадцати от Дубровки и расположились на короткий отдых в деревнях Мельница и Шершни.

Наше появление в этих деревнях вылилось в настоящий народный праздник. Крестьяне встречали партизан, как родных и близких людей, угощали медом, салом — лучшими продуктами, какие только удалось уберечь от фашистских грабителей.

На рассвете десятого октября бригада снова двинулась в поход. Шли мы теперь в направлении деревни Балаши Опочецкого района. Спустя несколько часов разведчики доложили, что гитлеровцы в Балашах, узнав о смелых операциях партизан, готовятся к бегству. Решили атаковать противника без промедления, днем, и столь же стремительно, как это было сделано в Дубровке.

Быстрый и сильный удар ошеломил фашистов, и они заматались по деревне. Большинство их настигла смерть, и лишь немногие уцелевшие добежали до села Щукино, где находился крупный немецкий гарнизон.

К исходу дня мы расположились на отдых в деревнях Федькино, Марково и Махново. Но отдохнуть уставшим бойцам помещал комендант города Опочки. Он спешно снарядил на нескольких автомашинах карательную экспедицию. Каратели с ходу выбили из деревни Махново отряд Ермолаева, который только что вошел туда и не успел организовать оборону.

Командир корпуса приказал уничтожить карателей. Бригада развернулась в боевой порядок и, охватив Махново полукольцом, атаковала неприятеля. Гитлеровцам пришлось очень туго. Они бросились бежать из деревни, но единственный свободный путь вел в болото. Там они почти все и погибли от плотного огня народных мстителей.

Только после этого боя нам удалось передохнуть в намеченных ранее населенных пунктах. Весть о рейде партизанского соединения не на шутку встревожила гитлеровцев. Их небольшие подразделения, расквартированные в окрестных деревнях, вместе с полицейскими и чиновниками волостных управ укрылись под защиту крупных гарнизонов, в частности щукинского.

Прежде чем штурмовать столь важный объект, надо было провести основательную разведку. Я приказал составить группу лучших разведчиков. Ее возглавили Проскуров, заместитель командира одного из отрядов Соловьев и командир взвода бригадной разведки Хруцкий. Разведчики, подобравшись к селу, увидели, что щукинский гарнизон лихорадочно готовится к обороне. На подступах к селу велись инженерные работы — рылись траншеи и ходы сообщения, строились различные заграждения. Узнали также разведчики, что главный опорный пункт в селе — школа. В ней разместилось больше ста гитлеровцев. Здание обне-

сено двойным деревянным забором, засыпанным изнутри песком. В заборе — амбразуры для огневых точек. Перед забором — заграждение из колючей проволоки.

Выслушав доклад разведчиков, я созвал совещание. На нем присутствовали командир корпуса Разумов, начальник штаба бригады Халтурин, замкомбриг по разведке Проскуров, командиры отрядов Задерин, Ермолаев, Ботов, Савитков, Чесноков и Михайлов. Большинство командиров высказалось за то, чтобы каким-либо хитрым способом выманить противника из села и нанести ему поражение в открытом бою. Мысль сама по себе неплохая, но она повисла в воздухе, ибо «хитрого способа» мы так и не нашли.

И тогда родилось новое предложение: учитывая, что противник страшится партизанского налета и уже в какой-то мере деморализован, предъявить ему ультиматум о добровольной сдаче. Будет толк — хорошо, не будет — блокировать Щукино, попытаться измотать врага огневыми налетами. Предложение было одобрено, и мы сразу же взялись за его осуществление. Из штаба бригады принесли пишущую машинку с латинским шрифтом. За нее сел наш переводчик Шишкин, замечательный человек и храбрый воин, награжденный впоследствии орденом Красного Знамени. Ультиматум сочиняли коллективно. Помнится, Халтурин пошутил по этому поводу:

— Внимание, товарищи! Запорожцы пишут письмо турецкому султану.

В ультиматуме говорилось, что щукинский гарнизон окружен крупными партизанскими силами. Мы предлагаем гарнизону добровольно сложить оружие, пленным гарантируем жизнь. В случае отклонения ультиматума гарнизон будет атакован и полностью

уничтожен. Ответ ожидается не позднее двенадцати часов четырнадцатого октября.

Пакет с текстом ультиматума я вручил партизану Игорю Бойко. Он надел на левый рукав повязку полицейского, сел на лучшую лошадь и поскакал в соседнюю со Щукиным деревню. Там Игорь разыскал старосту, и между ними произошел такой разговор:

— Вы будете господин староста?

— Я, а что вам угодно?

— Я нарочный из Опочки. Передаю вам личное приказание коменданта города — немедленно доставить вот этот пакет начальнику щукинского гарнизона.

Вручая пакет старосте, Игорь доверительным тоном сообщил ему, что в Опочечком, Кудеверском и Пустошкинском районах повсюду орудуют партизаны и вот-вот нагрянут в здешние места.

— А где поблизости располагаются партизаны? — с дрожью в голосе спросил староста. — И как мне действовать, если они появятся в деревне?

— Где партизаны, не знаю, — отвечал Бойко. — В опочечкой комендатуре известно лишь то, что их несколько тысяч. А насчет того, как действовать дальше, вам дадут указания в Щукине.

Чтобы у старосты не возникло каких-либо подозрений, Бойко предупредил:

— Господин староста, вы головой отвечаете за немедленную доставку пакета. А я спешу с таким же пакетом в другой гарнизон.

Как и предполагалось, на рассвете четырнадцатого октября пакет был доставлен в Щукино. К этому времени наши отряды перекрыли все дороги, ведущие в село, и нарушили телефонную связь. Начальник гарнизона, получив ультиматум, объявил тревогу. Старосту, доставившего пакет, он обвинил в сотрудничестве с партизанами и посадил под арест. Капитуляция, разумеется, гитлеровцев не устраивала. Им хотелось заручиться как можно скорее помощью извне. Именно с этой целью они в качестве сигнала бедствия подняли на высокой мачте громоотвода пылающий факел.

Между тем настал полдень. Наши отряды на виду у противника начали с трех сторон приближаться к селу. Только с востока фашисты не увидели какой-либо угрозы. А на самом деле в том направлении, километрах в трех от села, находился самый сильный из наших отрядов — задеринский. Когда стало ясно, что ультиматум наш отвергнут, партизанские пушки и минометы откры-

ли интенсивный огонь по врагу. Вскоре отряд, возглавляемый Федором Ботовым, при поддержке других отрядов занял почти все село. Но первая же попытка атаковать школу окончилась неудачно.

Я отдал приказ усилить артиллерийско-пулеметный огонь по фашистам. Их положение с каждым часом становилось все более отчаянным. С наступлением сумерек они покинули школу и бросились бежать в сторону деревни Красное, где тоже находился небольшой гарнизон. Отступавших встретил дружным огнем из засады отряд Задерина. В селе нам достались ценные трофеи: оружие, боеприпасы.

Но враг тоже не бездействовал. Вечером пятнадцатого октября разведка доложила, что к Артюхову, куда мы возвратились после разгрома щукинского гарнизона, движутся из Опочки, Кудеверы и Красного три колонны противника общей численностью свыше двух тысяч человек. Гитлеровцы, видимо, рассчитывали окружить нас и уничтожить. Дав противнику около Артюхова сильный, но короткий бой, мы отошли в сторону Опочки.

Эта полоса рейдовых боев была для нас вполне успешной. Только на протяжении одной недели мы разгромили четыре фашистских гарнизона, истребив значительное количество живой силы и техники противника.

В конце сорок второго года Калининский партизанский рейдовый корпус, выполнивший возложенную на него оперативную задачу, был расформирован. Местом базирования и деятельности некоторых калининских партизанских формирований, в том числе и нашей бригады, стал Партизанский край.

Мы называли его Братским партизанским краем. Родился он в результате совместных дружных усилий белорусских, латышских и калининских партизан на границе трех республик — Российской Федерации, Белорусской и Латвийской ССР. Была освобождена обширная территория, протянувшаяся с востока на запад почти на сто километров, а с севера на юг — до восьмидесяти километров. В Братский партизанский край входило более половины населенных пунктов Себежского, Идрицкого и южной части Пустошкинского и Опочецкого районов, занятых войсками группы армии «Север».

Стратегически важная железнодорожная магистраль Идрица — Полоцк, пересекавшая освобожденную партизанами территорию с севера на юг, бездействовала. Несколько месяцев фашисты не могли использовать ее для нужд фронта. Из-за диверсий нарушено было регулярное движение поездов и на железной дороге

Себеж—Великие Луки. Командование гитлеровских частей, находившихся у этих коммуникаций, вынуждено было не раз вводить осадное положение, для охранных и карательных целей использовать и регулярные войска.

Так мы осенью второго года войны помогали советским войскам, героически сражавшимся на берегах Волхова и Невы.

В одном из донесений фашистской службы безопасности, перехваченном нами, говорилось: «Движение по дорогам из прифронтной зоны в зону гражданской администрации, вследствие перекрытия шоссе между Идрицей и Себежем, а также Полоцком и Дриссой, фактически прекращено. В ходе действий партизанам удалось настолько овладеть районом, что они превратили его в неприступную оперативную базу, служащую для подготовки дальнейших действий».

Неприступная оперативная база! Враг точно определил военное значение Братского партизанского края. Действительно, теперь в случае необходимости мы могли оперировать большими силами, нападать на вражеские гарнизоны и объекты несколькими бригадами. Примером подобных действий может служить, в частности, совместная операция, осуществленная в марте сорок третьего года.

Наша бригада приняла в ней самое активное участие. Операция была комбинированной. Главный удар наносился в районе Савкинского железнодорожного моста, на магистрали Новосokolьники—Рига. Одновременно громилась или блокировались все фашистские гарнизоны, расположенные поблизости.

Мост у деревни Савкино, протяженностью около ста метров, был расположен на открытой болотистой равнине. Фашисты создали вокруг него сильную оборону: проволочные заграждения в четыре кола, минные поля, станковые пулеметы и минометы на насыпи, несколько дзотов поблизости. Эшелоны на мосту двигались только днем. Ночью подходы к мосту по полотну железной дороги закрывались «ежами» из колючей проволоки. Охрана моста то и дело освещала местность ракетами.

И все же в ночь на тридцать первое марта мы разгрызли этот «орешек».

Бой начался одновременно вблизи моста и в населенных пунктах Савкино, Могильно, Нащеккино. Отряды нашей бригады атаковали савкинский гарнизон, бойцы бригады А. Н. Гаврилова громил гитлеровцев в Могильно, а подразделения С. Д. Буторина — гарнизон в Нащеккино. Фашисты сопротивлялись яростно, но были сбиты с рубежей обороны и частью уничтожены. Двумя

мощными взрывами на Савкинском мосту закончилась эта операция.

Успех ее обеспечили тщательная разведка огневых средств врага, умелая блокировка в один и тот же час нескольких фашистских гарнизонов и отвага бойцов, преодолевших до начала операции несколько десятков километров по труднопроходимым весенним дорогам. Руководили подготовкой и проведением всей операции уполномоченные штаба партизанского движения И. И. Веселов и А. И. Штрахов.

Движение на железной дороге Рига—Новосокольники приостановилось на десять суток. Немного позднее энергичной и умелой атакой партизан под командованием Н. М. Варакова и Г. П. Романова был разгромлен гарнизон врага в поселке Сутоки.

Вся эта операция получила высокую оценку Центрального штаба партизанского движения.

В апреле сорок третьего года меня назначили командиром 4-й Калининской партизанской бригады. С ней связан весь мой дальнейший боевой путь вплоть до августа сорок четвертого года, когда мы соединились с наступавшими частями Советской Армии.

ПАРОЛЬ — ЛЕНИНГРАД!

Вомбат Березин вызвал нас к себе в пять утра. Войдя в командирскую землянку, где остро пахло свежей хвоей, устилавшей пол, и разливался мерцающий свет коптилки, сделанной из гильзы небольшого артиллерийского снаряда, Петров отчеканил за двоих:

— Товарищ капитан, прибыли по вашему приказанию.

Командир разведбатальона подошел почти вплотную и, немного помедлив, по-отечески глядя на нас, сказал:

— Надо срочно доставить группе разведчиков радиостанцию. Через линию фронта не пойдете — полетите. Отвечайте прямо — воздуха боитесь?

— Никак нет! — бойко ответил Петров и едва заметно подмигнул мне ободряюще.

Я кивнул головой, хотя самолетом до этого не летал, а прыгать приходилось только с парашютной вышки. За линию фронта мы уже ходили не раз — и пешком, и на лыжах. Бывали в разведке, в ночном поиске «языка», встречались с партизанскими разведчиками.

Хорошо зная Петрова по нескольким боевым операциям, я был рад, что полечу с ним. Мне нравился этот рослый неунывающий волжанин, любивший повторять: «Смех — здоровье, шутка — лекарство, особенно на войне».

Получив от Березина необходимые документы, мы вернулись в свою роту. На подготовку нам дали двенадцать часов. Пока собирались и изучали карту южных районов Ленинградской области, не заметили, как наступил час отлета. Товарищи помогли погрузить в самолет радиостанцию, лампы и батареи к ней, боеприпасы, мины, листовки для партизан и жителей оккупированных районов. Последние напутствия — п У-2 взял курс на юг.

Под крылом поплыли в вечерних сумерках серебристые цепи озер и рек, мохнатые шапки лесных массивов. До района озер Куровского и Краснодубского — мы знали — было еще далеко.

Временами «уточку» подбрасывало в воздухе, словно щепку в океане, и тогда невольно думалось: «Скорее бы прилететь».

Юность, как известно, склонна к романтике. Сидя в самолете и мечтая поскорее очутиться на земле, я вспомнил, как со школьным другом Левкой Васильевым собирался в сорок первом поступить в спецшколу ВВС. Но грянула война. В райкоме комсомола, куда мы пришли, сказали:

— И вам, ребята, теперь надо жить по законам военного времени.

Мы строили оборонительные сооружения на подступах к Ленинграду, вплавь по реке Оредеж выбирались под обстрелом из фашистского полукольца, в парках и садах города рыли щели, укрывали памятники от бомбежек, тушили зажигательные бомбы, эвакуировали из города детей-дошкольников... А в ноябре пришло извещение — погиб мой отец. Мать, военный фельдшер, работала во фронтовом госпитале на Северо-Западном. И стал я в шестнадцать лет воспитанником воинской части, попал тоже на Северо-Западный.

С особым уважением у нас в части говорили о партизанах, о тех, кто в тылу врага пускал под откос вражеские эшелоны, взрывал склады с боеприпасами... Тогда я даже попробовал написать стихи об этих замечательных людях.

Безмолвная теплая летняя ночь,
Родная земля под ногами...
Но надо усталость свою превозмочь
И не стучать сапогами,
Неслышной походкой шагать и шагать,
И счет потерять километрам,
И так вот таинственно воевать
«В плену» у лесов и ветров.
Привычное дело для этих ребят —
Разведки, походы, засады...
Скажи им — без страха пойдут хоть в ад
И жизнь отдадут, если надо.

Некоторых из них — смелых разведчиков Павла Беспалого, Константина Цукова, Михаила Кузьмина, приходивших в наше расположение из Партизанского края, мы знали. И вот теперь сами летим туда.

Самолет наконец начал снижаться. Приземлились благополучно. Нас, посланцев Большой земли, окружили бородатые люди — партизаны 2-й бригады. Они помогли разгрузить У-2, накормили нас, устроили на отдых. Здесь мы узнали, что почти весь май и июнь на границах Партизанского края шли жаркие

бои с карателями. Сейчас оккупанты, видимо, накапливают силы и пока не предпринимают активных действий. Ведется своеобразная позиционная война — партизаны и фашисты перестреливаются.

На следующий день мы тронулись в путь. Провожали нас разведчики бригады. Их командир сказал:

— Ваш пароль — Ленинград. При подходе к Витебской железной дороге будьте особенно осторожны, опасайтесь засад. Вот вам помощники, — и он указал на стоявших неподалеку двух парней. — Ребята храбрые, местность нашу знают хорошо.

Мы познакомились. Высокий, худощавый назвался коротко:

— Олег Полкман.

Другой, небольшого роста, коренастый, с окающим местным говорком, пробасил:

— Богачев Николай. Из Лычкова, — и пожал нам руки.

Шли только по ночам, ориентируясь по карте и компасу. Днем останавливались в лесу или в частом кустарнике. Отдыхали по очереди. На берегу реки Белка наш отдых несколько затянулся: ни мостов, ни бродов поблизости не нашли, сидели в прибрежном ольшанике и думали, как быть.

Когда началась война, Георгию СВЕТЛОВУ шел шестнадцатый год. Зимой 1941 года он становится воспитанником разведывательного батальона. Потом переходит в партизанский отряд. Разведчик, подрывник, командир взвода, политрук диверсионной роты — такое его путь.

Сейчас, как и до войны, Георгий Георгиевич Светлов живет в Ленинграде. Он — журналист, работает заместителем ответственного секретаря газеты «Вечерний Ленинград».

— Надо соорудить плот, на него положить рацию и мины. Самим плыть рядом, — предложил Петров.

— Долго это, — заметил Полкман и начал вдруг снимать маскировочную плащ-накидку. — Я сейчас переплыву один, понцу какую-нибудь лодчонку на том берегу.

— А если гитлеровцы?

— Ну и что ж! Выпутаюсь... А ежели что — плакать по мне некому: батька погиб да и мать не знаю где. Война всех нас раскидала.

Петров разрешил Полкману плыть. Мы залегли на берегу. Было тихо, несколько минут слышались всплески воды.

Примерно через час Олег пригнал утлый рыбачий челнок. Сложили в него ценный груз и поплыли. Но не все обошлось благополучно — случайно выпал за борт рюкзак с продуктами. Богачев нас утешил:

— Чепуха, братцы! Желудки набьем. Заячья капуста, дудки камыша, молодые ростки хвоща выручат...

И действительно, выручили. Потом в деревне Заполье нам собрали в дорогу хлеба, сала, мяса, вареной картошки.

Через несколько дней мы благополучно пересекли железную дорогу севернее станции Дедовичи. Когда искали место очередной дневки, услышали легкое цоканье копыт. Сквозь пелену мглистого предрассветного тумана разглядели двух всадников. Мы залегли. Конники вдруг почему-то тоже остановились и спешились.

— Кто такие? — громко крикнул Петров.

— А вы? — последовал вместо ответа вопрос.

— Ленинград, — четко произнес пароль Павел.

— Псков, — ответил старший из всадников и скомандовал: — Один ко мне, остальные на месте.

Быть «парламентером» Петров поручил мне. Я пошел вперед с автоматом наготове. Навстречу двигался парень в телогрейке и кожаных галифе, с гранатой в одной руке и маузером в другой.

— Откуда? — спросил он меня.

— Из Второй... — Я умышленно не договорил и сам задал вопрос: — А вы откуда?

— Из Первой... — Парень с минуту разглядывал меня, потом крикнул: — Ванó, свои вроде ребята! Васильевской бригады, говорят...

Так мы попали во «владения» группы партизан под командованием старшего сержанта Ованеса Василяна из 1-й бригады. Это был общительный, веселый человек, армянин по национальности, обладатель жгуче-черной бороды и добрых, с прищуром

глаз. Он учился в техникуме в Ленинграде и партизаном стал в первый же год войны.

Василия приветливо встретил нас и проводил в землянку, отведенную нам для отдыха. А в полдень прислал связного.

— Ованес Осипович на обед приглашает, — сказал тот, постучав в дверь.

Впервые за год войны мы отведали вкусного, поджаренного на костре мяса. Ели и похваливали кулинарные способности партизанского командира. А тот сокрушался:

— Нет, это еще не шашлык наш кавказский. Кинзы бы сюда! Травка есть такая в горах. И соку гранатового. Вот тогда бы пальчики облизали... После победы милости прошу ко мне!

Отдохнув, мы тронулись дальше. До назначенного района оставалось день-два пути. Южнее станции Дно мы углубились в урочище Гласковский Мох и здесь, на одном из болотистых островков недалеко от деревушки Борки, встретились с нашими разведчиками. Особенно были рады радисты — средних лет мужчина и курносая белокурая девушка лет восемнадцати. Мы передали им портативную рацию, донесенную в целости и сохранности.

Задание было выполнено. Можно возвращаться в Партизанский край. Теперь без радиостанции нам хотелось встретиться с фашистами в открытую и устроить, как предложил Петров, засаду где-нибудь на дороге или, за что ратовал Богачев, провести диверсию на железной дороге, когда будем ее переходить. Пару мин и десяток толовых шашек мы прихватили с собой. Однако ни тот, ни другой план наш «квартет» осуществить сразу не успел. И вот почему.

Двигаясь на юг вдоль Витебской магистрали, мы встретились неподалеку от полустанка Судома с партизанами 3-й бригады. Они шли из Партизанского края на северо-запад, в район Радиловского озера. Нас привели в деревенскую избу. Навстречу поднялся среднего роста худощавый человек со следами перенесенной оспы на лице. На гимнастерке алел орден Красной Звезды, через плечо висел планшет. Отрекомендовался четко, по-военному:

— Старшина Панцевич Степан Андреевич — комиссар отряда. — И широким хозяйским жестом пригласил: — Присаживайтесь, гостями будете.

За чисто вымытым деревянным столом начался разговор. Петров поинтересовался, не знает ли Панцевич, как скорее добраться до 2-й бригады. В ответ мы слышали последние новости о событиях в Партизанском крае. Оказывается, в августе там началась

новая карательная экспедиция. Гитлеровцы имели тройной перевес сил, наступали с нескольких сторон, не считаясь с потерями. Оборонялись партизаны упорно. Затем было принято решение выводить бригады в другие районы Псковщины.

— Вот почему мы оказались здесь, — закончил рассказ комиссар. — Советую держаться нас, пока не наладим связь со Второй, — все равно на самолет до линии фронта рассчитывать в этих условиях не приходится.

Мы согласились.

В избу вскоре вошли двое — быстрый, коренастый командир и юноша в пилотке.

— Сам начштаба Бойков со связным пожаловал, — заметил Панцевич. — Новости есть, Василий, или так просто?

— Хочу стрелковый взвод послать в засаду. Разрешаешь?

— Не возражаю.... Только пусть ребята особенно не увлекаются, шуму делают меньше, чтоб «на хвосте» карателей не притащить.

Я сжал локоть Павла и тихо шепнул:

— Проси взять нас.

Разрешение мы получили. И вскоре, пройдя несколько километров, уже лежали на лесном большаке Михалево—Дубровочки. В полдень по направлению к Пожеревицам потянулись автомашины. Впереди два бронетранспортера, мотоциклисты с пулеметами. По цепи передали: «Пропустить!» Зато разом ударили мы из автоматов и винтовок, когда перед засадой растянулся немецкий обоз из двадцати пяти—тридцати подвод с каким-то военнотехническим снаряжением. А мы с Павлом бросили еще и по ручной гранате. Когда бой с охранниками закончился, ко мне подбежал Олег:

— Держи, земляк, на память. — Он протянул мне парабеллум и трехцветный карманный фонарик.

Удалось нам стать и участниками диверсии. Вместе с опытным минером из отряда Пахомова—Панцевича темной ненастной ночью мы подошли к полотну железной дороги. Залегли. Замаскировались в придорожных кустах и стали наблюдать.

Длилось это долго. Ребята успели промокнуть, — снизу болотистая почва, сверху накрапывал дождь. По полотну патрулировали два охранника. Без собак. Они громко разговаривали, освещая путь фонариками. Иногда постреливали, видимо для храбрости. Скрываясь за поворотом, они появлялись снова минут через двадцать.

— Эти минуты и надо использовать. Должны ведь успеть? — спросил минера Петров.

— От вас самих зависит. Главное — четкость! Никакой суеты! В сторону Дно прогрохотал товарный состав.

— Эх, черт, не успели! — в сердцах шепнул Богачев.

Впереди паровоза было несколько платформ с песком и камнем. Гитлеровцы делали это для того, чтобы обезопасить состав: партизанский заряд взрывался не под паровозом, а под платформами. Но эту хитрость подрывники уже знали и часто поэтому применяли взрыватели не нажимного действия, а натяжного — иначе говоря, дергали в нужный момент шнур, прикрепленный к чеке взрывателя. Может быть, в действительности это и не очень похоже на то, как рыбак быстро подсекает рыбешку, только с легкой руки партизанских изобретателей такой способ диверсии носил тогда название «на удочку». Мы также припасли сто двадцать метров крепкого льняного шнура, который сами сплели перед выходом на «железку».

Но как заметить ночью то место, где заложена взрывчатка, и взорвать ее не под платформами с балластом, а точно под колесами паровоза? Мне пришла мысль использовать для этой цели телеграфный столб: напротив него на полотне установить заряд, а когда пойдет эшелон — смотреть, в какое мгновение столб будет виден между последней платформой с паровозом. Тогда и дергать шнур.

Предложение мое ребята приняли. Как только немецкий патруль скрылся от нас вправо за поворот, мы поползли к рельсам. У каждого было свое строгое задание: двое копали финскими ножами яму для закладки толовых шашек, один крепил к чеке взрывателя протянутый от кустарника шнур, маскировал заряд,

остальные, находясь в секретах слева и справа, охраняли группу. Работали хотя и торопливо, но очень осторожно.

Снова мы залегли. Волновались, помню, перешептывались, не замечали ночного холода. Обо всем на свете забыли, услышав стук колес. Сначала проскочила мотодрезина. Вскоре, натруженно пыхтя, появился эшелон — три платформы со щебнем, паровоз, пассажирский вагон, из трубы которого летели искры — значит, не пустой! — а дальше нагруженные чем-то и накрытые брезентом платформы.

— Давай, «изобретатель», действуй! — сказал мне Петров. — Не упусти свой столб!

Я, как и все остальные, впился глазами в темноту...

Гулко ухнул взрыв в ночной тишине. Послышался скрежет металла, треск ломающегося дерева, шипение пара, вырвавшегося из паровозного котла, крики фашистов. Так продолжалось несколько минут. Затем где-то справа началась стрельба. В воздухе повисли осветительные ракеты. Запрыгал луч прожектора...

А мы уже успели дойти до леса. Шли, забыв про усталость, радостные, возбужденные. Теперь, пожалуй, и нас с Павлом Петровым можно было по праву назвать партизанами.

Через несколько дней 3-я бригада уходила в новый район. Настало время прощаться. Панцевич пошутил:

— Что ж, как в песне: на запад поедет один из нас, а на восток другой... Счастливой дороги, ребята!

— И вам — счастливой! Живы будем — может, и свидимся.

Мы взяли азимут на Серболовские леса. Снова вчетвером форсировали Шелонь, перешли железную дорогу Дно—Сущево, а вот на дороге Белебелка—Ветье, там, где она почти вплотную прижимается к берегу Полисти, наскочили на засаду. Спасло нас скорее всего то, что гитлеровцы, прежде чем начать стрельбу, выпустили в ночное небо белую осветительную ракету. Мы успели броситься на землю и поползли к лесу. Первые вражеские пули просвистели мимо. Гитлеровцы начали стрелять из миномета. Вражеский свинец впился мне в ногу, Петрову распорол вещмешок, Полкману срезал каблук сапога. Нам все же удалось оторваться от гитлеровцев.

Глубокой осенью, глухими лесами и топкими болотами, с группой раненых и больных партизан 2-й бригады, которых мы встретили на своем долгом пути, мы вышли в расположение наших частей.

Весной сорок третьего я вновь пересекал линию фронта. Только теперь не на У-2, а на многоместном транспортно-десант-

ном самолете. И летело нас не двое, а сорок человек — командно-политический состав отдельного полка, который предстояло сформировать на оккупированной территории. Партизанская судьба снова свела меня с боевыми друзьями — Панцевичем, Полкманом, Петровым... Вместе с ними довелось участвовать во многих диверсиях, боях и походах в тылу врага...

Но в памяти все же наиболее отчетливо сохранились события тех летних дней сорок второго, когда мы выполняли особое задание и нашим паролем было дорогое, близкое сердцу слово — Ленинград.

БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

В тревожной тряске на шаткой телеге-двуколке, из тех, что на Псковщине называют «порховскими бедами», я потеряла всякий счет времени. Прислушиваясь к разноречивым толкам беженцев, снова и снова вспоминала последние события. Торжественный выпуск моих семиклассников, прощальный вечер в нашей новой школе... И вдруг война, поспешная эвакуация женщин с детьми, прощание со старушкой-матерью.

— И чего так убиваться, — успокаивал меня в начале пути пожилой усатый возница, — отъедем за двенадцать верст, в мою деревню, там и перебудем, пока немчуру не прогонят.

Но мы давно уже миновали его деревню и, влившись в бесконечный поток людей и подвод, проехали Поддорье и Полистовские леса, на плотах переправились через бурливую речку и теперь уже пешком шагали по пыльной шоссеиной дороге, ведя на поводу усталую захромавшую лошадь.

Неожиданно по колонне стали передавать приказ: всем, у кого нет детей, вернуться в Дедовичи. В царившей вокруг сумятице невозможно было узнать, кем и на каком основании дана команда. Но я и не пыталась ничего установить. Вместе со мной в грузови́к забралась комсомолка-девятиклассница Мария Турова, бухгалтер Вера Брянцева. Были уже сумерки, когда машина наша остановилась у здания Дедовичского госбанка. Кучка женщин быстро растаяла в темноте. На поселковых улицах стояла непривычная, пугающая тишина...

Через день поселок заняли гитлеровцы. Из окна нашей комнаты я видела, как они размещались в школьных зданиях. В начальной школе — комендатура, в средней — полевая жандармерия. Где раньше была библиотека, устроили конюшню. Порывистый ветер разносил по поселку изорванные, перепачканные, со следами сапог страницы из книг, листы из ученических тетрадей.

На пятый или шестой день оккупации ко мне зашел староста

поселка, бывший дорожный техник. То ли злорадствуя, то ли хвастаясь своей осведомленностью, он сказал, что «шеф по школьному делу» — преподаватель арифметики и черчения Сизаск — донес на меня немецким властям. И, помолчав, добавил, что теперь-то я наверняка попаду в «черный список», куда заносят коммунистов и колхозный актив. Пока что им велено дважды в неделю являться на отметку в Дом крестьянина, а там — бог знает...

Если староста хотел поймать меня врасплох, то он просчитался. Всплеснув руками, я с возмущением накинулась на него:

— Как же это так? Ведь вы-то хорошо знаете, что начальство мне не очень доверяло, потому что я дочь кулака. За это и из кандидатов в партию исключили. В школе едва терпели — а вы «черным списком» грозитесь.

Староста замаялся, пообещал «содействие» и ушел. А у меня перед глазами так и стоял высокий, подтянутый, невозмутимо спокойный эстонец Сизаск. В нем отлично уживались высокомерие и безразличие к окружающим. С первых дней Сизаск пошел служить к оккупантам.

Вскоре меня забрали в комендатуру прямо с улицы. Устроили очную ставку с Сизаском. Я довольно уверенно повторила версию, проверенную на старосте. Да, я осталась по доброй воле. Отец был кулаком. Я это скрыла, но потом НКВД узнало о его родстве с новоржевским помещиком Марковским, и меня выгнали из кандидатов в партию. В самой партии никогда не состояла. Дедовичских руководителей лично никого не знала.

Несколько раз я была под арестом. Сутками меня держали в холодной вонючей камере. И все-таки даже Сизаск не мог уличить «большевичку Цвенскую» во лжи. В поселке помнили, как в тридцать шестом году меня «по социальному происхождению» исключили из кандидатов в члены партии. Правда, мой отец умер еще в девятнадцатом, но тогда этот факт никого не смутил. О том, что перед войной я была восстановлена как кандидат, а затем принята в члены партии, знали немногие.

Свой партбилет я прятала то в печной золе, то под стропилами крыши сарая. Потом сшила маме чепец, и она долгие месяцы носила под ним мой партийный билет.

Первое время к нам никто не приходил. Я находилась под негласным домашним арестом. Сизаск вызвался быть моим добровольным стражем. Блокаду прорвала детвора из младших классов. Они прибежали к нам растерянной испуганной стайкой, делились своими первыми недетскими бедами, очень волновались, когда

рассказывали о разгромленной школьной библиотеке. Я успокаивала их, как могла, а потом предложила собирать чистую бумагу.

— Мы с вами еще и жить, и учиться будем. А эти листочки нам пригодятся.

Позднее они и вправду намгодились.

Вслед за малышами потянулись и ребята постарше — мои бывшие ученики. В плетеных кошелках, в бидонах, просто в свертках они приносили нам еду. Мы с мамой сильно голодали. Фашисты не придавали значения этим посещениям. Если бы они случайно задумали проверить содержимое бидонов и кошелок, ребята и я могли бы поплатиться жизнью: на самом дне, под хлебом и лепешками обычно были спрятаны собранные в лесу и переписанные от руки листовки.

Особенно часто приходил из Больших Раев молчаливый застенчивый мальчик Володя Павлов. В начале июля он приехал на каникулы к родителям из Ленинграда, где учился в техникуме. Знала я и младшую сестру Володи — Сашу. Вскоре Саша ушла к партизанам, стала разведчицей в отряде Н. А. Рачкова. Однажды она, прыгая с самолета, неудачно приземлилась около станции Дно. Гитлеровцы схватили шестнадцатилетнюю Сашу Павлову и зверски замучили ее.

Володина жизнь тоже оборвалась рано и трагически. Зимой он тяжело заболел тифом. Зная, что фашисты расстреливают тифозных больных, Володя бросился в прорубь скованной льдом Шелони...

Солнечными августовскими днями к нам забегала с подружками из деревни Сухарево Рося Петская. Я помнила ее активисткой, старостой класса, рассудительной и всегда веселой. В те дни я впервые увидела Росю в слезах. Гитлеровцы жестоко избивали ее отца, угнанного на работы в Полисты. Его принимали за еврея. Рося с матерью жила у старосты деревни Горшкова. Михаил Васильевич занял этот пост по заданию партизанского штаба и был верным помощником народных мстителей. Через него втянулась в работу и Рося Петская.

Встречались мы с одноклассницей Роси, впечатлительной, худенькой, как былинка, Коммусей Перовой. Взволнованно говорила она мне:

— Лина Степановна, ведь у меня и имя такое — Коммунара! Как же я могу сидеть сложа руки?

Она и не сидела без дела: переписывала и расклеивала листовки. Гитлеровцы находили их на щитах, где обычно вывешивали

вались распоряжения коменданта и бургомистра, на стенах зданий и даже в солдатской казарме.

По воскресеньям мы, не сговариваясь, уходили за овраг, на берег Шелони. Мальчики приносили балалайки, гитары. Выставив дозорного, рассаживались на бревнах. Тихо брэнчала гитара. Еще тише звучали голоса. Говорили о рухнувших планах, о новых бесчинствах фашистов. Петя Сергушенков и сын школьной буфетчицы тети Тани Петя Дмитриев приносили из лесу сброшенные с наших самолетов газеты, воззвания к населению. А в лес уносили и прятали обрезы и винтовки. Здесь рождались отчаянные планы борьбы и мести.

В будние дни, когда вечерело, на крылечко нашего дома присаживался покурить с неизменной немецкой газетой в руках Павел Петрович Петров. По ночам он сторожил амбар, из которого днем выдавал паек русским рабочим. До войны в этом амбаре хранились школьные принадлежности. Изредка выразительно покашливая, дядя Павел читал вслух фашистский листок. Как ни странно, именно это сблизило нас с дядей Павлом. Скоро мы стали хорошо понимать друг друга. Когда-то я учила его младшего сына Колю. Теперь Коля был на фронте, дома оставалась полуслепая дочь дяди Павла — Анна. Я ее еще ни разу не видела.

В начале сентября староста поселка сообщил мне, что по ходатайству Сизаска оккупационные власти разрешили открыть шко-

Лина Степановна ЦВЕНСКАЯ родилась в 1903 году в Псковской губернии. Работала на селе учительницей. Заочно окончила Ленинградский агропедкомбинат имени Н. К. Крупской.

В годы Великой Отечественной войны Цвенская — активная подпольщица, партизанка. После освобождения Псковщины от оккупации она некоторое время работает в Волоотовском райкоме партии Новгородской области, затем возвращается к педагогической деятельности.

В настоящее время Лина Степановна — пенсионерка, живет в Ленинграде.

лу, и предложил мне вернуться на работу. После долгих колебаний я все же пришла в свою школу. Однако работать мне там не довелось. Через два дня Сизаск объявил, что не потерпит у себя «красной заразы» — имелись в виду я и бывший директор неполной средней школы Михаил Арсентьевич Иванов.

После этого я снова была арестована. В камере-одиночке из угла ко мне неслышно подошла женщина в черном длинном платье. Тягучим голосом заговорила о боге, о страшном кресте, выпавшем на нашу долю. И что ни слово — то о покаянии.

— Подумай о душе, милая, покайся в грехах, пока не поздно...

Она так настойчиво уговаривала меня покаяться, что я поняла — это не сектантка, а провокатор. Разговора с ней не поддерживала, на вопросы отвечала односложно.

Когда я вышла из камеры «на волю», в ушах у меня звенело: «Пока не поздно...» Пока не поздно, отдать все силы борьбе! Может быть, у меня осталось не так много времени. Я должна успеть...

В таком настроении застала меня Анна Петрова (впоследствии она стала работать под псевдонимом Горных). Милостивая, высокая молодая женщина с темно-русой косой. В ней была какая-то особая, притягательная женственность. И только странная, нетвердая походка выдавала ее физический недостаток, — Анна видела не дальше двух метров.

Она начала без обиняков:

— Не бойтесь меня. Я — дочь дяди Павла, а он хоть с виду и простоват, да на деле умен. У вас и брат мой, и сестренка учились. А теперь, как видно, и мне неожиданно-негаданно придется в ученики к вам проситься. Я ведь догадываюсь, зачем вы здесь остались, и, поверьте, смогу быть полезной...

Я была так тронута искренностью и доверием Анны, что даже не решилась опровергнуть ее догадку. Пусть думает на первых порах, что я не случайно застряла на оккупированной земле.

Впрочем, трудно сказать, кто из нас у кого учился. Одно знаю — именно Анна воодушевила меня, заставила перейти к более активным и смелым действиям. Мы начали сами сочинять листовки, откликаясь на каждую репрессию, на каждое нововведение гитлеровских властей. Призывали население укрывать скот, не выполнять поставки. Однажды фашисты схватили в лесу людей, угнанных ими же из других районов на лесозаготовки, и провели их по поселку под видом пойманных партизан. Мы тут же выпустили листовку. Писали, что партизаны неуловимы, призывали не поддаваться на провокации врага.

Помню, как под вечер собрались у нас в комнате несколько девчат. Под диктовку Анны записывали и тут же размножали листовки. Она блестяще умела импровизировать. Мама заперла нас на ключ, а сама бродила по двору, будто собирая щенки. Когда все разошлись, тихо сказала мне:

— А знаешь, в гражданскую войну в Ашеве у Тихановых тоже вот так все собирались и собирались люди. А потом их всех расстреляли. Ну зачем они к нам ходят, дочка?

Я обняла маму, поцеловала ее в заплаканные глаза:

— Не обижайся, родная, но ты же понимаешь — нельзя мне быть в стороне. А насчет собраний, пожалуй, ты права. Будем осторожней...

Наступила глубокая осень. Холода в тот год выдались особенные. А фашисты без устали вопили об осаде Ленинграда, о том, что в страданиях ленинградцев повинны большевики, которые заперли людей в обреченном, вымирающем городе. Мы в листовках разъясняли, что в Ленинграде люди вопреки всем лишениям самоотверженно трудятся и защищают город от гитлеровской нечисти.

А по проселочной дороге из деревни в деревню тянулись вереницы беженцев из-под Ленинграда. Кое-кто оседал в Дедовичах. Они старались держаться вместе и поначалу сторонились местных жителей. Помогая расселять беженок, я сблизилась с несколькими семьями.

Ни у кого не вызвало подозрений, когда в земельное управление устроилась писарем бывший бухгалтер ленинградского госбанка Антонина Кабанова. Она, отлично отдавая себе отчет в том, что делает, сказала:

— Надо же быть кому-то на легальном положении!

И почти одновременно на железнодорожных продовольственных складах «Афаэль» откуда-то из-под Гатчины появилась коротко стриженная девушка с озорными глазами. Розочка Коровкина сразу обратила на себя внимание гитлеровских интендантов. Ее задорные, а иногда и резкие реплики вызывали интерес к ней. Розочка присматривалась к знакам автомашин, приезжавших из воинских частей за продуктами, кое-какие сведения ей удавалось «вытягивать» из своих поклонников.

Мать Розы, Екатерина Михайловна, до войны работала овощеводом в совхозе «Орлино», была кандидатом в члены партии. Теперь вместе с другими беженками она ежедневно мяла клюкву для сиропа раненым фашистам. Я часто приходила к тяжелому

огромному колесу, которое несчастные ленинградки крутили вручную. Женщины говорили с ненавистью:

— Дети наши умирают в Ленинграде голодной смертью, а мы тут фрицев сиропом поим.

Часто прибегал сюда надсмотрщик, орал на беженок:

— Свины! Опять сироп не процежен — от такого только заразиться можно.

Потом Екатерину Михайловну перевели в столовую, где выдавали пищу рабочим. Столовая находилась у пакгаузов. Мать и дочь работали рядом. С матерью Розочки мы быстро нашли общий язык.

Связалась я и с уборщицей биржи труда Марией Васильевной Верст. Она познакомила меня со своим мужем Иваном Петровичем и его друзьями. Были тут и бывший райисполкомский шофер Николай Ефимов, и пожилой моряк-инвалид Николай Григорьев, придумавший себе кличку «Морской узел», и близкий друг семьи Коровкиных коммунист Макар Иванович Грачев. Большинство их работало на льнозаводе. Там постоянно портилось оборудование, исчезали детали. По вечерам друзья часто собирались в доме местного слесаря и часовщика Абросима Евтинова. Доставали со шкафа старую, выдавшую виды карту, и Григорьев проводил по ней политические беседы. Когда же оккупанты решили перевезти льнозавод в город Локню, Макар Иванович и Григорьев взялись разобрать и вынести по частям из цехов несколько машин. Детали прятали в опилках, кидали в реку.

На бирже труда работала красавица Анна Румянцева. Она вела картотеку учета и найма, выписывала направления на работу, заполняла бланки на хлеб и соль. Через ее руки проходили списки людей, вызываемых на комиссию по отправке в Германию. Глядя, как Румянцева разъезжала с немецкими офицерами в легковых машинах, я часто думала: «Если ты и была когда-нибудь нашей, то теперь потеряла и стыд, и совесть».

— А вы не правы, — сказала мне как-то Мария Васильевна Верст, — эта девушка давно хочет быть с нами.

И она устроила мне в своей каморке встречу с Аней Румянцевой. Анна рассказала нам о делах биржи, предупредила, кому нужно остерегаться, рекомендовала привлечь к подпольной работе Женю Гусеву.

С тех пор через Румянцеву мы заранее узнавали фамилии тех, кому угрожал угон в Германию. С ними предстояло «поработать» Тоне Кабановой. Она готовила из трав составы, вызывавшие на теле и лице кровоточащие, гнойные раны, знала, как можно

искусственно повысить температуру. Выручал нас часто и заведующий Красногорской больницей Иван Андреевич Глушков. Он госпитализировал и укрывал у себя партизан и наших мнимых больных.

У меня все больше становилось помощников, и я снова, уже в который раз, ощутила, как нам не хватает связи с лесом, с партизанами. Сведения, которые мы получали, нужны были в партизанском штабе. Собрав своих ближайших помощниц, я сказала им, что ухожу на розыски партизан. Аня Петрова возразила: — Нет, Лина Степановна, вам нельзя без крайней нужды покидать свой пост. В лес пойду я.

Она изложила свой план. Версия была надежной. В самом деле — кто заподозрит полуслепую девушку, которая с посохом в руке пробирается в Александровскую больницу соседнего Порховского района. Продумав все, я отпустила своего незаменимого «политрука». Петрова должна была передать руководителям партизанского штаба добытые нами сведения о дислокации и передвижениях гитлеровских частей, о положении в поселке, договориться о переброске в лес тех, кто способен носить оружие.

Аня довольно быстро сумела разыскать штаб партизанской бригады. С ней разговаривал заместитель командира по разведке Пенкин. Из штаба была направлена радиограмма в штаб Северо-Западного фронта с нашими разведданными. Председателю Дедовичской оргтройки Александру Георгиевичу Поруценко и Ефиму Федоровичу Журавлеву было поручено держать с нами постоянную связь.

А через неделю Аня вызвалась пойти с бойцами на задание. Когда партизаны возвращались, их заметили гитлеровцы и открыли огонь... Аня Петрова погибла.

Дней через десять я получила письмо от А. Г. Поруценко, содержащее и указания о наших дальнейших действиях, и советы. С этого дня под своими донесениями я ставила переданную мне кличку — Цумлина. Пакет из штаба мне вручила учительница Антиповской средней школы Евдокия Ивановна Иванова. Через нее и Нину Богданову шла потом почти вся наша почта.

Посоветовавшись с девушками, я решила подыскать себе постоянное «место». Хотелось, чтобы оно было не очень заметным и в то же время давало возможность побольше быть на людях, ходить по поселку. Вскоре представилось именно то, что я искала. Три дня в неделю я должна была работать в бане, три дня переписывала скот у населения. Списки сдавала в контору старосте. Утаивая скот, мы срывали поставки оккупантам. Косоглазый,

худой старик-бургомистр Эмиль Грюивальд, хваставший, что он-де двадцать четыре года занимался шпионажем в Ленинграде, не раз, бывало, выходил из себя, грозился всех перевешать, но так и не мог обнаружить концов: на бумаге все как будто слодилось.

Однако мое относительное благополучие длилось недолго. В середине зимы сорок второго года меня снова арестовали. После нескольких дней заключения низенький плюгавый жандарм Пауль вывел меня, как он выразился, «на свежий воздух». Бросив лопату, он приказал вычистить уборную в жандармерии. Задыхаясь, я прислонилась к косяку. Тогда разъяренный жандарм вытащил меня на лестничную площадку и, раскачав, сбросил вниз со второго этажа. Я потеряла сознание. На крики женщины, работавших на кухне, прибежал поляк Тунзе, переводчик полевой жандармерии. Он распорядился отнести меня не в камеру, а домой.

Я была очень слаба, не могла говорить. Почти каждый день приходил Тунзе, подтянутый и аккуратный. Меня тревожили его посещения. Не слезка ли это? Как-то я не вытерпела, спросила в упор:

— До каких пор вы будете меня преследовать?

— Я и не думал преследовать, — ответил Тунзе, — я хотел только предостеречь и, если нужно, помочь. — Немного помолчав, добавил: — У меня остались в Польше два брата. Оба партизаны в лесах.

Потом случилась беда. Макара Ивановича Грачева взяли на работы к самой линии фронта. Он неудачно бежал оттуда и попал в Порховский концлагерь. Роза посоветовала мне обратиться за помощью к Тунзе. Я сделала это, и вскоре Грачев вернулся в Дедовичи.

Тунзе ни о чем нас не расспрашивал. Но обстоятельства вынудили меня еще раз открыться ему. У дверей квартиры Гали Гей воскресным вечером был найден убитый гитлеровец. Он давно уже не давал прохода Гале. В тот вечер он подкараулил ее и между ними завязалась борьба. Фашист был сильно пьян. Девочке удалось вырваться от насильника; убегая, она услышала пистолетный выстрел. Больше выстрелов не было, и тем не менее гитлеровец оказался мертвым. Возможно, в последний момент у него подвернулась рука. Все мы прекрасно понимали, чем это может кончиться для семьи Гей. К тому же оставался живой свидетель — второй солдат, квартировавший в доме. Я снова, хотя и не без колебаний, обратилась к Тунзе. После нашего разговора он исчез, перестал бывать у меня. Между тем вся семья Гей была арестована. Я знала, что Тунзе ведет переговоры со свидетелем, убеждает его дать показания о полной непричастности Гали к самоубийству пьяного солдата. Вероятно, он добился своего. Через несколько недель Гей освободили.

Выйдя из тюрьмы, Галя стала настойчиво проситься в лес. Через связных мы условились об этом с партизанами. Вместе с Галей уходили из поселка Зина и Тася Степановы. Фашисты расстреляли их старшую сестру Клару, — ее муж до войны работал редактором дедовичской газеты «Коммуна». С Кларой была замучена и ее свекровь, Вавилова.

Анна Румянцева своевременно заготовила для наших партизанок повестки на работу под Старую Руссу. Мы всегда практиковали это для того, чтобы уберечь от репрессий семьи ушедших в лес. Вскоре в дом Гей нагрянули фашисты, спросили Галю. Мать с хорошо разыгранной тревогой, со слезами на глазах ответила, что дочь была мобилизована на работы и с тех пор не возвращалась. Она показала Галину повестку. Придаться было не к чему. Гитлеровцы ушли ни с чем. А наша Галя уже успела к этому времени принять первое боевое крещение...

Много мне помогала в те дни бабушка Евтиновых Анна Каморина. Набожная бабка люто ненавидела оккупантов и была мастерицей на всякие хитрости. Она не раз благополучно «гуляла» ночью по лесу, не имея при себе даже пропуска.

Квартира Евтиновых служила нам основной явкой. Отсюда отправляли мы «посылки» в Партизанский край. Перевязочными материалами и лекарствами снабжал нас Иван Андреевич Глушков. Хозяин, Абросим Евтинов, доставал и переправлял ружейное масло. Он работал в мастерской, где с большим тщанием изготов-

лял кресты на могилы убитых гитлеровцев. От него мы узнавали, сколько погибло гитлеровцев в боях с партизанами.

На чердаке своего дома Абросим выполнил и особый заказ. Завернув мой партбилет в полосу папирсной бумаги, он осторожно вклеил его в корку бумажника, в котором я держала аусвайс и хлебные талоны. Корки получились одинаковой толщины.

А день-два спустя к нам ворвались полицаи и вместе с бумажником доставили меня в комендатуру. На этот раз допрос предстоял необычный. В следовательском кресле, лениво развалясь, сидел длинный рыжеволосый человек в штатском, с редкими бакенбардами, в пенсне на носу.

— Честь имею отрекомендоваться, мадам: бывший полковник бывшей царской армии Николай Николаевич Минут. В восемнадцатом году большевики, с вашего позволения, выперли меня из России. Двадцать лет я провел в Париже. Скучная эмигрантская жизнь. Как говорится, был не у дел. А теперь, как видите, вернулся на родину. — Помолчал, усмехнулся. — Надеюсь, нам с вами не понадобится переводчик? Насколько я знаю, вы преподавали литературу? Я нашу русскую литературу хорошо знаю.

Но тут клокодавшая в нем злоба пробилась наружу. Передергиваясь и отчаянно брызгая слюной, он закричал:

— Большевики — варвары. Они выбросили из русской литературы классиков. Пушкина — на свалку, Достоевского — в помойную яму. — И, стукнув кулаком по столу: — Так или нет, отвечайте!

Я пожала плечами и сказала как могла спокойнее:

— Когда я училась в пединституте, нас экзаменовали по Пушкину и Достоевскому. Эти писатели входили в обязательную программу, как и другие...

Но Минут не дал мне договорить:

— Не смейте произносить имени Достоевского! Разве большевики могут понять Раскольникова? Да, он убил старуху, но как он мучился, как он страдал! Стоила ли эта ничтожная старуха страданий Родиона Раскольникова?

Не дав мне ответить, полковник вызвал уже знакомого мне полицаю с белой нарукавной повязкой и приказал вывести меня в коридор.

— Следи, чтобы все время стояла. Не давай сидеть.

Я простояла там до глубокого вечера. Рядом клевал на стуле усталый охранник. Вечером меня опять ввели к белогвардейцу. И тут он прямо приступил к делу. Матерно выругавшись, Минут усыпанной кольцами рукой издевательски щелкнул меня по носу.

— Не прикидывайся овечкой, Цвенская, не пройдет! Порученко схвачен, он о тебе все рассказал! Говори, чем занимаешься? На кого работаешь?

— Работаю банщицей в поселковой бане, — ответила я.

— Молчать! — заорал полковник и, вскочив, забежал по кабинету. — Мы из кожи твоих дружков — лесных бандитов ремни крутим. Лучше развяжи язык, а то и с тобой то же будет!

Только ночью меня, наконец, вернули в камеру. На третьи сутки отпустили. Вместе с удостоверением личности вернули и драгоценный бумажник.

Долгое время мы не имели своих людей в комендатуре. Устроить туда кого-нибудь из подпольщиц было очень трудно. Использовать тех, что уже работали? Но кого? У меня, правда, была на примете одна девочка — Маша Дмитриева, моя бывшая ученица. Она появилась в Дедовичах месяца два назад и пошла работать уборщицей в комендатуру. Бегала по поселку в нарядном платье, постукивая высокими каблучками. Головка вся в завитушках, глазки так и сверкают. Настораживало и ее долгое отсутствие. Где она была с первых дней оккупации — никто не знал. Зато было известно, что Маша с отцом несколько лет прожила среди немцев в Новосаратовской колонии под Ленинградом и там в совершенстве овладела немецким языком.

И вот как-то вечером она прибежала ко мне, взбудораженная, взвинченная. В руке сжимала какой-то листок.

— Лина Степановна, выслушайте, не прогоняйте. Турова меня обзывает «немецкой куколкой». Но я не такая. Я не забыла родину, я тоже хочу бороться с врагами.

Она говорила несвязно и все протягивала мне свой листок.

— Посмотрите, Лина Степановна. Разве я стала бы так писать, если бы и вправду была у них «куколкой»?

Это был Машин ответ на «Письмо Васи-летчика к любимой девушке». «Письмо Васи» я помнила наизусть, наши девчата недавно размножили эту листовку, попавшую к нам «по воздуху».

Лейтенантам-летчикам, девушки любимые,
Вы до гроба в верности и в любви клялись.
Но в пору тяжелую клятву позабыли вы
И за корку черствую немцам продались...

Дрожащей рукой Маша написала на обороте листовки:

Лейтенантам-летчикам, девушки любимые,
Мы до гроба в верности и в любви клялись.
И в пору тяжелую вас не позабыли мы,
Против вражьей нечисти дружно поднялись...

— Но почему же ты пришла с этим ко мне, Машенька?

Она сжала мои руки и, заливаясь слезами, проговорила:

— Лина Степановна, я же помню, чему вы учили нас в школе. Дайте мне любое испытание, на все согласна. Я ведь уже помогала нашим, когда чистила вагоны в Дновском депо. А потом фашисты нас выследили, я убежала сюда. Думаете, мне сладко убирать их грязь?..

И мы испытали Машу. Испытали раз, другой. А потом по рекомендации Анны Румянцевой ее взяли в канцелярию младшей переводчицей. Маша быстро сумела расположить к себе капитана Шмелинга — гражданского коменданта.

Оформляя бланки пропусков, дававших право переходить из района в район, Маша заметила, что Шмелинг, уже подписав пропуск, обычно под каким-нибудь предлогом высылает ее из кабинета. Она заглянула в коробку, куда складывались использованные пропуска. Внизу стояли какие-то условные значки. Когда она заполняла бланки, значков не было. Это были секретные знаки, на которые гитлеровцы в первую очередь обращали внимание при проверке пропуска. После каждого чрезвычайного происшествия, а то и просто время от времени знаки менялись.

Сделав такое открытие, Маша пошла еще дальше. Если Шмелинг заказывал четыре пропуска, она старалась подсунуть ему пять. Торопясь побыстрее разделаться с делами, капитан, случалось, подмахивал лишний пропуск. К концу дня он попадал к партизанским разведчикам.

Освоившись, Маша Дмитриева обзавелась помощницей. Коменданта не устраивала прежняя машинистка. По совету своей молоденькой переводчицы он взял на ее место Валю Михайлову, ленинградку. Валя была старше Маши, серьезнее и сдержанней. Нередко она останавливала горячую, легко увлекающуюся Машеньку, удерживала ее от опрометчивого, неверного шага.

Однажды к Шмелингу зашел волостной старшина Евстигнеев. Старшего переводчика не оказалось на месте, и Шмелинг позвал Машу. Евстигнеев сообщил коменданту, что ему удалось разыскать землянку в деревне Хлопотово, где каждую ночь бывают партизаны.

Ничем не выдавая своего волнения, Маша переводила слово в слово. Выслушав предателя, Шмелинг распорядился послать сорок человек в ночную облаву. Не думая о риске, Маша выскочила из комендатуры и помчалась к дому Евтиновых. Высокая сутулая бабка Анна вмиг собралась в дорогу. Наверно, она бегом пробежала все двенадцать километров от Дедовичей до Хлопо-

това, потому что успела опередить фашистов. Наутро старший переводчик проверил, не искажена ли Дмитриева содержание доноса. Но подозрения не подтвердились, и старшина получил нагоняй.

Маша втянула в подпольную работу и своих родных. Отца устроила путевым обходчиком на участке железной дороги Вязь—Дно. Это был очень удобный участок для наших подрывников — последний разъезд перед узловой станцией. Зная наверняка, где заложена взрывчатка, Машин отец неизменно подавал один и тот же сигнал — «путь свободен».

С партизанами был связан и Машин дядя, Василий Васильевич Васильев, староста ее родной деревни Бурошкино. Однажды он по заданию партизанского штаба вызвался провести группу прибывших на полустанок Бакач офицеров к минному полю. Офицеры послали Васильева вперед, сами держались позади на почтительном расстоянии. В этот раз привычная предосторожность оказалась для них губительной. Староста благополучно прошел опасное место, а несколько офицеров подорвались на минах.

Летом сорок третьего года участились в нашем районе случаи массовой отправки молодежи в Германию. Однажды в Дедовичи за сутки двумя партиями доставили около трехсот человек. Отправиться дальше не смогли — были взорваны рельсы и железнодорожный мост. Людей заперли на ночь в сараях. Погрузка в вагоны ожидалась с минуты на минуту, но состав подали только к утру. Кинулись к сараям — замки сбиты, сарай пустые, в кустах валяются вдрызг пьяные охранники.

В полдень ко мне зашел довольный Тунзе:

— Вот и пускай теперь полицаи поищут, поломают ноги. А ведь ночью-то я лично все посты обошел. Дай, думаю, проверю, хоть командование и не приказало...

Это была моя последняя встреча с Тунзе. Впоследствии я узнала, что Тунзе попал под подозрение и его под охраной увезли из Дедовичей...

По заданию оргтройки Роза стала проводить работу среди военнопленных. На склады «Афаэль» за продуктами часто приезжали под охраной грузчики из пленных. Роза нарочно затягивала погрузку. Вскоре она разузнала, где расположены лагеря, как содержатся заключенные. Несколько раз с женами военнопленных ей удалось побывать в Порховских лагерях. Часть пленных работала на железной дороге.

Наша агитация не прошла даром. Во время бомбежки из лагеря в деревне Алексино бежали в условленное место восемна-

дцать человек. Первая удача нас окрылила. Через Аяву Румянцеву и Женю Гусеву мы начали снабжать бежавших военнопленных паспортами, направлениями на работу. С ними они уходили в лес.

У Розы появился свой актив — Маша Крутова, девушка по имени Ксана, пленные лейтенанты Ваня Ларин и Яков Девятов. Роза и Ваня Ларин полюбили друг друга. Они сумели сохранить свое чувство, несмотря на все испытания, выпавшие на их долю.

Через некоторое время лейтенантов удалось переправить к партизанам. Они храбро сражались в одном отряде. Девятов был награжден орденом. В одном из боев с карателями он погиб.

Партизанское движение росло и ширилось. В леса с оружием в руках уходили подростки и отцы семейств, ленинградские беженки, чьи дети остались в осажденном городе.

За короткий срок Роза Коровкина передала в партизанские отряды десятки людей. Успех немного вскружил ей голову. Она стала действовать менее осмотрительно, чем прежде. Иногда уходила в лес на личную связь, даже не предупредив меня. Я ругала ее. А Роза отвечала:

— Эх, Лина Степановна, вот бы мне сейчас автомат и взрывчатку!

Я боялась, что Роза самовольно бросит работу и убежит в лес. Сообщила о своих опасениях Ефиму Федоровичу Журавлеву. Розу вызвали на связь в деревню Болотню и от имени командования объяснили, что она должна оставаться в подполье. После этого Роза стала более дисциплинированной.

Мы по-прежнему занимались сбором разведывательной информации. Однажды Коммуся обнаружила недалеко от Дедовичей замаскированный склад снарядов. Мы сообщили о нем в штаб партизан.

Как-то летом сорок третьего года мы получили задание достать карту оборонительных сооружений гитлеровцев. Такая карта висела в кабинете коменданта. Маша и Валя решили воспользоваться частыми визитами к коменданту бургомистра Грюнвальда. Как все глухие, Грюнвальд не разговаривал, а кричал. Он настолько отвлекал коменданта своей болтовней и производимым шумом, что тот подолгу не замечал входившую с докладом Машу. Она же, прислонясь к косяку двери, от скуки что-то чертила карандашом в блокноте. Забегала и Валя:

— У господина коменданта, очевидно, испортился почерк, рукописи стало невозможно разбирать.

Вечерами после работы девушки все, что им удавалось зарисовать,

совать и запомнить, переносили на карту. Потом они складывали ее в гармошку и прятали в куриное гнездо. Через две недели, когда девушки, как обычно, разложились с картой на кухне, нагрянули «друзья» из полиции. Хорошо, что в плите горел огонь. Но двухнедельный труд пропал зря, пришлось все начинать заново.

И все-таки настал день, когда Маша Дмитриева собственноручно вручила членам опергруппы точную копию карты, висевшей в кабинете коменданта. А в августе из Ленинградского штаба партизанского движения на мое имя поступила радиограмма: нас благодарили за ценные разведданные, которые были использованы в штабе армии...

В начале ноября у нас произошел провал. Роза готовилась перевести в лес через Гороховище троих парней — сына школьной технички Васю Тарасова и его товарищей. В Гороховище их почему-то не встретили. Роза хотела подождать в деревне связанных, но дочь партизана Нина Кузьмина посоветовала ей пойти в село Ветчи, что на границе Дедовичского и Дновского районов. Там жил наш проводник — сапожник-инвалид дядя Вася. Роза передала ему парней, а сама заночевала у Кузьминой. Дядя Вася запер ребят на замок в сарае и велел ждать, пока за ними придут. Вечером в деревню под видом партизан пришли полицейские. Подняли шум. Ребята не усидели, разобрали крышу, выбрались из сарая и бросились прямо к полицейским.

— Мы к вам шли, нас Роза вела...

Тут их и взяли голыми руками. В ту же ночь в Ветчи пришли партизаны и, услышав о случившемся, хотели сразу забрать с собой Розу. Но та решила задержаться, чтобы утром уйти в лес вместе с мамой. Это была роковая ошибка. Утром Розу, ее мать и Макара Ивановича Грачева схватили гестаповцы. Тарасов после первых же побоев признал Розу на очной ставке. Фашисты требовали признания от Екатерины Михайловны, уверяли, что дочь уже во всем созналась. Но мать Розы молчала. Макар Иванович тоже никого не выдал. Не выдержав пыток, он повесился в камере. Это спасло Розе жизнь. Гестаповцы решили, что Грачев был главным. Розу с матерью отправили в Саласпилский концлагерь.

Когда их еще держали в Дедовичах, группа партизан, и среди них, конечно, Ваня Ларин и Яков Девятков, вызвалась спасти Розу. Однако командование отклонило их предложение: гестапо находилось в центре поселка, выручить Розу все равно не удалось бы...

Первой об аресте Розы узнала Маша. Через полчаса она при-

бежала ко мне, принесла пропуск. Я была давно на подозрении. Теперь надо было срочно уходить в лес. Матери я сказала, что иду за продуктами в Пружково.

После моего исчезновения из поселка гитлеровцы распустили слух, что Цвенская поймана за Ясками и расстреляна. Мою маму выгнали из землянки, где мы с ней ютились в последнее время. Она очень голодала. Недолго прожила. Ее похоронили родители Анны Петровой.

Восьмого марта сорок четвертого года над Дедовичами взвился красный флаг. Вместе с наступающими частями Советской Армии поселок покинула и Тоня Кабанова, оставшаяся после меня старшей в группе. В конце года я получила из Чехословакии восторженную открытку от Тони. Она обещала сообщить свой дальнейший адрес. Больше я о ней ничего не слышала... Где ты, милая Тоня, жива ли?

Ужасные пытки перенесла в лагерях Роза Коровкина. Во Франции, в концлагере вблизи города Леман, у нее родилась девочка, Люда. Ивану Ларину не пришлось увидеть свою дочь. Она умерла за колючей проволокой. С помощью французских патриотов Розе с матерью удалось бежать. Их укрыли в деревне, в подвале, где они и пробыли до того дня, когда местность была освобождена союзниками.

Мать и дочь Коровкины вернулись в родное Орлино. Я едва узнала Розу — так она изменилась. В Орлине ее разыскал Ваня Ларин и увез с собой в Саратовскую область, в город Аркадак. Перенесенные пытки подорвали здоровье Розы. Восемь лет назад ее не стало.

Машу и Валою наши части освободили в Прибалтике. Маша Дмитриева — теперь уже Мария Сергеевна Гришко — живет на Кавказе, возглавляет машиносчетное бюро совхоза «Машук». У Машеньки две дочери-комсомолки, но она все такая же задорная и энергичная, как прежде.

В Куйбышевской области живет Валя Михайлова. Анна Румянцева-Улосевич преподает математику в средней школе города Мары в Туркмении. Евдокия Иванова учителствует в родных краях. Женя Гусева работает в Дновском депо. А наша общая любимица Коммуся стала заводским инженером-химиком и живет в Риге.

НЕУЛОВИМЫЕ

В годы войны мне довелось участвовать в партизанской борьбе, развернувшейся в тылу гитлеровских войск в ближайших к Ленинграду районах области: Гатчинском, Тосненском, Оредежском, Лужском. Постоянно рейдируя по тылам врага, в сорок втором году заходил я со своим отрядом и в юго-западные районы Ленинградской области (в старых ее границах): Белебелковский, Дедовичский, Дновский.

Условия жизни и борьбы партизан под Ленинградом и в юго-западных районах области были различными. Поэтому, несмотря на строгую централизацию руководства партизанским движением в Ленинградской области, формы организации и методы борьбы партизан не были одинаковыми. Они вырабатывались партизанами в ходе борьбы в зависимости от конкретной обстановки.

В южных районах области, в частности на Псковщине, еще осенью сорок первого года партизанские отряды стали объединяться в бригады. Жили партизаны там в деревнях или больших лесных лагерях, могли совершать крупные боевые операции.

В совершенно иных условиях боролись партизаны в районах, расположенных непосредственно под Ленинградом. Здесь почти во всех населенных пунктах стояли довольно большие немецкие гарнизоны. Связь партизан с населением была чрезвычайно затруднена. Эти районы охранялись гитлеровцами особенно тщательно. Небольшие лесные деревни или уничтожались, или в них расквартировывали карательные отряды. Партизаны здесь и летом и зимой жили в лесах, питались, как правило, продуктами, доставляемыми из советского тыла самолетами, а в первый период войны — главным образом перенесенными на своих собственных плечах через линию фронта. Постоянные преследования карателей не давали возможности отрядам оставаться на одном месте более, чем на двое-трое суток. Волховские партизаны (как часто называли партизан, действовавших в этих районах) совершали бесконечные «путешествия» по фашистским тылам.

Такие условия диктовали и другую организацию, и иную так-

тику. Основной боевой единицей у нас был небольшой, весьма подвижный отряд численностью тридцать—сорок человек. Отряд делился на несколько диверсионных групп по пять—семь человек каждая. Попытки создать крупные партизанские соединения в первый период войны успеха не имели. Так, сформированная в начале сорок второго года партизанская бригада под командованием Тарасова смогла продержаться в Оредежском и Лужском районах лишь несколько дней.

Борьба волховских партизан носила преимущественно диверсионный характер. Партизаны минировали дороги, взрывали мосты, устраивали засады. Налеты на фашистские гарнизоны волховские партизаны стали совершать лишь в конце сорок третьего года.

Под Ленинградом провести диверсию было очень трудно. Однако оторваться от преследования карателей, сохранить и в дождь и в холод боеспособность, уметь отдохнуть в любых условиях и набраться сил для новых операций — было еще труднее. Большинство волховских партизан погибло не во время боевых операций, а от преследования карателей и на привалах.

По крупницам накапливали партизаны опыт борьбы против гитлеровцев, часто оплачивая его дорогой ценой. Многие партизанские группы, действовавшие в полосе Волховского фронта, были полностью уничтожены оккупантами. Однако за два года волховские партизаны «обжили» фашистский тыл, научились бить врага. В марте сорок третьего года стало уже возможным создать Волховскую партизанскую бригаду, в которой насчитывалось свыше пятисот человек. Командовал ею А. П. Лучин — секретарь Старорусского райкома партии.

Комиссаром бригады был назначен Ф. И. Сазанов, до войны работавший первым секретарем Оредежского райкома партии. Он создал в бригаде крепкую партийную организацию.

Надо сказать, что гитлеровцы внимательно изучали нашу тактику. В сентябре командующий охранными войсками группы армий «Север» разослал по своим частям весьма любопытный документ, который назывался: «Тактика бандитской бригады Лучина». В этом «исследовании» давались описание и схематическое изображение способов маскировки партизанами следов, устройства и охраны партизанских лагерей. Среди «основных принципов» волховских партизан гитлеровцы перечисляли: «Все видеть, но самим оставаться невидимыми». «Всегда быть бдительными: в лагере, на марше, при выполнении задания». «Двигаться, как кошка, скрывать свои следы».

Не от хорошей жизни фашистские захватчики занялись изучением тактики нашей бригады. Только в апреле, мае и июне партизаны Волховской бригады пустили под откос сорок семь воинских эшелонов противника с живой силой и техникой. Железная дорога Ленинград—Новгород, только что восстановленная немцами, была выведена из строя. Витебская железная дорога на участке Вырица—Оредеж работала с большими перебоями.

Командование 18-й немецкой армии, напуганное массовыми диверсиями в ближайших от фронта тылах, решило ликвидировать партизан. В район действий Волховской партизанской бригады было брошено свыше пяти тысяч человек. Руководство карательной экспедицией возлагалось на штаб 38-го армейского корпуса.

В своих воспоминаниях мне и хотелось бы рассказать о жизни, быте и некоторых особенностях боевой деятельности волховских партизан в это тяжелое для Волховской бригады время. Мы кое-что знали о готовящейся карательной экспедиции, но, предполагая, что это один из очередных налетов карателей, продолжали заниматься своим делом.

При формировании Волховской партизанской бригады меня назначили командиром отряда бригадной разведки. Должность,

Уроженец Вологодской области, Василий Петрович САМУХИН окончил в 1938 году Ленинградский педагогический институт имени М. Н. Покровского. Затем работал в городе Борова преподавателем педтехникума.

Когда началась Великая Отечественная война, двадцатипятилетний учитель стал партизаном. С декабря 1941 года Самухин — командир партизанского отряда. После выхода партизан в Ленинград весной 1944 года работал в Ленинградском обкоме КПСС, учился в Высшей партийной школе, преподавал историю партии в Военно-морском пограничном училище. Сейчас Василий Петрович заведует кафедрой в Ленинградском технологическом институте холодильной промышленности. Он — кандидат исторических наук, доцент.

прямо скажем, весьма беспокойная. Мы следили за противником и за его передвижением. Было особенно трудно там, где не удалось установить постоянной связи с местными жителями. Мы сутками под самым носом у немцев вели наблюдения за вражескими гарнизонами, железными и шоссейными дорогами.

В конце мая я с небольшой группой бойцов своего отряда возвращался в лагерь бригады из очередного похода. В течение десяти суток, выполняя специальное задание штаба Ленинградского фронта, мы вели наблюдение за движением по Варшавской железной дороге и передавали по радио через каждые два часа в Ленинград результаты своих наблюдений. Такого рода разведка — занятие довольно скучное даже весной: сиди в кустах около насыпи днем и ночью и считай проходящие в ту и другую сторону эшелоны, устанавливай, с каким грузом они идут. Рядом гитлеровцы ходят, постреливают для храбрости. Ни тебе покурить спокойно, ни костер развести.

Последние дни без костра были особенно тяжелы. Продукты у нас все кончились, осталось муки горсти по две на человека. На костре можно было бы заваруху сварить или испечь по лепешке на крышке от котелка, а без костра мука и вода не очень-то съедобны. Поэтому мы были несказанно рады, когда товарищи пришли нас сменять.

До штаба бригады около семидесяти километров тяжелого и опасного пути. Быстро выбравшись из опасной, усиленно охраняемой немцами зоны, мы вышли на оперативные партизанские просторы. Перед нами лежало непроходимое Мшинское болото, за ним лес и долгожданный, сравнительно спокойный отдых. Напряженно всматриваясь в очертания леса, теряющиеся в вечерней мгле, устало тащились по болоту. Тяжелые «сидоры» (мешки) резали плечи. Да и бывали ли у волховских партизан пустые мешки? Ведь в «сидоре» помещался «партизанский дом» со всей его обстановкой. Недаром старые партизаны всегда внушали новичкам: не партизан носит мешок, а мешок партизана.

Большая часть болота осталась позади. Однако впереди еще самый тяжелый участок — метров четыреста трясины, покрытой мелкой зеленой травкой. Шли осторожно, ступая на маленькие, почти незаметные для неопытного глаза кочки. Вели они себя самым коварным образом — крутились во все стороны, как на шарнирах. То и дело кто-нибудь из нас срывался и погружался в трясины. Под ее полуметровым слоем местами еще сохранился лед, и некоторых счастливых он выдерживал, большинство же из нас «мерило» глубину Мшинского болота.

Особенно отличался в этом наш комиссар Николай Соколов. Перед войной он окончил мореходное училище и успел немного поплавать. Николай никак не мог научиться ходить по болотам. При переходе даже самых топких мест комиссар не искал кочки, шел напролом. Разведчики любили своего простого, немного грубовато-прямолинейного комиссара. Если кто-нибудь пытался увильнуть от выполнения задания, Соколов обычно спрашивал партизана:

— Ты кто? Из породы хитрованов? Так это же вымирающее племя.

Он характеризовал это племя в таких энергичных выражениях, что принадлежать к нему ни у кого не было большой охоты.

Наконец показался берег, и первые два разведчика вступили на твердую землю. Благополучно выбрались и все остальные. На краю болота решили заночевать.

Еще в штабе бригады нас предупредили, что в этом квадрате базируется сотниковский отряд. Первых командиров партизанских отрядов, действовавших под Ленинградом, к этому времени осталось мало, и мы все хорошо знали друг друга. Кто бывал в немецком тылу, тот представляет себе, что значит там встретить знакомого человека. Но искать лагерь старого опытного командира отряда, не назначив с ним встречи, — занятие не только опасное, но и бесполезное. А Сотников был мастером конспирации.

Наступил тихий, по-весеннему прозрачный и теплый вечер. Перед нами, как живая изгородь, стоял густой кустарник. Небольшая липа, причудливо изогнутая и росшая почти горизонтально, как будто приглашала нас под свои склоненные ветки. Мы не замедлили воспользоваться этим. Запылал костер. Наш комиссар уверял, что после таких переходов надо варить по котелку на брата, но мы на все десять человек наскребли муки только на три котелка. Вскоре все, кроме меня и комиссара, спали.

Тишина кругом была изумительная. Ни грохота отдаленной кононады, ни пулеметных очередей. И вдруг мы явственно услышали приближающийся рокот самолета. Знакомые шаги узнаешь по слуху. Знакомый голос не спутаешь с чужим. Так и мы привыкли издали узнавать свои партизанские самолеты.

— Кормилец летит, — сказал комиссар.

Да, несомненно, это был У-2 — партизанский кормилец, снабжавший отряды боеприпасами и продовольствием. Но куда он летит? Кому везет свой драгоценный груз?

Самолет приближался. Он шел очень низко. Очевидно, летчик готовился сбросить груз и, планируя над самым лесом, искал

сигналы. Вскоре мы услышали характерный хлопок раскрывшегося парашюта и глухой стук упавшего баула.

— Это, вероятно, Сотникову, — предположил Соколов, и мы посмотрели на свои компасы, чтобы определить направление падения парашюта.

— Предлагаю разведать, где находятся наши соседи, а если удастся, то и содержимое баула, — сказал Ваня Федоров, откидывая плащ-палатку. — Душа разведчика не любит неясностей.

Ребята проснулись и заволновались. Однако при всем нетерпении мы понимали, что идти разыскивать чужой отряд ночью, да еще во время приемки груза, — дело весьма опасное. Того и гляди, попадешь под свои же партизанские пули. К месту выброски грузов часто направлялись и каратели. Решили ждать до утра.

Утром нам удалось без особого труда найти бойцов из отряда Сотникова, маскировавших следы приема груза. С ними мы договорились о встрече в лагере. Сразу без разрешения командира они нас с собой не взяли.

Сотников выбрал для лагеря место не в густом лесу, а на самом краю болота, где рос частый осинник, березняк и ольшаник. В этом месте от небольшого мысочка твердой земли, вдававшегося в болото, начиналась длинная просека, которая хорошо просматривалась километра на два. Здесь, на этой просеке, под кустиками и стоял первый секрет, охранявший путь к лагерю. Дальше надо было идти вырубкой. Росший здесь мелкий и частый кустарник пропускал партизан и снова вставал на свое место. Только от второго секрета была проложена тропинка, — тут уже начинался лагерь.

К лагерю Сотникова мы подошли вплотную, ничего не заметив. Недалеко от болота стояло несколько небольших елочек, кругом кустарник, чахлая ольха да тонкие, как свечи, осинки. Где тут расположиться целому отряду? А между тем тут и жили партизаны — все сорок четыре человека.

Алексей Иванович Сотников до войны был партийным работником. С декабря сорок первого года он участвовал в партизанском движении. Это был опытный, строгий и требовательный командир. Партизаны уважали Алексея Ивановича. Он заботился о людях, умел воевать, смело возражал начальству, если с чем-то был не согласен. Сотников по праву считался одним из лучших партизанских командиров в полосе Волховского фронта.

В отряде встретили нас приветливо. Алексей Иванович, здороваясь, сказал:

— Проведать пришли кустаря-одиночку!

Смеясь, он рассказал, что так окрестил его начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин за то, что он не хотел в свое время войти в состав Волховской бригады.

Нас хорошо угостили только что полученными продуктами, но выпить не дали. Сотников не допускал никаких выпивок. Спирт у него всегда был, но он его выдавал только по назначению фельдшера.

После завтрака Алексей Иванович показал нам свой лагерь. В центре, у елочек, находился штабной шалаш. Вокруг него — шалаши бойцов. Каждая группа бойцов охраняла свой участок и выставляла караул. Сложенные из булыжника и хорошо замаскированные огневые точки были выдвинуты несколько вперед. От постов к шалашам тянулись веревочки. В шалаше у дежурного висела обыкновенная консервная банка с камешками или с небольшой пружиной внутри. Когда постовой дергал за веревочку, в банке раздавался предостерегающий звук. Это был сигнал тревоги.

Шалаши в лагере строились особым способом. Расчищая место для шалаша, партизаны вырубали кусты, оставляя по замкнутому кругу несколько гибких осинок. Затем верхушки этих осинок связывали вместе и сверху накрывали парашютами, которые маскировали ветками и травой. Такие шалаши были почти неза-

метны с воздуха, хорошо защищали партизан от дождя и даже сохраняли тепло, а главное — они спасали от комаров, — их в это время года было здесь великое множество. Партизаны называли комаров «вторыми фрицами».

Мы впервые встретились с сотниковцами в тылу врага. И тут мне вспомнилось одно интересное обстоятельство: Сотников постоянно просил штаб присылать ему иголок. Каждый раз, перечисляя в радиограмме самые необходимые отряду вещи, он добавлял: «Не забудьте прислать иголок». На базе даже посмеивались: «Сотников в тылу у гитлеровцев открыл швейную мастерскую». Теперь мы поняли, зачем сотниковцам нужны были иголки. Все партизаны отряда носили самодельные брюки, сшитые из баульного материала цвета сухой травы, причем эти брюки кроме обычных карманов спереди имели два больших удобных кармана по бокам и узенький карман с пуговкой — для ложки. Из того же баульного материала на многих были легкие куртки и фуражки с довольно большим козырьком и спускающимся сзади клапаном, который закрывал шею и завязывался под подбородком. Это спасало от комаров.

Весьма оригинально были устроены в лагере Сотникова колодцы. Хотя мы все, как правило, жили в болотистой местности, однако часто страдали от жажды. Кругом вода, а пить нечего: вода ржавая, гнилая, засоренная. Сотниковцы же в вырытый колодец опускали плотные плетенки из ивовых прутьев. Плетенки эти плели в два ряда так, чтобы внутрь просачивалась только вода, а мусор, кусочки мха, сгнившие листья и всякая прочая болотная дрянь не попадала. К колодцам были проложены очень аккуратные тропки из веток и жердей, чтобы при подходе вода не мутилась.

Хороша была в лагере и баня. Это была большая, аккуратно сложенная каменка, а над ней остов шалаша из молодых осинок. Шалаш ничем не покрывался до тех пор, пока каменка не раскалялась. Когда же вода была нагрета и камни достаточно горячи, поверх остова шалаша набрасывали один на один два парашюта, а на каменку плескали воду. Получалась превосходная парилка.

В лагере было очень тихо, как будто тут вовсе и не жили люди. Говорили шепотом, пищу варили перед рассветом да в вечерние сумерки, чтобы не привлечь внимания оккупантов дымом от костров. Службу несли очень бдительно: пройдет лось — и то докладывают в штаб. По поведению лесного зверя многое можно узнать. Идет зверь спокойно, не спеша — значит, тихо в лесу. Можно и партизанам без особой опаски выходить на диверсию. А если зверь бежит, встревожен, испуган — значит, есть поблизости кто-то.

Пока мы осматривали лагерь, на мое имя была получена радиограмма, в которой указывалось, что бригада ведет тяжелые

бои и вынуждена менять стоянку. Нам предлагалось остаться у Сотникова и вместе с ним принимать людей из советского тыла и продукты для всей бригады.

Не очень-то обрадовало Сотникова задание. Бойцы отряда только что вернулись после тяжелой операции и нуждались в отдыхе. Но делать нечего. Приказ есть приказ.

На следующую ночь на согласованные по радию сигналы — свет трех фонарей в линию — два наших самолета сбросили тридцать два баула с боеприпасами и продовольствием. Затем в течение двух ночей, километрах в двух от лагеря Сотникова, на чистом сухом участке болота мы принимали людей. Партизаны приземлялись с парашютами, как на перину.

Всего приняли два отряда, около девяноста человек. Для них на опушке леса оборудовали временный лагерь. Всех прибывших строго предупредили: гитлеровцы рядом, они следят за полетами наших самолетов, нужно быть всегда начеку, костры разводить только с разрешения командира, только бездымные, стараться не стучать, говорить шепотом.

Однако мы заметили, что некоторые товарищи не принимают всерьез наши советы. Многие посмеивались:

— Не пугай, дядя, — пуганые!

Пополнение было довольно пестрым по своему составу. Один отряд состоял из опытных ленинградских партизан. Второй отряд был сформирован Центральным штабом партизанского движения в Москве. В него входили партизаны из разных областей Советского Союза, а некоторые в тылу врага были первый раз. Чувствовалось, что народ это боевой, но излишне петушистый.

Особенно возмущался командир отряда, прибывшего из Москвы, — Александр Хорев. Высокий, в черном плаще он размашисто ходил по временному лагерю и с недоумением спрашивал своим громоподобным голосом:

— Куда я попал? «Не стучи!» «Не разговаривай!» Да я ж не умею шепотом воевать!

Хорев рассказал нам, что в брянских лесах они на боевые операции в вагонах ездили. Правда, паровозов у них не было. Вагоны по рельсам тащили лошади.

Мы позавидовали такой «роскошной жизни» и, еще раз посоветовав соблюдать осторожность, пошли в лагерь Сотникова. С командирами отрядов условились, что после отдыха во второй половине дня встретимся и договоримся о совместных действиях до подхода командования бригады.

Заснули быстро. Но сон партизана чуток. Сколько я проспал,

не помню, а проснулся — слышу где-то рядом заливисто трещит автомат. Быстро бужу остальных, и мы занимаем позиции в обороне. Лагерь готов к бою. Однако перестрелка закончилась так же внезапно, как и началась. В лесу стало снова тихо.

Вернулись разведчики и доложили, что на километр вокруг никого нет.

— А может, психанул кто-нибудь из новеньких, а его поддержало несколько слабонервных, — высказался Сотников.

— Не наткнулись ли партизаны, идущие к нам на соединение, на этих архаровцев, — в сердцах сказал Соколов.

Мы решили немедленно выяснить, что с нашими соседями. Я взял свою группу разведчиков и пошел проведать вновь прибывших. Задача была не из легких. Если партизаны разбежались при внезапном налете карателей, то гитлеровцы устроили на месте лагеря засаду. Это мы уже знали точно. Если же в лагере свои, то они сидят с автоматами на изготовку и ждут нового нападения карателей. Та и другая ситуация — не из приятных.

Выручил Ваня Федоров. Он хорошо запомнил расположение лагеря. Ему удалось подползти к часовому и предупредить, что идут свои.

Оказалось, что вновь прибывшие после отдыха развели костры, сварили обед и стали вспоминать минувшие дни, не выставив даже секретов. Воспользовавшись ротозейством, небольшая группа карателей, вероятно человек двадцать пять—тридцать, подошла вплотную к лагерю и почти в упор стала расстреливать партизан. Четыре человека было сразу же убито и четверо ранено. Положение спас Хорев. Он поднял часть своего отряда в атаку и ударил во фланг карателей. Фашисты прекратили огонь и отступили.

Теперь с нами уже разговаривали по-иному. Урок был чрезвычайно наглядным. Все понимали, что на партизан наткнулась лишь разведка карателей. Завтра они придут сюда, вероятно, с более крупными силами. Мы решили ночью перенести раненых в лагерь Сотникова. Остальные новички также попросились с нами. Это означало, что оба отряда признали Сотникова своим старшим начальником.

А как пройти по болотистому лесу, не оставив следа, когда за тобой идет около сотни человек, многие из которых не умеют маскировать следы, а шестнадцать — на носилках несут тяжело раненых товарищей? Ведь за нами оставался след — не тропка, а «большак», как называли такие тропы волховские партизаны. Но выхода иного не было.

Придя в лагерь, мы сразу же стали готовиться к обороне.

Конечно, можно было бы уйти довольно легко от карателей. Сотников и я знали тут все ходы и выходы. Но уходить мы не имели права. Командование бригады уже получило наши координаты. Сюда вот-вот должны были подойти партизаны из отрядов, сильно потрепанных в боях.

Сотников дал указание своим подрывникам заминировать проложенную нами тропу к лагерю. Они поставили на ней четырнадцать противопехотных мин с дополнительным зарядом тола.

Отдохнув остаток ночи, мы стали ждать. Только около четырех часов дня раздался первый взрыв, за ним второй, а затем снова все стихло.

К месту взрыва мы послали разведчиков. Они вскоре вернулись и принесли документы трех подорвавшихся на минах немецких солдат. Вечером вблизи лагеря появилось еще несколько гитлеровцев, но уже с другой стороны. Они вышли прямо на секрет. Двух фашистов дозорные убили, одного, раненого, захватили и привели в лагерь, остальные удрали. Я долго беседовал с пленным. От него мы узнали, что в те дни, когда к нам прилетали самолеты, их отряд, численностью в двести пятьдесят человек, получил задание сосредоточиться в нашем квадрате. Другой такой же карательный отряд выгрузился в семи километрах от нашего лагеря на станции Чолово Витебской железной дороги.

Ночь прошла спокойно, а рано утром разведчики сообщили, что фашисты поездом привезли на станцию Чолово танк. Этого мы никак не ожидали. В краю болот и бездорожья — и вдруг... танк! В нашей боевой жизни всякое бывало: нас окружали каратели со всех сторон, обстреливая из пушек, установленных на железнодорожных платформах, бомбили с самолетов, травили собаками, выгоняя на чистое болото, где мы были вынуждены «днеть», зарывшись в мокрый мох. А вот с танками нам дело иметь не приходилось. Вооружение было у нас самое легкое: в основном автоматы да по два-три легких пулемета на отряд.

Сотников приказал немедленно заминировать просеку. От нее к станции Чолово шла лесная дорога. Вскоре танк появился на просеке. Через несколько минут лесную тишину расколол взрыв. Шум танка замолк. Но вот мотор вновь заурчал. И новый взрыв потряс воздух. Наши наблюдатели видели, как около танка ходили гитлеровцы, слышали, как они стучали, ремонтируя свою злополучную машину.

Так прошел второй день этого необычного боя. Ночью появились наши. Их было немного. Оказывается, на лагерь бригады фашисты бросили более тысячи карателей. Ожесточенный бой

длился около суток. Гитлеровцы обстреливали лагерь из минометов, несколько раз бомбили его.

Жилорыдненский, или, как его часто называли, «каменный», лагерь, пожалуй, был самым совершенным у волховских партизан. Находился он на опушке болота Вертинский Мох. Оборона лагеря — круговая. Сложенные из крупного булыжника бойницы хорошо замаскированы дерном и ягодником. Все вероятные подступы к лагерю заминированы. От мин пятажного действия совершенно незаметно, в траве, тянулись тонкие шнуры к бойницам. В центре лагеря располагались штаб бригады и санчасть. Рядом со штабом две палатки занимали радисты. Бригада почти в любое время дня и ночи могла связаться или с Ленинградским штабом партизанского движения, или с оперативной группой при штабе Волховского фронта, которой непосредственно мы подчинялись.

Весной сорок третьего года Жилорыдненский лагерь сослужил нам хорошую службу. Отсюда уходили на задания диверсионные группы на железные дороги. Одни группы приходили и отдыхали, другие шли на задание. Не случайно гитлеровцы бросили против бригады не только охранные батальоны, но и регулярные войска.

Не хотелось партизанам расставаться с этим обжитым местом, но пришлось. Дождавшись ночи, они силами ударной группы прорвали кольцо окружения и оставили лагерь, потеряв четыре человека убитыми. Отряды разошлись в разные стороны. Некоторые из них гитлеровцы довольно долго преследовали.

Было ясно, что, несмотря на успешный выход из лагеря, бригада понесет тяжелые потери. Около двухсот бойцов, почти половина бригады, находилось на заданиях. У многих групп не было раций, и их нельзя было предупредить о ликвидации Жилорыдненского лагеря.

Ночью мы незаметно ушли из своего лагеря. Запутав следы и пройдя около трех километров по Мшинскому болоту, расположились на небольшом лесном островке.

Утром фашисты ожесточенно бомбили и обстреливали из минометов опушку леса, где, по их предположению, находился наш отряд. Затем они пошли в атаку. Стреляя из автоматов, каратели ворвались в лагерь и обнаружили там... труп гитлеровца, взятого нами в плен и умершего от раны...

Фашисты широко разрекламировали «успешную» операцию по ликвидации крупного партизанского отряда. Да и что им оставалось делать? Не докладывать же начальству, что бомбили и атаквали пустое место и при этом потеряли несколько человек, подорвавшихся на партизанских минах.

Островок, на котором предполагали лишь передневать, понравился нам. Он находился между озерами Вялье и Мочалище и тянулся с севера на юг километра на полтора. Подойти к нему можно было только с севера и юга, причем с севера — по проложенной по топкому болоту кладке.

Партизанская база на острове посреди открытого болота! Это уже новый вариант. Хорошо или плохо? К сорок третьему мы усвоили простую истину, что при любой, даже самой успешной, операции партизаны должны отходить. А куда пойдешь с острова по открытому болоту, если его окружают? Однако действительность требовала немедленной остановки. Надо было срочно эвакуировать раненых и больных в советский тыл, дать хотя бы несколько дней отдыха партизанам, пришедшим к нам, — они в течение более двух недель находились в боях и походах.

Через несколько дней мы встречали прилетевшего из Ленинграда командира бригады Лучина. А вскоре в бригаде появился начальник оперативной группы по руководству партизанским движением в полосе Волховского фронта А. А. Гузеев — наш непосредственный начальник. Многие партизаны были им недовольны: именно он отвечал за снабжение партизан продовольствием и боеприпасами. Недовольные грозились при первой же встрече «разорвать Гузеева, у которого вдоволь и закуски, и выпивки». Однако в бригаде этот невысокого роста человек, весьма подвижный и общительный, быстро завоевал симпатии партизан.

Гузеев привез приказ Центрального штаба партизанского движения о развертывании рельсовой войны. Разработав план операции, приступили к ее реализации. Нам удалось провести несколько крупных «концертов» на Витебской и Варшавской железных дорогах. Было взорвано около восьми тысяч рельсов.

Гитлеровцы направили против бригады новую карательную экспедицию. Пришлось покинуть остров. Начались бесконечные переходы. Мы то отходили от железнодорожной магистрали, то вновь к ней приближались. Непрерывные стычки с карателями продолжались около трех недель.

Однажды в конце августа над лесом, где мы отбивались от наседавших на нас гитлеровцев, появился самолет. Но вместо бомб на нас посыпались листовки. Оккупанты решили заняться агитацией. Была она весьма примитивной: «Партизаны бригады Лучина, вы окружены. Сверху смерть, спереди смерть, сзади смерть! Сдавайтесь! Получите хорошее питание и работу».

— Вот, оказывается, какими могут быть благодетелями фашисты, — смеясь, говорили партизаны.

На этот раз враги нас крепко блокировали между рекой Оредеж и Витебской железной дорогой. По дороге гитлеровцы через короткие промежутки времени пускали дрезины с пулеметами.

Что же делать? Форсировать Оредеж с боем — будут большие потери: у нас много раненых. Остаться большой группой в лесу тоже нельзя — обороняться почти нечем, всего по нескольку патронов на бойца.

Перед рассветом командование бригады собрало командиров отрядов. Посоветовавшись, решили просачиваться за Оредеж в разных местах сквозь засады карателей. Каждый отряд получил свой участок перехода. Тяжелораненых оставили в лесной чащобе под охраной нескольких партизан. Решение, конечно, было отчаянное. Найдя гитлеровцы эту небольшую группку — все раненые погибли бы. К счастью, этого не случилось. Ночью все отряды вышли из окружения.

И на этот раз гитлеровцам не удалось ликвидировать неуловимых волховских партизан. Соединившись на условленном месте за Оредежем, мы вновь стали пускать под откос воинские эшелоны врага, взрывать мосты.

Рассеяться, как туман, чтоб вновь собраться в тучу — эту тактику волховские партизаны усвоили не из книг, их учителем была суровая борьба. Такая тактика в условиях прифронтовой полосы, как показывал опыт, была единственно правильной.

В конце сорок третья обстановка в тылу гитлеровских войск под Ленинградом изменилась: уменьшилось количество вражеских гарнизонов, сократилась их численность. Волховская бригада в это время выросла до двух с лишним тысяч человек.

Изменилась и наша тактика. Мы нападали на гарнизоны, уничтожали гитлеровские органы власти, восстанавливали Советскую власть.

В период наступления наших войск под Ленинградом и Новгородом волховские партизаны оказали значительную помощь советским воинам. Наша бригада разгромила гарнизоны на станциях Мшинская и Оредеж. В ночь с двенадцатого на тринадцатое февраля волховские партизаны помогали воинам 255-го и 245-го стрелковых полков штурмовать город Лугу.

За героическую помощь войскам Ленинградского и Волховского фронтов Октябрьский райком партии и райисполком депутатов трудящихся прислали нашей бригаде Красное знамя.

Благодарность ленинградцев была лучшей наградой для волховских партизан.

ПЛАМЯ БОРЬБЫ

БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ

В середине августа сорок второго года, вызванный в обком партии по телефону, я срочно приехал в город Калинин. В гостинице нас собралось несколько человек, все из разных тыловых районов области. Экстренный вызов в то время никого не удивил, только показалось странным, почему вместе приглашены секретари и заведующий военным отделом райкома, прокурор и медицинская сестра. О том, что мы станем партизанами, никому и в голову не приходило. И лишь Семен Иванович Ермоченко, район которого уже год как был оккупирован фашистами, хитровато улыбаясь, спросил меня:

- Ну как, Яков Васильевич, поедешь со мной в Пустошку?
- Куда? — удивился я. — Ведь там же фашисты.
- Вот ради знакомства с ними и приглашаю.
- Дело не за мной. Что скажет обком?
- А вас за этим всех сюда вызвали.

Ермоченко оказался прав. Утром следующего дня я был приглашен к секретарю обкома по кадрам М. С. Воронцову. Он сказал, что предполагается назначить меня вторым секретарем подпольного райкома Пустошкинского района и в группе Ермоченко переправить за линию фронта. Я согласился. В группу кроме Ермоченко и меня вошли А. А. Александров, И. И. Буканов, С. Г. Калинин, Ф. Л. Барабанов, Ф. И. Грушкин, Л. И. Иванов, Б. Ф. Тухто и медицинская сестра В. Г. Самарина.

Перед отправкой в тыл с нами беседовал первый секретарь обкома партии И. П. Бойцов. Он рассказал об особом значении Пустошкинского и соседних с ним районов. На их территории расположены две стратегически важные железные дороги: одна из Латвии на Москву, другая на Ленинград; в ленинградском

направлении проходит шоссейная магистраль, много гравийных дорог. Командование фронта поставило задачу парализовать эти коммуникации фашистских армий группы «Север». С этой целью туда направляется в рейд партизанский корпус, в который объединяется несколько небольших партизанских бригад.

— Райкомы должны возглавить антифашистскую борьбу подпольных групп, раздуть пламя этой борьбы до всенародного восстания против оккупантов, — сказал в заключение Иван Петрович.

Через несколько дней мы были уже в бригаде Рындина, вернувшейся только что из рейда.

Командир бригады Рындин, в прошлом чекист, и комиссар бригады Лекомцев, политработник, присланный из армии, встретили нас хорошо и быстро ввели в курс дела. Меня назначили комиссаром отряда. Все остальные работники райкома тоже были распределены по отрядам.

Размещение подпольного райкома в бывших районных центрах или других населенных пунктах едва ли было бы оправданным. В тех районах, куда мы направлялись, крупных городов не было. Подпольные группы состояли, как правило, из трех-четырех человек.

Из рассказов Рындина и Лекомцева, действовавших с бригадой в основном на территории Пустошкинского района, мы узнали, что гитлеровцы разместили много новых гарнизонов вблизи железных дорог и по Ленинградскому шоссе. В районе был усилен и оккупационный режим. Малейшее неповиновение каралось смертной казнью.

В июле в Пустошке на базарной площади был повешен человек, задержанный неподалеку от испорченной колеи железной дороги. На грудь казненного фашисты прикрепили доску со словами: «Я ложил мины». Несколько раньше палачи из тайной немецкой полиции после изуверских пыток расстреляли за связь с партизанами молодую пустошкинскую учительницу Татьяну Птичкину.

И все же смелые духом люди продолжали борьбу. В городе неизвестными патриотами был подожжен крупный склад горючего. Узнавая эти и другие факты, райкомовцы спешили поскорее уйти за линию фронта.

Желание наше скоро сбылось. В начале сентября партизанский корпус численностью до двух тысяч человек ночью, без единого выстрела миновал передний край обороны противника и вышел к железной дороге Невель—Полоцк.

ПЕРВЫЕ БОИ

О своем появлении в южной части Псковщины мы «заявили» по-партизански: сразу же совершили одновременный налет на несколько военных объектов гитлеровцев. На долю нашей бригады досталась станция Железница. На подходе к ней у нас случилось несчастье: отряды попали в непроходимое болото, и две лошади, нагруженные толом, провалились в трясины. Триста килограммов взрывчатки — неоценимое богатство для партизан. Пока доставали тол и распределяли его между бойцами, несколько замешкались — потеряли время и... проводника. Воспользовавшись остановкой, трусоватый крестьянин сбежал в лес.

Было уже совсем светло, когда мы подошли к району станции. Отряд Ф. Х. Тяпина направился к дзотам, расположенным вблизи железнодорожного полотна, чтобы обеспечить прорыв к мосту группы подрывников. А наш отряд двинулся к казарме. Она с трех сторон была обнесена земляным валом. Разведчики доложили: казарма не охраняется.

— Что за чертовщина! — удивился командир отряда Лесников. — Куда делась охрана?

Яков Васильевич ВАСИЛЬЕВ родился в 1905 году в семье крестьянина в деревне Щемелево Тверской губернии. До призыва в армию работал в сельском хозяйстве. Вернувшись после службы в родные края, был пропагандистом райкома партии, директором школы колхозной молодежи. В 1939 году его избрали секретарем Есеновичского РК ВКП(б).

С августа 1942 года и до изгнания оккупантов с Псковщины Яков Васильевич был в партизанском отряде комиссаром и одним из секретарей подпольного Пустошкинского райкома партии.

После войны Васильев работал секретарем Пустошкинского райкома партии, а затем инструктором Великолукского горкома КПСС. С 1961 года на пенсии. Живет в городе Великие Луки Псковской области.

— Придется пожаловаться фюреру на потерю бдительности в охранных войсках, — пошутил я.

Калинин, Новиков, Березкин, я и еще несколько бойцов окружили стационарное здание. Осторожно постучали. На стук вышел старик и, видимо, приняв нас за полицаяев, насупившись, спросил:

— Что надо?

— Где немцы, дедушка?

— Не знаю, — все еще опасливо поглядывая на нас, ответил старик.

— Как не знаешь. Ночевали здесь?

— Спали тут, да что-то всполошились, ушли недавно.

Действительно, койки пустовали. Приказав старику немедленно уходить, мы подожгли казарму. Как потом оказалось, гитлеровцы, заподозрив недоброе, все до единого перебрались к дзотам. В нашу сторону застрочили пулеметы. Мы залегли. Заметив это, фашисты вылезли из дзотов и усилили огонь. Им было невдомек, что другая группа партизан зашла уже с флангов и тыла.

И вот бойцы Тянина вступили в бой. Полетели гранаты. Раздались короткие автоматные очереди. В это время подрывники Косяков, Дивин и Петров спустились под мост и заложили взрывчатку. Когда грохнул взрыв, отряд наш отошел к лесу.

Удачно действовали и другие бригады. В результате важная железнодорожная магистраль на неделю вышла из строя.

В двадцатых числах сентября отряды корпуса сделали налеты на вражеские гарнизоны в селах Чайки и Малахи. На дорогах партизанские засады разбили несколько десятков фашистских автомашин.

Гитлеровцы не замедлили принять ответные меры. Стянув на северном берегу озера Язно до двух полков охранных и полевых войск, они повели наступление на корпус по всем правилам военной науки. И все же в лесу между деревнями Клиновое и Лошково любители тактики окружения попали сами в кольцо партизанских сил и были основательно побиты. Отступали гитлеровцы настолько неорганизованно, что их минометчики некоторое время вели огонь по участку, где, кроме раненых фашистов, никого не было.

После этого крупного боя на совещании командиры бригад приняли решение начать рейд по тылам противника в Пустошкинском, Идрицком, Себежском, Опочецком и Кудеверском районах. Такой маневр заставлял врага стягивать крупные силы то в одном, то в другом месте, ослабляя тем самым гарнизоны, на которые бригады корпуса и делали неожиданные налеты. Кроме

того, мы познакомились с территорией своего постоянного будущего базирования.

Рейд продолжался более месяца и изобиловал столкновениями с противником. Пятьдесят шесть раз скрещивали партизаны оружие с оккупантами в открытых боях. Наш отряд под командованием Петра Лесникова провел несколько диверсий на Ленинградском шоссе.

Есть на старинном тракте Ленинград—Киев между поселком Алоль и городом Пустошка живописнейший уголок. Лесное озеро Зверино подходит здесь к самому шоссе. Из озера неширокой полосой уходит под шоссе река Великая. За мостом она разливается и образует небольшой и неглубокий заливчик — Малый Зверинец. Тысячи ленинградцев, совершающих в наши дни летом автомобильные путешествия на Псковщину, в села и города Белоруссии и Украины, любят останавливаться на берегу богатого рыбой озера и коротать ночи у костра. А во время войны вблизи деревни Холюны была фашистская застава. Студеной февральской ночью партизаны 2-й Особой бригады разгромили это осиное гнездо. Но к весне фашисты восстановили мост и усилили его охрану.

Совершив тридцатикилометровый бросок, мы появились недалеко от этого шоссе. Было это в ночь на десятое октября. Под ее покровом бойцы нашего отряда подобрались к самому шоссе, а подрывники Тяпина затаились на берегу Великой. В засаде сидели до шести утра. Страшно продрогли. Но движения ночью не было. Зато когда занялся мутный рассвет, показалась колонна машин. По огням фар определили: движутся шесть грузовиков.

— К Ленинграду идут, — прошептал Калинин.

— Почему же молчит Виноградов? — тревожно спросил боец, лежавший слева от меня.

Но пулеметчик Николай Виноградов твердо помнил наказ командира — открывать огонь с предельно близкой дистанции. И он ударил тогда, когда мы уже явственно различали фигуры гитлеровцев. Было их много, сидели они плотной массой.

Услышав пулеметную дробь, фашисты начали быстро соскакивать с грузовиков в противоположную сторону от пулеметного огня. Но и оттуда, из-за сосны, протянулась огненная строка. Это «заговорил» Соколов, второй пулеметчик отряда. Мы выбежали на шоссе и стали бросать гранаты. Схватка была короткой. Пять машин загорелись. Шестой грузовик развернулся и помчался обратно.

— Уйдут проклятые!

Но уйти оккупантам не удалось. На шоссе раздался взрыв, и машина перевернулась. Этот «сюрприз» устроил фашистам подорывник Дивин. Смелчак пробрался вперед от нашей засады и засел под небольшим мостиком в канаве. Когда грузовики прогрохотали над его головой, он вылез и поставил на шоссе мину.

Разгром был полный. Вскоре мы увидели пламя над Великой. Это бойцы из отряда Тяпина подожгли мост.

НЕПОКОРЕННЫЕ

В конце октября партизанский корпус был реорганизован. Подпольные райкомы партии вместе с бригадами перешли в закрепленные за ними районы. Решением бюро Пустошкинского райкома дислокация нашей бригады была определена на стыке Невельского, Пустошкинского и Идрицкого районов нынешней Псковской области.

Еще до начала рейда нам удалось связаться с людьми, которые в тяжелейших условиях оккупации вели антифашистскую работу. Помнится, как в деревне Авинищи я впервые разговаривал с молодой беспартийной учительницей Шарепю.

— Командованию партизанской бригады, — сказал я, — известно, что вы не изменили долгу советского учителя. И вот райком партии...

Шарепю посмотрела на меня удивленно и радостно воскликнула:

— Райком партии!

— Да, райком, — продолжал я, — просит вас размножить вот эти сводки Совинформбюро. Но, конечно, нужно много, очень много экземпляров.

— Сколько скажете, столько и сделаем, — поспешила заверить Шарепю и уже с гордостью добавила: — Ведь я не одна.

Екатерина Кузьминична Шарепю и ее помощники вскоре стали нашей первой цепочкой агентурной связи, которая протянулась от партизанской бригады к городу Пустошка. Второй группой подпольщиков руководила Ксения Николаевна Троценкова, жена командира Красной Армии. Она уже дважды организовывала раздачу листовок подпольного райкома в... церкви деревни Неведро. А однажды там же после богослужения были зачитаны последние сводки о положении на фронтах.

В деревне Ерастовка Невельского района старостой был пожи-

лой крестьянин Михаил Сергиенков, активно помогавший партизанам. В одну из первых с ним встреч мы с Ермоченковым заинтересовались, есть ли в деревне кто-либо из сельской интеллигенции.

— Живет одна молоденькая учителька, — ответил Сергиенков, — отчаянная, за линию фронта ходила. Фашистов ненавидит, так и норовит им вред причинить. Да только... — замылся рассказчик.

— Что только?

— Может, и не подойдет она для вас. В тридцать седьмом ее отца арестовали.

Мы переглянулись с Семеном Ивановичем и, поняв друг друга, выпалили разом:

— Дочь за отца не отвечает.

До войны такая фраза часто бывала в ходу, но нередко, к сожалению, оставалась только фразой. Мы, конечно, не знали тогда, что отец Лены Подрезовой был осужден невинно, но сразу поверили в характеристику, данную девушке Сергиенковым. И не ошиблись. Елена Александровна Подрезова много и хорошо помогала нам, а потом стала отважной разведчицей отряда.

Разнузданная фашистская пропаганда на оккупированной территории была направлена на то, чтобы сломить волю советских людей к сопротивлению, морально разоружить их, сделать бессловесными рабами. Этой цели служила и политика заигрывания на первых порах оккупационных властей с населением деревень, расположенных на важнейших коммуникациях. Фашисты в таких местах или сметали селения с лица земли или делали жителям подачки. И кое-кто клевал на эту удочку. В связи с этим вспоминается такой случай.

В деревне Ерастовка мы решили создать продовольственную базу. Приехав туда, стали подыскивать помещение для штаба отряда. Приглянулся нам дом на горе: хоромы просторные — значит, хозяев стеснять не будем, да и обзор местности вокруг отличный. Но староста аж чертыхнулся, когда мы сказали ему о своем выборе.

— Да знаете, кто хозяин этого дома? — спросил он, зло сплюнув.

— Нет, не знаем.

— Так ведь тут же Федька Комоедов обитает, тот самый наш единоличник, который немцев с иконой встречал.

И все же мы поселились в доме на горе. Вечером того же дня провели собрание. Впервые за год оккупации люди слышали

подробный рассказ о том, что делается в стране, как куется победа в далекой Сибири и в Средней Азии, в Москве, отбившей натиск врага, и в осажденном Ленинграде. Слушали нас жадно. Здесь же крестьяне стали говорить о том, чем могут они помочь всенародной борьбе.

На собрании присутствовала жена Федора Комоедова. Вернувшись домой, она с вызовом сказала:

— А немцы не всех расстреливают. В нашей деревне лишь коммуниста убили, а небогатым, вроде нас, даже коров раздали.

— А они вам буренушку специально, что ли, из Германии привезли? — съязвил Буканов.

— Да нет, — промямлила хозяйка.

— Вот то-то, что нет, — подхватил сердито Александров, — колхоз ограбили, а Комоедова краденым за усердие одарили. Хороши благодетели!

— Ну что же, поживем — увидим, чья правда.

Горем обернулась для хозяйки эта правда. В конце января сорок третьего года в наше отсутствие в Ерастовку нагрянули гитлеровцы. Предупрежденные нашим бойцом, жители заранее укрылись в лесу. Ушла со всеми и семья Комоедова. Сам же он остался. Посмеиваясь, говорил:

— Я человек нейтральный, верующий, власть уважаю.

Фашисты оцепили деревню, придравшись к чему-то, расстреляли Комоедова и еще несколько «нейтральных» человек.

Таких, как Федор Комоедов, были единицы. Сотни людей активно помогали нам. С их помощью мы учили местное население от пассивного протеста переходить к вооруженной борьбе. Члены райкома, коммунисты-партизаны проводили в деревнях собрания, митинги, распространяли антифашистскую литературу.

В Ерастовке у нас действовал целый «взвод писарей», как шутили называли мы группу Подрезовой. Лена, ее сестра Тамара, Женя и Лиза Сергиенковы, Оля Комоедова и Тоня Князева размножали наши листовки сотнями. Когда же зимой в бригаду из-за линии фронта пришла с походной типографией Александра Афанасьева, дело пошло совсем хорошо. Активная массовая работа укрепляла наше положение. Если вначале члены райкома в некоторые деревни заходили с опаской, то глубокой осенью и зимой нас везде встречали, как родных. Находились проводники, связные, нас снабжали провиантом и даже оружием.

Однажды проводил я собрание в лесной деревушке Лешни, посвященное сбору средств в фонд обороны. Все присутствующие вносили в фонд обороны свои сбережения. После собрания старик

колхозник Петр Хачков заговорщически подмигнул мне и, улыбаясь, сказал:

— А для нашего райкома у меня еще подарочек имеется. Особый.

И действительно, подарок был особый. Старик патриот вручил мне ручной пулемет, снайперскую винтовку и два ящика патронов.

Кто-то донес в гестапо, что у Хачкова было оружие, подобранное во время отступления наших войск. Гитлеровцы трижды арестовывали старика, били, но не вырвали признания. В деревне же никто не подтвердил обвинения.

У Хачкова, как говорится, была легкая рука. Такие подарки мы стали получать и в других деревнях. На собрании в деревне Сухобоки к столу подошла молоденькая колхозница Катя Козырева и положила передо мной узелок. В нем были патроны. А из деревни Якимово подарок пришлось увозить на лошадях. Мы получили двадцать винтовок и около тысячи мин к нашему миномету.

Однажды Буканов привел ко мне подростка лет тринадцати-четырнадцати.

— Вот, Яков Васильевич, полюбуйтесь на этого героя. Партизаном хочет стать. Не уйду, говорит, и баста.

— Как зовут тебя? — строго спросил я парнишку.

— Лешкой.

— А кто ты?

— Пионер я.

Ответ смутил меня. И уже мягче я стал говорить пареньку, что не дело в таком возрасте воевать, что и оружия у нас не хватает, если все школьники в партизаны пойдут.

— А какого оружия у вас не хватает? — озорно блеснул глазами Лешка.

— Взрывчатки мало, — не замечая подвоха, ответил я.

— Так я приволок на санках мешок с толом. Пуда два, а то и больше будет.

Пришлось уступить. Уж очень веский довод был у Лешки Паршенкова. Вскоре вся семья патриотов Паршенковых — семь человек — вступила в наш отряд.

В первый день нового, сорок третьего года до нас дошла радостная весть — советские войска разгромили гитлеровцев на берегах Ловати. Над многострадальным городом Великие Луки вновь взвился красный флаг. У членов райкома возникла мысль рассказать об этом событии на собрании молодежи тридцати дере-

вень, которое готовили наши комсомольские активисты. С этим предложением я немедленно поехал в штаб бригады.

— А что, мысль дельная, — поддержал меня Андрей Андрианович Александров.

Однако Ермоченко и Рыддин согласились не сразу. Они понимали, что, узнав о таком сборе, гитлеровцы не замедлили бы бросить в деревню крупные силы. Быть может, даже авиацию. Нужно было продумать и систему оповещения, и организацию охраны. За собрание горячо высказалась Нина Салазко, инструктор обкома комсомола по работе среди молодежи в оккупированных районах.

— Нет! Нет! Какие бы опасения ни возникали, — доказывала она комбригу, — митинг необходим. Ведь на таком собрании мно-

гие парни и девчата вновь себя советскими почувствуют. А наших ребят увидят — руки сами к оружию потянутся.

Решили собрание не откладывать. Юношам и девушкам были посланы специальные приглашительные билеты. Их почью разнесли партизаны-комсомольцы и десятки добровольных помощников из деревни Морозово, куда на собрание приглашалась молодежь.

В ночь на третье января мы выехали в Морозово. Проверили посты. По предложению комбрига Рыддина командир отряда направил группы разведчиков в сторону поселков Тимоново и Шалахово, где размещались фашистские гарнизоны.

Раньше обычного проснулась в тот день деревня. У здания клуба в ожидании гостей уже толпились молодые партизаны. Царило радостное волнение. В центре внимания был байнист Сидоров, парень из-под Ленинграда. Нина Салазко в чем-то его

горячо убеждала. Рядом, перебрасываясь шутками, стояли ветераны бригады Таня Прохорова, Клава Бахенская, Наташа Шарова, Валя Карасева и другие. Самому старшему ветерану — медицинской сестре Юлии Новоселовой, нашему «главврачу», как называли ее любовно бойцы, едва минуло двадцать лет. А самой молодой в группе ветеранов была семнадцатилетняя Лидочка Благодарова.

— Едут! — раздался радостный голос Салазко.

На пригорке показалось несколько подвод. На санках сидели парни в полушубках и девушки, закутанные в платки. Приехавшие были из самых дальних деревень. Подзамерзли порядком. Не успели мы познакомиться с ними, как появились новые подводы. На них почему-то рядом с юношами сидели и их родители. Оказывается, в одной из деревень кто-то сказал, что ребят будут отправлять в советский тыл, вот матери и отцы решили их проводить до пункта сбора.

К двенадцати часам дня клуб был переполнен. На собрание кроме наших бойцов пришло и приехало свыше двухсотпятидесяти человек, больше, чем было разослано приглашений. Лавок не хватало, и многие расселись на подоконниках, а то и просто на полу.

Кратким вступительным словом Александров открыл собрание. Затем выступил я с докладом на тему «Наступление Красной Армии и задачи молодежи оккупированных районов». Нина Салазко зачитала обращение обкома ВЛКСМ. Были и выступления с мест. Горячо, страстно говорила Лена Подрезова:

— Вот уже третий день слышим по утрам гром. А ведь сейчас не май, а январь, студеный, морозный. Утренний гром — это голос нашей армии, голос наших братьев. Это призыв к нашей совести, чести...

Девушка звала все силы отдать на помощь фронту, идти в партизаны, на каждом шагу вредить оккупантам. Слушая взволнованную речь Лены, я смотрел в зал и видел сотни горящих глаз, покрасневшие лица.

Кончилось собрание. Заиграл баянист, и все запели «Катюшу».

Когда с группой бойцов я вышел во двор, на землю уже спустились сумерки. Настроение у всех было приподнятое. У крыльца покосившейся избы стоял старик, сворачивая большую сигарку самосада. Я подошел к нему, чиркнул спичку, спросил:

— Ну как, отец?

Старик затянулся, задымил и тихо, отвечая больше не мне, а своим затаенным мыслям, сказал:

— Как в доброе, довоенное время, секретарь, и речи, и песня, и пляска.

Многолюдное открытое собрание молодежи имело большой отзвук в районе. Оно окрылило людей, подняло авторитет бригады. Многие из его участников стали партизанами.

Собрание вызвало большой переполох в стане врага. Шеф тайной полиции капитан Вагнер и начальник городской полиции в Пустошке Шумский с ног сбились в поисках организаторов собрания и их помощников в городе, но так и не нашли.

А помощники у подпольного райкома в Пустошке в то время уже были. В конце сорок второго года в Пустошкинскую городскую больницу пришла жительница деревни Житниково Анна Артеменкова. Побывав на приеме у врача — бывшего окруженца Степана Ивановича Жевтыка, она передала ему письмо от штаба партизанского отряда «Народный мститель», в котором предлагалось сотрудничать с партизанами. Жевтык согласился. Вскоре он создал в городе подпольную группу, которая снабжала бригаду медикаментами. Члены этой группы спасли многих людей от отправки в Германию.

Установили мы связь и с замечательным советским патриотом — железнодорожником Андреем Семеновичем Портновым. От него мы получали ценные сведения. Позже, когда штаб фронта потребовал от партизан парализовать железнодорожную магистраль Новосокольники—Себеж, Портнов организовал крушение двух воинских эшелонов: одного с живой силой врага, а другого с боеприпасами. Фашисты потеряли тогда сотни своих солдат и долго восстанавливали пути на перегоне Пустошка—Идрица. Портнов был схвачен гестаповцами и расстрелян.

К сожалению, и до сих пор мы не можем узнать имена двух девушек-комсомолок, наших верных друзей в оккупационном аппарате гитлеровцев. Много ценных сведений сообщили они нам, а однажды прислали даже копию секретной инструкции фашистского командования по борьбе с партизанами. Неизвестные патриотки работали одна в городской управе, вторая — в комендатуре.

В Линецком лесничестве старшим лесничим работал Иван Малафеевич Жгуи. Служебное положение позволяло ему знать кое-какие секреты, тем более, что он часто бывал в Пустошке. Вместе с лесником Леоном Степановичем Барановым они не раз предупреждали партизан о готовившихся карательных экспедициях, о мобилизации населения на те или иные работы. В январе сорок третьего года они своевременно сообщили о том, что гитле-

ровцы решили отобрать у населения Шалаховского, Денисовского и Тимоновского сельсоветов скот и лошадей. Получив это сообщение, райком партии во всех деревнях провел короткие собрания и призвал население не отдавать скот врагу. Лошади были переданы партизанам.

С каждым днем ширилась подпольная борьба против немецко-фашистских захватчиков. Удачно провела несколько диверсий группа подпольщиков из деревни Сергейцево, которую возглавлял учитель Егор Прохорович Пузыня. Не ограничивался распространением листовок и комсомолец Иван Киселев из деревни Луни. Вместе с товарищами он сжег два моста на дороге Пустошка—Шалахово.

Занимаясь политико-массовой работой среди населения, создавая новые подпольные очаги сопротивления оккупантам, мы не забывали и о боевой деятельности. Наши отряды подорвали сорок четыре моста, разогнали шестнадцать волостных управ в Пустошкинском и Идрицком районах, уничтожили в засадах до двухсот гитлеровцев и полицаев. Фашистские подразделения, размещенные в крупных селах, боялись вступать с нами в открытые бои. В поселке Тимоново на большаке Шалахово—Пустошка находился гарнизон гитлеровцев — около двухсот солдат. Он очень мешал продвижению к Пустошке и к железной дороге наших диверсионных групп. Мы решили сделать разведку боем. И что же? Фашисты, едва завидели нас, оставили село, а полицаи разбежались. Мы уничтожили казарму и оборонительные укрепления оккупантов.

В конце января сорок третьего года наша бригада насчитывала в своих рядах свыше семисот бойцов. Мы прочно обосновались в районе. Успешны были и действия других бригад, которые в составе партизанского корпуса пришли к важнейшим коммуникациям фашистских армий «Север». Это не на шутку встревожило оккупантов. И они снарядили очень крупную карательную экспедицию. С двадцать шестого января началась полоса тяжелых боев. Мы отступали, маневрировали, прорывая кольцо окружения, уходили в другие районы, объединенными силами громили крупные гарнизоны гитлеровцев в населенных пунктах Могильно, Савкино, Нащекино. И всегда и везде мы чувствовали поддержку народа. С каждым новым днем эта поддержка становилась ощутимее, сильнее. Земля горела под ногами оккупантов.

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

Наш отряд под командованием Ивана Ивановича Грозного еще осенью сорок второго года хорошо «обжился» в районе озера Сево. В ближних деревнях Новоржевского района партизаны всегда принимали тепло и охотно, а деревню Сево мы считали родным домом. Озеро Сево служило нам аэродромом, сюда самолеты регулярно доставляли отряду взрывчатку и боеприпасы, отсюда забирали раненых.

Воевали мы неплохо и успели за несколько месяцев порядком насолить оккупантам. В середине января сорок третьего года они снарядили против нас крупную карательную экспедицию. К тому времени во всех соединениях группы армий «Север» были организованы ягдкоманды — подразделения числом до ста человек, занимавшиеся исключительно борьбой с партизанами.

Каратели двигались одновременно с юга, от Новоржева, и с востока, со стороны Сорокина и Ашева. На подступах к деревне Сево мы вынуждены были принять неравный бой. Потеряв многих товарищей, отошли на север.

Через несколько часов нас догнала дочь хозяйки дома, где я часто останавливался. Ей одной случайно удалось избежать кровавой расправы. Она видела, как один за другим упали, сраженные фашистскими пулями, все ее близкие. На руках у матери была прошита автоматной очередью и наша любимица — пятилетняя кудрявая Валюшка. Еще прошлым вечером при мигающем свете коптилки она, по-детски смешно коверкая слова, пела нам песни.

В начале февраля, уходя от карателей, мы соединились с отрядом А. П. Нестерова и перебравшись в деревни Славковского района — Палицы, Ровняк, Хазаново, расположенные совсем рядом. Я уже освоился с тем, что на Псковщине деревни как бы наседают друг на дружку. В первые месяцы для меня, начинавшего свой партизанский путь на Дальнем Востоке в девятнадцатом году, это было особенно непривычным...

Едва мы расположились на отдых, как был получен приказ Михаила Никитича Никитина создать на основе отрядов Грозного и Нестерова 5-ю партизанскую бригаду. Штаб назначал командиром бригады Константина Дионисьевича Карицкого, комиссаром — Ивана Ивановича Сергунина, начальником штаба — меня.

С Карицким мне знакомиться не пришлось. Партизанские тропы быстро сводят людей. Как-то минувшей осенью в строго-красненских лесах к отряду Грозного примкнул партизанский юношеский батальон. Им командовал лихой, волевой старший лейтенант Карицкий. Батальон был изрядно потрепан в боях, да и сам командир ранен.

Хотя по сравнению с моим двадцатилетним стажем армейский опыт Карицкого был не так уж велик, но зато это был опыт пограничника. Хороший пограничник, если надо, непременно будет отличным партизаном. А у Карицкого партизанская наблюдательность и находчивость были словно врожденные. К тому же Константин Дионисьевич, как все мы, а может быть, и больше других, перенял у опытного талантливого комбрига А. В. Германа главное в партизанской тактике: маневренность, подвижность, внезапный удар. «Нападали там, где нас не ждали, шли туда, где черту не пройти», — пелось в партизанской песне.

Двенадцатого февраля мы получили приказ штаба, а на следующее утро преследовавшие нас по пятам каратели перешли в наступление. Для нас этот день значил очень много: бригада принимала первый бой. Между тем фашисты, не подозревая о том, что наши силы умножились, открыли, как обычно, беспорядочный пулеметный и минометный обстрел, затем пошли в атаку. Мы заняли окопы, вырытые на высотках у Ровняка, и, близко подпустив гитлеровцев, открыли огонь из автоматов и пулеметов. Каратели повернули назад. Наши ребята поднялись в атаку и погнали фашистов...

На некоторое время с карателями было покончено. В первых числах марта на озере Черноезеро мы приняли ночью большой парашютный десант. Наша бригада пополнилась сразу двумя отрядами — Чебыкина и Иванова. А так как старый отряд Грозного успел удвоиться, из него выделили еще один отряд под командой Андреева. Таким образом, 5-я бригада состояла уже из пяти отрядов, имела свою разведку и санчасть. Формирование бригады закончилось.

Вскоре стало ясно, что мы спешили с этим не зря. Семнадцатого марта в деревнях Станки, Якуни, Поддубье наши передовые отряды отбили первые атаки карателей. Фашисты обложили нас

с юга и юго-запада. А на севере, в каких-нибудь восьми километрах от нас, не выходила из боев бригада Германа. На востоке каратели ударили по 2-й партизанской бригаде. На протяжении пяти дней фашисты планомерно наступали на все бригады. Замысел противника был донельзя прост: зажать партизан в кольцо или, на худой случай, в полукольцо. Гитлеровцы на опыте знали, что вытеснить партизан с занимаемых позиций — еще не значит одержать победу. Поэтому они признавали только одно средство в борьбе с нами — окружение.

Вскоре мы оказались зажатыми с трех сторон — с севера, запада и юго-запада. Фашисты оставили нам только один выход — на юго-восток, в направлении Ашева. Видимо, им представлялось удобным спокойно добивать нас в тех болотистых, безлесных местах.

Командиры трех партизанских бригад собрались на короткое совещание. Поскольку иного пути из окружения не было, решили, оставив коней и транспорт, пробиваться на юго-восток. Впереди должна была идти 3-я бригада, за ней — 2-я. Замыкать предстояло нам. Порядок выхода был установлен самым что ни на есть демократическим путем: А. В. Герман вытащил самую длинную спичку, А. Н. Рачкову, комбригу 2-й бригады, досталась спичка покорооче. Константину Дионисьевичу «повезло» — он вытянул спичку с коротким концом. Если бы гитлеровцы устроили погоню, нашей бригаде пришлось бы прикрывать тыл.

Глубокой ночью, измученные неделями непрерывных боев, голодные и почти безоружные, — у нас были на исходе боеприпасы, — мы вышли из уготованной нам западни, обогнули Чернозерье и повернули на юг. Весна выдалась ранняя, под ногами растекалась грязь. В ту ночь любой удар мог для нас оказаться последним. Но все обошлось. Каждая бригада ушла по своему маршруту.

Мы отсиделись день в лесочке и на следующую ночь, вновь изменив направление, двинулись дальше, теперь уже на северо-восток. Нам непременно нужно было отдохнуть и накормить людей. Без особого труда удалось выбить мелкие немецкие гарнизоны из Заречья, Расстанной, Каруева.

А наутро разведчики доложили: от Ашева по шоссе движется большая колонна фашистов. У нас на каждого бойца остался десяток патронов. Я приказал продолжать наблюдение. Развернувшись, колонна растянулась по деревням Ольховка, Соловьевка, Рюменца — прямо против наших позиций. Не прошло и часа, как впереди послышались длинные автоматные очереди. Каратели атако-

вали отряды Чебыкина и Иванова. Выигрывая время, мы подпускали врагов вплотную, открывали прицельный огонь и снова отходили. И так семь или восемь раз в течение одного дня.

Но вот пришел момент, когда отступать стало некуда. Противник прижал нас к реке Сороть, с которой у меня были свои старые счеты: здесь я получил контузию. Но теперь Сороть выглядела гораздо страшнее. Она широко разлилась, затопила болотистую низину. Лишь кое-где виднелись крошечные островки. А по ту сторону реки все сильнее пламенело зарево: там стойко бились с карателями калининские партизаны.

Мы с тревогой следили, как солнце медленно скрывается за горизонт. На помощь надежды нет. Карицкий, Сергунин и я объезжаем наши отряды, чтобы отдать последние распоряжения.

— Назад — ни шагу! Если двигаться дальше — все равно утонем в болоте, и гитлеровцы перестреляют нас, как куропаток. Значит, надо до последнего дыхания драться на этом рубеже.

Но... неожиданно, как только солнце село за дальней горюшкой, выстрелы без всякой видимой причины стали вдруг стихать.

Тимофей Антипович НОВИКОВ — кадровый военный. Родился в забайкальском селе Кондуй в 1903 году. Шестнадцати лет ушел на фронт. В конном партизанском полку Черепанова сражался против банд атамана Семенова.

Двадцать лет своей жизни отдал Тимофей Антипович армии: командовал взводом, ротой, батальоном, полком.

В тяжелом бою в районе Пушкинских Гор в середине июля 1941 года майор Новиков был ранен и контужен. Несколько месяцев его укрывали советские патриотки — сестры Федоровы.

Выздоровев, Новиков стал партизаном. Вначале командовал группой, затем ротой. Долгое время был начальником штаба 5-й Ленинградской партизанской бригады. В конце 1943 года принял под свое начало только что сформированную 10-ю бригаду.

Сейчас Т. А. Новиков на пенсии, живет в Ленинграде.

Мы ждали атаки, но вместо нее наступила полная тишина. Бой прекратился — каратели ужинали. Нас спасла немецкая педантичность.

В те напряженные минуты у нас быстро созрел план. Мы решили немедленно форсировать Сороть, потом отойти вверх по течению и, переправясь вторично, незаметно залечь во фланге гитлеровцев. Это был бы тяжелый переход даже для хорошо отдохнувших людей, а наши партизаны едва держались на ногах. И все же еще до наступления утра бригада очутилась в редкой березовой роще, под самым носом у карателей. Оттуда мы хорошо видели, как они бегают вдоль берега, слышали их гортанные крики. Если бы мы не были бы так измотаны, если бы у нас оставались патроны... Трудно придумать более подходящую обстановку для внезапного нападения.

Каратели в поисках исчезнувших партизан так и не осмелились со своей артиллерией переправиться через Сороть. Построившись в колонну, они повернули назад... А мы наконец получили возможность отойти в леса и через два дня принять с самолетов боеприпасы, одежду и продукты.

До поры до времени командование бригады воздерживалось от массового приема местных жителей в партизаны. Бригада была еще слишком невелика и слишком молода, мы не имели права рисковать ее боеспособностью. Однажды от меня здорово досталось нашему новому командиру отряда Володе Егорову (впоследствии он стал полковым командиром — было ему тогда всего двадцать лет). По неопытности Володя чуть ли не в один день зачислил в свой отряд тридцать человек. Тогда это, несомненно, было ошибкой. Нам предстояли тяжелые испытания. Бригада могла расти и крепнуть только за счет хорошо проверенных людей, для которых путь в партизаны не был простой случайностью.

На всю жизнь запомнилось мне одно ЧП в нашей бригаде. Ушел на задание командир роты и не вернулся. Мы узнали, что он пьет и гуляет по деревням, без зазрения совести грабит население. Словом, ударился наш партизан в махновщину. Церемониться не приходилось. Мародер был арестован и приговорен к смерти. Приговор привели в исполнение на глазах у крестьян деревни Кневец...

Фашисты, взбешенные неуловимостью партизан, совсем озверели. Они начисто выжигали деревни, в которых побывали партизаны. В Палицах изверги согнали всех жителей от мала до велика в колхозный сарай, заперли их и заживо сожгли. В Ров-

няка расстреляли мужчин, на месте домов и построек оставили груды развалин и пепла.

Геббельсовская пропаганда трубила, что партизанское движение якобы «не предусмотрено международным правом и противоречит правилам ведения войны». Штаб по борьбе с партизанами напоминал солдатам третьего рейха: «Нужно неустанно разъяснять населению, что немецкие войска ведут борьбу с партизанами исключительно в интересах безопасности населения». Гитлеровцы прилагали немало усилий к тому, чтобы наладить в своих тылах пятую колонну.

На нас, партизан, легла большая ответственность: не только защищать жизнь и имущество людей, но и спасти от растления человеческие души. И делать это приходилось на каждом шагу.

Как-то зашли мы на ночь в одну деревню, а там в разгаре гулянье: справляют свадьбу. В хате веселятся молодые парни и девушки. Подсел я к ним, вынул из кармана потрепанную, зачитанную до дыр книжечку Бориса Горбатова «О жизни и смерти». Все мы тогда знали ее почти наизусть. Ребята притихли, слушают... Прочел несколько страниц и спрашиваю:

— Ну, а что вы скажете людям, когда мы победим?

Молчат, боятся в глаза посмотреть. Плюнул я в сердцах и вышел во двор. Через несколько минут слышу за спиной осторожные шаги. Подходит ко мне один из парней:

— Товарищ командир, возьмите меня с собой. А чтобы семья не пострадала, вы меня лучше «арестуйте».

А за ним и еще тени с крыльца метнулись:

— И мы в партизаны пойдём. Только прикажите нас для видимости «арестовать».

Так мы и «арестовали» в той деревне восьмерых ребят. Настоящих бойцов из них воспитали...

В конце апреля сорок третьего года Ленинградский штаб партизанского движения приказал вывести бригаду на север в Уторгошский и Стругокрасненский районы. Там находились важнейшие коммуникации врага — железные дороги, которые питали немецкие войска, блокировавшие Ленинград, удобные шоссе, соединявшие Псков с Ленинградом и Уторгош с Лугой. Мы выступили после недолгих сборов. Предстояло выбрать место для перехода железнодорожной линии Псков—Порхов.

Наши разведчики, высланные вперед к железной дороге, вернулись с тяжелым известием. Несколько дней назад каратели выследили у Никандровой Пустыни 2-ю бригаду и крепко потрепали ее. Теперь намеченный и тщательно разработанный маршрут

был для нас закрыт. Мы попытались перейти линию у станции Карамышево. Но и тут нас ждала засада. Тогда отряды вернулись в лес, а на другой день выбили полицейские команды из Тешкова и двух-трех ближних деревень. Штаб разместился в центральной деревне — Тешково. К двум часам сюда начали стягиваться силы противника. Завязалась перестрелка. А через несколько часов с наблюдательного пункта доложили: по шоссе с Касыгиной Горки спускается не меньше двадцати пяти машин. Гитлеровцы спешили. А в штаб тем временем прибежал еще один наблюдатель:

— На шоссе — новая колонна. Насчитал семьдесят пять машин, а конца все не видно...

Позже выяснилось, что для разгрома нашей бригады были подняты по тревоге части дивизии, отдыхавшей в районе Лютых Болот. До вечера бригада отходила на юг, к болоту, поросшему мелким кустарником. Фашисты провожали нас минометным огнем до тех пор, пока мы не скрылись в лесу.

А девять дней спустя, шестнадцатого мая, бросив в лесу обоз и всех лошадей, штаб бригады с тремя отрядами успешно форсировал реку Череха западнее Карамышева, у разъезда Кебы. Отряды под командованием Нестерова и Андреева остались, чтобы отвлечь карателей от основных сил бригады. Впоследствии отряд Нестерова был рассеян врагами, а Андреева перевели в 4-ю бригаду.

Наскоро освоившись в новых владениях, мы начали действовать небольшими группами. Взрывали склады, устраивали диверсии на железных и шоссейных дорогах, налеты на немецкие обозы, расправлялись с предателями... И тогда гитлеровцы сняли с фронта полевые войска и снова снарядили против нашей бригады сильную экспедицию. Каратели позанимали все большие и малые деревеньки в округе, прочесывали леса. Десять или двенадцать дней мы укрывались на безлюдном островке, затерянном среди сплошных болот. Была пора белых ночей, принимать самолеты не было никакой возможности. Мы ту же затянули пояса. Безымянный островок назвали Голодаем...

Обычно, когда все были на заданиях, со штабом оставался отряд Чебыкина: штабным всегда назначают лучший отряд. Впрочем, наш Сергей Никитич оказался не из усидчивых. Так и в тот раз, в середине июня, решительно сдвинув брови, он сказал Константину Дионисевичу:

— Товарищ комбриг, люди на боевые дела просятся...

Пришлось отпустить отряд. Для охраны штаба, санчасти и

группы связи выделили одну роту. Всего нас осталось шестьдесят человек, считая и раненых. С продуктами по-прежнему было плохо. Решили продвигаться от Малого Уторгоша на запад. Своих «заготовителей» послали в деревню Похонь, прямо к старосте, который усердно служил фашистам. Староста заблаговременно удрал, а наши товарищи привели от него «в подарок» корову. На опушке леса корову забили и уже развели было костры, как вдруг разведчики доложили: из деревни в нашу сторону выходит немецкая колонна. Второпях набив сырым мясом свои мешки, мы приготовились к бою. Первую атаку удалось отбить, затем, цепляясь за каждый рубез, стали отходить. Постепенно углубились в заболоченный лес. Не имея возможности развернуться по фронту, каратели то и дело сбивались в колонну. Это пришлось нам на руку, но все же силы были слишком неравные. К вечеру гитлеровцы загнали нас в угол, где сходились Псковское шоссе и дорога от Николаева на Уторгош. Положение становилось безвыходным.

И снова, как три месяца назад на реке Сороть, с последними лучами солнца стрельба начала затихать. Рассудив, что партизанам скрыться некуда, каратели выбрались из лесу и расположились на ночлег в деревнях Чадковицы и Малые Лъзи.

Может быть, именно сходность ситуации напомнила нам о хитрости, которая нас выручила на Сороти. И вот старыми троп-

ками, осторожно переставляя ноги по мокрой траве, пятясь, чтобы не выдать противнику след, мы бесшумно вернулись назад, к вражескому лагерю. Выбрали место посуше и залегли.

Наутро из опустевшей ловушки донеслись звуки канонады. Застрочили пулеметы. Гитлеровцы прочесали лес, но никого там не нашли...

Прошло ровно два месяца с тех пор, как бригада вышла на север. Ленинградский штаб партизанского движения предложил перейти от одиночных диверсий на железных дорогах к планомерной рельсовой войне. Участки Варшавской и Витебской линий были закреплены за отрядами и боевыми группами. Каждый партизан обязан был произвести от двух до четырех взрывов.

Нам заранее доставили все необходимое. Тол оказался в удобной расфасовке по сто и по двести граммов. Заложишь на стыке рельсов стограммовый заряд, — двух рельсов как не бывало. Заложишь двухсотграммовый, — взрывом разворотит и соседние рельсы. Чтобы наскоро залатать разрушенные пути, гитлеровцы снимали рельсы с побочных веток. Но следующей ночью взрывались новые участки. Рельсов не хватало. Поезда стали ходить нерегулярно, снаряды и оружие поступали в немецкие окопы под Ленинградом с большими перебоями.

К этому времени 5-я бригада была уже совсем не той, что прежде. В начале сентября бывшие отряды преобразовались в полки. Командирами полков стали Чебыкин, Тараканов, Егоров и Скородумов. Отряд майора Скородумова был переброшен в бригаду из Хвойной самолетами. У каждого полка — своя зона действий...

Восьмого сентября по всем районам области объявили приказ об обязательной, поголовной эвакуации советских людей в Германию. В планах немецкого командования ленинградская земля уже превратилась в выжженную пустыню.

Но на защиту населения вышли из лесов отряды партизан. Начался знаменитый осенний рейд бригады. Объединенными силами четырех полков мы выбили немецкие гарнизоны и полицейские команды из деревень Уторгошского, Стругокрасненского, Лужского, Плюсского, Батецкого и Солецкого районов, ликвидировали волостные управления и создали в районах чрезвычайные тройки. Нашей первой заботой было спасти людей от угона в рабство. Рейд бригады открыл населению дорогу в леса.

Тройки энергично взялись за устройство лесных лагерей. В самое короткое время были подготовлены и отеплены землянки, стойла для скота, бани. Хлеб и другие продукты заложили в ямы и замаскировали. Лагеря охранялись местными партизанскими отрядами и группами самообороны. В случае карательных экспедиций население спешно эвакуировалось в лагеря другого района.

Все, кто только мог носить оружие, пришли в партизанские отряды. Никогда еще наше движение не знало такого размаха. Только в один день двенадцатого октября в бригаду влилось более

четырехсот человек. А к концу сорок третьего года 5-я партизанская выросла до пяти тысяч бойцов. Занимался пожар народного восстания...

Крысы бегут с тонущего корабля. В те дни к нам обращалось с повинной немало предателей. Но всякое ли преступление можно искупить, всякую ли вину смывает собственная кровь?

Однажды в избу, где я вел запись в партизанские отряды, пришел девятнадцатилетний парень из-под Киевца. Фашисты расстреляли его отца, а он из страха стал служить полицаем. И не просто служил, а выслуживался. Как-то подстрелил партизана и доставил на расправу в комендатуру. Сейчас он плакался, просился в отряд. Я поговорил с ним, посоветовался с Карицким. Решили его испытать. Послали на задание — сжечь склад врага в Видонях.

Только он отправился, входит ко мне связной:

— Там вас женщина спрашивает, а зайти, видно, стесняется.

Вышел, вижу — ходит под окнами пожилая крестьянка, а за ней по пятам рыжая собачонка бегаёт.

— Я, — говорит, — мать одного, который к вам подался. Много за ним числится грехов. Знаю, он кару свою заслужил. Когда расстреляете — укажите мне место. Захороню его...

Я хотел успокоить ее, объясняю, что сын на задании. Она выслушала меня, посмотрела строго, ничего не ответила. Так и ушла.

Но тут в штаб явилась делегация его односельчан. Вышел вперед седой старик без шапки:

— Что же вы делаете, товарищи командиры? Кому собираетесь оружие доверить? Кого защищаете?

Поняли мы: приговор народа окончательный и обжалованию не подлежит...

В начале ноября фашисты ринулись в последний натиск. За девять дней каратели сожгли в Уторгошском районе пятнадцать деревень. Против нас они бросили почти целую дивизию с танками, артиллерией, бронемашинами и минометами. В жестоких боях мы израсходовали почти все боеприпасы. Немцы наступали на Видони, а у нас в обозе было около сорока раненых. Нужно спрятать обоз, но как отвлечь внимание карателей? Пошли на хитрость. Я сочинил приказ, будто бы отданный нашим отрядам: обойти врага с севера. Датировал приказ завтрашним днем. Начертил и схему. А ночью наши разведчики «потеряли» эти бумажки возле лагеря карателей.

Теперь можно было спокойно отвести санчасть на запад, в деревню Ручьи. Блокировав все выходы из деревни, мы стали посте-

пенно подтягивать сюда основные силы. Наши действия прикрывал отряд, двигавшийся в направлении, о котором мы известили фашистов. Выполнив задание, отряд вернулся. Вернулся, потому что его отход прикрыл боец-пулеметчик, добровольно оставшийся на окраине Видоней. Это был поляк, пришедший в бригаду с отрядом Грозного. Товарищи собрали ему патроны, он расстрелял их до конца...

Следующей ночью с ближайшего лесного аэродрома отправляли самолеты с нашими ранеными. А вскоре товарищи проводили и меня. Я выезжал в поселок Павы — принимать командование 10-й бригадой.

Пожимаю протянутые руки. Жалко расставаться с бригадой, с боевыми друзьями. Вот стоит командир 2-го партизанского полка Александр Федорович Тараканов. Спокоен, рассудителен, прекрасный организатор. Он хороший минер, обучил своих людей подрывному делу и всегда сам участвовал в диверсиях на железных дорогах. Однажды в лесу Тараканов попал с отрядом в окружение. Тут бы, наверно, им и погибать, не догадайся командир выпустить из ракетницы несколько ракет. Вражеские самолеты были дезориентированы и принялись бомбить собственную пехоту.

А вон невысокий, коренастый Василий Петрович Петров, заместитель комбрига по материальному обеспечению.... Легко сказать, материальное обеспечение. Чтобы накормить партизанский лагерь, нужен особый талант и поразительное умение находить дорогу к сердцам самых разных людей. А у Петровича все выходило просто. Вопросы международного положения он как нельзя лучше связывал с временными трудностями, которые переживали партизаны. И глядишь, после очередной обстоятельной беседы выводит какая-нибудь старушка за ворота свою единственную корову и, торопливо крестя, напутствует:

— Ну, иди, иди, милая, послужи нашим заступникам...

Смотрю на часы. Надо торопиться. В последний раз стискиваю чьи-то шершавые, горячие ладони.

— Прощайте, хлопцы! После победы встретимся!

КРЫЛАТАЯ ПОМОЩЬ

В ноябре сорок второго года меня направили в 4-й отдельный авиаполк. Летчики этой части выполняли особые задания: обслуживали партизан, вели разведку, обеспечивали связь и лишь «в свободное от работы время» ходили на бомбометание.

— Можете выбирать себе любую эскадрилью, — сказал мне при знакомстве командир полка Николай Анатольевич Гриценко, рослый человек с вьющимися волосами, чуть посеребрёнными на висках. — Только учтите, в тяжелой транспортно-бомбардировочной — вакансий нет. Эскадрилья связи в немецкий тыл не летает, на бомбежку тоже. Санитарная возит раненых. Есть еще одна — третья. Летают на «кукурузниках», но задачи те же, что и у первой: партизаны, бомбометание.

Я не стал ждать вакансий: в конце концов, и третья тоже была боевой.

И вот первое серьезное задание. Нашей эскадрилье поручено перебросить в тыл партизанскую бригаду Лучина, которая, как я узнал много позже, готовилась для боевых действий на Варшавской дороге.

Мы выбрали для посадки озеро Черное, расположенное севернее Тигодских озер. Недалеко от них действовал немецкий светомаяк. Через определенные промежутки времени он посылал в ночь свои красные сигналы, по которым ориентировались не только гитлеровские летчики, но и мы. Этим и объяснялась долгая жизнь маяка.

Начальник штаба Дмитрий Дмитриевич Лобанов позвонил к нам в землянку и сказал:

— Машина придет в шестнадцать ноль-ноль. Будьте готовы.

Я расчертил на столе свою полетную карту, снял смазку с автомата, закинул в боковой карман пакет с ракетами, оделся. Вскоре подошла полупанк, на которой мы и отправились на командный пункт.

Этим вечером я впервые близко увидел партизан. Жили они

в деревне отдельно от нас, держались особняком. Начальник партизанской базы Власов подвел ко мне двух парней, одетых в полушубки. За спинами их виднелись рюкзаки и автоматы, на ремнях в брезентовых чехлах висели диски и ножи. Я проверил, хорошо ли пригнана на них амуниция, и спросил:

— И не страшно?

— Дело привычное, — ответил один из них, широко улыбаясь. Немало довелось мне возить партизан через линию фронта, и я всякий раз с удивлением отмечал про себя, как бесстрашно идут они на опасное дело.

Около семи вечера ушли самолеты Павла Ивановича Борсова и Николая Васильевича Алексеева, — командиры звеньев у нас всегда стартовали первыми. Вскоре пришла и наша очередь. Над линией фронта в нас немного постреляли, а потом машина утонула в черной, молчаливой мгле. Я летел низко — метрах в шестистах—семистах над лесом. Монотонно, успокаивающе, будто жучок, гудел мотор.

Летел и думал о том, что где-то там, за линией фронта, ждет уже нас на замерзшем озере Иван Черкашин. Он всегда летел с первым самолетом, но уже не пилотом, а стартером.

...Случилось так, что отличный летчик Иван Черкашин потерял ориентировку в воздухе, проскочил аэродром и перелетел Волхов — линию фронта. Нарушений дисциплины у нас не терпели, и Ивана сурово наказали — отстранили от полетов. Трудно придумать более тяжкое наказание для настоящего летчика!

Но Черкашин был не из тех, кто сдается. Вот и пошел он стартером. Его, «вооружив» тремя фонарями «летучая мышь» и ракетницей, сбрасывали в район цели, и он разбивал старт: представлял в определенном порядке сигнальные фонари.

По сигналу Черкашина садился самолет, доставлявший его в тыл врага, а через пятнадцать минут начинали одна за другой садиться машины с партизанами и боеприпасами. Забегая вперед, скажу, что прыгать Ивану Черкашину пришлось на замерзшие озера целую зиму, но потом ему все же вернули машину. Он попал на Калининский фронт, дважды был награжден там. А позже получили мы трагическую весть: возвращаясь на своем беззащитном У-2 с задания, Черкашин, несмотря на отчаянные маневры, был расстрелян в воздухе «мессершмиттами» и сгорел вместе с самолетом...

Наконец подо мною среди темной массы леса забелело озеро. Я отвел ручку газа, потом потянул на себя, и мотор фыркнул. Это был условный сигнал. И в ту же секунду я увидел внизу две све-

тиющиеся точки, — с сигнальных фонарей на миг сняли маскировочные колпаки.

Я снизился, и вскоре машина уже мягко катилась по льду озера. Выпрыгнув из кабины, я помог вылезти своим пассажирам, и они, наскоро попрощавшись, сразу исчезли в лесу.

Две недели ночами перебрасывали мы партизан Лучина через линию фронта, а потом, когда задание было выполнено, вернулись к своим повседневным занятиям.

Наша эскадрилья квартировала километрах в семи-восьми от линии фронта. В тех хатах, которые еще не успели сгореть, располагались партизаны, а летчики жили в землянках, отрытых в свое время немцами. Командовал эскадрилей Сергей Николаевич Рыбаков — серьезный, молчаливый человек. Замечательные люди воевали под его началом. Вспоминаешь сейчас, в каких условиях и на чем летали, — только удивляешься.

Представьте себе фанерный У-2, единственная защита которого — покров ночи. Случись какая авария в воздухе, надеяться летчику, кроме своего умения, не на что: летали мы без парашютов.

Владимир Васильевич СИРОТИН — единственный из авторов, который в годы войны не числился в списках партизан. Он — крылатый друг партизанского войска, летчик, десятки раз летавший за линию фронта.

Родился Сиротин в 1919 году в Горьковской области в семье столяра. После окончания школы по путевке комсомола пошел в летное училище. До войны служил в Енисейской авиационной группе. В войне участвовал с 1942 года.

В послевоенные годы партизанский летчик закончил Высшее авиационное училище Гражданского воздушного флота. Затем долгое время был командиром отряда реактивных самолетов ТУ-104. Сейчас В. В. Сиротин живет в Ленинграде, работает заместителем начальника Северного управления аврофлота.

Поэтому-то до сих пор помню я разговор, который состоялся у меня с командиром полка Н. А. Гриценко сразу по прибытии в часть.

— Самолеты ломал? — спросил он меня.

— Пока не доводилось.

— Молодец. А на вынужденную садился?

— Нет.

— Вот это плохо.

Говоря «плохо», он имел в виду и неприятности, ожидавшие летчика при перелете линии фронта, и то, что в тылу врага самолеты приходилось почти всегда сажать на неизвестные поляны, и опыт «вынужденной» помогал в таких случаях тем, кто его имел.

В нашей землянке жили восемнадцать летчиков, многие из них дрались с врагом с первых дней войны.

Я сразу почувствовал симпатию к голубоглазому великану и весельчаку Николаю Алексееву. Все получалось у него легко и просто, как бы само собою, прибауткам его не было конца, даже когда собирался он на рискованное задание.

Помню, вызвали его однажды в штаб. Он вернулся оттуда как ни в чем не бывало, а ночью улетел за линию фронта. Вернулся Алексеев не один. И тут мы узнали историю его ночного рейда.

С оккупированной территории радиовали: гитлеровцы выследили крупного подпольного работника, кольцо стягивается, вывезти его можно только по воздуху. Местом встречи был назначен... немецкий аэродром, на территории которого разместилась к тому же комендатура. Под покровом ночи Николай Васильевич посадил машину, забрал подпольщика и радиста и улетел. Все произошло так быстро, что гитлеровцы не успели опомниться.

Этот веселый и мужественный человек и сейчас летает где-то на сибирских трассах.

Поначалу я был самым молодым летчиком в эскадрилье, и обитатели нашей землянки не жалели времени на мою «теоретическую» подготовку. Подсев со мною к карте, кто-нибудь из них объяснял, каким маршрутом безопаснее идти к той или иной цели, как ориентироваться. Особенно внимателен был ко мне Андрей Долголев, опытный летчик, вышедший невредимым из многих переделок.

Как-то отправился он к партизанам и исчез на неделю. «Что могло случиться с человеком? — гадали мы. — Неужели погиб?»

А на седьмые сутки доставили его в часть разведчики — худого, обросшего, измотанного, раненного в ногу...

Оказалось, что сел он за линией фронта на условную площадку — а там фашисты. Кинулись они к нему, когда вышел он из машины. А у Долголева только пистолет с собою. Андрей замахнулся им, будто гранатой. Гитлеровцы отпрянули, а летчик бросился к лесу. Вслед ему стегали очереди, а он бежал, пока не упал от изнеможения. Потом наткнулся в чаще на разведчиков, и те вывели его к нам.

С заданий возвращались не все, и таких по молчаливому уговору продолжали числить в отряде.

Была в нашей землянке койка Олега Хотина, и кто бы ни спал на ней, она всегда оставалась хотинской.

Однажды Олегу поручили доставить в штаб радиостанцию для связи с Большой землей. Воздушный коридор, по которому вел он свой беззащитный «кукурузник», был слишком узок и простреливался. Хотина смертельно ранило в живот. И все же он посадил машину в заданном районе. Люди, окружившие ее там, никак не могли понять, как удалось это сделать летчику, который был мертв.

Его похоронили в тех местах, где недавно красные следопыты нашли могилу бригадного комиссара Ивана Васильевича Зуева.

К началу лета сорок третьего года я уже был в эскадрилье «старичком», и мне стали поручать более трудные задания. В один из июньских дней, сменившись с суточного дежурства на командном пункте, я пришел в землянку переодеться: решил пойти в клуб. Здесь-то меня и нашел начальник штаба.

— Знаешь, земляк, — сказал он, — танцы, видно, придется отложить. Дело есть. Надо вывезти из тыла раненого партизанского комиссара Валобуева.

Лететь мы должны были вдвоем с Сергеем Гвоздевым — я дублером, на случай, если его собьют. Ночи стояли светлые, и один самолет мог, действительно, не долететь, а комиссар нуждался в срочной операции.

Меня радовало, что мы полетели с Сергеем. Я знал, что он никогда не оставит товарища в беде. Однажды, возвращаясь с задания, Сергей пролетал над поляной, на которую несколько дней тому назад высаживал партизан. С земли ему просигналили — требуется помощь, и он, не колеблясь, сел, хотя и знал, что возможна провокация. Гвоздев успел вовремя: партизаны вели бой, по пятам их преследовали каратели, и двое тяжелораненых связывали их по рукам и ногам. Этих бойцов он и вывез тогда на Большую землю.

Мы с Сергеем наметили кратчайший маршрут: озеро Замо-

шинское—озеро Вязицкое—изгиб реки Луги—цель. Посадить самолеты нам надо было на поляну, которая на карте была помечена болотцем ограниченных размеров. Топлива могло хватить только-только — так велико было расстояние.

Чтобы в белую ночь перелететь линию фронта незамеченными, нам нужно было набрать максимальную высоту. Мы договори-

лись, что будем набирать ее в течение двадцати минут. В заднюю кабину моего самолета загрузили мешки с какими-то гостинцами для партизан. Это было очень кстати, потому что посадочная площадка была сильно заболочена, и машина при посадке могла встать на нос или вообще перевернуться, если бы не было груза сзади.

Первым взлетел Сергей. Я поднялся вслед за ним и все время не терял его из виду. Машина у меня была старенькая. Я набрал предельную высоту за восемнадцать минут, а самолет Гвоздева сделал еще один вираж: его машина еще не исчерпала своих высотных возможностей. Я отчетливо видел его на фоне неба и, чтобы он увидел меня, моргнул ему огоньками. Сергей не заметил моего сигнала. Я уже хотел было дать ракету, но в этот момент появились фашистские бомбардировщики и стали бомбить аэродром.

Нельзя было терять ни минуты. И я пошел на цель первым. В сумерках белой ночи без происшествий пересек линию фронта и прошел над озерами. Впереди блеснул изгиб реки Луги — будто на мгновение луч света упал на синее стекло. Теперь мне предстояло пересечь железную дорогу в районе станции Люболяды.

Знай мы тогда оперативную обстановку, никогда не полетел бы я этим маршрутом. На станции разгружались эшелоны, шедшие к фронту, и гитлеровцы позаботились о том, чтобы сделать ее неуязвимой с воздуха.

Я уже думал, что все обойдется благополучно — с юго-запада надвигались тучи, как вдруг плоскости моей машины окрасились в бледно-сиреневый цвет. Самолет попал в вилку прожекторов. Каждую секунду огонь по направлению луча могли открыть зрликконы — скорострельные малокалиберные пушки. Быстро убрал газ и, толкнув ручку от себя, ввел машину в пике. Она шипела и свистела — настолько необычной была для нее скорость пикирования. Оказавшись метрах в восьмистах над землей, я оглянулся назад — лучи прожекторов беспомощно шарили в небе.

Но радоваться еще было рано. Когда машина выходила из пике, мотор работал на полную мощность, и шум его, естественно, слышали с земли и даже отчетливо видели самолет. К несчастью своему, я пикировал прямо на фашистские батареи...

И тут началось! Ночь разорвали ослепительные вспышки. Машину затрясло. Откуда-то снизу в лицо мне ударила сильная струя бензина — осколок снаряда пробил столитровый бензобак, помещавшийся за щитком приборов. Я закрылся перчаткой и, казалось, летел так целую вечность, летел и думал: сейчас превращусь в факел.

Не знаю как, но вышел я из зоны обстрела целехоньким. Глянул на бензочасы: топлива не было. Я развернул машину и пошел прямо на лес в надежде, что деревья самортизируют.

Самолет начал падать, срубая вершины и ломая ветки. Мотор ушел в землю, кабина лопнула пополам, сдавив мне бортовкой грудь. Кое-как выбравшись из кабины, я отошел в кусты и осмотрелся.

Наступало утро. Ничто не нарушало предрассветную тишину леса. И вдруг знакомый рокот. Сергей! Выхватив ракетницу, я пустил кверху одну за другой две красные ракеты. Но самолет прошел где-то стороной, и гул его мотора вскоре затих.

Итак, путь оставался только один — к партизанам.

Трое суток бродил я по лесным болотам и вышел... на собственный след. Обессиленный, развел с помощью ракет и орешника костер и привалился спиной к стволу. Долго сидел так в полудремоте, как вдруг услышал где-то рядом гул мотора. Вскочив на ноги, я выстрелил двумя последними красными ракетами и, выхватив из костра головешку, стал размахивать ею над головой.

Самолет сделал над поляной круг, второй, а потом что-то шлепнулось невдалеке от меня на землю. Это был брезентовый мешок, в котором оказались моя куртка, табак, ракеты, ручной

компас, карта-пятикилометровка (оранжевым кругом было обведено место, где меня подбили) и записка от начальника штаба. Вкратце смысл ее сводился к следующему: «Знаем, что с тобой, держись, разыщем и увезем».

Самолет сделал прощальный круг, и тут я услышал, что мотор начал работать с перебоями. Машина неловко покачнулась и скрылась за лесом. Послышался треск.

Я засек азимут и, подбросив в огонь дровишек, чтобы костер был виден издалека, кинулся с автоматом в чащу. Долго искать не пришлось.

— Серега!

Гвоздев шагнул из-за ели. У него было грустное лицо. За ним вышел незнакомый мне парень в летном шлеме.

— Это штурман Федя Бондаренко. Только что прибыл в эскадрилью.

— Ну, штурман, — я пытался придать своему голосу бодрость, — снимай пулемет и айда ко мне на костер!

Мы сели поближе к огню. Гвоздев стал рассказывать.

Он, оказывается, видел, как прожекторы взяли меня в вилку, но чем кончилось все это, не знал. Сергей обошел опасный район. Благополучно добрался до партизан и с трудом сел на маленькой поляне. И тут случилось неожиданное. Комиссар Валобуев, высокий человек с шотландской бородой и неразлучной трубкой, отказался лететь.

— Возьмешь двух тяжелых, — сказал он безапелляционно. — Я — в следующий раз.

Нелегко было поднять самолет с таким грузом. И все же Сергей взлетел, только крылом зацепился за вершину одной из высоких сосен. Она так и застряла между плоскостями, создавая дополнительное сопротивление. До аэродрома добрался благополучно.

Следующей ночью никто не летал — не было погоды. А этой ночью Гвоздев отправился искать меня.

— Кстати, партизаны совсем рядом, — закончил свой рассказ Сергей. — Они мне только что костры выкладывали, приглашали сесть.

Вскоре мы разыскали их.

— Коль попали в беду, выручать надо, — сказал Рябков, командир отряда, из которого как раз накануне вывозил Сергей тяжелораненых. — Дам радиogramму, пусть присылают за вами самолет, а вы пока площадку присмотрите.

Я осмотрел лужок и так и не понял, каким образом Сергею

удалось сесть на него: в траве были огромные камни. Пока Гвоздев с партизанами корчевали их, я принялся косить траву.

Однако все сложилось не так, как мы предполагали. В этот вечер погода стояла ясная, самолет прислать не смогли. А потом над поляной появился гитлеровский самолет. Пройдя на бреющем полете над лагерем, он обстрелял из пулемета шалаши, в которых, к счастью, тогда никого не было. А к вечеру мы уже вели бой с карателями...

Полтора месяца мы, трое летчиков, зачисленные рядовыми бойцами в роту Алексея Федоровича Тараканова, пробивались вместе с партизанами сквозь заслоны гитлеровцев. Именно тогда я понял, что партизаны люди особого склада. Мне не приходилось видеть солдат более выносливых, смелых, отчаянных.

Мы попали к партизанам в самое трудное для них время. Гитлеровцы блокировали все деревни вокруг. Самолеты сбрасывали только оружие и боеприпасы. Случалось, люди не ели по нескольку суток.

Вскоре наш отряд слился с 5-й бригадой. Мы получили возможность близко узнать замечательного командира Константина Дионисевича Карицкого. Этот человек пользовался большим авторитетом среди партизан, умел быстро ориентироваться в сложной обстановке.

Однажды наша бригада, уходя от преследования, расположилась на небольшом островке среди болот. Мы были окружены. Пять дней остров не подавал признаков жизни, и лишь на шестой комбриг разрешил разложить два бездымных костра. В двух бидонах партизаны варили куски конины, — мы зарезали единственную оставшуюся в бригаде лошадь. А ранним утром последовал приказ:

— Поднять бригаду!

Мы прошли в тумане под самым носом у гитлеровцев.

Бригада маневрировала, и в таких условиях нам нелегко было найти подходящую для приема самолетов площадку. Однако надежда не покидала нас. Вместе с разведчиком Дмитрием Соколовым, который, казалось, знал все местные леса и деревни, как свои пять пальцев, мы присматривали более или менее пригодную полянку.

К концу июля нам удалось оторваться от преследователей. Теперь можно было вызывать самолет. Решили принять его на поляне у хутора Репино. Именно в эти дни с Большой земли пришла радиограмма: Карицкого вызывали в штаб партизанского движения.

Наконец получили долгожданное известие:

— Ждите самолет!

В сумерки мы с Сергеем, взяв с собою фонарик, отправились на площадку. Ночь опустилась над сожженным хутором, а самолета все не было.

Вдруг Гвоздев схватил меня за плечо:

— Слышишь?

Действительно, где-то очень далеко гудел мотор. Гул все нарастал, и вот уже над нашим аэродромом мелькнул силуэт «кукурузника».

— Еще один! — крикнул Сергей, и вторая тень мелькнула над поляной.

Через минуту мы обнимали Сергея Николаевича Рыбакова и Андрея Передерия.

— Сегодня, ребята, будете дома, — возбужденно говорил Рыбаков. — Ох, как все ждут!

— Нет, сегодня не полетим, — ответил я, пытаюсь скрыть огорчение. — Комбрига повезете. И раненых.

Время не ждало. Километрах в пяти от нашей площадки стоял сильный гарнизон.

И вот Карицкий и раненый партизан в машине Передерия. Разбег... и самолет возвращается на старт.

— Лес близко, с двумя не взлететь, — говорит Передерий.

Комбриг вылезает из кабины. Когда наконец первая машина скрылась за лесом, время уже близилось к утру.

— Теперь лететь слишком опасно, — сказал Сергей Николаевич, — буду дневать.

— Днюй, — согласился комбриг, — но учти: зашевелится фашист в деревне — самолет придется спалить.

Это понимали все.

Я взял двух партизан, и мы, вырубив кусты, оттянули машину в импровизированный каюнир и замаскировали ее березками. Из пайка Рыбакова — двух концентратов и тушенки — мы сварили в ведре такой борщ, какого, пожалуй, мне еще не приходилось есть никогда в жизни. Потом я тщательно выкосил площадку и позвал Сергея Николаевича.

— Сегодня взлечу, — сказал он, измеряя на глаз расстояние.

Когда стало смеркаться, Рыбаков поднялся в воздух вместе с комбригом и раненым. В эту ночь должен был улететь и я.

— Ну, что тебе подарить на память, друг? — спрашивали меня партизаны, пожимая руки. — На вот, возьми парашютные купола — рубахи сошьешь.

И они затолкали в мой вещмешок купола. Трудно передать ощущение, которое испытывал я, сидя за спиной Передерия, вернувшегося за мной.

Линию фронта мы миновали благополучно, и вот машина бежит уже по родному аэродрому!

— Не подходите, — кричал я друзьям, — дайте человеку сначала в бане помыться!

А на душе у меня было так легко и радостно, как не было уже давно.

Потом я читал толстую пачку писем и из последних понял, что дома меня считают погибшим.

Из отпуска, который мне вскоре был предоставлен, я вернулся в часть осенью сорок третьего года. Меня направили в транспортно-бомбардировочную эскадрилью, которой командовал Михаил Александрович Никифоров.

Много прекрасных летчиков служило здесь. Всеобщим любимцем был Василий Михайлович Александров.

Имя этого человека вся страна узнала еще до войны. Однажды шторм оторвал от берега большую льдину и унес ее в Каспийское море вместе с бригадой рыбаков. Море было забито льдом, и корабли не могли оказать помощь пострадавшим.

Василий Михайлович вылетел на розыски в открытое море на сухопутном самолете. Он нашел гибнущих рыбаков, сбросил им одежду и продукты, а потом вымпелами указал им кратчайшую дорогу к берегу. Несколько сот рыбаков, не потеряв ни одного человека, вышли на берег.

Когда началась война, Василий Михайлович участвовал в заброске в тыл противника нескольких десантных групп, десятки раз прорывался на транспортном самолете без сопровождения через порядки патрулирующих гитлеровских истребителей, перебрасывая через Ладогу продовольствие для ленинградцев.

В полк он пришел раньше меня — летом сорок второго года. Брался за дела исключительно рискованные.

Меня направили вторым пилотом на ЛИ-2 в прославленный экипаж командира корабля Михаила Михайловича Лобанкова. Бортмехаником у нас был Николай Павлович Цыбасов, штурманом — Филипп Мартьянович Бондаренко, бортрадистом — Михаил Федоров, башенным стрелком — Виталий Фролов и люковым стрелком — Егор Запащиков. Каждый из них был мастером своего дела.

Никогда не забуду, как «прихватил» нас однажды «мессершмитт-110». Лобанков успел набрать высоту, и поэтому первая

пулеметная трасса прошла мимо. Мы стали полого снижаться, и тут гитлеровец настиг нас. С несколькими пробойнами в фюзеляже ввел Михаил Михайлович самолет в отвесное пикирование. С высоты три тысячи триста метров снижались мы до пятисот метров с небывалой для нашего транспортного самолета скоростью пятьсот километров в час. Гитлеровец был уверен, что сбил нашу машину, а Лобанков выровнял ее у самой земли и ушел в туман над озером Ильмень.

Более опытного штурмана, чем Ф. М. Бондаренко, нельзя было и пожелать. Он знал расположение всех партизанских баз, и летавшие с ним пилоты никогда не возвращались, не выполнив задания.

Наша машина называлась «Народный мститель». Мы снабжали партизан, базировавшихся в глубоком тылу, оружием, боеприпасами, продовольствием. Это считалось нашей основной задачей. Но мы нередко занимались и «самодеятельностью».

Летали обычно ночью метрах в ста пятидесяти над землей, и если видели вражеский эшелон, тянувшийся к фронту, не могли пропустить его. Я снижался метров до пятидесяти, и наши пулеметчики открывали огонь: Фролов расстреливал паровоз, а Запащиков бил по вагонам.

Когда вспоминаешь сейчас нашу «самодеятельность», замирает сердце. Часто мы имели на борту сотни килограммов взрывчатки, и попади пуля — нас разнесло бы в клочья. Но тогда была война, и об этом как-то не думалось.

В начале сорок четвертого года, в дни наступления под Ленинградом, мы стали летать и днем. Это было, конечно, рискованно, но что делать, если все партизаны требовали: дайте больше боеприпасов и оружия.

Помню, как-то полетели в район озера Самро, что у деревни Овсище. В Ленинграде была пасмурная погода, и поэтому решили идти над облаками. Мы пролетали над Невой, как вдруг облачность кончилась. Под нами уже лежала оккупированная территория.

Мы пошли на бреющем и порою так близко прижимались к лесу, что винты самолета касались верхушек деревьев.

Пересекая железнодорожное полотно у станции Мшинская, неожиданно увидели платформы с танками и людьми. Нас разделяли каких-то пятьдесят метров.

Мгновение — и Запащиков выпустил длинную очередь, а Цыбасов, успевший в это время проскочить в хвост самолета, стрелял до тех пор, пока не заело люковой пулемет.

Но вот и Овсище. Машина прошла над кострами. Четырежды я пролетал над партизанской деревней, освобождаемая от очередной порции груза. Наконец в дверях показалась мощная фигура Цыбасова:

— Все сброшено, командир.

Я всегда удивлялся физической и моральной силе этого огромного человека. Однажды мы везли в тыл врага группу молодых партизан. Подошло время прыгать, и ребята один за другим начали исчезать в открытой двери. И вдруг Цыбасов, стоявший рядом, заметил, что у последнего из прыгавших фала оказалась незакрепленной за трубу: парашют не раскроется! Трудно сейчас сказать, как сумел изловчиться бортмеханик, но только, рискуя быть выброшенным за борт, он подхватил на лету конец фалы вытяжного парашюта. Парень так никогда и не узнал, кому он обязан жизнью.

Мы обслуживали партизан до тех пор, пока не была освобождена территория Ленинградской области.

В марте сорок четвертого года наш полк встречал партизанскую колонну, растянувшуюся на многие километры по Киевскому шоссе. 5-я бригада шла в Ленинград. Я не сразу узнал в одном из трех ехавших впереди всадников К. Д. Карицкого. Он подошел ко мне и обнял. Комбриг, как и его бойцы, всегда любил летчиков...

Мне и сейчас нередко приходится летать над теми местами, где когда-то происходили все эти события. И когда я веду ТУ-104, ТУ-124 или АН-2, невольно вспоминаю те далекие годы.

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Хочется мне побывать снова в Валдае, и непременно зимой. Он, конечно, сильно изменился и вырос, этот старинный русский город. Но я все-таки увижу его по-своему, как когда-то, в декабре сорок второго года...

Может быть, не каждый представит себе, что значило для меня тогда очутиться в таком вот Валдае, необычайно нашем, русском, утонувшем в снегу городке и не торопясь идти вечером по его тихим, по-военному затемненным, но все-таки очень мирным улочкам, смотреть, как поднимается над крышей греющий сердце дымок и тает в морозном сумраке. Видеть все это после того, как много месяцев ты жил и воевал в тылу врага...

Помню, в ту ночь я долго не мог заснуть. Думал о Ленинграде, осажденном, измученном, стойком. О друзьях, оставшихся в Партизанском крае. Мне не терпелось обратно за линию фронта. Но раненая рука еще не зажила.

Меня прикомандировали к оперативной группе по руководству партизанским движением при штабе Северо-Западного фронта. Напряженной, нелегкой жизнью жили сотрудники опергруппы. Отсюда партизанские отряды и бригады получали боевые задания. Сюда стекались сведения о делах народных мстителей. Из Валдая на ближайшие аэродромы доставлялись для отправки партизанам оружие и боеприпасы, радиостанции и медикаменты, газеты и письма.

Часто к нам в Валдай приезжал начальник Ленинградского штаба партизанского движения секретарь обкома партии Михаил Никитич Никитин.

Особенно памятным был проезд Никитина в Валдай в августе сорок третьего года. Совещание оперативной группы проходило в строго секретной обстановке.

— Вот что, товарищи, — начал Никитин, — принято решение: силами партизан на всей оккупированной гитлеровцами территории страны одновременно парализовать движение на важнейших

железных дорогах и сорвать доставку вражеских подкреплений к фронтам.

План действий разрабатывали вместе с Никитиным. Каждой бригаде, каждому партизанскому полку и отдельному отряду намечались точные участки и время диверсий. Позднее мне пришлось участвовать в знаменитых «концертах» партизан на железных дорогах. Отряды каждой бригады за одну ночь разрушали до двух километров полотна, уничтожали переводные стрелки, семафоры, путевое хозяйство. Движение по железным дорогам на Ленинград стало для фашистов сложной проблемой.

В конце августа в опергруппу начали поступать тревожные сведения из 3-й бригады А. В. Германа. Фашисты снарядили крупную карательную экспедицию. Смелые и решительные операции германовцев создавали нетерпимую для оккупантов обстановку. Гитлеровцы решили уничтожить партизанское соединение во что бы то ни стало, бросили против него танки, самолеты, артиллерию. Положение бригады становилось критическим. И вдруг — весть: бригада вышла из окружения, но комбриг убит.

Гибель Германа потрясла нас всех. Ночью по поручению начальника ЛШПД М. Н. Никитина я немедленно вылетел в 3-ю партизанскую бригаду. Путь через линию фронта был недолгим. Наш У-2 легко оторвался от взлетной полосы, и через несколько минут остались во тьме редкие огоньки, а еще через полчаса я увидел внизу вспышки и неровный мигающий свет. Это была линия фронта. Под нами очень близко и сбоку от нас то и дело вспыхивали небольшие красные, желтые, фиолетовые снопики огня. Зрелище красивое, если бы можно было забыть, что это рвутся снаряды зениток, которые били в общем-то наугад, ориентируясь, наверное, по звуку нашего У-2. Сидевший впереди меня летчик капитан Сабуров обернулся и, улыбаясь, прокричал: — Скоро будем так вот салютовать. В честь победы!

Капитан был оптимистом, как всякий партизанский летчик. В бригаде я пробыл, пока не закончилась карательная экспедиция. Был свидетелем непомерного напряжения духовных и физических сил германовцев. Люди словно забыли об усталости: за ночь двадцатикилометровый переход — и снова в бой. И так каждый день на протяжении почти месяца.

Оставляя ставших мне близкими командиров и бойцов, я остро почувствовал, как снова захватили меня горячая обстановка, широкий размах партизанской борьбы. Возвращаясь в Валдай, вспоминал небольшой отряд «Пламя», которым я командовал.

Начали мы действовать сразу же после вторжения фашистов на территорию Славковского района. Тогда враг чувствовал себя хозяином и жил в значительной мере беспечно. Обстановка для ударов малыми силами, вроде нашего отряда, была благоприятной. Но мы не умели ее использовать. У нас не было ни подготовки, ни опыта, многие партизанские группы действовали разрозненно, без связи друг с другом.

Неоценимую роль тогда сыграли созданные еще до захвата врагом территории района подпольные партийные и комсомольские организации. Уже в первой половине сентября сорок первого года наш отряд «Пламя» оказался без продовольствия и почти без боеприпасов. На каждую имевшуюся у партизан винтовку приходилось всего по тридцать патронов. И тогда мы обратились к подпольщикам.

В Верхне-Мостском сельсовете Славковского района вожаком подпольной партийной организации была коммунистка Анастасия Васильевна Новикова. Через ее людей был организован среди населения сбор продуктов и боеприпасов. Убедившись, что здесь дело идет успешно, я и инструктор райкома партии Осипов отправились в Митрофановский сельсовет, где связались с подпольной комсомольской организацией и попросили ее руководителя Баранова собрать комсомольцев в условленном месте в лесу. Помнится, пришло восемь человек. Глядя на них, я думал: «Эх, ребята, ребята! Вам бы сейчас в школу за парту, а на перемене в лапту бы играть, а тут...» Но разговаривать с ними стал, как со взрослыми, — просил в течение двух дней собрать боеприпасы для отряда. Через два дня митрофановские комсомольцы доставили в отряд большое количество патронов и даже раздобыли немецкий пулемет.

Когда мы вернулись, в Верхне-Мостском сельсовете нас ожидала тяжелая весть: фашисты арестовали Новикову и ее брата. Гестаповцы увезли их в Подсевы, долго допрашивали и пытали, но ничего не узнали о нашем отряде. Патриоты были расстреляны. Героическое поведение простой советской крестьянки произвело большое впечатление на население.

Небольшому отряду, каким был наш «Пламя», приходилось все труднее и труднее. Не было подготовленных баз, не было надежного снабжения, не было связи с Большой землей. Каратели постоянно нас преследовали, и отряду пришлось уйти из своего района. Мы перебрались в порховские леса и обосновались на лесном хуторе Волосово.

В сорок первом рано лег снег. Уже четвертого октября земля

оделась в белый покров, начались заморозки. У нас почти не было теплой одежды, изнасилась обувь. То, что отряд сумел приобрести из теплых вещей и продовольствия, было уничтожено в ночь на двадцатое октября неожиданным налетом карателей. Партизанский отряд пошел тогда к деревне Каменка, в которой, по сведениям разведчиков, гитлеровцы грабили крестьян. Мы хотели уничтожить мародеров. На хуторе Волосово для охраны наших рюкзаков и собранной к зиме теплой одежды остались трое партизан. Не успел отряд пройти и половину пути, как сзади, на хуторе, послышались разрывы гранат, пулеметная и автоматная дробь. Разделившись на две группы, мы бегом бросились в Волосово. Но было уже поздно. Хутор и все, что нами было оставлено, горело. В неравной схватке, отстреливаясь, погибли и наши товарищи Х. И. Старк, И. С. Егоров, И. В. Алексеев.

Мы потеряли людей, продовольствие, теплые вещи, патроны, запас гранат. Осталось одно: идти на соединение с силами 2-й партизанской бригады, которая к тому времени уже была создана в Серболовских лесах. Война научила нас, что если малыми партизанскими отрядами и группами, особенно имеющими хорошие базы, можно успешно вести разведку и диверсии, то бороться

Леонид Васильевич ЦИНЧЕНКО родился в 1907 году в городе Киеве в семье рабочего. В 1918 году его отца расстреляли гайдамаки. Несколько лет Леонид работал по найму, затем на киевском заводе «Арсенал».

В 1929 году был принят в члены ВКП(б) и тогда же призван на флот. С начала тридцатых годов он на партийной работе.

В партизаны ушел с поста секретаря Славковского РК ВКП(б). Был командиром отряда, роты, полка. С осени 1943 года командовал 8-й Ленинградской партизанской бригадой.

После изгнания оккупантов за пределы Ленинградской области Леонид Васильевич Цинченко много лет работал секретарем райкома партии в Славковичах, Дно, Острове. Сейчас он пенсионер, живет в Пскове.

с крупными силами врага очень трудно. Чтобы бить оккупантов по большому счету, нужны были партизанские соединения. И их время быстро пришло...

Но вот и Валдай. Доложив обстановку в 3-й бригаде, я настойчиво стал проситься во вражеский тыл. Просьбу мою в штабе уважили и поручили сформировать и возглавить новую партизанскую бригаду.

Ядро 8-й бригады создавалось в Славковском районе, но оттуда мы сразу же решили перебраться к деревням Сошихинского района, ближе к городу Острову — к линии немецких укреплений, которые строились как запасной оборонительный рубеж.

Пришли мы на место октябрьской ночью и остановились в деревнях Сапроны, Ровное, Марково, Горшихино. Места глухие. Грязь, дорог мало. Оккупанты чувствовали себя здесь уверенно, имели сильные гарнизоны.

Было раннее утро, когда в избу ко мне вошел начальник особого отдела бригады Григорий Репин:

— Товарищ комбриг! Парни тут пришли, здешние, человек пятнадцать. К вам просятся.

Выхожу на крыльцо:

— Здравствуйте, ребята! В партизаны хотите? Но куда ж мне вас таких: ни обуви у вас порядочной, ни одежды нет, да и стрелять вы, верно, не умеете.

Видят они, что в общем-то дело идет на лад, заулыбались:

— Вы насчет нас не заботьтесь, у нас все есть, только возьмите.

— А дома как?

Переглянулись. Никто уже не улыбается. Потом выходит вперед один, постарше остальных:

— Товарищ командир! Хватит, потерпели мы тут. А дома о нас знают. И еще скажу: вернемся ни с чем — подумают в деревнях, что вы пришли сюда на день-два и снова уйдете. Ежели вы в нашу местность взаправду воевать пришли — примите нас и других, кто придет. А собираются к вам многие.

Было видно, что парень говорит серьезно и знает цену своим словам.

— Хорошо! Вот вам наш начальник штаба товарищ Новиков. Действуйте по его распоряжениям.

Новиков повел всех распределять по отрядам.

Вечером того же дня еще человек восемь явились. Назавтра еще. В первые же пять дней к нам пришло из окрестных деревень более двадцати человек. За первый же месяц нашего пребы-

вания на новом месте бригада выросла втрое и уже в начале ноября насчитывалось в ней более двух тысяч бойцов.

В канун двадцать шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции наша бригада, появившись в Социальском районе, сразу же сделала громкую заявку о себе.

В Шиках, Ломах и Моршавицах с самого сорок первого года находились немецкие гарнизоны. Они терроризировали население, занимались грабежами и расстрелами. Расчет у нас был такой: уничтожить гарнизон в Моршавицах и Ломах, а из Шиков немцы сами уйдут.

Отряд капитана Л. Е. Раздueva, которому был придан 10-й отряд и один пулеметный взвод, занял исходную позицию вокруг Моршавиц. Ломы окружил 5-й отряд под командованием А. К. Содоухи вместе со взводом пулеметчиков и взводом автоматчиков. Пасмурной и на редкость темной ночью начался бой. Длился он всего один час. Было убито около двухсот фашистов. Смертью храбрых пали пять партизан, девятнадцать человек получили ранения. Гарнизоны в Моршавицах и Ломах были совершенно разбиты, и немцы никогда больше не пытались их здесь восстановить. Как мы и предполагали, гарнизон в Шиках на следующий же день отбыл в город Остров.

Как-то в один из дней в бригаду пришла группа девушек. Все они были из Пскова, долго искали дорогу к партизанам и теперь ждали с нетерпением, когда же им дадут боевое задание. Одна из девушек выделялась своей замечательной внешностью: стройная, черноволосая, подвижная, с живой задорной улыбкой. Звали ее Женя Шкаликова, и было ей тогда двадцать лет. Мы предложили Жене стать разведчицей. Женя согласилась.

Вскоре ей дали первое задание. Вечером перед уходом я увидел девушку среди партизан у костра. Все пели негромко. Женя одна не пела. Сидела и внимательно слушала. Я подсел к костру, спросил:

— Ты что же не поешь? Чего загрустила?

— Я, товарищ комбриг, очень люблю песни слушать, а сама вот не пою.

— Боишься идти?

— Боюсь. Но хочу, чтобы с первого раза повезло. Чтобы доказать, что могу быть разведчицей.

Наутро она ушла. Задание было не очень сложное, но для неопытной разведчицы рискованное: побывать в Пскове, установить связи со своими прежними знакомыми из тех, что сейчас работают в немецких учреждениях, подготовить тем самым почву

для постоянной разведки в городе. По пути обратно Женя должна была выяснить, где расположены лагеря советских военнопленных.

Девушка вернулась точно в назначенный день. Ей удалось принести ценные сведения о передвижении вражеских воинских частей. Начало для разведчицы было многообещающим.

— Откуда такие данные?

— Из банка! — смеясь, ответила Женя. — Все воинские части, приходя, открывают и, уходя, закрывают лицевой счет в банке, обозначают там свои номера, указывают адреса и характер перечислений. Вот я и познакомилась поближе с этими бумагами. Помогли мне мои друзья и знакомые.

Потом Шкаликова не раз ходила в Псков, бывала и в других местах, всегда приносила ценные сведения. Сейчас отважная разведчица (ныне — Евгения Тимофеевна Крутикова) живет и работает в Пскове.

В конце октября в деревне Стадник Островского района гитлеровцы разместили временный лагерь советских военнопленных. Мы решили их освободить. Чтобы выяснить возможности организации побега, нужна была тщательная разведка. Выбор пал на Сашу Марьковскую, которая считалась одной из лучших разведчиц-маршрутниц. Задача перед ней была такая: проникнуть в гарнизон, поселиться под видом родственницы в одной из крестьянских семей, завязать знакомство с военнопленными, передать им письмо от командования бригады и договориться о плане побега.

Было у Саша какое-то особое чутье на хороших людей. Оно и на этот раз помогло ей сразу обосноваться в гарнизоне в одной неприметной семье. Гитлеровцы гоняли пленных за деревню на работу. Вскоре Саша познакомилась с несколькими военнопленными. Один из них, высокий, белокурый, сильно истощенный, признался ей, что он — капитан Советской Армии — в плен попал тяжелораненым и выдает себя здесь за рядового. Ему-то девушка и вручила письмо партизан. Капитан Григорьев прочел его с большим волнением, но вдруг что-то заподозрил. Он не боялся за себя, ибо уже открылся, но за товарищей своих чувствовал себя в ответе.

— Где партизаны? — выпытывал Григорьев у разведчицы.

— Этого я сказать не могу, — спокойно отвечала Саша. — Но поверьте, если вы готовы на предлагаемые в письме меры, наши люди помогут вам найти партизан.

— Вот что, девушка, — настаивал на своем Григорьев, — передайте своим, пусть придут ко мне настоящие партизаны.

Той же ночью Саша пришла в бригаду. Два часа отдыха, и вместе с семнадцатью автоматчиками она снова отправилась в Стадник. Через три дня охрана лагеря была снята, сто семнадцать человек военнопленных во главе с Сашей Марьковской и капитаном Григорьевым были уже в расположении нашей бригады. Из них сформировали 17-й партизанский отряд, который дрался храбро и умело. Многие товарищи из этой боевой и дружной семьи погибли в боях. Погиб и капитан Григорьев.

Еще в первый год войны в Партизанском крае зародились тройки — органы Советской власти на оккупированной территории. Осенью сорок третьего года мы широко использовали этот опыт. Наши тройки создавались из местных активистов. Во главе их мы ставили, как правило, депутатов районного Совета. Члены троек жили в деревнях, население обращалось к ним, как раньше в сельсовет или райисполком. За все время не было случая, чтобы жители деревень выдали фашистам кого-либо из членов тройки.

В деревнях мы назначали также и военных уполномоченных. Все они были вооружены пистолетами и облечены особыми правами.

Очень хорошо помню встречу с одним из них. Был солнечный морозный день, когда вместе с заместителем по разведке Михаилом Куделькиным мы въехали верхом в деревню Подмогилье. Я предложил прежде всего найти нашего военного уполномоченного.

— Искать не придется, — заверил меня Куделькин, — тотчас объявится — знаю я его.

Едва мы спешились, как сразу заметили, что с краю деревни к нам направляется человек. Бросалась в глаза его бравая выправка. Спрашиваю Куделькина:

— Глянь-ка, это кто такой вышагивает к нам?

Куделькин улыбнулся:

— Это вот и есть наш уполномоченный, Богданов. Да ты не обращай внимания на его манеры — умнейший мужик, не подведет.

К нам подошел высокий сухой старик. С некоторой важностью он приветствовал нас:

— Здравия желаю, товарищи начальники!

— Здравствуйте, — отвечаю. — Вы военный уполномоченный в деревне?

— Так точно, я самый.

— А с чего вы взяли, что мы начальники?

— Я солдат еще с первой мировой войны. А солдат всегда командование свое знать должен.

Пошли с Богдановым в избу. С первых же слов я убедился, что старик был в курсе многих наших дел и вовремя выполнял все наши указы. Сам он ходил к нам редко, зато связных посылал в бригаду часто, хотя от Подмогилья до бригады было довольно далеко. Богданов был прекрасно подготовлен к своей роли. Знал он, как быть, если фашисты появятся в соседней деревне. Заранее все оговорил с людьми на случай подхода карателей к Подмогилью. Не приходилось сомневаться, что народ здесь подготовлен, организован и будет вовремя выведен в безопасное место. Так впоследствии и вышло. Всех от мала до велика увел из деревни Богданов в бригаду со всеми пожитками, когда запылало вокруг.

Много жителей и имущества спасли военные уполномоченные в те дни, когда начался массовый угон в рабство и уничтожение огнем поселков и деревень на путях отступления фашистских войск. Наши военные уполномоченные приводили под защиту партизан жителей сел и деревень. Свыше восемнадцати тысяч женщин, детей, стариков нашли защиту в 8-й партизанской бригаде. Фашисты неоднократно пытались захватить охраняемое нами население, но каждый раз получали отпор.

В конце сорок третьего года мы провели совещание руководителей троек и наших военных уполномоченных. Люди собрались из Сошихинского, Славковского, частью из Псковского и Островского районов. Выбрали большую избу, натопили ее, чисто вымыли. Поставили перед лавками стол и накрыли его красной скатертью. Над столом в простенке прикрепили портрет Владимира Ильича Ленина. На другой стенке — свежий номер «Правды» и нашу партизанскую стенгазету. Все выглядело так, как до

войны бывало в колхозном клубе на собрании или вечере. Гости садились поближе к столу с красной скатертью, не раздеваясь расстегивали ватники, зипуны, снимали шапки, платки, чтоб не было жарко. Вскоре в избе не оставалось ни одного свободного места. Никто не опоздал. Люди негромко переговаривались друг с другом:

— Как у вас?

— Лютует все.

— А у вас? Грабит?

— Пробует, только с нас взять-то нечего: спрятали. Я так и наказал своим: без моей команды не трожьте.

— Я тоже. А вот у соседей начисто все позабирал. Не доглядели.

— А чего собрали нас?

— Не знаю. Верно, в другое место подадутся партизаны, а вам, брат, одним тут баб наших да ребятишек защищать.

— Ну, этого не может быть!

— Очень даже может. Они, брат, воюют. Где вреднее для фрицев, туда и бьют.

Я открыл совещание:

— Товарищи! Командование Восьмой партизанской бригады собрало вас, чтобы обсудить очень важный вопрос — подготовку к весеннему севу.

Стало тихо, так тихо, что, казалось, вздохни, и твой вздох в самом дальнем углу услышат. Затем вдруг изба зашумела, женщины заплакали. Взволнованы до слез были и мужчины. Заговорили о дорогом, самом главном, что было в их жизни и о чем давно уже только мечтали. Когда люди поуспокоились, я продолжал:

— Товарищи! Нынешней весной будем сеять. Для себя! Фашистов тут не будет, это я вам говорю точно, да вы и сами по всему чувствуете — оккупации приходит конец. Конечно, с севом будет трудно, ибо все разорено окрест. Надо подготовиться. В деревнях, даже в тех, которые сожжены и разрушены, много брошенного инвентаря, запасных частей к тракторам. В Шиковском сельсовете, например, на территории МТС в беспорядке лежат тракторные плуги, там же есть культиваторы, валяются пружинные бороны. Много повсюду сломанных и брошенных телег и дровней. Все это подобрать нужно сейчас и сохранить в надежных местах. Второе дело — надо немедленно проверить все ямы, в которых хранится закопанный колхозный хлеб, и сберечь его для посева. Вот, товарищи, и весь доклад. По второму вопросу «О по-

ложении на фронтах и организации сбора средств на постройку танковой колонны для Красной Армии» выступит комиссар нашей бригады товарищ Павлов.

Оба вопроса обсуждались горячо, возбужденно.

— Я так скажу, — говорил председатель тройки Степановского сельсовета Николаев, — мы за два-три дня весь сельскохозяйственный инвентарь и машины соберем и спрячем так, что никакой фриц днем с огнем не найдет. Часть хлеба в ямах у нас есть, и мы его обязательно сохраним. Что касается сбора денег на танковую колонну, то на такое дело средства найдутся.

Расходились уже в темноте. Ехали домой посланцы деревень кто на чем: верхом на лошадях, в санях, а в места, где не было дорог, — на лыжах.

По деревням развернулась работа по подготовке к севу и сбору средств на строительство танковой колонны. Вскоре на Большую землю было отправлено самолетом семьдесят восемь тысяч рублей, собранных населением в фонд Советской Армии.

В ту зиму бригада и спасенное нами население занимали около двадцати деревень. Жили все вместе. В каждой избе по восемь—десять человек. Спали партизаны на полу, не раздеваясь и не расставаясь с оружием. Ели вместе с крестьянами из одного котла. Среди беженцев не было таких, кто бы не помогал партизанам всем, чем можно. Топили, стирали, чинили, готовили для нас заботливые руки деревенских женщин.

За два месяца с небольшим бригада выросла в четырнадцать раз. В январе сорок четвертого года 8-я бригада насчитывала в своих рядах почти четыре тысячи бойцов. Каждые сутки более тысячи партизан и партизанок уходили отсюда на боевые задания.

Командование бригады разработало план методического уничтожения станций и железнодорожного полотна на участке Псков—Остров и Остров—Резекне. Первый удар намечался по станции Бренчаниново.

В ночь на двадцать второе января 1-й партизанский полк под командованием Раздueva и бойцы 7-го отряда, которым командовал Зосим Попов, заняли исходную позицию. В гарнизоне станции, по данным разведки, насчитывалось двести сорок человек. Перед началом операции решили провести дополнительную разведку. Оказалось, что на станцию прибыл тяжелый артдивизион. В нем около трехсот человек, пушки, большой обоз со снарядами и другими боеприпасами. Все это подготовлено для погрузки и отправки на фронт, к Ленинграду.

Идти против таких сил было слишком рискованно. Однако

Раздубев и Попов, посоветовавшись, решили операцию не откладывать. Партизаны в ночь на двадцать третье января начали бой — тяжелый, упорный, но успешный. Одно только не удалось: взорвать железнодорожный мост через реку Утрою. В этом бою мы потеряли убитыми двенадцать человек и восемь партизан получили ранения.

В ту же ночь 2-й партизанский полк под командованием Алексея Солодухи с приданным ему 10-м отрядом разгромили гарнизон и станцию Дуловка на железной дороге Псков—Остров. На следующую ночь 11-й партизанский отряд под прикрытием роты автоматчиков 3-го полка разрушил железнодорожную станцию Большие Орлы.

Диверсионные группы, действуя по плану, разработанному командованием бригады, регулярно подрывали поезда. Была у нас своя тактика и свое мнение на этот счет, основанное на опыте.

Помню, однажды в штаб пришел Иван Семенов, человек очень храбрый, но в диверсионной работе новичок.

— Товарищ комбриг, — обратился он ко мне, — неладно как-то получается. Дважды уже ходил на подрыв, и все приказывают поровней место выбирать, поглаже. Не пойму я. Вроде бы ясней ясного, что лучше под крутой откос или с моста сбрасывать эшелон, там наверняка любой взрыв осечки не даст.

— Верно, Семенов, — ответил я. — Но зато врагу легче с ремонтом пути справиться: пару-тройку рельсов и шпал заменят, и путь свободен. А на ровном-то месте или выемке когда рванешь — вагон на вагон, да все почти на полотне. Свалка такая, что иной раз дня четыре этот завал разбирать приходится...

Не только налеты на станции, но и подрыв вражеских эшелонов не обходился без жертв. Четверо подрывников под командованием Сергея Макеева вышли на диверсию на железную дорогу Псков—Остров. По ней должен был пройти поезд, в котором несколько сот офицеров отправлялось из-под Ленинграда на отдых. Макеев оставил одного из подрывников, Морозова, на шоссе для наблюдения, с двумя другими, Корбовским и Жаровым, подобрался к рельсам и стал закладывать взрывчатку. Неожиданно партизаны услышали шум приближавшегося со стороны Пскова эшелона. Видимо, гитлеровцы изменили график движения. Партизаны начали торопиться. Но вскоре поняли, что не успеют. И тогда командир группы решил взрывать без шнура. Грянул взрыв. Паровоз и четыре вагона с гитлеровцами были уничтожены. В операции погибли командир диверсионной группы Сергей Петрович Макеев и подрывник Андрей Васильевич Жаров.

Двадцать седьмого февраля сорок четвертого года после большого и тяжелого боя за населенные пункты Сонино и Ровное мы получили сообщение от разведки: прямо на штаб бригады движется какая-то колонна.

— Черт их возьми, так отступают, что нам никакой передышки нет, — проворчал кто-то.

Народ был действительно измотан непрерывными боями. Я приказал командиру 4-го полка Панчежскому пропустить колонну. Командиру штабного взвода разведки Борису Павлову дал задание приблизиться к противнику и хорошо разведать, что за род войск нам попался.

Все готово к «встрече». Надо только дождаться разведчиков. И вдруг — громкое, радостное:

— Да ведь это наши!

— Смотрите, наши!

И вот мы сидим в избе и разговариваем с начальником штаба 44-й Чудовской дивизии полковником Воробьевым.

— Примите, товарищ полковник, от нас для начала небольшой подарок вашей дивизии: триста шестьдесят трофейных лошадей и девяносто голов крупного рогатого скота.

— Спасибо, очень пригодится. А какие у партизан дальнейшие планы?

— Думали на большаке Выбор—Остров хорошую трепку фрицам задать. Да вы, товарищ полковник, чуть было не помешали.

— Мы не помешаем. Дивизия еще подтягивается. Но помочь будем рады. Может, дать вам наш артдивизион?

От армейского артдивизиона мы все-таки отказались, побоялись, что он будет сковывать нашу маневренность. Мы даже свои батальонные минометы оставили. Решили действовать налегке.

В пять часов утра двадцать девятого февраля в воздух взвилась ракета. Это сигнал к атаке. И сразу же пошло в ход буквально все: пулеметы, автоматы, гранаты, ротные минометы. Большая колонна отступавших фашистов застигнута врасплох.

Наш последний бой продолжался тридцать минут. Враг был разбит наголову. Нам достались большие трофеи...

Через несколько часов мы снова встретились с бойцами дивизии. Я смотрел, как по деревенской улице шли и шли войска. Наши войска. Впереди у них еще очень большой путь. Но это уже путь победный.

НАСТУПАЕТ 3-Я ЛЕНИНГРАДСКАЯ

В оперативной группе по руководству партизанским движением меня принял подполковник А. А. Тужиков. Спросив о состоянии здоровья (я несколько дней назад выписался из госпиталя), он сразу же перешел к делу:

— Мы думаем назначить вас командиром Четвертого отдельного партизанского полка. — И, улыбнувшись, добавил: — Пока еще не существующего полка. Командно-политический состав и начальников служб подберем здесь, рядовым же составом укомплектуете полк в тылу врага, в районе действий бригады Александра Викторовича Германа. Дело это экспериментальное, в известной мере рискованное, но безотлагательное...

Второго мая сорок третьего года транспортные самолеты подняли нас в ночное небо. Рядом со мною сидели руководители будущего полка. Комиссар — майор Иван Ступаков, начальник штаба — капитан Виктор Снежков, командир отряда — лейтенант Иван Костарев, мой помощник по материально-технической части — младший лейтенант Александр Васильев. С некоторыми командирами и комиссарами отрядов я был знаком еще с довоенных лет. Александр Кузнецов работал бухгалтером лесопункта, Петр Горячев — председателем промысловой артели. Вместе с ним мы начинали партизанить в Молвотицком районе. Всего нас летело сорок человек.

Над линией фронта наши самолеты попали под огонь вражеских зенитных батарей. Пилоты, маневрируя, бросали машины из стороны в сторону. Неприятное чувство охватило нас при мысли, что, может быть, придется прыгать прямо на позиции противника... Но вот и пять сигнальных костров, расположенных «конвертом». Беспokoйно замигала лампочка, открылись люки, и мы стали мешковато вываливаться в темную бездну.

Приземлились у деревни Швецы Сошихинского района. Встретили нас партизаны 1-го Особого полка Михаила Степанова — соседи 3-й партизанской бригады. Утром командиры и комиссары

отрядов и рот пошли по деревням и селам комплектовать свои подразделения. Делать это надо было, принимая различные меры предосторожности. Как раз в это время в районе свирепствовала так называемая мартовская карательная экспедиция, оставляя после себя пепелища, виселицы...

Работа наша усложнялась еще и тем, что приходилось проводить тщательный отбор, подвергать строжайшей проверке каждого, кто хотел стать партизаном, чтобы оградить полк от вражеской агентуры. Оглядываясь сейчас назад, думаю, что забросить нас в тыл можно и нужно было до мартовской карательной экспедиции. Тут штаб партизанского движения явно не доработал.

За первую неделю нам удалось отобрать в полк до двухсот добровольцев. Укрепили мы штаб и разведку, создали полковой обоз. Одиннадцатого мая в деревне Жгилево Славковского района новые бойцы принимали партизанскую клятву. Все мы, ветераны, принарядились, были при орденах.

Короток партизанский праздник. Фашисты к полудню обнаружили нас и, обогнув озеро Белое, навязали бой. Отряд Степана Панцевича отбил атаки карателей и загнал их в деревню Бухары. Но тут мы получили сообщение от Германа: он уводил свою бригаду в новый район. Пришлось идти следом — полк был еще слишком слаб и не мог действовать самостоятельно.

Шли всю ночь. Утром сделали привал в кустарнике на Дубковских горах. Позиция оказалась очень выгодной, решили заняться боевой подготовкой новобранцев. Однако каратели снова напали на наш след и окружили горы. Пришлось прорываться днем. У нас формирование еще не было закончено. На двух-трех бойцов приходилась одна винтовка. И все же молодые партизаны выдержали испытание боем. В неравной схватке с врагом погибли тогда Николай Дамаскин, Архип Данильченко, Николай Малафеев и другие наши отважные товарищи. Но полк прорвался.

С этого дня гитлеровцы не давали нам никакой передышки, следовали по пятам, даже когда мы шли по болотам. Бои сменялись изнурительными переходами... Нелегко тащить по бездорожью боеприпасы, продукты, имущество, нести раненых. Случалось, что тяжелораненых оставляли на попечение местных жителей. Не похвально. А что было делать?

Однажды меня позвали в санчасть.

— Умер кто? — спрашиваю.

— Нет, — отвечают, — боец уселся на телеге, не согнать. Могу, говорит, стрелять, метать гранаты, грызть врагу глотку — все могу, а идти не в состоянии.

Пришел я туда и вижу: на телеге сидит босой партизан, плачет, щиколотки и пальцы в больших царапинах, разъеденных до глубоких ран. На мой сердитый вопрос фельдшер ответил:

— Не могу же я своей рубахой забинтовать весь полк.

И все же, несмотря на сложившуюся тяжелую обстановку, полк наш продолжал пополняться людьми. К июлю у нас насчитывалось около трехсот человек. Мы проводили диверсии на железных и шоссейных дорогах, устраивали засады.

После этих, хотя и сравнительно мелких, операций у нас появлялись новые раненые. В полку по-прежнему плохо было с довольствием, не хватало оружия. Никто из партизан не упрекал меня или комиссара, но я часто ловил взгляды, которые лучше всяких слов говорили: ежели ты глава полка, то обязан найти выход из создавшегося положения.

Медлить было нельзя. Посоветовавшись с командирами, я принял решение всем полком влиться в 3-ю партизанскую бригаду.

Вскоре из штаба партизанского движения пришел приказ о подчинении нашего полка комбригу Герману.

О 3-й партизанской бригаде мне было известно и раньше. Почти год уже она сражалась в тылу оккупантов, прославилась дерзкими налетами на регулярные части гитлеровцев, стойкостью в обороне.

Григорий Иванович ЕФИМОВ — уроженец Молвотицкого района Новгородской области. В 1936 году окончил Ораниенбаумский лесотехникум. Работал несколько лет по специальности в родных краях. Когда началась война, он был парторгом Ленинградского обкома партии при леспромхозе.

Коммунист Ефимов — активный участник партизанского движения: командовал партизанской ротой, отрядом, полком.

После войны Григорий Иванович окончил Лесотехническую академию имени С. М. Кирова. Сейчас работает главным инженером Ленинградской транзитно-сплавной конторы.

Бригада А. В. Германа только по форме, в силу специфики борьбы, была партизанской. По существу же она, как мы убедились, влившись в нее, являлась настоящим воинским соединением с жесткой дисциплиной, четкой организацией служб.

Полк наш пополнился людьми, хорошо вооружился. Однажды наш разведчик лейтенант Николай Тоталин сообщил мне, что несколько человек из так называемого «армянского легиона» немецкой армии хотят перейти к партизанам. Об этом же нам сообщили подпольщики Новоржева — счетовод маслозавода Зоя Брелауск, переводчица полевой жандармерии Вера Капуткина. Анатолий Острогорский связался с руководителями группы армян. Через несколько дней сорок «легионеров», перебив гитлеровцев, охранявших вместе с ними шоссе Новоржев—Опочка, пришли с оружием на место встречи с партизанской разведкой.

Некоторые в бригаде говорили, что перебежчиков следует отправить в советский тыл. Другие предлагали разделить их на мелкие группы и влить в отряды. Но Герман решил создать из армян-перебежчиков партизанский отряд под командованием А. Г. Сагумяна, одного из организаторов перехода к партизанам. Отряд вошел в состав нашего полка.

Летом сорок третьего года в оккупированных районах Ленинградской области в больших масштабах проводилась рельсовая война. Выполняя приказ штаба, наша бригада действовала на участках железных дорог Остров—Псков, Дно—Дедовичи. До полусотни групп наших подрывников взрывали рельсы, минировали мосты. В меру возможностей помогали мы и соседям — 4-й и 8-й партизанским бригадам, отдельным отрядам, 1-му Особому полку Степанова. Герман послал группу подрывников за девяносто километров для взрыва железнодорожного моста на реке Кебь. По его инициативе наш полк отправил две диверсионные группы на дороги Латвии.

Люди мужали в боях.

...Жаркий июльский полдень. Полк занимает рубеж вблизи села Михайловского — рядом с тихо текущей в пологих берегах Соротью. Знаменитые пушкинские места! Я и комиссар Ступаков стоим в тени на опушке леса, рассматриваем в бинокль позиции гитлеровцев.

Прибежал связной с донесением разведки: по прибрежной дороге движется в нашу сторону колонна противника с батальонными минометами и двумя пушками. Сообщив об этом командиру соседнего полка Дмитрию Худякову, мы приготовились к бою. Худяков прислал нам в помощь одну роту.

Фашисты, остановившись в деревне Кашино, открыли минометный огонь по деревне Песочек, подожгли избы. Я подал сигнал, и партизаны ринулись в атаку.

Бой длился свыше часа. Нам удалось прижать гитлеровцев к реке. Они вынуждены были переправляться через Сороть вплавь под сильным огнем наших пулеметов и минометов. Многие из них утонули. На берегу осталось восемьдесят вражеских трупов.

Успешно провели мы и несколько диверсий. В ночь на двадцать шестое июля по заданию командира бригады молодежная группа подрывников под руководством Георгия Светлова и Василия Краснобаева устроила свой первый «концерт» — взорвала рельсы и мост на железной дороге на участке Псков—Карамышево. Возвращаясь в полк, ребята захватили полицая. Узнав от него, что в селе Лопатиха действует маслозавод, они в тот же день взорвали и его.

Другими группами подрывников в июле были уничтожены железнодорожный эшелон и двадцать четыре моста на шоссе на дорогах.

Хорошо начал свой боевой путь отряд Сагумяна. В один из августовских дней он принял участие в тяжелом бою. Полк отбивался от яростных атак карателей. Во время одной из них Сагумян послал в обход роту. Она ударила с тыла. Фашисты дрогнули и побежали. Исход боя был решен.

В конце августа Герман задумал провести большую диверсию на железной дороге Псков—Порхов одновременно всей бригадой.

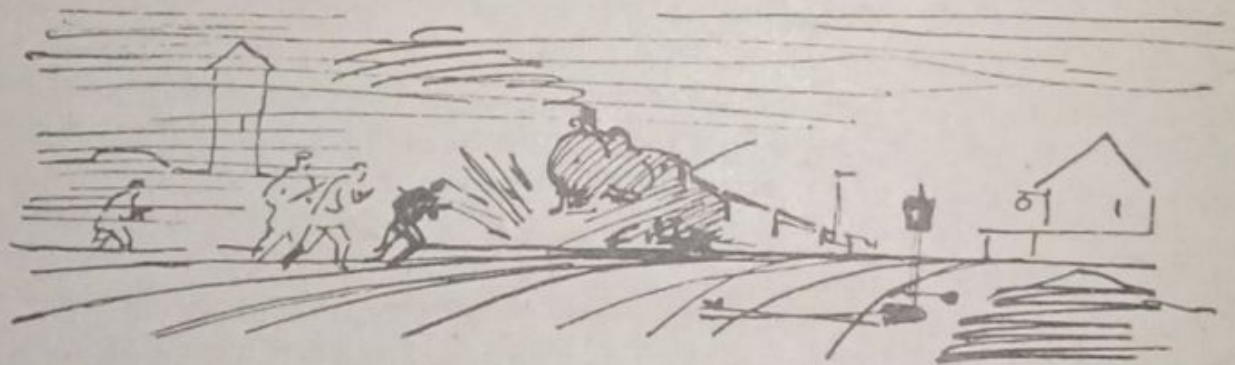
Нашему полку комбриг отвел участок дороги Подсевы—Сосовье, приказал взорвать пятнадцать километров железнодорожного полотна и разрушить разъезд Уза. Готовиться к этой операции нам пришлось, отбиваясь от карателей в районе деревни Лютые Болота. Мы ушли на задание ослабленные боем. По дороге наткнулись на вражескую засаду у большака Козибор—Веретени. К счастью, гитлеровцы ружейного огня не открыли, бросали лишь «толкушки» — гранаты с длинными деревянными ручками. Ветераны наши не растерялись. Командир отряда Степан Панцевич, командир роты Николай Петров и командир взвода Михаил Герасимов перехватывали гранаты в воздухе и бросали их обратно. Многие молодые бойцы последовали их примеру. Устроившие засаду гитлеровцы разбежались. Полк форсировал реку Уза и вышел на исходный рубеж.

Ночью, точно в назначенный час 1-й полк бригады совершил диверсию на участке дороги Карамышево—Локоть, 2-й — от Лок-

тя до Подсевы, наш 4-й — от Подсевы до Сосонья, а 3-й полк действовал от Сосонья до Порхова и дальше. Только наш полк за ту августовскую ночь взорвал мост, сотни рельсов, вывел из строя путевое хозяйство разъезда Уза, сжег казарму, подавил два пулеметных расчета врага.

К рассвету полки бригады совершили марш-бросок на юг и соединились. В штаб бригады прибыли самолеты, выгрузили боеприпасы, соль, махорку, медикаменты и, приняв на борт раненых, улетели в советский тыл.

Движение на железнодорожном участке от Карамышева до Порхова было приостановлено больше чем на неделю. Гитлеровцы бросили очень крупные силы против нашей бригады. Досталось и нашему полку. Подтянув технику и пехоту на большак Маршавицы—Махновка, фашисты ударили по занятым полком деревням. В окружение попал отряд Панцевича. Послать ему на

помощь другие отряды не было возможности — все они уже вели бой. Я направил связного к командиру 1-го особого полка Степанову, — он не входил в подчинение бригады, — умоляя его прикрыть наш фланг и дать немного патронов. Степанов не откликнулся, — позже я узнал, что в тот день его полк был сильно потрепан. Отряду Панцевича удалось вырваться из окружения дорогой ценой. Во всех отрядах были и убитые и раненые. Юный разведчик Володя Хорев потерял зрение.

А враг наседал. Выручили разведчики — командир взвода Дмитрий Тишин, секретарь бюро ВЛКСМ полка переводчик Павел Чупров, комсомольцы Толя Гутников, Олег Полкман, Юра Некрутенко. Эти вездесущие ребята нашли путь отхода и сами вызвались идти впереди. Полк пошел по берегу реки Лиственки. Нас скрывал густой кустарник. Идти быстро мешала высокая, до

груди, осока. Под ногами трясина. Иногда казалось — не выйдем. Но заболоченные заросли спасли нас — поли оторвался от врага. Мы вышли в лесистую местность деревень Станки, Горки, Кошляиха и Гридино. Здесь бывали и прежде, в блиндажах сохранились кое-какие запасы.

Оторвались от карателей и остальные полки бригады. Тогда начальник охранных войск генерал Шнейман приказал поновичить с Германом любыми средствами. В деревнях появились листовки с посулами сотен тысяч марок за голову комбрига. Пытались гитлеровцы забросить к нам группу шпионов под видом заблудившихся в лесу партизан соседней бригады, подослали убийц к Герману из банды Мартыновского. Тщетно! 3-я Ленинградская жала, боролась, наступала.

В ночь на третье сентября наша бригада заняла на стыке Сошихинского и Новоржевского районов населенные пункты Станки, Шариха, Горки, Кошляиха и другие и задержалась здесь на трое суток. Надо было срочно отправить в советский тыл раненых и тяжело больных. Вызванные самолеты опаздывали.

Два дня фашисты не беспокоили нас, но с лихорадочной поспешностью подтягивали войска, боевую технику. Пятого сентября в полдень появившийся над расположением бригады самолет-разведчик засыпал нас листовками: бригада, дескать, окружена шеститысячным войском, спасение в одном — сдаться в плен.

После обеда ко мне примчался связной и сообщил, что комбриг вызывает командование полка на совещание. Вместе с комиссаром И. А. Ступаковым я выехал в деревню Шариха. Совещание проходило в сарае без крыши и одного простенка. Мы уселись поудобнее. Сам комбриг внешне выглядел спокойным. Он в форме. На груди его сверкают орден Красного Знамени и орден Отечественной войны. Сидит, поныхивает трубкой, как и на обычном, очередном совещании. И только движение правой руки выдает его состояние: то он подсунет под портунею большой палец, то приглаживает и без того аккуратно зачесанные назад волосы. Нервничает комбриг. Еще бы. Шесть тысяч карателей с танками и полевыми пушками против двух тысяч партизан. К тому же патронов у нас мало, зато раненых и больных — целый обоз.

Обстановку докладывали руководители бригадной разведки и полковые разведчики. Затем началось обсуждение плана выхода из окружения. Разные предлагались варианты. Комбриг остановился на самом простом: кольцо окружения рвать в деревне Житницы, головным пойдет 3-й полк, за ним — наш 2-й полк следом вместе со штабом и обозом бригады; трехкилометровую колонну

замыкает 1-й полк; за деревней, на большаке, полки соединяются, сворачивают на юг в Ругодевские леса.

К себе возвращались к вечеру. Крестьянки убирали с огородов брюкву, картофель. За деревней опускался на лужайку туман. В лесу красовалась брусника. Крепкие боровики стояли на дороге без всякой маскировки. Почти из-под копыт выпорхнула тетерка. На минуту могло показаться, что и нет войны.

Предстоявшая операция очень волновала нас. Полку еще не приходилось выходить из окружения с боем в составе бригады. Пополнение наше — недавно принятые в партизаны местные жители — еще не было по-настоящему обстреляно.

В полку мы рассказали о плане комбрига выйти из окружения до рассвета, кратчайший маршрут — через Житницу. Разведка сообщила, что прибывший туда днем батальон эсэсовцев не успел еще окопаться. Обо всем этом я и комиссар И. А. Ступаков подробно доложили на совещании командиров и комиссаров отрядов полка.

В десять часов вечера выступили в установленном для полков порядке, скрытно прошли около пятнадцати километров. В первом часу ночи гитлеровцы, обнаружив у деревни Житница нашу разведку, открыли огонь. Полк Дмитрия Худякова с ходу вступил в бой за Житницу. Я, не ожидая исхода сражения за деревню, двигал свой полк вперед короткими перебежками. Эсэсовцы открыли сильный минометный и пулеметный огонь. Те, кто вопреки приказанию ехал на лошади, были сражены. Погиб мой адъютант Андрей Капинус.

До житницы оставалось менее ста метров. Можно бы бросить полк в атаку, но жестокий огонь неприятеля прижал нас к земле. У пригорка партизаны наткнулись на старый противотанковый ров, вскочили в него, открыли ответный огонь по деревне. Запылали избы, сарай, стога соломы.

В эти минуты я видел Германа в последний раз. В плаще нараспашку, с маузером в руке он подошел ко мне и приказал выделить людей, которые подобрали бы раненых. Комбриг был недоволен большими потерями в бригаде и тем, что наш полк замешкался.

В прорыв был введен штабной отряд Кости Гвоздева. Поднялись в новую атаку и наши бойцы.

За деревней мы соединились с 3-м полком. Командир его Худяков был тяжело ранен. Вышел из строя и мой комиссар. Я принял на себя командование обоими полками, отвел их за два-три километра к условленному месту сбора. Вскоре подошли штаб бригады,

полк И. Н. Сияшкина и 2-й полк. И здесь мы узнали, что в Житнице погиб комбриг.

За телом Германа прилетел специальный самолет. Молча, попутив головы, стояли мы у гроба любимого комбрига. Многие партизаны, не стесняясь, плакали.

Командование принял Иван Васильевич Крылов. По ходатайству партизан нашей бригаде было присвоено имя Александра Викторовича Германа. С этим легендарным именем полки 3-й Ленинградской партизанской сражались с оккупантами до разгрома фашистских армий у стен Ленинграда.

СТРОКА — ОБОЙМА

Я — газетчик. И, как каждый газетчик, люблю смотреть на линотипистов, выстраивающих строки, на работу печатных машин.

Часто, беря в руки пахнущие краской, чуть влажные гранки, думаю о том времени, когда мы, партизаны, выпускали газету в тылу врага. Вся наша «типография» состояла тогда из переносного станка «лилипут» и кассы с набором литер. В первые годы войны я редактировал отрядную партизанскую газету «Бей врага!», затем подпольную «За колхозы». Но, пожалуй, наиболее интересной, оставившей самые яркие воспоминания, была работа по созданию и выпуску бригадной партизанской газеты, которая называлась «Красный партизан».

Осенью сорок третьего года на территории Осьминского района вспыхнуло народное восстание. Началось оно в деревне Кологрива, где действовала подпольная организация, возглавляемая учителем Тимофеем Пятаковым. Фашисты были изгнаны из многих деревень. Чтобы удержать за собой освобожденную территорию, было решено объединить все партизанские силы. Так в середине октября образовалась 9-я Ленинградская партизанская бригада. Командиром ее назначили Ивана Светлова, а комиссаром Ивана Дмитриева. В это же время я стал редактором бригадной газеты «Красный партизан». В штабе бригады я познакомился со вторым работником редакции. Это был наборщик Николай Варзин.

Помню, как готовили мы первый номер нашей «бригадки» — четыре маленькие полосы. Объем всей газеты — примерно триста пятьдесят строк «Правды». При наборе стараемся добиться главного — уместить на минимуме бумаги максимум текста. Сразу же определились и основные жанры — небольшая зарисовка, короткая заметка, авторское письмо, стихотворение...

И вот мы уже держим в руках первый номер «Красного партизана». День его рождения — двадцать второе октября. Бригад-

ное начальство внимательно читает газету от первой строки до последней.

Я волнуюсь, что-то уж очень придирчиво рассматривают все наше детище. Опасения оправдываются. Заключение для нас нелестное — первый блин комом. Как ни огорчила меня такая оценка, спорить не приходилось, — она была справедливой.

Комбриг Светлов критиковал в основном за недостаток информации с «переднего края», а комиссару Дмитриеву не по душе была однообразность заметок. И, наконец, все как один, не исключая и меня, понимали, что очень узок круг авторов: в газете выступили четыре человека, двое из них — командиры.

— «Бригадка» должна стать трибуной партизан, — говорили мне.

И мы начали искать, создавать свой редакционный актив. За помощью обратились к политработникам. Одним из первых, помню, откликнулся комиссар 83-го отряда Василий Паровай. От него мы получили список партизан, которые могли писать. Вслед за этой первой ласточкой появились и другие. Вскоре у нас уже установились связи со всеми отрядами, оргтрояками, созданными в каждом районе. Для наших помощников мы составили и разослали по отрядам «Памятку молодому военкору». Текст второй части ее сохранился целиком:

«1. Будь оперативным — сегодня же напиши о взволновавшем тебя событии. Кончился бой — садись и пиши о его результатах.

2. Тщательно проверяй факты, ибо враг использует малейшую неточность в нашей газете для клеветы на нас. Прежде чем отправить письмо в редакцию, проверь: не перепутал ли ты чью-нибудь фамилию, название местности, дату, верный ли сделал вывод? Чтобы не ошибиться, советуйся с товарищами и со своим командиром. Старайся писать о том, что сам видел, а не о том, что слышал от других, иначе подведешь редакцию и себя.

3. Изучай военное дело, тогда ты станешь способным правильно описывать боевые операции.

4. Пиши чаще: тренировка повышает мастерство корреспондента. Подбирай меткие слова, запоминающиеся сравнения, не повторяй своих фраз, не пересказывай где-то прочитанное, пиши по-своему.

5. Учитывай размеры нашей газеты: ни одна заметка не должна превышать тетрадной странички.

6. Не бойся ставить свою фамилию... Смелость должна быть во всем.

7. Помни: добросовестный корреспондент бьет врага не только

штыком, но и пером. Сражайся не только в открытом бою, но и в минуты отдыха.

8. Будь примером дисциплины, отваги, учебы, политической стойкости. На тебя должны равняться друзья и товарищи. Участие в газете обязывает быть бдительным, стойким, выдержанным, смелым».

«Памятка» наша была далеко не совершенна. Наверное, теперь ее можно было сделать и более красивой, и менее длинной. Но тогда, честно сказать, нас это особенно не волновало. Больше всего мы боялись забыть что-нибудь важное. «Памятка» нам во многом помогла. В редакцию стали поступать письма с заметками от партизан разных отрядов. Их привозили разведчики, связные, политработники.

Теперь нас уже нельзя было упрекнуть в узости авторского актива. Постоянными нашими корреспондентами стали пулеметчик А. Алексеев, подрывник В. Вершинин, гранатометчик А. Иванов, разведчик А. Фоменко, ротный командир А. Дроздов, политрук Б. Сивков, командиры отрядов И. Ковалев и М. Круглов, партизаны В. Тимин, К. Петров, П. Жильцов, медсестра А. Лильбок, председатель Осьминской оргстройки И. Скурдинский и другие.

Стремясь сделать «Красный партизан» интересным для всех, мы много писали о проводимых операциях, старались, чтобы о действиях в тылу врага рассказывали сами их участники.

Помню, как впервые я встретился с политруком Александром Ивановичем Трубышевым, ставшим потом нашим постоянным корреспондентом.

Недалеко от взорванного моста стоял подбитый танк с большим крестом на борту. К нему прислонился человек с черной кудлатой бородой. Попыхивая трубкой, он что-то торопливо писал.

— Над чем трудитесь? — спросил я.

Вместо ответа на мой вопрос бородач представился:

— Трубышев. Вот заметку настрочил. Теперь редактора искать буду.

Узнав, что я и есть редактор, Трубышев попросил посмотреть его «сочинение». Называлось оно «Разбойничий маневр не удался». В заметке рассказывалось о замечательной победе партизан, отбивших налет карателей. От автора корреспонденции я узнал, что партизан было втрое меньше, чем противника.

Потом я сам видел, как читали газету, рассказывавшую об этом бое, партизаны. Бойцы восхищались отвагой своих товарищей, обсуждали подробности боя.

Поистине поразительной была и та ответственность, которую чувствовали авторы заметок перед будущими читателями газеты. Однажды я встретился с партизаном Федором Гавриленковым. Он собирался на задание. Их небольшая группа должна была подобраться к железнодорожному полотну и заложить взрывчатку. Прощаясь с ним, я попросил написать в газету о результатах операции, о том, как она проходила.

— Сколько строк?

— Хорошо бы двадцать.

Через три дня я получил треугольничек. Развернул — заметка. Федор Гавриленков писал о том, что в районе станции Сала партизаны взорвали триста рельсов, пустили под откос вражеский эшелон, шедший к Ленинграду. По сигналу подрывников этот участок дороги бомбили советские самолеты.

— А где же автор? — спросил я.

— Ранили его, — ответил боец, доставивший письмо.

Я отправился в госпиталь. Протискиваясь между плотно составленными койками, старательно вглядываюсь в лица. Когда уже почти отчаялся разыскать, вдруг почувствовал: кто-то трогает меня за руку. Обернулся и увидел Федора. Его трудно было узнать — он только что перенес тяжелую операцию.

Виктора НИКАНДРОВА война застала в Осьмине, где он редактировал районную газету «За колхозы». 14 июля 1941 года в Осьмино ворвались немецкие танки. Виктор Никандров ушел в лес. В тылу врага он редактирует отрядную газету «Бей врага!» и подпольную «За колхозы», участвует в выпуске антифашистской литературы для пяти районов — Гдовского, Лядского, Лужского, Сланцевского и Осьминского.

С осени 1943 года Никандров — редактор газеты «Красный партизан», издававшейся политотделом 9-й Ленинградской партизанской бригады.

После войны Виктор Яковлевич редактировал газету «За колхозы», затем работал редактором газеты «За культуру торговли».

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Ничего. Заметочку получили? — И, слабо улыбаясь, пошутил: — Строчек-то хватило?

На страницах газеты делились опытом работы партийные и комсомольские вожаки. О формах и методах политической работы среди партизан писали, например, начальник политотдела Василий Егоров и его заместитель Аркадий Миролюбов.

В редакцию приходило также много писем от людей, которые бежали из концлагерей, тюрем, иногда даже из-под расстрела. Рассказывая о том, как мучителен фашистский плен и как с удвоенной энергией берутся за оружие те, кто бежал из фашистских застенков, мы развенчивали лживую гитлеровскую пропаганду о «германском рае» для покорных.

Газету по-прежнему печатали на нашем испытанном «лишпуде». Этот небольшой тискальный станок из дюралюминия оказался на редкость выносливым и удобным. В то время у нас уже выработался целый ряд приемов, необходимых для работы в необычных условиях. Так, скажем, фанерные ящички кассы заменили кисетами, спитыми из парашютного шелка. Для каждого знака — отдельный кисет. В условиях частых передвижений эта наша рационализация удивительно помогла. Дело в том, что из фанерной кассы мы теряли много литер. Кисеты же были надежным хранилищем, и к тому же собрать их можно было куда быстрее, чем любую деревянную кассу.

Раньше, когда выпускали отрядную газету, у нас были большие трудности с бумагой. Печатать приходилось на обрезках обоев, на обратной стороне фашистских листовок. Теперь бумагу нам сбрасывали с самолетов вместе с хлебом, обувью и другими вещами. Эти «подарки с неба», как в шутку говорили тогда, очень выручали нашу газету. Позже партизаны захватили Ляды, где находилась типография, а в ней и значительный запас бумаги, сделанный захватчиками.

Одно время наша редакция со всем имуществом размещалась в помещении штаба бригады. Это было очень удобно, потому что мы всегда оказывались в курсе всех событий партизанской жизни.

Руководство бригадой оперативно использовало газету и как информационный источник, и как печатный орган, через который можно было пропагандировать тактику партизанской борьбы. Поэтому нередки были случаи, когда об изменении тактики партизаны узнавали из газеты.

Мы много и часто писали о партизанах-подрывниках. Это не случайно. Дело в том, что диверсии были одной из основных форм

нашей борьбы против захватчиков. В одной из своих корреспонденций начальник штаба бригады Филиппов писал, что подрыв вражеского эшелона — равносильен выигранному сражению.

Партизаны несколько раз выступали с заметками, в которых убедительно доказывали, что на железной дороге удобнее и выгоднее действовать не крупными отрядами, а мелкими группами, способными передвигаться скрытно от противника, быстро и без потерь уходить от преследования в случае неудачи. Вскоре к этому же выводу пришло и командование бригады. В отрядах были созданы небольшие диверсионные группы по три, четыре, пять человек. Задания они выполняли более оперативно.

Тактика партизанской войны постоянно менялась. Она не была статичной, установленной раз и навсегда. Менялись обстоятельства — менялись и формы борьбы. Так, в начале сорок четвертого года, например, партизаны снова стали выходить на железную дорогу крупными отрядами.

«Красный партизан» внимательно следил за всеми изменениями тактики, пропагандировал те боевые действия, которые в данных условиях, в определенных обстоятельствах могли быть наиболее эффективными.

В одном из номеров газеты сообщалось: «Группа разведчиков — Яковлев, Рурцкий, Стратий и Горячев под командованием тов. Поращенко — на днях пустила под откос два немецких эшелона с составами сорок и сорок пять вагонов».

А через некоторое время ко мне пришел командир группы Семен Зарубин:

— Вот вы написали, что разведчики сразу два эшелона под откос пустили. А ведь мы иногда за один поход пускаем три,

четыре эшелона. Так сказать, серийные взрывы совершаем. А газета об этом не пишет.

Пришлось перед Зарубиным извиняться. В заметке, которую Семен Зарубин написал по моей просьбе, он рассказал: «Немцы устраивали неоднократно погони за нами, но мы, отбиваясь, уходили, а потом снова возвращались к «железке» и выполняли свое задание». А задание у четверки партизан, в которую входил Семен Зарубин, было, прямо скажем, нелегкое — уничтожить четыре эшелона врага, по одному на каждого члена группы.

Вели мы тогда большую пропагандистскую работу. Моя работа, в частности, не ограничивалась только сбором, написанием или редактированием заметок в «Красный партизан». Много времени штаб бригады и редакция уделяли выпуску листовок. Их тематика была довольно разнообразной.

Во многих листовках сообщалось о том, где и когда, на каком участке собираются проводить те или иные операции карательные экспедиции, куда направляются наиболее значительные соединения противника.

В других листовках освещались события на фронте, приводились сводки Совинформбюро. Составляли мы и обзоры сводок за отдельные периоды — за десять дней, за месяц. Одна из листовок, например, вышедшая в январе сорок четвертого года, называлась «Успехи Красной Армии в 1944 году».

Часто в листовках мы использовали частушки, сказки, стихи, авторами которых были местные жители.

Как-то начальник бригадной разведки Федор Егоровиков принес мне толстую тетрадь:

— Вот, балуется тут один колхозник.

На обложке было написано: «Н. Е. Клепиков. Стихи военных лет».

Вспоминаю, что человека этого как будто я знаю. Среднего роста, на лице седоватая щетина, носит тужурку и кирзовые сапоги, в разговоре нетороплив, вежлив. Всю свою жизнь Клепиков прожил в деревне. Последние годы он работал директором пригородного совхоза. В Захрелье попал как беженец. Здесь он связался с подпольной группой, которой руководила Евгения Кузнецова, тогда же стал сочинять антифашистские стихи, сказки, басни.

В тетради стихов было очень много. Некоторые из них наизусть знали десятки наших людей, живших в оккупации.

Очень понравился мне тогда «Наш ответ на немецкую листовку». Написан он был от имени крестьян Осьминского района,

которых враги пытались сагитировать на отъезд в Германию. Клепиков остроумно высмеивал мнимую доброту фашистов.

Всего наша редакция выпустила около ста листовок. Пожалуй, наиболее интересной была судьба одной из них. Той, которая называлась «Коменданту Кингисеппского района».

Главари оккупантов пытались и угрозами, и различными посулами всевозможных благ остановить начавшийся массовый уход населения в леса под защиту партизан. В конце сорок третьего года комендант Кингисеппского района выпустил даже «Воззвание к населению».

В этой широко распространявшейся захватчиками листовке писалось:

«Ваши деревни разорены, ваш скот угнан. Домашнее хозяйство по большей части уничтожено. Вы сами убежали в леса. У вас нет ни пристанища, ни хлеба. Суровая зима стоит у дверей.

Вы с вашими детьми должны погибнуть от голода и холода. Я вижу ваше горе и хочу вам помочь. Вы должны снова обрести дом, пищу и работу... Доверьтесь мне, как вашему коменданту, и последуйте моему благожелательному призыву... Выходите из ваших убежищ. С вами ничего худого не случится...»

Однако роль благодетеля комендант долго играть не мог и во второй части воззвания перешел к угрозам:

«Кто не последует моему приглашению и останется в лесах, тот погибнет. Многочисленные команды будут обыскивать леса, и каждый, кто будет обнаружен в своем убежище, будет взят как партизан и осужден. Все будут найдены, как бы далеко в лес ни спрятались».

В ответ на это воззвание политотдел бригады во главе с комиссаром Дмитриевым решил написать листовку «Коменданту Кингисеппского района». Участвовал в ее создании и я, как редактор бригадной газеты.

В ответ фашистскому коменданту мы старались вложить всю ту страстность, которая была в наших сердцах, все то негодование, которое вызвало его наглое и лицемерное послание.

«Мы привыкли к немецким приемам одурачивания народа, — говорилось в письме, — но твое воззвание, фашистский пес, по своей наглости занимает первое место среди подобных документов.

Ты пишешь: «Вас постигла суровая участь... Ваши деревни разорены... У вас нет ни пристанища, ни хлеба». А кто это сделал? Ведь это твоя работа, кровавый бандит!

Но по твоему ли приказу сожжены деревни Монастырек, Воронцово и другие?

Но по твоему ли приказу расстреляны десятки стариков и старух?

И теперь у тебя хватает наглости писать: «Я вижу ваше горе и хочу вам помочь... Доверьтесь мне, как вашему коменданту».

Чем ты хочешь помочь, сукины сын?

Угнать русских людей на каторгу в Германию — мы знаем это!

На вабойтесь о русском населении, лучше поторопись спасти свою продырявленную шкуру... Ты готовишься удрать из Кингисеппа. Поспеши — иначе будет поздно.

Ты грозил населению посылкой в лес карательных отрядов. Попробуй сунься, мерзавец, — мы там тебя встретим. Мы, партизаны, сумеем защитить своих русских людей».

Заканчивалось письмо фразой: «Итак... не трать бумагу, не думай о посылке в лес против населения карательных отрядов, скоро ты получишь партизанскую гранату у себя же на квартире».

Сотни экземпляров листовки были разосланы по Кингисеппскому району. Они попали к жителям Черна, Монастырьки, Воронцова, Сухоноса и других деревень.

Наши разведчики сумели доставить письмо и самому коменданту. Он обнаружил его во время обеда у себя под тарелкой. Увидев листовку, комендант вызвал переводчика. Заикаясь от страха, тот переводил текст. Комендант, нахмурившись, слушал ответ на свое воззвание. Последняя фраза явно напугала фашиста. Он попросил перевести ее еще раз. Угодливый переводчик с удовольствием подобрал бы слова помягче, но как ни выслуживайся, а переводить надо. И за столом коменданта еще раз и еще раз повторенное переводчиком прозвучало роковое: «Получишь партизанскую гранату у себя же на квартире».

— К обеду — листовка, а к ужину — граната. Здесь все может быть. — И комендант приказал подать машину.

А вскоре на телефонный звонок начальника районной полиции Кудрявцева, желавшего переговорить с комендантом, дежурный не мог ответить ничего, кроме:

— Майор куда-то уехал.

Потом позвонил городской голова Сарафанников. Ему ответили тоже:

— Майор куда-то уехал.

По Кингисеппу пронесся слух — комендант сбежал. Не заставили себя долго ждать и другие фашисты и их прислужники.

Город вскоре покинули начальник района Гонтарь, командир карательного отряда Симсон, офицер-гестаповец Мардер, начальник полиции Кудрявцев, городской голова Сарафанников.

Выпуская листовки и газету, мы постоянно должны были заботиться о том, чтобы они попадали не только в партизанские отряды, но и за границу освобожденного от оккупантов края. Больше десятка постоянных наших рассылных связывались там с подпольщиками или сами разносили газету и листовки. Огромное мужество нужно было иметь, чтобы решиться во вражеском тылу распространять партизанскую литературу.

Одной из таких наших помощниц была колхозница деревни Бор-1 Степанида Круглова. Под видом юродивой она проходила даже в охраняемые гитлеровцами деревни Гдовского и Сланцевского районов. Неумоимо совершала она свои многокилометровые путешествия с опасным грузом листовок и газет. Никогда не терялась, умела выйти из самого тяжелого, самого рискованного положения. Круглова жива и сейчас. Вспоминая войну, она с улыбкой говорит:

— Легка на ногу была.

Круглова входила в деревню — на ней потрепанная фуфайка, лицо темное, мрачное, на голове и ногах разноцветные тряпки, в руках палка, из-под полы торчит торба, а рядом всегда бежит Шарик — верный, умный и очень хитрый пес, помесь дворняжки с овчаркой.

— Подайте Христа ради милостыню, — требовательно просит старуха и старается зачем-нибудь зайти в хату. Юродивой не препятствуют, — божий человек. А после ухода Степаниды в доме находят газеты и листовки.

Однажды Степаниду Куприяновну окружили несколько гитлеровцев, хотели ее обыскать. Но она оказалась куда хитрей: незаметно отстегнула лямки, и торба с листовками упала на землю. К ней было потянулся офицер, но Шарик опередил его и, схватив опасный груз в зубы, бросился бежать домой. Эта собачья догадливость была результатом долгой и упорной дрессировки.

— Говори, что было в торбе? — закричал фашист.

— Хлебушко, хлебушко... Собака утащила, — запричитала «нищенка», — да у меня еще есть, покушай и ты, пожуй, — и протянула офицеру горбушку.

— Тьфу, тварь, — выругался гитлеровец. — Пошла отсюда.

Дома Степанида Куприяновна нашла сумку в полном порядке. И, выдав Шариком заслуженную награду, тут же собралась в путь по новому маршруту.

Жил в деревне Русско дед Микишка. Так не очень почитательно, но тепло и по-доброму называли его здесь все от мала до велика. Он тоже разносил по домам листовки и партизанскую газету.

Однажды дед Микишка чуть не погиб. На церковной площади он как будто поднял только что «найденную» нашу газету и стал читать ее вслух. Прихожане крестились:

— Слава тебе, господи, наши наступают!

И вдруг раздался угрожающий бас:

— Прекратить пропаганду!

Это закричал один из полицаев, сопровождавших начальника полиции Доложской волости Карабанова, подъехавшего на богослужение. Полицейский Михайлов подскочил к старику, выхватил газету. Не поленился наказать собственноручно деда и Карабанов. Стащил с него сапоги, избил, а потом велел босиком топтать домой.

Деда Микишку было не узнать. Куда девалась его осторожность. Он изловчился, плюнул в лицо Карабанову.

— Сегодня твоя власть — вешай, я смерти не боюсь. Только помни — не долго вам хозяйствовать. Может, завтра прибежишь ко мне прощенья просить...

Опешившие полицейские молча слушали, как беззащитный старик кричал на их начальство. А тот чувствовал, что люди, сгрудившиеся вокруг, ненавидят его, понимал, что может не уйти живым от этих безоружных крестьян. И случилось невероятное. Никто больше не тронул Микишку. Карабанов и Михайлов пошли в перновь. Крестьяне остались на улице слушать деда Микишку, безбоязненно пересказывавшего изорванную газету.

Шло время, и вместе с бригадой, которая в феврале сорок четвертого года двигалась к станции Плюсса, отправилась в поход и наша небольшая типография. Мы с некоторым сожалением, но и не без удовольствия покинули обжитое помещение и, погрузив свой верный станок, остатки бумаги и кисеты с литерами, снова начали кочевую жизнь. До этого наш «Красный партизан» выходил один раз в декаду. И теперь мы старались не нарушать этого порядка выпуска номеров. Поэтому приходилось иногда делать газету в самых неподходящих для этого условиях.

И все-таки однажды, несмотря на наше упорство, мороз чуть было не помешал выходу газеты. Но выпустить номер надо было обязательно. Партизаны готовились к бою. Газета должна была рассказать о целях ближайшей операции.

На привале наборщик Николай Варзин развернул типографию. Поеживаясь от мороза, начал набирать текст.

Это был высокий, костлявый парень, с веселым прищуром карих глаз. Работал он самозабвенно. Но тут и у Николая ничего не получалось. Он то и дело дул в покрасневшие кулаки, грел пальцы.

— В чем дело? — спросил я.

— Шрифт приваривается.

Промерзший металл «кусался».

— А ты подвинься поближе к костру.

Это немного помогло. Вытягивая руки над пламенем, Варзин набирал заметки. Тут же верстал полосы. А когда покрасневшие от дыма глаза все-таки начали слипаться, Николай тихо запел.

Так под «Стеньку Разина» проработали до рассвета. Потом начали печатать. Я подавал Варзину бумагу. Оттиски получались «плешивые». Застывшая на морозе краска не раскатывалась по свинцу. Мы уже начали отчаиваться, когда к нашему бивуаку подкатил бригадный врач Евгений Васильев. Он-то и спас нас, пожертвовав на нужды газеты кружку спирта. Мы влили его в краску, и дело пошло. Когда приехали связные, развозившие газету по отрядам и по ротам, уже все было готово. Варзин, успевший вымыть руки, шутил:

— Нам не страшен Дед Мороз.

И снова наш «Красный партизан» звал в бой своих читателей.

КОММУНИСТЫ ПОДНИМАЛИСЬ ПЕРВЫМИ

Поезд медленно шел на Восток. На всем долгом пути до Омска тревожное беспокойство владело мною. Никак не мог свыкнуться с временным бездействием, с ролью мирного пассажира. Как-то странно было перенестись вдруг из вражеского тыла в глубину России. В окно вагона видел тихие заснеженные селения, яркий свет на улицах больших городов...

Война застала меня на посту второго секретаря Дедовичского райкома партии. Наш район входил тогда в состав Ленинградской области. Когда гитлеровцы ворвались в Псков, мы организовали конный партизанский отряд и назвали его «Буденовец» — в честь Первой конармии. Командовать отрядом стал Николай Александрович Рачков, секретарь нашего же райкома по кадрам. Все знали, что я в прошлом — военный моряк, прошел в свое время переподготовку и получил звание батальонного комиссара запаса.

— Быть тебе комиссаром отряда, — решило бюро районного комитета партии.

«Буденовец» действовал самостоятельно недолго. Вскоре наш отряд влился во 2-ю партизанскую бригаду. Бойцы этой бригады разгромили фашистские гарнизоны на станции Судома, в селе Яски, районном центре Дедовичи, совершили налет на город Холм. Во всех этих боевых операциях участвовал и отряд «Буденовец», ставший одним из полков бригады.

В тяжелые месяцы первого года войны наши бойцы завязали крепкую дружбу с сибиряками, вели оживленную переписку с трудящимися города Омска. И вот когда осенью сорок второго года бригада получила короткую передышку, меня и уполномочили поехать в Западную Сибирь, чтобы рассказать труженникам далекого тыла о боевых делах ленинградских партизан. Я знал, что скоро вернусь к друзьям, но расставаться с ними, хотя и ненадолго, было тяжело. Особенно тревожила и печалила меня болезнь нашего комбрига Николая Григорьевича Васильева.

А поезд, обычный почтовый, забитый до отказа пассажирами, пропуская вперед санитарные эшелоны, шел и шел на Восток. В долгие часы раздумий я успокаивал себя тем, что выполняю важную миссию, что наверняка по возвращении окажусь снова среди боевых друзей и вместе с ними буду воевать с фашистскими захватчиками по ту сторону фронта.

В Омск приехал в самом конце декабря. Город готовился к встрече Нового года. На одной из улиц я увидел огромные снежные фигуры Деда Мороза и героев русских сказок. Покрытые ледовым панцирем, они нарядно серебрились при свете фонарей.

Омичи встретили меня радушно. Всюду, где бы мне ни приходилось бывать, слышал я, с каким восхищением говорили о родном Ленинграде. Сибиряки очень интересовались, как живет и борется богатырь на Неве, как воюют в тылу врага наши партизаны. Выступая на заводах и фабриках, я старался обстоятельно ответить на множество вопросов.

— Омичи, — сказали мне в областном комитете партии, — решили сначала одеть и обуть сто партизан, а потом увеличили эту цифру в два раза. Возьмете с собой в подарок полушубки, валенки, рукавицы, белье.

Но подарков оказалось больше, чем предполагалось. Для них понадобились два вагона. Когда началась погрузка, то и дело слышались озабоченные вопросы:

— Мыло положили?

— А табачок?

— Одеколон не забудьте, пригодится...

И все новые ящики втаскивали в вагоны.

Путешествие в Омск и обратно заняло у меня довольно много времени. Когда я вернулся с богатыми подарками, 2-я бригада была на марше. Потом она втянулась в бой, помогала бригаде А. В. Германа. Погода, как на грех, была хмурая, нелетная. Друзья говорили, что характер у меня ровный, спокойный, но тут я не выдержал: невольное бездействие злило. Я чертыхался, проклинал «небесную канцелярию». Только через несколько дней подарки удалось погрузить в самолеты и сбросить в расположение 2-й бригады. Наконец-то и я вместе с двумя радиостами и группой оперативных работников вылетел в тыл противника.

Полет был удачный. Ночью самолет наш приземлился на лесной поляне неподалеку от деревни Верхний Мост. Первым, кого я встретил тут, был Николай Павлович Баклыков, бывший уполномоченный наркомата заготовок по Дедовичскому району. Те-

перь же он был вроде коменданта здесьнего аэродрома. Даже в ночной темени я заметил, что Баклыков как-то осунулся, был задумчив и начать разговор со мной почему-то медлил.

— Как дела? Говори всю правду, — торопил я, предчувствуя что-то недоброе.

— Умер комбриг. Бригада понесла в боях большие потери, — сказал Николай Павлович.

От него я узнал, что здесь, на аэродроме, находится сорок восемь раненых партизан. Вот-вот должны прибыть санитарные самолеты, на которых их следует отправить в Валдай. В кустарнике, окаймляющем поляну, расположился отряд Алексея Владимировича Алексеева. Было у него только шестьдесят бойцов. Рачков, ставший комбригом вместо умершего Васильева, приказал отряду охранять раненых.

— Потом пойдем догонять свою бригаду, — закончил свой невеселый рассказ Баклыков.

Увы, все повернулось иначе. Мы пробыли на лесном аэродроме только две ночи. Хорошо, что у нас оставались лишь легкораненые, а то туго бы нам пришлось. Гитлеровцы то ли по кострам, то ли по доносам своей агентуры разузнали об аэродроме и подошли к нему вплотную. Вступать в бой с превосходящими силами противника было бессмысленно, и отряд Алексеева стал отходить в леса, в сторону районного центра Карамышево. Мне не оставалось ничего иного, как идти вместе с этим отрядом.

По пути к нам присоединилась группа Ильи Иванова из двадцати девяти человек, отбившихся от бригады. Потом пришли военнопленные, бежавшие из псковских фашистских лагерей. Установив радиосвязь с Ленинградским штабом партизанского движения, мы получили приказ развернуть рельсовую войну на железной дороге Псков—Ленинград и активно проводить массово-политическую работу среди населения.

В тылу врага, где тысячи советских людей временно оказались под игом фашистских оккупантов, партизаны-коммунисты считали своим первейшим делом держать народ в курсе всех событий, происходящих на фронтах Отечественной войны. Наш неутомимый радист Иван Павлович Толстухин добросовестно записывал сводки Советского Информбюро. Затем эти сводки переписывались в отряде непременно химическим карандашом, и агитаторы, захватив с собой несколько экземпляров, отправлялись с ними по деревням. Большим праздником было для нас, когда самолеты сбрасывали над партизанским лагерем газеты. Позже, уже после войны, я узнал, что только в июле сорок третьего года Ленинградским

штабом было переправлено в тыл противника пятьдесят восемь тысяч экземпляров «Ленинградской правды», «Ленинградского партизана» и других газет, двести пятьдесят восемь тысяч экземпляров разных листовок. А нам все было мало.

К августу в отряде было уже триста бойцов. Мы вышли тогда в верховья реки Кебь, к северо-востоку от станции Торошино. Двадцать седьмого августа заместитель начальника оперативной группы Ленинградского штаба партизанского движения подполковник А. А. Тужиков по радиации запросил нас: возможно ли на базе отряда создать полк, который вошел бы в состав 2-й бригады? Мы с Алексеевым ответили, что вполне возможно.

Командиру полка Алексею Владимировичу Алексееву в ту пору не было еще и тридцати лет. В самый канун войны он окончил военное училище связи и в петлицы гимнастерки ввинтил по два лейтенантских «кубика». Кадровый полк, в котором начал боевую службу молодой командир, попал в окружение. Алексеев в лесах под Псковом сразу же нашел дорогу к партизанам. Был командиром взвода, затем начальником штаба отряда «Храбрый». В самой сложной обстановке в тылу врага он умел быть по-воински подтянутым, от всех требовал строгой армейской дисциплины, не допускал малейших отступлений от законов солдатской служ-

Александр Федорович МАЙОРОВ родился в 1909 году в семье рабочих-текстильщиков в деревне Кузнецово Вичугского района Ивановской области. В 1924 году вступил в комсомол, в 1931 году стал членом ВКП(б).

Окончив в Ленинграде Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, он работал начальником политотдела совхоза «Красная Горка». Затем был избран вторым секретарем Дедовичского райкома партии.

С июля 1941 года Майоров — комиссар партизанского отряда «Буденновец», а с января 1942 года — начальник политотдела 2-й Ленинградской партизанской бригады. Осенью 1943 года он становится комиссаром 7-й партизанской бригады.

В настоящее время А. Ф. Майоров живет в Пскове, работает на заводе АТС.

бы. Партизанский полк стал теперь выполнять сложные боевые задачи.

Посреди лесных массивов расположена деревня Мараморна, а прямо на север от нее, на шоссе Псков—Луга, — селение, со схожим, но игриво-веселым названием Мараморочка. В ней стоял довольно большой вражеский гарнизон — до двухсот солдат и офицеров. Фашисты отсюда высылали на шоссе патрули с легкими танками, бронемашинами и мотоциклистами. Это мешало нам: когда подрывники шли к железной дороге или возвращались оттуда, Мараморочка была самым удобным местом для перехода шоссе. Надо было поскорее очистить деревню от захватчиков. Командир полка Алексеев приказал выполнить это боевое задание отряду Василия Павловича Плохого:

Снова и снова разведчики изучали поведение противника, уточняли данные о его численности и вооружении. Отряд в сумерках вышел из своего лагеря и, когда совсем стемнело, занял исходный рубеж на опушке, метрах в двухстах от деревни. По сигналу партизаны стремительными перебежками миновали открытое поле и ворвались в Мараморочку. Фашисты не ждали нашего «визита», но сопротивлялись упорно. Неожиданно из подвалов домов ударили минометы. И крепко же попало потом разведчикам от командира за эту недоглядку! Но наступательный порыв был так стремителен, что партизан не мог остановить и минометный огонь. Враг был разгромлен. После этого фашисты избегали задерживаться в Мараморочке.

Несмотря на неизбежные потери, полк разрастался за счет постоянного пополнения новыми бойцами. В октябре к нам пришло более тысячи местных жителей. Двадцать седьмого октября штаб партизанского движения издал приказ о реорганизации нескольких соединений и о создании на базе нашего полка 7-й бригады. Комбригом стал Алексей Владимирович Алексеев.

Я был назначен комиссаром бригады, а начальником штаба — Александр Федорович Кармалев. Оперативная группа прислала кадрового командира Андрея Кирилловича Фотеева на должность заместителя комбрига по разведке. В нашу бригаду вошли семь отрядов. Мы продолжали проводить диверсии на дорогах, нападали на гарнизоны врага.

Серьезной преградой на подходе к железной дороге Псков—Дно—Старая Русса было село Большое Загорье, расположенное на возвышенности вдоль шоссе. Состояло оно из ста тридцати семи дворов. Подступы к нему со всех сторон были открытыми,

лишь с севера зеленел мелкий лесок. На колокольне сельской церкви гитлеровцы оборудовали удобный наблюдательный пункт. Чувствуя себя в относительной безопасности, они держали здесь небольшой гарнизон — около восьмидесяти солдат и офицеров. Надо было уничтожить этот гарнизон.

Мы решили овладеть селом штурмом под покровом ночи. Гитлеровцы, однако, обнаружили отряд Василия Плохого и открыли сильный автоматный огонь. Стреляли из минометов и из пушек двух танков, закопанных в землю. Наши бойцы залегли. Но командир отряда сразу понял, что медлительность равносильна гибели, и поднял партизан в атаку. Тем временем отряды М. А. Соловьева и И. М. Жеребцова обошли село с флангов. Бой был ожесточенным и длился почти до рассвета. Гитлеровцы потеряли только убитыми сорок пять солдат и офицеров. Но и для нас налет на Большое Загорье не обошелся без жертв: смертью храбрых здесь пали тринадцать бойцов, ранено было больше двадцати человек. Подобрал всех раненых партизан, медицинская сестра Ольга Михайловна Васильева привезла их на подводах в только что созданный лесной госпиталь.

В лесу неподалеку от деревни Утехи рота под командой Михаила Сазонова по заданию штаба бригады построила десяток землянок, в которых разместились «палаты», перевязочная, изолятор, кухня, баня. Лесной полустационарный госпиталь мог сразу же принять до ста пятидесяти раненых. Снабжать их медикаментами, питанием и всем остальным необходимым должна была специальная группа хозяйственников во главе с А. П. Зайцевым. Нашелся у нас и превосходный кулинар — бывший морской кок Я. П. Шмалько. Врачи Г. М. Богданов, П. Г. Карпенко, Н. М. Лобанова делали все возможное и невозможное, чтобы вернуть силы своим подопечным, скорее поставить их на ноги. Самолеты доставили из советского тыла и сбросили на парашютах медикаменты, перевязочный материал, хирургический инструмент. За время боевых действий бригады здесь перебивало более шестисот человек. Все они выздоровели, вернулись в строй. В нашем госпитале было только два смертных случая. На аэродроме, откуда мы отправляли тяжелораненых в советский тыл, работала замечательная медсестра М. С. Мстиславская.

В боях мы несли неизбежные потери, но партийная организация в бригаде не уменьшалась, число коммунистов возрастало с каждым месяцем.

Не было, пожалуй, такого партийного собрания, на котором не обсуждался бы вопрос о приеме достойнейших бойцов в ряды

Коммунистической партии. Третьего ноября в члены ВКП(б) был принят командир 1-го отряда Василий Павлович Плохой. С того же дня стали кандидатами в члены партии Иван Васильевич Леоненко и Василий Иванович Черноглазов. Строго, принципиально подходили коммунисты к каждому обсуждаемому на собрании вопросу, шел ли разговор о достойной встрече двадцать шестой

годовщины Октября, или о строительстве зимнего лагеря, или о создании продовольственной базы. Решения принимались лаконичные: «...Дать один «концерт» и разбить десять автомашин». «Концертами» партизаны называли взрывы на железных и шоссе-ских дорогах. Так и записали любимое словечко в протокол. Ну а почему решили разбить именно десяток вражеских автомашин, — не помню. Должно быть, такая цифра была принята как минимальная. Часто партийные собрания проводились наскоро, перед боевыми операциями, некогда было заниматься шлифовкой протокольных записей.

Главное то, что коммунисты бригады выполняли свои решения и, участвуя в боевых операциях, всегда проявляли мужество и отвагу. Это они в критическую минуту боя, когда, казалось, никакая сила не могла оторвать тебя от земли и бросить в огненный вихрь, первыми поднимались в атаку.

Аширбай Коенковоз — рабочий-строитель из поселка Токтоян в далекой Киргизии — начал воевать в знаменитой гвардейской дивизии имени генерала И. В. Панфилова. Там он и вступил в ряды нашей партии. Случилось так, что при выполнении боевого задания Коенковоз попал в окружение. После этого он и оказался в нашей 7-й партизанской бригаде. У нас он был отважным разведчиком, потом стал командиром роты. При участии Аширбая

партизаны однажды захватили штабную машину гитлеровцев и взяли в плен двух офицеров, которые дали важные показания. Только за один месяц рота Коенкозова пустила под откос десять вражеских эшелонов, уничтожила много боевой техники врага.

Аширбай погиб смертью героя в неравном бою, когда враг бросил против нас крупные силы карателей.

Во многих боевых делах отличился Иван Васильевич Леоненко, тот самый, которого принимали кандидатом в члены партии на собрании третьего ноября. По возрасту Леоненко не мог быть мобилизован в начале войны. Он пошел в армию добровольцем. В военной школе овладел специальностью радиотелеграфиста и был зачислен в танковую бригаду. Вдруг обнаружилась болезнь. Уволили в запас. Как же все-таки попасть на фронт? Парень связался с представителем Центрального штаба партизанского движения, недолго поучился и стал инструктором-подрывником. Профессия самая нужная для войны во вражеском тылу. Воевал вначале Иван Леоненко во 2-й бригаде, одним из последних покинул Партизанский край. Потом стал начальником штаба в отряде Алексея Федоровича Тараканова, а затем у нас, был секретарем комсомольской организации и заместителем командира 1-го отряда по разведке. Диверсии на «Варшавке», бой за Мараморочку, засады на шоссе на дорогах, взрыв Торошинского железнодорожного моста — в этих и многих других боевых операциях участвовал коммунист Леоненко. Дважды он был ранен.

Отважно воевали и партизаны-комсомольцы. Пулеметчик 1-го отряда Алексей Кулин истребил более ста фашистов. Много раз прикрывал он огнем своего пулемета отход подрывников.

Хорошо помню совсем юного Алешу-пулеметчика. Низкорослый, с непокорной прядью светлых волос, выбивающихся из-под шапки, этот паренек со своим пулеметом появлялся в бою там, где был больше всего нужен крепкий огонь по врагу.

Комсомолка Анна Филиппова подорвала четыре вражеских эшелона. Как сейчас вижу ее, склонившуюся над рельсами. Вдоль железнодорожного полотна гитлеровцы на двести метров вырубили деревья, под насыпью положили сухой валежник — он трещал под ногами. Попробуй пройти тут тихо и скрытно! К тому же всюду бродят вражеские патрули. А наша Аня проходила и, выбрав место, начинала долбить финкой мерзлый песок, чтобы получше заложить взрывчатку. Если только можно было на одну минуту забыть, что идет война и что мы действуем в глубоком вражеском тылу, показалось бы, будто девушка спокойно занимается каким-то мирным делом.

Накануне двадцать шестой годовщины Великого Октября пришла к комбригу группа коммунистов с предложением:

— Давайте подготовим к празднику хороший боевой подарок.

— Дело стоящее, — одобрил Алексеев, выслушав партизан.

Решили устроить засаду на перекрестке шоссе Псков—Шимск и Торошино—Карамышево. Место было оживленное. В светлое время суток тут проезжало много легковых автомобилей с разными военными чинами. Комбриг создал сводный отряд и взял командование им на себя. Неподалеку от деревни Лопатово, на высотке, поросшей кустарником, еще перед рассветом расположили мы группы партизан с противотанковыми гранатами. Вдоль шоссе расставили заслоны. Напряженно смотрим в бинокль на серую ленту дороги. Пусто и тихо вокруг.

— Не пронюхали ли фрицы о нашей засаде, — говорит кто-то вполголоса.

— Досадно, — отзывается комбриг. — Подождем часов до десяти.

Вдруг со стороны Пскова показались три автомобиля. Они шли на расстоянии двести метров друг от друга. Когда первая машина приблизилась к высотке, оттуда полетела граната. Грохнул взрыв.

Гитлеровцы, наверно, думали, что засада невелика, и из второй машины стали отстреливаться. А пассажиры третьего автомобиля бросились наутек по канаве. Путь им преградил наш пулеметный огонь. Бойцы, стреляя из автоматов, кинулись на дорогу. Десятерых фашистов захватили в плен.

— А ведь я видел, что их было одиннадцать, — заметил комиссар отряда Орест Иванович Круглов. Он бродил по обочинам, разыскивая еще одного гитлеровца. По обеим сторонам чернели воронки от авиабомб, залитые дождевой водой. Круглов взгляделся в одну из них и увидел голову с мигающими от страха глазами. Комиссар выволок за шиворот мокрого, трясущегося офицера с майорскими погонами. Тот немного опомнился и отрекомендовался нам:

— Заместитель коменданта гарнизона.

Хорош был этот чин после купанья в воронке! И смеялись же наши ребята, глядя на вояку, с которого ручьями стекала ледяная вода. Операция была удачной: вместе с пленными мы захватили штабные документы, два мешка с письмами и ящик, доверху наполненный железными крестами для гитлеровских головорезов.

На следующий день Ленинградский штаб партизанского движения прислал радиogramму с благодарностью за наш подарок к Октябрьскому празднику...

Работу парторганизаций направлял политотдел бригады, который был создан первого декабря. Он был совсем небольшим: начальник — П. Ф. Соловьев, его заместитель по партийной работе — П. И. Украинцев, бывший инструктор Карамышевского райкома партии, помощник начальника по комсомолу — Александр Кекконен. Многотиражной газеты у нас в бригаде не было, но в каждом отряде выпускались стенновки, а в ротах — «боевые листки». Был у нас в бригаде боец Саша Иванов. Как автоматом, умело владел он еще одним оружием — карандашом. Для стенной газеты 1-го отряда Саша сделал серию злых карикатур под общим названием «Как угощают фрицев».

Партийная организация отряда продолжала проводить большую работу среди местного населения. С нетерпением ждали жители окрестных селений наших агитаторов, и те спешили к ним с радостными вестями о победоносных боях советских войск, с газетными вырезками пламенных статей и очерков Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Алексея Суркова, Николая Тихонова, Константина Симонова, Александра Довженко.

Сводки Совинформбюро, газеты, листовки, устные беседы наших агитаторов делали свое дело. В активную борьбу с ненавистным врагом вступали все новые люди.

В декабре в бригаде было уже тысяча семьсот бойцов. Однажды у нас иссякло радиопитание. Раздобыть его взялся молодой тракторист Михаил Суворов, который был связан с партизанами с сорок первого года. Смелчак привел группу наших бойцов на квартиру гитлеровского офицера. Они взяли там батареи для ради и важные документы. В тот же день в деревне, занятой фашистами, Михаил вывел из строя восемнадцать тракторов. После этой дерзкой диверсии он пришел к нам вместе с двадцатью новыми бойцами.

День ото дня крепла наша дружба с людьми, обездоленными фашистами. Не забыть трудное, голодное время, когда продукты были у нас на исходе. Жители деревень Гнильно, Поддубье, Бобровник, Диганец пригнали нам скот.

Фашисты жестоко местили населению за помощь партизанам. Они сожгли в Карамышевском районе много деревень. В деревнях Заборовье и Замушки гитлеровцы бросили в огонь пятьдесят шесть человек, расстреляли молодую мать Марию Петрову с шестимесячным ребенком.

В ответ на вражеские репрессии мы усилили удары по гарнизонам фашистов, по их коммуникациям. Чтобы вывести хотя бы на сутки «Варшавку», как в бригаде называли железную дорогу

Псков—Ленинград, надо было за один раз уничтожить до восьмисот рельсов. Мы так и делали. Штаб бригады разработал график диверсий, и каждый день по два отряда выходили со взрывчаткой на железнодорожное полотно.

Население радовали и нарастающие удары партизан по врагу и возрождение советских законов и порядков.

Осенью сорок третьего года мы вместе с оргтройкой, руководимой в Карамышевском районе бывшим директором совхоза «Большевичка» коммунистом Андреем Павловичем Дмитриевым, восстановили работу десяти сельских исполкомов, в ста тридцати четырех деревнях ввели уполномоченных Советской власти. Я потом не раз встречался с руководителями Карамышевского и Новосельского партийного подполья А. П. Дмитриевым и И. А. Ивановым. Вместе с ним мы, политотдельцы, продумывали планы работы с населением. Благодатные плоды этой работы ощущались все полнее, нагляднее.

Жители внесли двести шестьдесят тысяч рублей на постройку самолета «Карамышевский партизан», сдали нам около ста тонн зерна, семнадцать тонн картофеля. Ежечасно рисковал своей жизнью врач Псковской областной больницы Николай Семенович Петров. Через партизана Алексея Розанова доктор-патриот снабжал нашу бригаду медикаментами, перевязочным материалом, хирургическим инструментом, передавал важные сведения о вражеском гарнизоне в Пскове.

Когда началось наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов, советские люди вышли на шоссе и дороги, чтобы не дать гитлеровцам безнаказанно уйти с нашей земли. Более двух тысяч жителей деревень Замежничье, Гостибицы, Утехи, Горки, Клины и других взяли с собой триста пятьдесят подвод и принялись дружно делать завалы на дороге Псков—Шимск. На протяжении семнадцати километров от Лопатова до Ямкина крестьяне срубили телефонные столбы, порвали провода, разбили изоляторы. С восьми часов вечера до четырех часов утра продолжалась самоотверженная работа. Отступление гитлеровцев по шоссе Псков—Порхов было приостановлено на три дня. Образовались скопления вражеских машин. Краснозвездные штурмовики нанесли по ним мощные бомбовые удары...

В канун нового, сорок четвертого года фашисты сделали попытку уничтожить нашу бригаду. Ранним утром тридцатого декабря мы услышали цоканье подков на обледенелых дорогах, рев танковых моторов, а когда совсем рассвело, в небе завывали фашистские самолеты.

Как потом выяснилось, гитлеровцы бросили против нас пятнадцать танков, пятьсот кавалеристов, до полутора тысяч солдат пехоты. Мы тогда насчитывали в своих отрядах около тысячи семисот бойцов, но боеприпасов, минометов и противотанковых ружей было у нас маловато. Под давлением превосходящих сил противника мы вынуждены были с боями отойти в лес. Фашисты попытались прочесать лесной массив и ворваться в расположение наших лагерей, но, получив отпор, повернули в сторону Псков—Карамышево. Враг потерял много солдат и офицеров убитыми и ранеными. Мы похоронили с воинскими почестями тридцать одного бойца и около сорока партизан отправили на лечение в свой лесной госпиталь и в советский тыл.

Бригада вела непрерывные бои пять дней. Фашистам не удалось нас уничтожить. Замысел врага был сорван. Наши партизанские отряды оставались боеспособными, готовыми к началу наступательных действий войск Ленинградского и Волховского фронтов. Мы, разумеется, не знали точного срока наступления, но понимали, чувствовали, что оно совсем близко. И вот по радио передан приказ из Ленинграда: в ночь с семнадцатого на восемнадцатое января взорвать на «Варшавке» близ станции Торошино железнодорожный мост через реку Пскову.

— Кажется, начинается, — сказал я комбригу.

Тот улыбнулся, понимающе кивнул головой. Мы еще раньше, по собственной инициативе, пытались взорвать этот мост, но потерпели неудачу. Гитлеровцы усилили охрану важного объекта. Нам пришлось провести тщательную разведку. Неоценимые данные о противнике дала нам жительница поселка Торошино Мария Колясникова.

Нам было известно, что гитлеровцы все подходы к станции заминировали, опутали проволочными заграждениями. Возле самого моста были установлены орудия, густой сетью раскинуты пулеметные точки. Фашисты держали на станции большой гарнизон — до двух тысяч солдат и офицеров, хотя и посылали на охрану лишь сорок человек.

Руководство этой крупной операцией командование бригады решило возложить на Василия Плохого. Четыреста партизан должны были выиграть неравный бой во что бы то ни стало.

— Внезапность — половина успеха, — сказал В. П. Плохой комбригу. — Думаю, кроме того, создать для гарнизона видимость окружения. Ох и боятся они этого! Испытано не раз.

В установленный срок в ночное небо взметнулась красная ракета. Со стороны Пскова по направлению Торошина застрочили

автоматы. Это действовали разведчики под командой Леоненко. Главные же силы партизан завязали бой с охраной моста. А подрывники во главе с Гордеевым тем временем заложили тол, подожгли шнур. Взрыв был оглушительным. Но что такое? Мост стоял невредим! Почему-то покривилась только одна ферма. Неужто опять неудача?

Начальник штаба Кармалев направил на мост еще несколько подрывных групп. А гитлеровцы усиливали сопротивление: из домов выскакивали и мчались к месту боя все новые солдаты. В зареве пожара пулеметчик комсомолец Александр Яковлев со своей позиции хорошо видел их и метко косил прицельным огнем. Вскоре новый взрыв потряс воздух, и мост, с треском ломая лед, рухнул в реку. Во все стороны полетели рельсы и шпалы. Фашисты потеряли в эту ночь до двухсот солдат и офицеров.

Наутро нам стало известно, что советские войска по всему Ленинградскому фронту перешли в решающее наступление. Теперь каждый час был заполнен боевыми делами. Начальник политотдела П. Ф. Соловьев как-то сумел выбрать время и по журналистской привычке записал в своем блокноте события одного дня — четвертого февраля. Воспользуюсь этими записями Петра Федоровича и приведу некоторые из них.

В четыре часа утра отряд Савельева устроил засаду на Ленинградском шоссе, по которому отступали гитлеровцы. Уничтожена колонна автомашин, подорван мост.

Отряд Комлева тем же утром в третий раз вывел из строя железную дорогу. Жители Новосельского района, загнанные фашистами в вагоны для эвакуации в Прибалтику, разбежались по своим деревням.

Накануне ночью наши бойцы подорвали железную дорогу на большом участке. Днем четвертого февраля там появилось до трехсот гитлеровцев, пришел ремонтный поезд. Линия была восстановлена. А в ночь на пятое февраля И. М. Жеребцов скрытно привел сюда свой отряд. Партизаны захватили ремонтный поезд, истребили девяносто гитлеровцев и вновь взорвали около четырехсот рельсов...

Одной из последних наших боевых операций было сражение за Озерцы. Чтобы прикрыть отход своих потрепанных частей по шоссе Дубровно—Подборовье, гитлеровцы в деревнях Ямкино, Болотня и Озерцы выставили крепкие заслоны. Партизаны разгромили вражеский гарнизон в Озерцах, удержали деревню и встретились в ней с нашими войсками.

В самом конце февраля был получен приказ штаба: бригаде прибыть в Ленинград. Четыре с половиной месяца воевало наше соединение в тылу врага. Теперь пришла пора отчитаться. Мы с комбригом обложились документами, стали писать рапорт. Перепроверяли и уточняли каждую цифру. Было пущено под откос девяносто шесть эшелонов, взорвано четыре железнодорожных моста, свыше пятнадцати тысяч рельсов. Больше двадцати тысяч мирных жителей Карамышевского и Новосельского районов спасено от угона в Германию.

Писатель Николай Тихонов, обращаясь к партизанам, вдохновенно говорил: «Помните, дорогие земляки, что в великом городе Ленина бодрствует грозный и гордый народ, который сломал все препоны, чтобы соединиться с вами. Пройдет время, и мы обнимем друг друга, как братья после разлуки».

И он пришел, этот незабываемый миг. В солнечный мартовский день мы вступили на священную ленинградскую землю.

РАЗВЕДЧИКИ

С небольшой группой красноармейцев — товарищей по полку я пробирался по тылам фашистских войск к линии фронта. Путь наш был нелегок и долог. Начали мы воевать на западе, за Полоцком, а новый, сорок второй год встречали в районе железной дороги Новосокольники—Пустошка. Это — один из участков стратегически важной магистрали Москва—Рига.

Хотя официально мы и не были партизанами, но фактически всю осень сорок первого года занимались партизанскими делами: нападали на мелкие гарнизоны гитлеровцев и хозяйственные команды армейских частей, устраивали засады на шоссе и дорогах и большаках, громили волостные управы, обезоруживали полицейских.

В январские дни, не помню точно, какого числа, вблизи деревни Морозово наша группа повстречала разведчиков 2-й Особой партизанской бригады штаба Северо-Западного фронта. Мы были удивлены тем, что в немецком тылу находится специально посланное соединение партизан. И, конечно, обрадованы. После расспросов и некоторой проверки всех нас зачислили в один из отрядов бригады.

Большинство моих товарищей, как и я, были кадровыми военными. Нам все понравилось в бригаде — строгий воинский порядок, который соблюдался в отрядах, знающие, опытные командиры.

В бригаде с особым уважением и любовью относились все к Герману, энергичному, умному, в меру строгому, справедливому человеку. Александр Викторович всегда высоко ценил смелость, правдивость, не терпел бахвальства, пассивности.

На партизанскую тропу командир разведотдела штаба Северо-Западного фронта Александр Викторович Герман вступил осенью сорок первого года. У него был замечательный «крестный отец» — генерал-лейтенант Ватутин, стоявший у колыбели 2-й Особой партизанской бригады. Небольшая, мобильная, созданная в основном

из людей, уже побывавших в боях, бригада совершила дерзкий рейд по тылам фашистских армий групп «Север» и «Центр». Командовал соединением майор Леонид Михайлович Литвиненко, участник гражданской войны, лихой конник. Заместителем командира по разведке, по предложению Н. Ф. Ватутина, был назначен Герман.

Во время своего почти шестимесячного рейда 2-я Особая бригада провела немало успешных боев с оккупантами. В этом немалая заслуга разведчиков Германа. Под видом нищих, спекулянтов, беженцев они смело проникали во все осиные гнезда гитлеровцев, разведывали их огневые средства, систему патрулирования, расположение оборонительных сооружений. Так было перед налетами наших отрядов на гарнизоны станций Насва и Выдумка, на государственное немецкое имение на территории бывшего совхоза «Поддубье». А самое главное — штаб Северо-Западного фронта почти ежедневно получал от нас радиограммы, содержавшие информацию разведывательного характера.

Александр Викторович обладал природным даром разведчика. Мы поражались его умению находить выход из любого положения, проявлять находчивость и в большом и в малом. Вспоминается такой случай. Летом сорок второго года наша бригада в полном составе переходила через линию фронта. Последний бросок совершали ночью. Она выдалась такая темная, что не было видно рядом идущего товарища. А не окликнешь: не по грибы пошли люди. Герман нашел выход. На нашем пути было много трухлявых пней. Он приказал разломать их и светящиеся гнилушки прикрепить к спинам бойцов, чтобы сзади идущие видели их. Так и пошли по болоту партизаны с синеватыми светлячками.

Став командиром 3-й Ленинградской бригады, А. В. Герман создал разведку по всем правилам военного времени: широко разветвленную, гибкую, надежную. Каждый отряд имел группу конных разведчиков, каждый полк — по взводу, а штаб бригады — отряд разведки. Бригадная разведка координировала разведывательные действия полков, выполняла особо важные задания командования.

По оперативному характеру разведка бригады подразделялась на глубокую, — бойцы уходили за шестьдесят километров; разведку района вероятного движения бригады; ближнюю и специальную. Формы нашей партизанской разведки были самыми различными: наблюдение из засад, опрос населения, разведка боем, допрос «языка», агентурная разведка.

Своих агентов мы имели почти в каждом населенном пункте. Это были местные жители — патриоты, связанные с нашими людьми. В города и на крупные железнодорожные узлы, занятые неприятелем, направлялись наиболее опытные разведчики на длительный срок. Ими, как правило, были женщины. Незнакомый мужчина, тем более не старый, всегда мог обратить на себя внимание агентов гестапо или тайной полевой полиции.

Риск, конечно, был большой. Подчас и опытных разведчиц не спасали ни безукоризненно сделанные документы, ни выдержка.

Решительные и смелые люди шли в разведгруппы. Не сразу они становились умелыми разведчиками. Откуда было взять опыт? Учились на собственных ошибках. Часто спасала только находчивость. В полку, где агентурной разведкой ведал капитан В. И. Снежков, был такой случай. Молодые разведчицы из поселка Пушкинские Горы Вера и Шура Воронины, Вера Гагина, Клава Богданова и Маша Балянина готовили взрыв крупного завода строительных материалов. Они перевезли на лодке через Сороть взрывчатку — более двухсот толовых шашек — и отправились в отряд за запалами. Получив их, спрятали в корзину под ягоды и двинулись в обратный путь. На переправе девушек встретили полицаи и сели к ним в лодку.

Вера Воронина, заподозрив неладное, как ни в чем не бывало стала угощать предателей ягодами. Когда старший из полицаев решил проверить содержимое корзинки, разведчица, словно испугавшись, качнула лодку и уронила корзину за борт. Клава Богданова тоже не растерялась и... заревела в голос, жалея пропавшие ягоды, а Вера Гагина налегла на весла, чтобы подалее отъехать от злополучного места.

Полицаи остались с посом. Но девушки все же попали под подозрение. Пришлось покинуть поселок.

Сражаясь рядом с Германом, мне довелось видеть, как создавалась Германом и его помощниками широкая сеть партизанской агентуры. Наши люди проникали всюду, где был противник. Они узнавали расположение штабов и аэродромов, номера дивизий и полков, следовавших к фронту. Все эти сведения мы передавали в Ленинградский штаб партизанского движения.

Разведывательные данные фронт получал от нас даже в тяжелые для бригады ноябрьские и декабрьские дни сорок второго года, когда мы еще не оправились от боев с карателями после прорыва из Партизанского края в безлесные районы Псковщины. Так, десятого декабря из отряда И. Н. Сняшкина поступила информация о том, что обнаружены на шоссе Порхов—Дно огром-

ные штабеля снарядов, сообщалось и об отправке в большом количестве танков из Старой Руссы в Порхов и о начале строительства оборонительных укреплений в поселке Вышгород.

И это только от одного отряда и только за одни сутки!

Информация разведывательного характера, получаемая бригадой из различных источников, позволяла командованию 3-й Ленинградской довольно точно знать силы и даже намерения охраняемых войск фашистского тыла. Ни разу в сорок третьем году враг не смог застигнуть бригаду врасплох и разгромить хотя бы один из ее полков превосходящими силами.

Наши удары по врагу, особенно по его коммуникациям, росли. Не сумев уничтожить партизан в открытом бою, главарь карателей генерал Шпейман в район наших действий направил банду лжепартизан. Первыми пали от рук подлых провокаторов три наших разведчика. Они встретились в лесу с большой группой людей, одетых по-крестьянски или в рваную красноармейскую форму.

— Кто такие? Откуда?

— Партизаны мы, — отвечают. — С маршрута сбились...

Но это были не партизаны, а бандиты из отряда провокатора Мартыновского. Они схватили наших разведчиков. Переодетые

Иван Александрович КОСТАРЕВ родился в 1918 году в селе Черданцево на Урале в крестьянской семье. До Великой Отечественной войны служил в Красной Армии. С января 1942 года до мая 1944 года был партизаном. Окончил войну в должности заместителя командира бригады по разведке. Был дважды ранен.

После войны Костарев окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, работал секретарем райкома партии. В настоящее время Иван Александрович — директор совхоза «Полное» Псковской области.

гестаповцы и бандиты зверски истязали командира группы разведчиков юного Ваню Быстрова, добиваясь от него сведений о Германе и бригаде: вырезали на спине полосы — молчит, отрезали уши — молчит. Тогда палачи выкололи ему глаза и пристрелили. Гибель Ивана Быстрова и его товарищей потрясла нас.

Мы долго преследовали бандитов. Один раз нам удалось прижать банду к реке Сороть, нанести ей чувствительный урон. Разбить, к сожалению, не удалось. Вскоре Мартыновский и его свора исчезли из района наших действий.

Большую помощь оказывали партизанам на оккупированной территории подпольщики. Это были люди беззаветного мужества. Действовали они, главным образом, в городах и в местах высокой концентрации вражеских войск. Понимая специфику жизни бойцов незримого фронта, Герман учил нас в большой тайне хранить каналы связи с антифашистскими подпольными организациями и группами. На связь с ними посылались самые опытные разведчики. Такими у нас в бригаде в сорок третьем году были сельские учительницы Анна Дмитриева, Александра Смирнова и ленинградская студентка Нина Заварина.

Командование 3-й Ленинградской бригады наладило действенные контакты с подпольными группами в Пскове, Порхове, Пушкинских Горах, Новоржеве и Острове. Особое значение имела связь с островским подпольем. Остров с первых дней оккупации стал крупным опорным пунктом 18-й немецкой армии. Здесь проходили важнейшие коммуникации Ленинграда с Прибалтикой.

Гестапо в конце сорок второго года удалось нанести тяжелый удар по организации подпольщиков древнего города. Двенадцатого декабря были казнены Клавдия Назарова, организатор подполья, и еще несколько юных героев. Но подполье продолжало действовать. Его возглавила Людмила Филиппова.

С ней на связь мы и направили Анну Дмитриеву. Это был большой риск. Гестаповцы знали Дмитриеву. Она у них значилась под именем «Ани Черной». Но кроме нее, послать было некого. Отважная разведчица хорошо справилась с задачей. Связь стала регулярной.

Молодые патриоты по предложению штаба бригады занялись сбором разведывательных данных. Подпольщики Александр Митрофанов, Лев Судаков, Олег Серебренников, Павел Корныльев, Иван Панфилов и другие патриоты взяли под неослабное наблюдение шоссе и железнодородные магистрали, по которым переправлялось подкрепление для 18-й армии. Дмитриева доставляла собранную информацию в штаб бригады.

С новоржевским подпольем, возглавляемым Зоей Яковлевной Брелауск, мы поддерживали связь через разведчиков Александру Смирнову и Анатолия Острогорского. Смирнова знала Брелауск по совместной довоенной работе. Девушки быстро нашли общий язык. Благодаря им командование нашей и одной из калининских бригад было хорошо осведомлено об обстановке в Новоржеве и в районе. Подпольщикам удалось даже раздобыть и переправить партизанам план оборонительных сооружений в городе с указанием огневых точек врага.

Партизанские разведчики не только добывали ценные сведения о противнике, вели наблюдение за коммуникациями, были проводниками, связными, но и дрались с врагом с оружием в руках. Сталкиваться с неприятелем приходилось почти ежедневно.

В октябре сорок третьего года разведчики Махов, Иванов и Васильев, получив задание, отправились в Пушкиногорский район. Подъехав к деревне Захаркино, они услышали шум и крики — каратели отбирали у населения коров, овец, кур. Разведчики не мешкая открыли по грабителям огонь. Девять фашистов были убиты, остальные убежали.

Однажды группу разведчиков во главе с Виктором Интанкиным послали за «языком». В районе шоссе Опочка—Новоржев они обнаружили в лесу свыше сотни гитлеровцев, проводивших какое-то совещание или собрание. Разведчики скрытно подошли и открыли стрельбу. Удар был ошеломляющим. Оккупанты в панике бежали, забыв даже оружие. А уж «языков» было схвачено больше чем достаточно.

Как-то раз я отправил конную группу разведчиков на связь с пушкиногорской агентурной разведкой. Едут они час, два, три.

И вдруг слышат: в дождливом небе фыркает вражеский самолет. Он пролетел еще немного и сделал вынужденную посадку у деревни Безмалиха. Разведчики, пришпорив коней, помчались туда. Немецких пилотов они нашли в избе, обезоружили их и доставили в штаб бригады, а самолет сожгли.

В начале зимы сорок третьего—сорок четвертого года партизаны освободили многие деревни. Но это не облегчило работу разведки. Напротив, чем ближе была победа, тем все более усложнялась ее деятельность. Наша 3-я Ленинградская имени А. В. Германа партизанская бригада стремительно маневрировала по Новоржевскому, Пушкиногорскому, Сошихинскому, Порховскому и Славковскому районам. И всюду разведчики должны были опережать движение полков. Сфера действий бригады намного расширилась, а силы ее разведки распылялись. Многочисленные группы уходили на новые задания, связь с ними прерывалась иногда надолго. Вернутся разведчики — а полка или бригады уже и след простыл.

Однажды разведчики 4-го полка во главе с командиром группы Филиным возвращались из глубокой разведки. Путь был далекий, трудный. Партизаны устали и решили отдохнуть. Остановились в деревне Михалкино Новоржевского района. Напоили коней, дали им сена, а сами зашли в избу обогреться. Не прошло и получаса, как гитлеровцы окружили дом:

— Русс, сдавайся!

— К бою! Вперед! — скомандовал коммунист Филин.

Четыре разведчика открыли огонь из автоматов. Фашисты, не ожидая такой дерзости, растерялись. Наши бойцы выбрались из дома и, перепрыгивая через раненых и убитых гитлеровцев, вскочили на коней и умчались. Но на большаке столкнулись с ротой неприятеля и приняли неравный бой. Четверо против сотни! Дрались ребята до последнего...

Партизанская разведка получала все более ответственные задания. Так, штаб фронта приказал установить, куда перебазируется штаб 16-й немецкой армии. Командование бригады поручило выполнить это задание группе Анатолия Рыжикова. В группу входили опытные разведчики Фомин, Шанин и другие. Учитывая особую важность задания, группу пополнили агентурными разведчицами Шурой Смирновой, Машей Хохловой и медсестрой Верой Гончарук. Снарядили их и отправили, пожелав удачи.

Славковский и Сошихинский районы разведчики пересекли благополучно. В деревне Зеньково Пушкиногорского района они спешили, оставили у старосты лошадей, а сами переправились

через реку Сороть. Недалеко от одной из деревень они встретили волостного. При допросе он заявил, что штаб 16-й армии находится в Опочке.

Разведчики посоветовались и свернули в деревню обогреться, просушить одежду и обувь. Волостной упирается, идти не хочет. Как только партизаны появились в деревне, их окружили местные жители и, показывая на волостного, стали говорить:

— Холуй фрицевский!

— Активистов предал!

— Судить его, гада!

Волостной был расстрелян.

А разведгруппа Анатолия Рыжикова, выполнив приказ, благополучно вернулась в бригаду.

В канун сорок четвертого года комбриг И. В. Крылов получил приказ: подтянуть полки к шоссе Луга—Псков, ждать там дальнейших распоряжений Ленинградского штаба партизанского движения.

— Вот он, долгожданный час! — сказал наш комбриг. — Скоро, значит, начнется...

Бригада, насчитывавшая к тому времени до четырех тысяч бойцов, двинулась к заданному району. На сутки раньше вышли мы — разведчики. Была сильная оттепель. Партизаны шли по колено в воде, скопившейся на промерзших болотах.

На следующее утро мы приблизились к железной дороге Псков—Дно между станциями Подсевы и Локоть. Фашисты обнаружили нас, открыли огонь из бронепоезда, бросили в бой регулярные части. Потери у нас были большие, но бригада продолжала продвигаться вперед. Шли болотами. Тяжелее всего было подтягивать медицинскую и хозяйственную службы, обозы с ранеными, с боепитанием. Нам — впереди идущим бойцам — приходилось прорубать просеку, делать из кустарника и сваленных деревьев настил на болотных топях.

После трудного пути штаб бригады разместился в деревне Талицы Карамышевского района. Полки выдвинулись полумесяцем, заняв деревни Дубешно, Горки, Большое Загорье. Здесь и ждали дальнейших распоряжений.

Четырнадцатого января мы услышали орудийную канонаду. Вскоре был получен приказ Ленинградского штаба партизанского движения: оседлать участок дороги Цапелка—Маяково.

Почти месяц мы громили отступавших гитлеровцев, пока, наконец, не встретились с разведкой армейских наступающих частей.

НА ПРИМОРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

На льду озера Мочалище в лютую декабрьскую стужу сорок второго года высадились члены Кингисеппского, Лужского и Красносельского подпольных партийных центров. Я принадлежал к Кингисеппскому центру, которым руководил Николай Александрович Николаев, бывший заведующий военным отделом Волосовского райкома партии. Нам нужно было тогда пройти через железнодорожное полотно и шоссе Ленинград—Псков. Шли на лыжах, нагруженные боеприпасами, несли на себе и армейские радиостанции. Каратели преследовали нас на всем пути. Неподалеку от станции Толмачево завязался неравный бой. Ружейно-автоматным огнем и гранатами отбили от наседавших гитлеровцев. Каратели прекратили преследование.

Пройдя еще несколько десятков километров, расположились мы на Ухорских хуторах. Вскоре нам удалось установить прочные связи с активом, оставленным для подпольной работы в тылу противника. Петр Андреевич Семенов, Борис Алексеевич Борисов, Мария Васильевна Федорова, Ольга Петровна Кустова, Михаил Дмитриевич Лисичкин и многие другие патриоты без страха, с честью выполняли задания партийного центра. Они разоблачали гнусную фашистскую пропаганду, беседовали с населением о положении на фронтах Отечественной войны, читали людям сводки Советского Информбюро и наши печатные листовки. Эти листовки проникали в самые отдаленные селения Волосовского, Кингисеппского, Гатчинского и Осьминского районов.

С помощью населения мы добывали важные разведывательные сведения для войск Ленинградского фронта. Наша подпольщица О. П. Кустова жила в деревне Овинцево около станции Молосковичи. Она постоянно вела учет всех вражеских эшелонов, которые днем и ночью проходили на этом железнодорожном перегоне. По данным, переданным нами, самолеты разбомбили крупные склады боеприпасов противника в Суминском лесу в трех километрах от Волосова. Наши разведчики бывали в Сиверской и Даймище,

ходили даже в Красное Село и Гатчину. Лесная радиостанция сообщала в штаб все, что удавалось им узнать. Всегда много было работы у наших радистов Володи Юдина и Володи Сидоренко.

После гибели Н. А. Николаева руководить подпольным центром пришлось мне. В то же время я был и командиром Волосовского объединенного партизанского отряда.

Восьмого сентября сорок третьего года гитлеровцы издали приказ об эвакуации советских граждан в глубокий немецкий тыл. Тогда многие жители деревень Введенское, Рабителицы, Княжево, Большое Заречье и других ушли в леса. Молодежь вступила в отряд. У нас уже было около трехсот бойцов. Мы пустили под откос около двадцати вражеских эшелонов.

Обо всем этом я и докладывал в конце сентября в Ленинградском штабе партизанского движения.

Михаил Никитич Никитин слушал меня внимательно, потом сказал:

— Вот видите, фашисты хотят угнать население в Германию. Этого ни в коем случае нельзя допустить. И помните: сейчас, как никогда раньше, надо еще активнее действовать на коммуникациях, срывать подвоз к Ленинграду живой силы и техники врага.

Никитин прошелся по кабинету, помолчал и потом добавил:

— И еще одно задание — нужен «язык». Очень нужен. И не какой-нибудь там ефрейтор. Возьметесь достать?

Александр Адольфович ИНГИНЕН родился в 1909 году. До войны работал заместителем председателя Волосовского райисполкома.

В годы войны — командир объединенного партизанского отряда, с конца 1943 года — командир 12-й Ленинградской Приморской бригады партизан.

Когда Ленинградская область была освобождена от оккупации, А. А. Ингинен руководил восстановлением народного хозяйства. Затем работал директором МТС, позднее — директором совхозов. В настоящее время Александр Адольфович — начальник Волосовского районного управления сельского хозяйства.

— Постараемся.

И вот я снова в тылу, в родных партизанских местах.

По дороге на Ухорские хутора мне рассказывают о том, что случилось, пока я был в Ленинграде. Оказывается, старосты получили от оккупантов распоряжение прекратить озимый сев и совсем недавно появился приказ о поголовном угоне населения. На следующий день собираемся и думаем, как спасти местных жителей от угона в фашистское рабство. Комсомольца Колю Екимова назначаем начальником Введенского лагеря. Недавнего сержанта Советской Армии Ивана Ивановича Белана отправляем по деревням собирать народ и отводить его в глухие лесные дебри.

Четверо суток через болота, по нехоженным тропам бредут толпы стариков и женщины с детьми вслед за Беланом, пока не находят густого бора, подальше от дорог и проселков.

Больше пятнадцати тысяч крестьян ушло тогда в леса под защиту партизан.

Тщательно готовились мы к выполнению другого задания Никитина — захвату «языка». Посоветовались и решили взять в плен зондерфюрера войск СС 16-й немецкой армии. За особые заслуги перед фашистским рейхом этот эсэсовец получил в «собственное владение» земли колхозных деревень Беседа, Шуговицы, Морозово и угодья совхоза «Шадырицы». Новоявленный барин обосновался в зданиях Беседского сельскохозяйственного техникума.

В имении гитлеровского помещика был у нас свой человек — связной, колхозник из деревни Яблоницы Владимир Александрович Эрлих. Он устроился разнорабочим и подчеркнуто выказывал свою безропотную покорность оккупантам. С нашим отрядом Эрлих поддерживал постоянную связь, информировал нас обо всем, что происходило в поместье. При встрече я спросил Владимира Александровича, не может ли он нам помочь. Связной задумался, помедлил немного и вдруг сказал:

— А вы знаете, кто поможет — управляющий именем!

Владимир Эрлих рассказал, что некий Леонов тяготится своей должностью, боится возмездия и в разговорах с ним намекал, что хотел бы встретиться с партизанами. У меня мелькнула мысль: «А если это — провокатор?» Но все же решил пойти на риск.

— Поговори с Леоновым прямо, без обиняков и приведи его сюда, — дал я задание связному.

Отряд стоял тогда в лесу под хутором Новино. В назначенный день я взял с собой охрану и вышел вперед примерно на кило-

метр. Расположились в кустах, откуда была хорошо видна дорога. Смотрю, идет наш Эрлих, а рядом с ним рослый человек в полу пальто, спитом из немецкой шинели. «Не больно-то жирно живется управляющему», — подумал я.

Леонов страшно трусил, руки его тряслись. Стал рассказывать, что до войны работал в сельскохозяйственном институте в Пушкине. Кажется, называл себя доцентом, не помню сейчас точно. Эвакуироваться, дескать, не смог из-за серьезной болезни жены. Когда немцы заняли город, вызвали в комендатуру и под угрозой расстрела заставили быть управляющим имением.

— Проявил малодушие... Искуплю свою вину кровью, — бормотал Леонов.

— Посмотрим. Вы должны помочь нам захватить живым зондерфюрера. Имейте в виду, что, если пуститесь на провокацию, вам не сдобровать.

Леонов вздрогнул:

— Что вы! Я выполню ваше задание. Через два дня представлю свой план.

Ровно через два дня Владимир Эрлих принес от него записку: «Пришлите двух рабочих для ремонта трактора. Тяжелый инструмент найдется на месте». Это означало, что достаточно и двух бойцов с легким оружием.

В имение мы направили Сергея Ивановича Реутова, светловолосого гиганта, северянина из-под Архангельска. Он был кадровым командиром Красной Армии, бежавшим из плена.

Вечером Сергей вместе с пятнадцатью бойцами в сопровождении Эрлиха ушел в Шадырицы, где жил управляющий с семьей. Ребята должны были сообщить оттуда план, разработанный Леоновым. Ночью на взмыленном коне прискакал в лагерь Володя Эрлих и передал мне записку от Реутова. В ней сообщалось, что управляющий в воскресенье устраивает мнимые именины своей жены и в гости пригласил помещика. Тот снисходительно согласился. Когда эсэсовец будет на автомобиле подъезжать к Шадырицам, дочь Леопова выйдет на дорогу и махнет платком: дескать, въезжать в деревню опасно. Автомобиль должен был бы разворачиваться на лесной дороге, и тут-то партизаны из засады сделали бы свое дело. Таков был план Леопова.

Не годится, решили мы у себя в штабе. Ведь могла завязаться перестрелка, а зондерфюрер нужен нам целехоньким, невредимым. Зачем же рисковать жизнью такого ценного «языка»?

Мы приняли свой план. Той же ночью вывезли Леопова с семьей и всех советских людей из Шадыриц в лес, в наш ближ-

ний партизанский тыл. Бойцы устроили засаду в самом доме, где жил управляющий. Точно в одиннадцать часов утра, как и было условлено, гость со всеми регалиями на мундире, в шикарном «опшеле» подкатил к дому. Адъютант первым выскочил из машины и угодливо открыл дверцу перед зондерфюрером. Не успел тот перешагнуть порог дома, как мгновенно был оглушен. Сергей Реутов связал гитлеровца, а другие бойцы скрутили руки адъютанту. Автомобиль подожгли. Километров десять партизаны тащили пленного, адъютант понуро плелся сзади под сильной охраной.

Высокий, худощавый, с каемкой поседевших волос вокруг лысины, эсесовец старался держать себя молодцевато. На груди у него висели три железных креста. От показаний он поначалу отказался.

«Ничего, подождем, обмякнет», — думали мы. И верно, скоро гордый завоеватель, лишенный именинного пирога, не без удовольствия опустошил котелок, наполненный партизанским борщом. Потом посидел на пеньке, подумал и, видно, понял, что от партизан ему не уйти. Через нашего переводчика пленный стал обстоятельно отвечать на все вопросы. Гитлеровец перечислил воинские части, сообщил об их дислокации, рассказал, что в случае наступления советских войск на Ленинградском фронте армия оккупантов «в целях эластичной обороны» должна отойти на западный берег реки Наровы и к озеру Чудскому. Там создается сильно укрепленная линия обороны.

— О, это будет неприступный Северный вал, — самодовольно заявил зондерфюрер.

Допрос мы вели в воскресенье и понедельник. Показания пленного передавали по радию в штаб партизанского движения. А рано утром во вторник со всех сторон послышались отдаленные выстрелы. Разведка сообщила, что к нашему лагерю движутся каратели. Я приказал выставить боевые охранения в стороны Муликова, Извоза, Молосковиц и Яблонь. Фашисты, пытаясь выволить своего зондерфюрера, к полудню усилили натиск. Бой длился до вечера. Карателей мы отогнали, но оставаться на прежнем месте было нельзя. Радировал в Ленинград. Штаб приказал уйти под Ухору.

Показания пленного оказались очень важными. Об этом говорилось в марте сорок четвертого года на пленуме Ленинградского областного комитета партии, когда речь шла о боевых делах партизан...

Тихо в нашем новом лагере. Бойцы разместились в шалашах. Теперь землянок не роют. Зачем привязывать себя к одной базе?

По всему чувствуем, что впереди большие дела, которые требуют и большой подвижности. Отряд готовится к новым диверсиям, налетам на вражеские гарнизоны, разведывательным вылазкам. Каждый из бойцов занят своим делом: одни чистят оружие, другие чинят теплую одежду, третьи хлопочут около кухни.

Радист Володя Юдин, войдя в шалаш, обращается ко мне: — Товарищ командир отряда! Вам сообщение из штаба.

Быстро читаю радиограмму. Штаб предписывает образовать еще одну, 12-ю Приморскую партизанскую бригаду. В состав ее должны войти: часть 9-й бригады, отряды Кингисеппский, Волосовский и Осьминский и А. И. Трубышева. Командиром новой бригады назначают меня. В радиограмме указывалось, что к нам в лагерь придет связной и я должен отправиться с ним к командиру 9-й бригады И. Г. Светлову.

Ночью пришел парень в ватнике, с автоматом на груди. Я взял с собой адъютанта Колю Ковалева, совсем юного моряка-комсомольца, бежавшего из фашистского плена. Втроем по бурелому и тропам, знакомым только нашему связному, мы прошли километров двадцать и еще до позднего осеннего рассвета были в деревне Ликовское Осьминского района. После дружеских объятий с Иваном Герасимовичем Светловым и соратником по партийному подполью Иваном Дмитриевичем Дмитриевым сразу же приступили к делу. Договорились, что наша 12-я бригада должна удерживать Ликовское, Данилово, Ложголово и другие населенные пункты, расположенные вдоль реки Луги. 9-я бригада отходит к югу, в сторону города Сланцы. Отряды 6-й бригады В. П. Обьедкова базируются в районе Клескуши—Горки.

В нашу бригаду влились шесть отрядов. Их командиры и комиссары — А. В. Исаков, Г. А. Панкратов, А. М. Попов,

М. Ф. Халитов, А. М. Седов, В. А. Беляков, В. А. Борисенко, А. А. Вальдман, А. Я. Ильин, Б. И. Сивков, Г. И. Орешенок — были люди, испытанные в боях и походах.

Комиссаром нашей бригады стал Георгий Иванович Мосин, бывший секретарь Осьминского райкома партии, батальонный комиссар запаса. На редкость спокойный, уравновешенный человек. Если о хороших политработниках принято говорить, что они знают путь к сердцу бойца, то эти слова полностью относятся и к Георгию Ивановичу. Партизаны любили его за душевность и простоту, за мужество и отвагу.

Совсем иной характер был у начальника штаба бригады Александра Ивановича Трубышева. Мне он иногда напоминал Макара Нагульнова из шолоховской «Поднятой целины».

Поначалу в бригаде насчитывалось восемьсот сорок бойцов. За оружие в тылу врага взялись советские люди самых разных возрастов и профессий: комбайнеры и трактористы, шахтеры и нефтяники, железнодорожники и строители, учителя и медики... Рядом с русскими в 12-й Приморской бригаде бесстрашно дрались с оккупантами украинец Алексей Демченко и белорус Павел Дулуб, эстонцы Оскар Пилот, Альберт Сеппо и латыш Александр Менско, татарин Гилят Зайнетдинов и мариец Николай Яншинов, финны Александр Пендер, Анна Хилтупен, монгол Булат Бадмаев и чеченец Сергей Каверницкаев, хакасец Георгий Тожанов и грек Василий Василяди...

В середине декабря сорок третьего года 12-я Приморская бригада закончила свое формирование. Наши отряды стали нападать на гарнизоны врага, размещенные в стационарных поселках и крупных селениях возле шоссеиных дорог.

Фашистская казарма на станции Вервянка была обнесена высоким забором, опоясана проволочными ограждениями. Подступы к ней с трех сторон заминированы. Гитлеровцы в теплой казарме чувствуют себя в безопасности. А за окнами метет, беснуется декабрьская пурга.

Неподалеку от Вервянки, в деревне Дубоем, заваленной сугробами, расположился отряд Мансура Фахрутдиновича Халитова. Бойцы по приказу командира подымаются и, проваливаясь в снег, выходят из деревни. Отряд в черную вьюжную почву ведут разведчицы Раиса Краснова и Галина Румянцева. До войны они работали учительницами в деревне Монастырка Кингисеппского района. Разведчицы уже побывали около самой станции и раздобыли сведения о системе обороны фашистского гарнизона.

Через болото, скованное морозом и заметенное снегом, девушки выводят партизан к цели.

В три часа ночи бойцы, обойдя мины и перерезав колючую проволоку, подползли к казарме. Командир подал сигнал и в окна полетели гранаты. Гитлеровцы отстреливались. По следу их трассирующих пуль партизаны вели прицельный автоматный огонь. Взрывы гранат выворачивали оконные рамы. Схватка длилась недолго. Разведчики приметили, что недобитые фашисты метнулись к руднику. Не удалось им там закрепиться. Отряд ворвался в рудничный поселок и довершил дело до конца. Наутро мы радировали в штаб: истреблено около ста пятидесяти гитлеровцев, захвачены трофеи.

Фашисты приспособили лесопильный завод на станции Вруда для военных целей. Даем задание отряду Андрея Веняминовича Исакова — взорвать завод. Опыт показывал, что с этим заданием справится и небольшая диверсионная группа. Командир отряда поставил во главе такой группы Петра Михайловича Решунова, в прошлом рабочего ленинградского завода «Вулкан». Был он в первые дни войны командиром отделения, попал в плен, бежал к партизанам.

В ранних зимних сумерках Решунов со своей группой отправился на задание. До ночи бойцы вели наблюдение. Когда тьма стала особенно плотной, непроницаемой, партизаны обошли окраину станционного поселка, пробрались в кочегарку завода. Заложив под котлы взрывчатку, бойцы кинулись в ближайший кустарник и зарылись в снег. Столб огня полыхнул над станцией. Лесозавод превратился в груды горящих обломков.

Враг был взбешен. Еще бы! Партизаны, которые много раз объявлялись в фашистских листовках уничтоженными, продолжают действовать. Гитлеровцы в ноябре—декабре семь раз высылали против нашей бригады карательные экспедиции. Однажды трое наших разведчиков — Андрей Супрун, сержант Советской Армии, Алексей Ширяев, учитель-комсомолец, и Коля Раков, учащийся средней школы, были отрезаны карателями от своего отряда. Трое наших бойцов бились с тридцатью фашистами. Почти два часа шел неравный бой, немцы потеряли десяток солдат убитыми и ранеными, а наши разведчики остались невредимы. Каратели и тут оказались битыми.

К началу сорок четвертого года в нашей бригаде было тысяча двадцать бойцов. Мы прочно обосновались в тылу врага. В бригаде выходила газета, издавались листовки. В лесу под деревней Лососкино врач-коммунист Александр Георгиевич Гришин раз-

вернул большой госпиталь. Местные жители приносили сюда молоко, масло, яйца, ягоды. Партизанские врачи подготовили для отрядов пятнадцать санинструкторов.

...Четырнадцатого января утром мы получили радиogramму штаба. В ней сообщалось, что войска Ленинградского фронта перешли в наступление. В отрядах состоялись митинги, на которых зачитывалась листовка областного комитета партии с призывом к партизанам: «Оседлайте важнейшие железные и шоссейные дороги, которыми пользуются немцы. Не давайте ходу вражеским эшелонам и транспортным колоннам ни к фронту, ни обратно. Не дадим гитлеровским извергам живыми уйти с нашей земли!»

Бойцы поклялись помочь войскам быстрее прийти на землю, терзаемую оккупантами.

Наша бригада парализовала движение фашистских эшелонов на значительном участке Балтийской железной дороги. В руках партизан были также шоссейные дороги Ивановское—Сланцы, Сабск—Осьмино—Ляды. Враг метался в поисках путей для подвоза подкреплений и военных грузов, но всюду натывался на партизанские засады.

В ночь с шестнадцатого на семнадцатое января я приказал поставить пятьсот бойцов на лыжи и выдать каждому по две пашки тола. Тысяча зарядов! В сумерках мы поднялись на железнодорожную насыпь на перегоне между Тикописью и Книгисепом. Заложили под рельсы взрывчатку. Александр Иванович Трубышев по моему сигналу поджег шнур. Быстро скатываемся с насыпи, плотно прижимаемся к земле. Над головами гремит взрыв, куски рельсов и шпалы высоко взлетают в ночное небо.

Разведка донесла, что в Веймарне скопилось несколько эшелонов противника. На этой станции скрещивались железные дороги Книгисеп—Гатчина и Сланцы—Котлы. Совершить налет на Веймарн мы решили силами первого, второго и третьего отрядов, которыми командовали А. В. Исаков, Г. И. Панкратов и А. М. Попов. Бойцы прошли пятнадцать километров от Ликовской и взяли станцию в кольцо. Фашисты оборонялись с яростью обреченных. Три часа продолжался бой. Партизаны взорвали водокачку, сожгли много вагонов.

В ту же ночь мы вывели из строя железную дорогу между станциями Молосковицы и Ястребино.

А стремительное наступление наших войск продолжалось. Уже были освобождены Красное Село и Ропша, Петродворец, Стрельна и Мга, Пушкин и Гатчина, Тосно и Волосово. Советские войска вошли в древний Новгород. Столица нашей Родины Москва уже

не раз салютовала в честь побед воинов Ленинградского и Волховского фронтов и моряков Краснознаменной Балтики.

Наступило двадцать седьмое января. Незабываемый день!

Штаб бригады располагался тогда в деревне Данилово. Отсюда я выехал километров за десять по направлению к городу Сланцы: мне надо было вручить Красное знамя партизанского военного совета 9-й бригаде. Вернулся к себе около двух часов дня. Ликующие возгласы перекрывали шум боевых машин, — в Данилово вошли советские танкисты. Партизаны и местные жители обнимали воинов, целовали их по-братски. Непроизвольно возник митинг. Когда мне предоставили слово, я от волнения не сразу мог начать говорить.

Через два дня партизаны должны были выполнить еще одно важное боевое задание — овладеть городом Сланцы. Это было возложено на 9-ю и 12-ю бригады. Мы знали, что гарнизон в Сланцах был невелик — до трехсот солдат и офицеров. Иван Герасимович Светлов с бойцами наступал с юга, а наши отряды — с севера. К утру мы подняли над городом красный флаг.

После этой операции пять отрядов 12-й Приморской бригады продолжали борьбу. Многие партизаны влились в полки и дивизии Советской Армии. Я же получил приказ штаба представить отчет о боевой деятельности, затем взять в свое распоряжение отряд Андрея Вениаминовича Исакова, состоящий из ста бойцов, и приступить к восстановлению народного хозяйства в Волосовском районе.

ТАКИХ НЕ СЛОМИШЬ

Вывоз пришел неожиданно, хотя я его ждала целый год. Ждала с тех пор, как попала против своего желания в эвакуацию...

Когда летом сорок первого фашистские танки появились на окраинах Невеля, я с небольшой группой товарищей по комсомолу спешно покинула город. Решили добираться проселочными дорогами до областного центра. Многодневный пеший переход в ситцевом платье и в ботинках с чужой ноги, нервное напряжение двух последних недель не прошли бесследно. Я тяжело заболела: все тело и лицо покрылись твердыми багровыми пятнами, веки отекали, ни на минуту не прекращался страшный зуд. В таком виде меня не узнали в Калинин даже хорошие знакомые. Выслушав мой сбивчивый рассказ и просьбу послать на фронт, секретарь обкома ВЛКСМ Курносова решительно сказала:

— Об этом сейчас не может быть и речи. Подлечись. Приди в себя и отправляйся в глубь страны. Пришли сразу адрес. Работай и жди вызова...

И вот я держу в руках бумажку. На ней, как говорится, черным по белому написано: немедленно выезжайте в распоряжение Калининского обкома комсомола. Одновременно вызов в Калинин из обкома ВКП(б) получила сестра — она член партии.

Короткие сборы, и мы едем на Северо-Запад страны. Там — родные края, оккупированные фашистами. Там — фронт. Поезд идет медленно, долго простаивает на остановках. Я часами смотрю в окно. Мысли мелькают в голове. Что-то стало со школой в Сыроквашене? В этой школе я начинала свой трудовой путь — работала сельской учительницей. И по странному стечению обстоятельств попала туда на некоторое время, когда уходила из Невеля. Помню — окружили меня мальчишки и девчонки, доверчиво смотрят, и вдруг кто-то спросил: «А как же мы, Татьяна Борисовна?» Спазма перехватила горло, и, чуть не плача, ответила: «А я вернусь к вам, ребята. Скоро вернусь...» И хотелось подогнать эшелон: быстрее! быстрее!

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

В Калининне судьба наша решилась довольно быстро: сестру направили на партийную работу в Молоковский район, меня — в спецшколу по подготовке комсомольских работников партизанских бригад.

Учились недолго, но напряженно, с большим старанием. По вечерам, особенно в первые дни, любили слушать рассказы бывалых партизанок. В нашей комнате — в обычном школьном классе — жили семнадцать девушек. Трое из нас — Саша Афанасьева, Аня Снегирева и Таня Прохорова — уже побывали и в засадах и в разведке.

Хорошей рассказчицей была Таня Прохорова — веселая, ладно сложенная, со светло-русой шапкой вьющихся волос. На наши «мудреные» вопросы она обычно отвечала:

— Девочки, не волнуйтесь. Все очень просто и не так страшно, как кажется. Вот однажды...

И дальше следовал интересный рассказ про находчивую разведчицу Порываеву, сумевшую завладеть планшетом штабного офицера-гитлеровца, про необычайную смелость комбрига Арбузова, в рейд с которым к верховьям реки Великой ходила Прохорова.

Татьяна Борисовна КИСЕЛЕВА родилась в 1920 году в деревне Ольховка Пустошинского района Псковской области. Окончив Невельское педагогическое училище, с осени 1939 года работала сельской учительницей. Накануне Великой Отечественной войны была избрана секретарем РК ВЛКСМ.

Партизанкой Киселева стала в 1942 году после окончания спецшколы. В начале 1943 года она — комиссар отряда, затем командует отдельным разведывательным отрядом, состоящим из бойцов-девушек. После окончания войны Татьяна Борисовна — на комсомольской и партийной работе. Избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР.

В настоящее время Киселева — преподаватель Великолукского педагогического института.

Мы слушали, затаив дыхание, стараясь не упустить ни одной детали. Всем хотелось скорее туда, где день и ночь идет борьба.

Вскоре это желание сбылось. В конце сорок второго года я и еще восемь слушателей школы получили приказ перейти линию фронта. Дальше мой маршрут лежал к родным местам. Переход был назначен на ночное время.

Никогда не забудется эта декабрьская ночь с северным режущим ветром, с вихрящейся поземкой на полях. Темнота схоронила передовые дозоры. Шли гусиным строем, тропа вела в лес. Глухо шумели ели, потрескивали промерзшие ветви ольхи, каждый звук отдавался в сердце тревогой. Миновали небольшую полянку, а впереди опять черной стеной стоял лес — там уже был враг.

В кромешной темноте я наткнулась на поваленную через тропинку ель, попыталась осторожно перебраться через нее, но совсем рядом раздался выстрел. Светящийся зонт ракеты повис над нами. От неожиданности на мгновение все замерли, но шквальный огонь из пулеметов и автоматов заставил присесть. Первый поклон вражеским пулям. Рука рванулась к гранате, но бросать ее невесть куда было бессмысленно.

Командир приказал отходить. Короткими перебежками, а где и ползком двинулись обратно. Огонь врага поторапливал. Бежали по глубокому снегу. Справа ударил еще пулемет. Мы повернули левее, чтобы не дать обойти себя.

Командир армейского подразделения, в которое мы вернулись, высказал резонное предположение, что тропа, проложенная красноармейской разведкой, привлекла внимание фашистов и они устроили засаду. Решили переходить линию фронта в следующую ночь, но уже в другом месте.

После короткого отдыха снова в путь — за день надо выбраться на новые исходные рубежи. Прошли вдоль нашего переднего края несколько километров. Встретились с партизанским отрядом Карпенко, тоже идущим в тыл врага.

Ночью между Невелем и станцией Езерище вместе миновали линию фронта и две охранявшиеся фашистами дороги. Очень устали. Но после короткого отдыха командир отряда приказал снова идти вперед. Под покровом ночи следовало уйти подальше от прифронтовых гарнизонов врага. Шли из последних сил.

Скупой зимний рассвет застал нас в районе глухого хутора. Постучали в дом. Нас впустили в теплое помещение. Хозяйка наварила большой котелок картошки. Горячая, душистая, заправленная луком, она казалась нам пищей богов. Кто-то, обжигаясь, продекламировал:

— «Здравствуй, милая картошка, низко бьем тебе челом». Хозяйка дома стояла у печи, подперев голову руками, крупные слезы катились у нее из глаз. Когда закончили мы есть, она сказала:

— Родненькие вы мои, спасибо вам, что пришли. При немце живем так, будто покойник в хате, — слово вымолвить боимся. И когда только эту нечистую силу прогонят прочь?

— Скоро, мама, скоро! — бодро ответила Таня.

Поблагодарив хозяйку за угощение, мы вышли из хаты. Затем, немного пройдя вместе, распрощались друг с другом, и каждый пошел к месту своего назначения.

ЗРЕЛАЯ ЮНОСТЬ

В отряд, куда я была назначена помощником комиссара по комсомолу, попала на третьи сутки. Не успела со всеми познакомиться, как на другой день с группой разведчиков отправилась на задание. Собирали военную информацию, заходили в деревни и на хутора, где не было гитлеровцев, и рассказывали жителям о положении на фронтах, читали советские газеты.

Вернулись в отряд как раз вовремя, — в конце января против калининских партизан, действовавших в южных районах Псковщины, двинулась карательная экспедиция. Карателей было много. Они наседали, теснили партизан. Деревни, где мы останавливались, превращали в пепелище.

Маневрировать нашим отрядам было нелегко, но оборонялись калининцы активно. Использовали оправданную тактику — навязывали врагу бой там, где он меньше всего ожидал. Это приносило успех.

Захваченный в плен немецкий солдат недоумевал на допросе, как это получилось: мы, дескать, вас окружали, а в результате сами оказались в окружении. Разведчик Володя Балобанов разъяснил любознательному гитлеровцу:

— Дубина! Это не мы — народ вас окружил, и теперь вам капут.

Солдат охотно уточнил:

— Гитлер капут.

Рядом стоявшие ребята засмеялись и попросили переводчика сказать пленному, что одним Гитлером они за свои преступления не отделаются.

Изнурительные неравные бои, тяжелые переходы, недостаток

боеприпасов и медикаментов заметно ослабили партизанские силы. И все же мы устояли.

В феврале сорок третьего года командование 6-й бригады поручило небольшой группе партизан под руководством Е. Ф. Янковского сформировать новый партизанский отряд из молодежи Невельского и Пустошкинского районов. В состав этой группы вошли: Миша Баранов, Коля Шишмарев, Саша Самохин, Данилов и я.

Первая встреча с молодежью состоялась в деревне Батурино Пустошкинского района. Ребята собрались охотно. Комсомолец Александр Маркевич рассказал об обстановке в близлежащих деревнях и в немецких гарнизонах, расположенных в Лице, Руде и Таланкине, сказал, что он и его товарищи готовы пойти в отряд сейчас же, только надо предупредить об этом матерей и взять с собой необходимые вещи.

Я вместе с Сашей пошла к его матери Валентине Антоновне. Она уже все знала. Беспокойно поглядывая на сына, подсказывала, что взять с собой, что потеплее надеть. Тревожил ее, видимо, один вопрос, и она, не выдержав, сказала:

— Ведь воевать-то идешь, а оружия в руках никогда не держал.

— Научусь. — бодро ответил Саша.

Я поддержала:

— Поможем этой наукой овладеть.

Валентина Антоновна улыбнулась:

— А сама-то умеешь ли стрелять? — И, не дожидаясь ответа, завернула мне в полотенце буханку хлеба и большой кусок сала.

Прощание было коротким и сдержанным:

— Иди, сынок, все равно нам не будет жизни, пока хозяйничают фашисты.

Так, переходя от деревни к деревне, наша группа обрастала, как снежный ком, новым пополнением, и вскоре в отряде насчитывалось более семидесяти человек. Были созданы разведгруппа, два взвода и группа подрывников. Командиром отряда назначен был Евгений Францевич Янковский, комиссаром отряда — я, начальником штаба — Александр Комлев, комсомолец из Бежецкого района. Многочисленным в те дни молодые партизаны, в том числе и я, научились у нашего командира — человека сильной воли и большого мужества. Его любили и уважали в отряде.

Евгений Францевич еще осенью сорок первого был переброшен обкомом партии в тыл врага. Зимой при выполнении одного задания он обморозил ноги. Пришлось укрыться в семье

одной колхозницы. Но не надолго. Узнав, где находятся партизаны, попрощался с людьми, спасшими ему жизнь, и ушел искать партизанский лагерь. Пройдя пятьдесят километров, больной и измученный, он встретил наконец партизан. Немного подлечившись, пришел в наш отряд.

Хорошо помню двух ленинградских пареньков — Колю Амosenкова и Леню Пантелеева. Оба на Псковщину приехали с берегов Невы на каникулы. Летом Коля отдыхал у деда в деревне Козыри, а Леня с матерью и младшей сестренкой — в деревне Ломоносы. Эвакуироваться не сумели. Когда наш отряд появился в этих местах, ребята сразу же нашли нас.

В отряде их быстро полюбили. Были они на редкость исполнительные, смелые, в разведке — незаменимые. Коля, жизнерадостный, низкого роста крепышок, любил на привалах стихи читать или слушать их. Частенько просил меня:

— Товарищ комиссар, прочитайте еще раз про Леньку — сына артиллериста.

Начну читать, привалится Коля к сосне. Сидит, не шелохнется. Лишь лицо улыбкой светится.

А Пантелеев запомнился мне другим. Он никогда не улыбался. Невысокий, как и Коля, но худенький. И в глазах все время тревога. Спрошу бывало:

— Что с тобой, Леня?

— За маму и сестричку беспокоюсь. Одна больная, другая маленькая.

Он и во сне часто звал маму и, проснувшись от собственного голоса, вскакивал и хватался за оружие. И потом долго-долго не мог заснуть. Ему бы в «Артеке» отдыхать, а он уже себя защитником матери и сестренки чувствовал.

Перед Первым мая наш отряд решил прервать сообщение вражеских войск на шоссе Ленинград—Киев и на двух дорогах местного значения. Для взрыва мостов было подготовлено несколько боевых групп. В операции на шоссе у деревни Таланкино участвовали Коля Амосенков и Леня Пантелеев. Им хотелось взорвать мост обязательно в тот момент, когда будут проходить через него вражеские машины. Они так и сделали, но погибли и сами...

У подножия Таланкинской горы, между городами Невелем и Пустошкой, затерялся могильный холмик, обнесенный незамысловатой оградой. С фотокарточки, прикрепленной к обелиску, смотрит на мир озорной мальчишка. Это — партизан Коля Амосенков. Поклонитесь ему, люди. За вашу жизнь он отдал свою, не прожив и шестнадцати лет.

Были потери тогда и в других группах. Но задание юные патриоты выполнили: на важнейшей коммуникации фашистов были взорваны и сожжены десять мостов.

Гестаповцы пронюхали про наш отряд, подослали шпионку. Как-то осенью из деревни Чернецово к нам прибежала девушка, назвалась Анной. В беседе со мной рассказала, что гитлеровцы хотели отправить ее в Германию и вот она сбежала, чтобы спастись от неметчины. Такие случаи были и раньше, и мы приняли Анну в отряд. Но в поведении нового члена нашей семьи было много неестественного: ночью она вела себя беспокойно, часто выходила на улицу, проявляла излишнюю любознательность к расположению охраны отряда. Командир отряда предложил проверить Анну. С этой целью мы направили Дусю Башилову в деревню Деланье. Через сутки разведчица вернулась. Она узнала, что в Чернецове работает представитель фашистской контрразведки. Он познакомился с Анной, обещал жениться на ней, но при условии, если она проникнет в наш отряд. При допросе Анны все эти сведения подтвердились. Шпионка была расстреляна.

ОТДЕЛЬНЫЙ ЖЕНСКИЙ

Летом сорок третьего года во многих населенных пунктах Пустошкинского и Невельского районов разместились гарнизоны власовцев. Часто выдавая себя за партизан, они появлялись в деревнях, мародерствовали, насиловали женщин, поджигали постройки. Делалось все это по приказу гестапо.

Одевались провокаторы в гражданскую одежду, разговаривали

по-русски, внешне ничем не отличались от партизан, и потому при встрече с ними было нелегко узнать, с кем имеешь дело. Многие партизанские подразделения попадали в ловушки. Особенно большой опасности подвергались подпольщики, связисты отрядов.

Командование нашей бригады в это время получило задание штаба фронта — вести глубокую разведку тылов противника. Готовилось наступление на нашем участке фронта. Обеспечить систематическую информацию о противнике стало трудно, так как многие разведчики и мелкие группы партизан гибли в пути, натываясь на власовские засады. Мужчин задерживали сразу же. Удачнее получалось у девушек, которые с помощью различных легенд все же проникали во вражеские гарнизоны.

Вот тогда командир бригады П. В. Рындин и приказал создать отдельный женский разведывательный отряд. Мне было поручено его формирование. Срок — неделя. Место стоянки — деревня Веселки на берегу озера Язно. Петр Васильевич сказал мне:

— Отряд должен быть небольшим. Надо установить связи с подпольными группами и активом на местах. Мы, конечно, вооружим вас, но главным оружием пусть будут находчивость, смелость. — И уже шутя добавил: — В общем, действуйте по-суворовски: там, где олень не пройдет, — пройдет русский солдат, а там, где солдат не пройдет, — русская девушка проберется. Так, кажется, говорил Александр Васильевич?

Я засмеялась:

— Не совсем так, товарищ комбриг.

— Но сказал бы, будь у него такие чудо-девчата, как у нас в бригаде.

Отряд был создан менее чем за десять дней. Ядро отряда составили опытные боевые разведчицы Нина Афанасьева, Полина Тихомирова, Мария Мелихова, Нина Каштанова, Сима Хватова, Даша Дергачева, Тамара Синицына.

Семнадцатилетняя Даша Дергачева боевое крещение получила еще в октябре сорок второго года. Тогда ей было поручено разведать район станции Нащекино на дороге Себеж—Новосокольники, охрану и подходы к железнодорожному Савкинскому мосту. Вместе с двумя другими девушками — Наташей Половцовой и Марусей Сергиенковой — Даша, весело болтая, направилась в бараки, где находилась охрана моста. Немцы пригласили «веселых фрейлейн» сыграть в карты. Девушки охотно согласились. Играли, шутили, но сумели сосчитать количество коек в бараке и запомнить периодичность смены караула. Даша даже вместе с нарядом прогулялась по мосту. Когда все было выяснено,

девушки сумели уйти от «ухажеров». На другую ночь станция Нащекино была разгромлена партизанами.

Десятки трудных заданий выполнила Даша за время пребывания в нашем отряде. Уроженка Идрицкого района, она хорошо знала местных жителей, быстро устанавливала связи с надежными людьми.

Однажды Даша сумела пробраться в крупное село Сутоки Идрицкого района и собрала там такие ценные сведения о гарнизоне врага, что командование приняло решение о немедленном налете на это крупное разбойничье гнездо. Разведчице поручили быть проводником партизан — участников налета. Даша и с этой задачей справилась превосходно. Операция закончилась полным разгромом фашистского гарнизона.

Отважно, находчиво, смело действовали и другие девушки-разведчицы. Каждый день уходили они на задания. И не было случая, чтобы вернулись «пустыми».

Самые юные разведчицы отряда Фрося Кондруненкова и Рая Михеенко бежали к нам из фашистского лагеря, расположенного в Пустошке. В лагере находилась молодежь, согнанная для отправки в Германию. Две эти девочки-школьницы с помощью старших товарищей пробрались ползком под колючей проволокой и спаслись. В отряд пришли с коммунистом Рудашенко. Худенькие, изможденные, они в первый же день попросили послать их на боевую операцию.

Кроме разведки и диверсий мы выполняли и другие задания. Помню, как в деревню Демешково Невельского района, где разместились рота власовцев, мы послали письма, в которых рассказывали о героической борьбе советского народа с врагом, о положении на фронтах. В конце письма власовцам предложили искупить вину активными действиями против фашистов вместе с партизанскими отрядами. Письма разбрасали в гарнизоне, приклеивали на заборах и телеграфных столбах.

Гневные строки дошли до адресатов и сделали свое дело. Первым из этой роты пришел в отряд командир взвода Чингис Абдрашитов, потом его денщик, а вскоре целое боевое отделение с оружием.

Был случай, когда письмо наше попало не по адресу. Наша помощница — шестидесятилетняя колхозница из деревни Сквореньково Евгения Филипповна Агафонова лично вручила наше послание бургомистру Сутокской волости «господину» Бурмистрову. Прочтя его, новоявленный господин был взбешен, грозился стереть бабку с лица земли, а автора письма разорвать на две

половины. Пришлось срочно доставить ему вторую депешу, предупреждающую, что если он попытается угрозу привести в исполнение, то в тот же день будет отправлен к своим предкам. Такого типа люди дрожат за свою шкуру — Бурмистров не тронул нашего «почтальона».

К осени обстановка изменилась. Советская Армия перешла в наступление на нашем участке фронта. Гитлеровцы подтянули в район действия бригады новые регулярные части. Они прочесывали леса, заняли большинство населенных пунктов. В таких условиях нашему слабо вооруженному отряду вести бои с врагом не было смысла. Командование бригады расформировало отдельный женский отряд.

ПРОСВЕЩАЮ ДИПЛОМАТА

Январь сорок четвертого года. Морозная, разукрашенная серебристой бахромой иней Москва. Я иду по ее заснеженным улицам и радуюсь всему: и тому, что попадаются мне навстречу стайки малышей, выведенных из детских садилов на прогулку, и тому, что в небе над столицей не парят «ястребки». И кого ни встречу — у всех на лице радость: сегодня получена весть о начале наступления советских войск под Ленинградом.

Да! Война уже бесповоротно повернула свое острие на запад, туда, откуда она и пришла на советскую землю. Но бои и сражения еще идут. И где-то в южных районах Псковщины, в тылу фашистских войск, сражаются мои боевые товарищи. А для меня война окончилась: ЦК ВЛКСМ отозвал в свое распоряжение. Очевидно, поеду работать в освобожденные районы Северо-Запада. Сегодня же мне предстоит выполнить «особое задание». В конце вчерашней беседы секретарь ЦК Михайлов сказал:

— Завтра в десять утра пойдешь на Кропоткинскую улицу. Один американский дипломат хочет встретиться с живой русской партизанкой. Вот ты и будешь вести с ним разговор.

Хорошо сказать: «Будешь вести разговор». А как его вести, этот разговор? Всю ночь почти не спала. Но вот и Кропоткинская...

Американец был точен. Сотрудник Антифашистского комитета советской молодежи Лида Воинова представила меня. Высокий, подтянутый, улыбающийся человек шагнул навстречу:

— Девис.

Разговор поначалу не клеился, хотя мистер Девис и забросал меня вопросами. Первый же из них неприятно поразил:

— Крестьяне поддерживают гитлеровцев или борются против них?

Я как могла объяснила, что партизанское движение — само по себе народное. И все же мой собеседник еще и еще раз возвращался к этой теме. Потом вдруг сказал:

— Мне трудно понять. Воевать ведь страшно и опасно. Как же на это идут старики, женщины?

И тогда я перешла, как говорится, в наступление:

— У вас есть дети, мистер Девис?

— Есть.

— Любите вы их?

— Очень.

— А как бы вы поступили с разбойником, который стал бы их убивать?

Девис задумался, нахмурил брови, пытаясь мысленно представить такую ситуацию. Затем выдал из себя:

— Очевидно, стал бы стрелять.

— То же делают и советские люди после первого знакомства с фашистскими порядками. В ряды партизан становятся целыми семьями. Вот послушайте...

И я рассказала американцу историю семьи патриотов Елисеевых... Жили Елисеевы в деревне Горки Невельского района. Работали в колхозе. Когда приблизился фронт, Елисеевы — отец, мать и сын — помогали раненым красноармейцам, выводили лесными тропами бойцов, попавших в окружение. Но вот в Горках появились фашисты. Нашелся подлец — выдал патриотов. Гитлеровцы расстреляли старшего Елисеева. И тогда к нам в отряд пришли его жена и сын Гриша.

Поселились они вместе с нами, разведчиками. Елисеева с первого часа пребывания в партизанском отряде взяла на себя все хлопоты о нашем быте. Помогал разведчикам чем мог и Гриша, невысокий, худенький подросток, с белыми, тонкими, как псковская кудель, волосами. У него был приятный грудной голос. Вернувшись с заданий, партизаны любили слушать песни Гриши. Особенно трогательно пел он «Когда я на почте служил ямщиком».

В феврале сорок третьего года на долю калининских партизан выпали тяжелые испытания. Вооруженные танками, самолетами, бронемашинами, регулярные немецкие части теснили нас с севера в районы Белоруссии. Стояли лютые морозы. Разведку вести было

очень трудно. В эти критические дни семья разведчиков пополнилась еще одним отважным бойцом. Им стала мать Гриши.

Много ценных данных о силах и намерениях карателей приносила Елисеева в отряд. Но вот один неосторожный шаг — и разведчица попала в руки врага. Начались пытки. Были они жестокими. Но истязания не сломили Елисееву. Она ничего не сказала о товарищах по борьбе. Мать не могла предать своих детей. Каратели засекали мужественную женщину шомполами.

Тяжело переживал Гриша гибель матери, а немного придя в себя, стал мстить. Так у нас в отряде появился пятнадцатилетний разведчик. Действовал он дерзко, точно не понимал, что такое опасность. Однажды, находясь на задании в деревне Рукавы Пустошкинского района, Гриша оказался один на один с пятью фашистами. Гитлеровцы решили схватить разведчика. Один из них бросился на подростка, свалил его на землю и начал отнимать карабин. Гриша вцепился зубами в горло врага... Мы нашли юного героя с семнадцатью штыковыми ранами на теле...

Не знаю, все ли понял тогда американский дипломат. Но рассказ о семье советских крестьян Елисеевых произвел на него впечатление, и он, отвечая каким-то своим мыслям, задумчиво произнес:

— Таких не сломишь!

На этот раз Девис был прав.

КОНЕЦ ОСИНОГО ГНЕЗДА

От февральской метели приглушенно шумели деревья. На небольшой полянке, в стороне от землянок нашего лесного госпиталя, весело потрескивал костер. Мы отдыхали у его неяркого пламени. Кто из разведчиков чистил автомат, кто — попыхи-вал «козьей ножкой» самосада.

Откуда-то с востока, из района Ильмень-озера, доносилась до нас артиллерийская, канонада. Она радовала наши сердца. Мы знали: бьют орудия наступающей Советской Армии.

— По всему видать, скоро с нашими встретимся, — проговорил Афанасий Прошкин и, сняв с головы белую кубанку, стал рукавом шинели натирать и без того блестящую звездочку.

— А ты почему знаешь? — спросил Прошкина молодой партизан Юрий Фролов.

С охапки веток приподнялся начальник особого отдела бригады Сергей Терентьевич Бусыгин и, улыбаясь, сказал:

— У нас Афоня братьев своих армейских по голосам узнает. Вот и говорит, что они идут.

— Как так? — не понял Фролов.

— А очень просто: один брат у него служит в дивизионной артиллерии, другой — в полковой, третий — на зенитной батарее. Вот и прислушивается к канонаде, как к родным братским голосам.

В это время к нашему костру подошел начальник бригадной разведки Лепехин.

— Отдыхайте, отдыхайте, — сказал он вставшим было разведчикам. — Поговорим без отрыва от перекура...

Присев к нам, Василий Романович достал из полевой сумки газету «Правда».

— Почитай-ка вслух, Афанасий Данилович, — обратился он к Прошкину, — всем интересно будет.

В номере за двадцать восьмое января сорок четвертого года было напечатано обращение Л. А. Говорова и А. А. Жданова

к воинам Ленинградского фронта, морякам Краснознаменного Балтийского флота и трудящимся города-героя. Прошкина слушали с затаенным дыханием. Читал он торжественно:

— «Войска Ленинградского фронта в результате двенадцатидневных напряженных боев штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорными пунктами противника под Ленинградом: городами Красное Село, Ропша, Урицк, Пушкин, Павловск, Мга, Ульяновка, Гатчина и другими и, успешно развивая наступление, освободили более семисот населенных пунктов и отбросили противника от Ленинграда по всему фронту на шестьдесят пять—сто километров. Наступление наших войск продолжается...»

— Здорово! Молодцы фронтовики! — не удержался по-юношески порывистый Фролов.

На него зашикали: тише, мол, дай послушать. Прошкин продолжал:

— «От имени войск Ленинградского фронта поздравляем вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом...» — так заканчивалось обращение.

— Стало быть, и к нам, партизанам, это поздравление относится, — сказал Бусыгин.

Михаил Ефимович ПАВЛОВ родился в 1904 году. Член КПСС с 1929 года. Великая Отечественная война застала его на посту первого секретаря Новгородского городского комитета ВКП(б). Павлов — один из организаторов обороны древнего города, комиссар сводных истребительных отрядов Новгорода.

С августа 1941 года и до освобождения Ленинградской области от оккупации Михаил Ефимович был в партизанских отрядах. Летом 1943 года его назначили комиссаром 4-й Ленинградской партизанской бригады.

После окончания войны Павлова направляют на ответственную партийную работу. Сейчас он персональный пенсионер, живет в Новгороде.

Разговор у костра стал еще оживленнее. Люди вспоминали начало войны, тяжелые походы, бои в Партизанском крае. Кто-то затянул песню:

По лесным глухим чащобам
Шел отряд в поход,
По долинам и болотам
Двигался вперед.
То не злая вражья стая
Бродит по лесам, —
Это наши партизаны
Ходят по тылам.
По тылам врага шагают
Грозного бойцы,
Бьют фашистов в хвост и в гриву
Красные стрелцы...

Это была известная в бригаде походная песня об отряде Ивана Ивановича Грозного, сложенная политруком Евгением Малиновым.

С первых дней оккупации Старорусского района Грозный — тридцатипятилетний мастер фанерного комбината — был утвержден райкомом партии в должности командира отряда. Я хорошо знал этого волевого, мужественного человека. Его отряд осенью и зимой сорок первого года проводил успешные боевые действия на территории Старорусского, Поддорского, Залучского и других районов области. Воевал Иван Иванович смело, можно сказать — лихо, тактически грамотно, вполне оправдывая свою доставшуюся в наследство от дедов фамилию. В нашей бригаде Грозный командовал полком, был любимцем партизан, грозой карателей и фашистских прихвостней.

Не успели прозвучать последние слова песни, как к нам подбежал связной.

— Вас вызывает командир бригады, — сказал он Лепехину, Бусыгину и мне и добавил: — Срочно.

В штабе собрались командиры и комиссары полков и отрядов, начальники служб — разведки, медико-санитарной, хозяйственной. У артиллерийского ящика, накрытого картой-километровкой, стоял наш комбриг Анатолий Дмитриевич Кондратьев. Когда все пришли, он сказал:

— Получен приказ Ленинградского штаба партизанского движения — активизировать наши боевые действия, особенно на железнодорожных и шоссе коммуникациях, поднять на борьбу с фашистскими захватчиками все местное население, способное носить оружие.

К импровизированному столу подошел начальник штаба бригады Савбан Халимович Бакиров. Он снял свою неизменную армейскую фуражку и заговорил:

— Командование бригады решило провести операцию по разгрому станции Ритупе и пристанционного поселка. По данным разведки, сейчас к Пскову фашисты перебрасывают подкрепления из Литвы и Польши. Нам представляется, что наиболее эффективно будет произвести удар именно здесь. — Бакиров немного помолчал, а затем спросил: — А что скажет по этому поводу товарищ Афанасьев?

Того, к кому был адресован этот вопрос, хорошо знали в нашем соединении. Александр Афанасьев был мастером подрывного дела. Совсем недавно с группой смельчаков он в районе станции Ритупе пустил под откос вражеский бронепоезд. Вот почему начальник штаба обратился к Афанасьеву с вопросом, — как-никак, для него Ритупе — уже знакомый «орешек».

— Правильная мысль, — ответил Афанасьев. — Эта станция — настоящее осиное гнездо. Наши разведчики доносят, что грузов там скопилось — тьма. А вчера за сутки около девяноста эшелонов прошло через нее. И все к Пскову, а значит, и к Ленинграду, к линии фронта. Подходы к станции «нашенские» — стало быть, лесистые, пригодные для скрытного сосредоточения.

Командир бригады обратился к Грозному:

— Иван Иванович, командование бригады поручает твоему полку нанести решающий удар по Ритупе. Вместе с начальником штаба Семиным разработай подробный план операции.

— Прошу сутки на подготовку и дополнительную разведку, — сказал Грозный.

В разговор вступил начальник политотдела Яков Ефимович Ицкевич:

— А не мало суток, Иван Иванович?

Грозный на мгновение задумался, прикидывая что-то в уме, и ответил без колебания:

— Хватит. Время, сами знаете, какое горячее. Прохлаждаться некогда.

— Твоя правда — некогда. Наши-то вон как лихо наступают. Что ж, приступай к делу, желаю успеха. — Ицкевич крепко пожал Грозному руку.

— О готовности доложишь завтра, — закрывая оперативное совещание, приказал Кондратьев.

Станция Ритупе находится в сорока километрах юго-западнее города Острова. Это расстояние полковые разведчики проскакали

на лошадях быстро. К утру следующего дня они уже вернулись в лагерь.

— А это кто такой? — спросил командир полка, увидев сгорбленного человека с лицом испуганным и серым.

— Полицейского по дороге прихватили, товарищ командир, — ответил старший из разведчиков.

«Язык» оказался из охранного отряда станции Ритупе и рассказал много ценного. Он даже нарисовал на листке бумаги, где и что расположено на станции. Теперь картина еще более прояснилась. Мы узнали, что сразу же за речкой Синюха, берега которой укреплены железобетонными дотами, устроена бронированная пулеметная вышка. Она держит под круговым обстрелом подходы к железнодорожному мосту. На краю поселка — склады с горючим, у вокзала в скверике — спаренные зенитные установки крупнокалиберных пулеметов. Штаб гарнизона — в большом каменном здании. Почта и радиостанция — напротив вокзала. Гитлеровцев в Ритупе более трехсот человек...

В тот же день мы собрали накоротке командиров отрядов, сообщили им о том, что отдан приказ разгромить Ритупе, поставили перед отрядами конкретные задачи. Командиры — Алексей Мамонтов, Владимир Козлов, Анатолий Розов, Василий Самченко, получив задание, сверили часы и ушли в свои роты...

И вот мы уже в пути. Следы партизанской колонны заметала вьюжная февральская метель, под ногами и полозьями саней поскрипывал снег. Остальные подразделения бригады рассредоточились так, чтобы прикрывать Грозного с тыла и флангов. На шоссе на дороге, ведущей в город Остров, сделали засады.

Впереди полковой колонны двигался с разведчиками и пленный полицейский, — его решено было использовать в качестве проводника. Справа, в районе города Острова, время от времени взлетали осветительные ракеты и, набрав нужную высоту, повисали, словно какая-то невидимая рука прицепляла их за что-то в темном небе.

— Трусит фашист, — сказал командир роты Мостовой, — спрятался за укрепления, а трусит.

Шагавший рядом с Мостовым пулеметчик Григорьев засмеялся:

— Тут забоишься. Эвон какая силища движется. Один ты страху на год вперед нагонишь.

Григорьев намекал на один из последних боев, когда рота Мостового выдержала натиск карателей, которых было в пятна-

дцать раз больше, чем партизан. Мостовой тогда подбил две танкетки.

До железной дороги оставалось чуть более километра. Командир полка объявил получасовой отдых.

Отряды расположились в перелеске, который своим западным краем упирался в пологий заснеженный берег реки Синюхи. Старшина хозяйственной части Япков и полковые медики разбили походную санчасть, замаскировали обоз. И все это тихо, без звука, без огонька: рядом враг. Командиры, накрывшись плащпалатками, при свете карманных фонариков еще раз по карте и компасу уточнили направления атаки и отхода, систему сигнализации и связи.

Наступила полночь. Полк выстроился в боевом порядке. Разведчики и пленный полицейский пошли вперед, за ними — отряды.

Благополучно удалось пройти через реку по льду, в стороне от бронированной пулеметной вышки. Затем обошли поселок с севера и сосредоточились с западной стороны населенного пункта. Именно отсюда враг меньше всего ожидал нападения, поэтому оборонительная система располагалась на восточной стороне поселка, вдоль берега реки.

— Ну, Леша, пошел! — пожимая руку Мамонтову, тихо сказал Грозный. — Старайся выйти к станции вдоль большака.

Вслед за отрядом Мамонтова в ночной темноте скрылись бойцы Козлова. С третьим отрядом вдоль железнодорожного полотна пошли Грозный и командир подрывников Доценко. Всех радовала тишина — значит, пока немцы никого не обнаружили. Внешне спокойный Грозный все-таки чуть-чуть волновался.

— Как думаешь, Владимир Валерьянович, дошли твои ребята? — спросил он Доценко.

Тот посмотрел на часы с фосфоресцирующим циферблатом: — По времени — на подходе. Дойдут, Иван Иванович, обязательно дойдут. Я послал самых надежных.

Разговор велся о двух группах подрывников, высланных вперед еще до выхода полка из перелеска. Они должны были в нескольких километрах севернее и южнее станции заминировать полотно железной дороги и произвести взрывы одновременно с началом штурма гарнизона и вокзала. Расчет здесь был простой — гарнизон Ритупе не сможет получить подкрепления из Острова или Карсавы по железной дороге.

Было ровно два часа ночи, когда начальник штаба полка Семин выпустил в небо зеленую хвостатую ракету. Это был сигнал. Штурм начался. Воздух распороли автоматные и пулеметные очереди, взрывы ручных гранат и толовых шашек. Бой разгорелся сразу в нескольких местах, как и было намечено планом.

С автоматом наперевес, укрываясь за углами строений и заборами, повел Мамонтов свой отряд на штурм вокзала. Командир группы Александров сбил сторожевую охрану пристанционных пакгаузов и поджег их. В отблесках пожара Мамонтов увидел, как группа гитлеровцев пыталась организовать оборону в привокзальном сквере. Он бросил туда один взвод, а с остальными продолжал продвигаться к вокзалу параллельно железнодорожным путям. Едва партизаны приблизились к нему, как из углового окна вдоль платформы начал бить длинными очередями пулемет. Несколько человек упало...

Грозный и политрук роты Абросимов гранатами «лимонками» уничтожили пулемет. Стрельба из окна прекратилась. Из дверей выскочил офицер без шинели и головного убора. Гитлеровец пытался скрыться под навес платформы, но его увидел Мамонтов. Выстрелом из пистолета он покончил с фашистом. А через несколько минут ударная группа уничтожила и остальных солдат, охранявших станцию. Оставив автоматчика Никифорова у дверей, Мамонтов ворвался в диспетчерское помещение вокзала. У окна ничком лежал убитый начальник станции, а политрук Филимонов то усиленно крутил ручку военно-полевого телефона, то кричал что-то в микрофон селекторной связи.

— Ты чего это? — подскочил к нему Мамонтов.

Ответа не расслышал, — в этот момент загрохотало на железнодорожных путях. Это подрывники Доценко, выполнив задание севернее и южнее станции, вернулись в полк и громили стационарное хозяйство. Были взорваны все пути — стрелки, семафоры, переходные мостики, водозаправочные колонки.

А Филимонов между тем продолжал вызывать кого-то по телефону. Мамонтов позднее весело рассказывал нам, как политрук, мешая русские и немецкие слова, пытался разговаривать с соседними станциями: он хотел выяснить, успел ли убитый им начальник станции Ритупе сообщить о нападении партизан и вызвать помощь.

— Бренчаниново? Кто говорит? Бренчаниново? Это диспетчер? Я из Ритупе... Сообщите, направлено ли мне подкрепление?... — допытывался Филимонов.

Видимо, в Бренчанинове не понимали, что происходит в Ритупе. В трубке слышался лишь раздраженно-взволнованный голос, повторявший одно и то же:

— Что надо? Где стреляют?

Время было дорого, и Филимонов в сердцах бросил в телефонную трубку:

— Где стреляют, спрашиваете? Везде! Это красные партизаны бьют фашистскую нечисть!

Он перебил прикладом все диспетчерские аппараты и поджег помещение.

В это время командир роты Еремин повел своих бойцов в поселок, — ему приказано было вывести из строя ремонтную мастерскую. С нею покончили сравнительно быстро: охрана ее, видимо, разбежалась в начале боя. Зато в каменный дом, расположенный недалеко от водонапорной кирпичной башни, успели сбежаться фашисты, выбитые из других зданий. Они вели яростный огонь из амбразур, сделанных в подвальном помещении башни. Кроме того, из-под ее крыши строчил пулемет. Его расчету хорошо видна была сверху территория, прилегавшая к башне.

Группа Абросимова залегла. Политрук прикидывал, как выбить отсюда немцев. Для того чтобы забросать подвальное помещение гранатами, надо приблизиться на расстояние броска. Это невозможно — пулемет из-под крыши сразит любого, кто двинется вперед. Что же делать? Нет, без противотанкового ружья тут не обойтись! И Абросимов послал связного к командиру полка.

Грозный прислал бронебойщиков с двумя противотанковыми ружьями. Третьим выстрелом из ружья был подавлен пулеметный расчет под крышей башни. Но поджечь помещение не удавалось.

Тогда Абросимов повел своих товарищей на штурм башни, атаковал ее и забросал гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Пулеметы смолкли. А через некоторое время партизаны таким же образом «выкурили» гитлеровцев из каменного дома — штаба гарнизона.

Напряжение боя в поселке не стихало — продолжали греметь взрывы на железнодорожных путях, у сторожевых будок и блиндажей, сделанных прямо в насыпи железной дороги, у пакгаузов и казарм, в районе электростанции. Усиленная перестрелка шла в районе почты. Туда и направился Грозный. Ему навстречу попался связной:

— Командир отряда Козлов докладывает: только что занято помещение почты. Уничтожается немецкая стационарная радиостанция. Обнаружены различные документы.

«Их надо сохранить любой ценой», — подумал Грозный и поспешил к отряду Козлова. Здесь, у почты, уже всю кипела работа, — Семин и Козлов набивали документами мешки и на захваченных в соседней конюшне лошадях и санях отправляли их под охраной в район санчасти.

Оставалось теперь покончить с расположенными на южной окраине поселка немецкими складами. Но там находились и казармы гитлеровцев. Первыми направились туда отряды Мамонтова и Козлова, за ними группы подрывников Доценко и Ачимова. Фашисты сопротивлялись яростно, но когда были зажжены все казармы и дома, прекратили сопротивление. Часть из них бежала, а несколько человек сложили оружие.

И тогда, как заключительный аккорд большого партизанского «концерта», в Ритупе прозвучал взрыв — взлетели на воздух склады с горючим, смазочными материалами и боеприпасами.

Шум боя затихал. Догорало паровозное депо, дымились обуглившиеся остатки пакгаузов. Отряды полка сходились к условленному месту сбора — к привокзальному скверу. В этот момент больше всего дел было, пожалуй, у старшины Яшкова, — бойцы его хозяйственного взвода отправляли захваченные трофеи — пулеметы и винтовки, автоматы и патроны, взрывчатку и продовольствие.

Близилось утро десятого февраля. Уже несколько часов подряд держали мы в своих руках железнодорожную станцию Ритупе, где нашли свою смерть сто пятьдесят фашистских солдат и офицеров. На несколько дней было полностью сорвано движение через эту станцию. И это в тот момент, когда гитлеровцам так нужны были подкрепления.

И снова в воздухе сигнальная ракета — командование полка дало приказ отрядам: отходить от Ритупе, двигаться на встречу с другими частями бригады. Впереди нас ждали новые, но уже последние бои.

ХОЗЯЕВА ОЗЕРНОГО КРАЯ

Лето сорок третьего года подходило к концу. Стояли жаркие дни. Люди спешили убрать хлеба. Год был урожайным, клонилась к земле спелая рожь, золотились на солнце колосья пшеницы.

В поле работали от мала до велика все, кто мог держать в руках серп или косу. Люди торопились. Да и как было не торопиться, когда на околицах деревень и на дорогах, идущих к полям, почти ежедневно, а то и по нескольку раз в день вспыхивала стрельба и пулеметы яростно выстукивали свою смертоносную дробь.

Шла борьба за урожай, упорная, жестокая. Весной мы, партизаны, сказали крестьянам: сейте, хлеб в этом году будете собирать в свои закрома, оккупантам ничего не дадим. И люди поверили нам.

У партизан были веские основания, чтобы дать такое обещание. К нам присоединились сотни смелых людей, и наш отряд превратился в бригаду. Вместе с боевыми товарищами — партизанами бригады Федора Бойдина глубокой осенью второго года войны мы ликвидировали оккупационный аппарат на большей части территории района. Многие фашистские ставленники — старосты волостей и деревень, полицай — были уничтожены, другие укрылись в городе Себеже и на железнодорожных станциях под защитой сильных гарнизонов гитлеровцев, некоторые просто разбежались.

Когда разведчики доложили нам о бегстве в Себеж последнего представителя «нового порядка» из северной части района, комиссар бригады Андрей Семенович Кулеш предложил:

— Давай, командир, думать — какие органы власти создавать в деревнях будем.

Подумали. Посоветовались с коммунистами бригады и решили разделить территорию, контролируемую нами, на шесть участков и во главе их поставить комендантов. Так и поступили. И вот

в районе, который считался оккупированным, появились Осиинская, Забельская, Свердловская, Дубровская, Томшинская и Глембчинская партизанские комендатуры.

На посты комендантов были подобраны надежные товарищи, как правило, местные, знавшие работу довоенных сельских Советов. В помощь им штаб бригады выделил по пять-шесть хорошо вооруженных партизан. Одним из первых в районе партизанских комендантов стал Алексей Орлов, себежанин, получивший в свое время хорошую закалку на заводах Ленинграда, накануне войны работавший председателем сельсовета. Умелый организатор, смелый и энергичный человек, Орлов довольно быстро наладил более или менее нормальную жизнь в деревнях.

Обязанности комендантов были весьма обширными. Они следили за порядком на участке, регулировали заготовку провианта партизанскими отрядами, действовавшими в районе и проходившими по его территории. В случае появления карательного отряда коменданты нарочными сообщали немедленно об этом командованию бригады и организовывали временный уход жителей в лес и угон из деревень скота. Решали они и все гражданские дела.

Действовали коменданты оперативно, привлекая для решения различных вопросов деревенский актив. И в этом была большая заслуга нашего комиссара. До войны Андрей Семенович Кулеш работал секретарем Себежского райкома партии по кадрам. Он хорошо знал не только коммунистов района, но и многих беспартийных активистов и помогал быстро находить дорогу к их сердцам.

Знойным летом сорок первого года мы с Андреем Семеновичем последними уходили из Себежа, негодуя на то, что город по сути дела оставляется без боя. Спустя месяц, в составе небольшой партизанской группы В. Я. Виноградова, рядовыми бойцами возвращались в район. Организовали в ту памятную осень несколько диверсий, создали подпольную антифашистскую сеть. Но с началом зимы вынуждены были опять уйти в советский тыл, настолько нетерпимую обстановку создали для партизанского отряда оккупанты.

И вот теперь мы снова вместе. Я уже команду бригадой в шестьсот с лишним бойцов и ношу бороду, но для Андрея Семеновича остаюсь все тем же Володей Марго, которого он знал. Ну а я по-прежнему вижу в своем комиссаре старшего по партии товарища и радуюсь тому, что повседневно чувствую его дружескую руку.

Деятельность наших комендатур была всегда в поле зрения

Кулеша и других членов райкома партии. В конце июля этот вопрос специально обсуждался на бюро райкома. Мы старались всячески обезопасить работу комендатур.

Михаил Иванович Калинин, оценивая деятельность партизан тех дней, писал, что они «освобождают от оккупантов значительные территории, восстанавливают в тылу немецких войск Советскую власть, — власть не мирного времени, а оцетинившуюся всеми доступными видами вооружения для борьбы с заклятым врагом».

Фашистов, конечно, не устраивало такое положение в районе. Но охранных войск у них не хватало. Летом сорок третьего года в распоряжении коменданта Себежа имелось не более одной тысячи солдат. Все остальные были посланы на фронт, который трещал по всем швам под ударами Красной Армии. И все же гитлеровцы попытались где вооруженным путем отобрать уже убранный хлеб, где силой принудить население жать рожь для сдачи немецкой армии. С этой целью они поставили свои гарнизоны в селах Гаспорово, Белогурово, Глембочино и один «кочующий» гарнизон на участке между деревнями Ляхово и Дедино.

Получив сообщения об этом, я приказал командирам отрядов чаще действовать из засад. В августе мы организовали двадцать

Владимир Иванович МАРГО родился в 1913 году в деревне Манушкино Псковской губернии. Окончив педагогический техникум, работал в сельской школе учителем. Как способный педагог и хороший организатор, был переведен на работу в районный отдел народного образования, сначала инспектором, затем заведующим.

В годы Великой Отечественной войны Марго — боец истребительного батальона, рядовой партизан, командир партизанского отряда, а с октября 1942 года — комбриг.

В настоящее время Владимир Иванович живет в городе Великие Луки. Он ректор Педагогического института.

три засады, отбили несколько десятков подвод с хлебом, а главное — отучили фашистов отправляться в «хлебные экспедиции». Налеты и днем и ночью на гаспоровский гарнизон привели к тому, что враг уже шестого августа покинул негостеприимное селение, оставив нам сжатый хлеб.

Не повезло и другим «хлебозаготовительным» гарнизонам врага. Задачу свою частично выполнил лишь их «кочующий» гарнизон. Состоял он из шестисот гитлеровцев и полицаев, имел на вооружении батальонные минометы, пушку и даже танк. В районе Ляхово—Дедино многие деревни были сожжены оккупантами еще весной, а население угнано в Латвию. Заглядывали поэтому мы туда редко. Гитлеровцы сумели здесь собрать порядочное количество ржи. Правда, это не прошло для них безнаказанно. В стычке с одной из наших групп они потеряли несколько солдат, а танк их подорвался на партизанских минах.

Много хлопот в дни уборочной страды нам причиняла бандитская шайка, состоявшая из полицаев и разного уголовного сброда. На возвышенности в центре деревни Макеи они с помощью гитлеровцев оборудовали укрепленный пункт, названный ими бункером. Это было двухэтажное здание с наблюдательной вышкой и бойницами во все стороны. На вооружении у банды имелось пять пулеметов. А рядом, в Заситине, находились гитлеровцы, готовые в любую минуту помочь своим приспешникам.

Гарнизон бункера терроризировал население бывших Заситинского и Сталинского сельсоветов. Решено было ликвидировать это разбойничье гнездо. Я приказал разведчикам найти людей, которые не только знали подходы к деревне и ее расположение, но и бывали в бункере или вблизи него. Тщательная подготовка обеспечила успех операции.

Двадцать девятого августа бандиты справляли религиозный праздник «богородицу», пьянствовали, бесцельно стреляли из пулеметов, орали непристойные песни. А ранним утром следующего дня в бункер и караульное помещение уже летели гранаты нашей штурмующей группы, незаметно окружившей укрепленный пункт врага. Бандиты яростно сопротивлялись, но были перебиты. Понесли и мы потери. Смертью храбрых пали в бою три коммуниста — Н. Б. Иванов, начальник штаба отряда, И. К. Комаров, командир взвода, и один из лучших разведчиков бригады И. П. Прокофьев. Трое партизан были ранены.

Себежский район — это не только край живописных озер, больших хвойных лесов и красивых дубовых рощ. Здесь до войны, как нигде на Псковщине, было много шоссеиных дорог. В два-

дцати пяти километрах от Себежа на станции Идрица скрещивались две важнейшие железнодорожные магистрали. Одна вела из Латвии в Москву, другая — из Белоруссии в Ленинград. Это обилие дорог объяснялось просто: до сорокового года в нескольких километрах западнее города проходила государственная граница. Оккупанты умело использовали дорожные артерии района, направляя по ним в сторону Ленинграда и к Новосокольникам, где проходила ближайшая от нас линия фронта, поток военных грузов.

Охраняли гитлеровцы железные дороги очень бдительно, но все же подрывные группы бригады просачивались сквозь охранную сеть, и на «железке», как тогда мы называли железнодорожные пути, гремели взрывы. В наших отрядах к этому времени было немало мастеров подрывного дела, имелся и опыт. Если чего нам и не хватало тогда, так это взрывчатки. Мы с комиссаром не без оснований частенько поругивали своих старших начальников. Нужно и можно было проявить больше заботы о снабжении партизан толом.

Не трудно понять поэтому нашу радость, когда однажды летом из-за линии фронта бригада получила взрывчатку. Ее много прислали и нам и соседям. Щедрость такая удивила нас. Но, оказывается, сделано это было неспроста. Вскоре по заданию Центрального штаба партизанского движения мы приняли участие в рельсовой войне. Как известно, первый удар наносился одновременно на всем протяжении советско-германского фронта.

На гитлеровцев, засевших в Себеже, он произвел ошеломляющее впечатление. У меня сохранилось донесение одного из подпольщиков, присланное командованию бригады из города. В нем сообщалось: «Большинство населения радовалось взрывам и думало, что ночью партизаны займут Себеж. Немцы были в полной готовности выезжать из города».

В начале августа на три дня железная дорога Резекне—Новосокольники была выведена из строя. Фашисты не сразу поняли, что массированный удар — дело рук партизан, а когда разобрались, распространили слух о высадке крупного авиадесанта советских войск, который якобы и совершил эту диверсию на железнодорожной магистрали. Ребята наши посмеивались:

— Хитрый нынче фриц пошел. Проморгал «железку»-то, вот и втирает очки начальству.

Командование гитлеровцев приняло решительные меры для обеспечения нормального движения на дорогах: для восстановления работ перебросило большое количество рельсов из Лат-

вин, поставило на охрану железнодорожного полотна подразделения только немецких солдат.

Но не зевали и калининские партизаны. Взрывы на дорогах гремели теперь и днем и ночью. Подрывники лишь одной нашей бригады взорвали в августе более двух тысяч двухсот рельсов. Особенно отличился в этих диверсиях отряд Николая Степановича Степанова.

Фашистам в те дни пришлось перебрасывать на фронт одну пехотную и две мотодивизии не по железным дорогам, а походным порядком. После этого беспрецедентного случая коменданты гарнизонов Себежа, Пустошки, Идрицы, Опочки и начальники охраняемых участков дороги получили приказ генерал-полковника Шуберта. Разгневанный генерал грозил им расстрелом, если не будут приняты должные меры против партизан-подрывников. Копия этого приказа попала в наши руки. И опять смеялись бойцы:

— Худо фрицам. Куда ни кинь, все клин. На «железку» пойдешь — партизанская пуля караулит. Не пойдешь — Шуберт пристрелит.

И в битве за урожай, и в рельсовой войне, и в сборе разведывательных данных были у нас замечательные помощники — подпольщики и в Себеже, и в тех местах района, откуда гитлеровцев выгнать не удалось. Действовали они небольшими группами. В Себеже было несколько десятков подпольщиков-одиночек. От них мы получали ценнейшую информацию для штаба фронта. Подпольщики организовали несколько диверсий в городе: сожгли два крупных гаража оккупантов, большой скотный двор, а на здании себежской военной комендатуры повесили портрет Гитлера с надписью: «Обер-бандит с большой дороги».

Некоторые бойцы незримого фронта действовали в стане врага с сорок первого года. В их числе был командир-пограничник Павел Петрович Конопаткин. Война застала старшего лейтенанта на одной из застав наших западных границ. В первых боях он был ранен. Местные жители помогли пограничнику укрыться и вылечиться. Когда силы окрепли, Конопаткин решил пробираться в советский тыл. Поздней осенью он пришел в Себежский район, где до войны долгие годы служил в пограничном отряде и хорошо знал коммунистов пограничных колхозов. Встретив некоторых из них, узнал, что в районе действует подпольный райком партии. По цепочке через связных Конопаткин разыскал секретаря райкома Кривоносова и остался в районе на подпольной работе.

Опытный разведчик, мужественный и энергичный командир,

Павел Петрович Конопаткин в течение нескольких недель ходил из сельсовета в сельсовет, встречался со знакомыми активистами, разыскивал красноармейцев, избежавших плена, но оставшихся на оккупированной территории. С помощью этих людей ему удалось создать разведывательную сеть в немецких гарнизонах,

в Себежской управе и даже в полевой жандармерии. Не ограничиваясь разведкой, Конопаткин с группой в пять человек развернул и боевую деятельность. Пятерка смельчаков уничтожила охрану трех маслосырзаводов, неоднократно нападала из засад на гитлеровцев, направлявшихся грабить деревни, сожгла несколько мостов на шоссе на дорогах.

Я знал Павла Петровича до войны, и мне было радостно встретиться с ним осенью сорок второго года. Конопаткин был первым, от кого мы получили хорошо законспирированных подпольщиков-информаторов. Это имело большое значение в условиях развертывавшегося партизанского движения. Позднее этот замечательный человек был назначен командиром специальной разведгруппы и погиб в Белоруссии в одном из боев с карателями.

Если Конопаткин встретил войну зрелым человеком — ему было за тридцать, то комсомолка Мария Пынто делала тогда лишь первые шаги в самостоятельной жизни. Я хорошо знаю Марию. В тридцать пятом году она училась в школе, где я преподавал литературу. Очень милая, бойкая, немножко озорная пятиклассница с красивым почерком... И вот спустя шесть лет она стоит в дверях избы и, смеясь и плача, восклицает:

— Владимир Иванович... Владимир Иванович!.. Да неужто это вы?

— Здравствуй, Мария, — говорю я и закрываю за собой дверь, — вот и встретились. Но я ненадолго.

За дверями над деревней Верино гуляет по-зимнему студеный ветер. На дорогах осенняя грязь. И где-то там, может быть, километрах в двух от этой теплой избы, — преследователи. Наш крохотный партизанский отряд уходит за линию фронта. Мы — небольшая группа коммунистов — прежде чем уйти из района, встречались с верными людьми. Нам стало известно, что сельский избач Мария Пынто на свой страх и риск ведет антифашистскую пропаганду. Вот я и забежал к ней.

Разговор короткий, горячий, деловой. Мария многое понимает с полуслова... Однако пора. Нужно уходить.

— Мы вернемся, Мария, слышишь — вернемся.

— Верю и буду ждать, Владимир Иванович. Счастливой дороги.

И она ждала. Да как ждала! Марпя ходила по деревням, знакомилась с людьми. Сколько душевных разговоров с парнями и девушками, сколько обстоятельных бесед с красноармейскими женами и матерями провела она. Ее любили слушать, ей доверяли сокровенные думы, у нее спрашивали совета.

Когда наш отряд осенью сорок второго обосновался у старой латвийской границы, мы получили от Пынто массу ценных сведений и, как от Конопаткина, подготовленных подпольщиков-разведчиков. Весной следующего года Марии пришлось перебраться в бригаду, — в немецких гарнизонах ее уже хорошо знали и охотились за ней. Но даже став бойцом бригады, сначала нашей, затем Бойдина, отважная комсомолка не изменила своей «специальности» — осталась разведчицей.

Трагически сложилась дальнейшая судьба этой удивительной девушки. Весной сорок четвертого года Мария Селиверстовна Пынто на заседании Себежского РК ВКП(б) была утверждена секретарем подпольного райкома комсомола. А через некоторое время ее свалил тиф. Она лежала в бреду в землянке, когда фашистские ищейки напали на ее след. Придя в себя, еле держась на ногах, Мария бросила в лицо врагам: «Убивайте здесь, поганые сволочи. Все равно я вам ничего не скажу...» Только на четырнадцатый день партизаны нашли в лесу изуродованный труп Пынто. На теле Марии было семь ножевых ран...

Помогали нам не только взрослые, но и дети. Недавно я получил письмо из города Любани Ленинградской области. Начиналось это письмо так: «Здравствуйте, товарищ Марго! С приветом к Вам маленькая партизанка... Извините, пожалуйста, что я не знаю Вашего имени и отчества. Я знала и слышала, как Вас называли — товарищ командир бригады. Я работала в отряде

Щербина, мне тогда было двенадцать лет. Вы скажете: какой же это работник. А я вам приносила соль и табак...»

Соль и табак... Чуть ли ни на вес золота ценилась у нас в сорок третьем году горстка соли. Тол, соль, табак—за них мы готовы были отдать все сокровища мира. И мне припомнилось, как однажды начальник штаба одного из наших отрядов Освальд Андреевич Югансон рассказывал о бесстрашной беженке-подростке Тоне, которая приносила в отряд из Себежа соль, табак, патроны, минуя всевозможные заставы и заградительные кордоны. У Тони была своя «бригада» — четверо ребятшек младше ее, у одного из них при бомбежке оторвало руку. Нередко вместе с этой «бригадой» ходила в город и мать Тони — ленинградка Елена Ивановна Бутакова.

В ноябре прошлого года я навестил в Любани маленькую партизанку. Мне приятно было узнать, что Антонина Ивановна Бутакова (ныне Заботина) — уважаемый человек на фанерном заводе. Работает она сейчас бригадиром декоративного цеха. Мы от души посмеялись, слушая рассказ Тони о том, как однажды, схваченная гитлеровцами на переправе, она сумела обвести конвоиров вокруг пальца и не только спастись, но и сохранить свою драгоценную ношу.

В октябре сорок третьего года обстановка в нашем крае изменилась. В результате успешного наступления советских войск был освобожден крупный опорный пункт и важный железнодорожный узел — город Невель. Линия фронта передвинулась на сорок-пятьдесят километров на запад. Наш район наводнили фронтовые части гитлеровцев. Понимая, что от Ленинграда им придется отступать, фашисты начали усиленно строить в районе Идрица—Остров оборонительные сооружения. Нужно было обезопасить их от партизан. И тогда командование группы армий «Север» решило разгромить партизанские силы, контролировавшие территорию на стыке трех советских республик — Латвийской ССР, Белоруссии и РСФСР.

Началась полоса жестоких боев. Против нашей Себежской бригады были брошены три охранных батальона, артиллерия, танки, полицейские отряды. Разведку ежедневно вели три самолета противника. Каратели теснили нас и люто расправлялись с населением. Запылали деревни. Танки в упор стреляли по домам, где ютились люди; тех, кто выбегал, фашистские палачи расстреливали из пулеметов. За связь с партизанами живой была брошена в огонь горящей избы семидесятилетняя Анастасия Федоровна Федорова из деревни Стаклина Гора. Такая же участь

постигла Ксению Жукову в деревне Сляново и Екатерину Кириллову из деревни Брод. За отказ вести гестаповцев в расположение нашей бригады в деревне Замоквая Морозовка был расстрелян старик колхозник Осип Трофимович Трофимов.

Последние недели того года были очень тяжелыми для нас. И все-таки, когда в январские морозные дни сорок четвертого года началось наступление на Ленинградском и Волховском фронтах и советские войска двинулись в направлении к фашистской линии обороны «Пантера», мы вышли встречать отступавших фрицев. Снова на дорогах рвались партизанские мины, из засад били по колоннам врага наши пулеметчики, летели под откос поезда. Борьба с ненавистным врагом продолжалась.

ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ...

Во второй половине января сорок четвертого года Советская Армия взломала гитлеровский Северный вал вокруг Ленинграда. Началась полная ликвидация вражеской блокады, разгром 16-й и 18-й немецких армий.

Рано утром двадцать девятого января меня вызвали в Смольный. Поздоровавшись, Михаил Никитич Никитин подошел к карте:

— Посмотрите сюда, Рачков. Вот шоссе Ленинград—Остров. Немцы отступают главным образом по этой дороге, если говорить о южном направлении. Ключевой их пункт и место назначения многих частей — железнодорожная станция Плюсса. Видите деревню Большое Заполье? Прямо на шоссе. А вот двадцатикилометровая дорога в сторону и — станция Плюсса. Здесь отступающие части погружаются в вагоны. Сюда же, в Плюссу, доставляются боеприпасы, вооружение, техника, чтобы создать огневое прикрытие и приостановить наше движение, а заодно выполнить на прощанье приказ фюрера о «зоне пустыни». Будут уничтожать население, сжигать подряд деревни. Где сейчас бригады Обьедкова и Светлова?

— Шестая и девятая выполняют приказ штаба: оседлали железные дороги Гдов—Сланцы и Кингисепп—Нарва. Рвут плотно, мосты, линии связи, парализуют шоссе. Мешают немцу отступать из-под Ленинграда. Там сейчас горячо.

— Хорошо. Я уже радировал, чтобы они взяли курс на Островно—Плюссу. Это очень важно для армии. Отправляйтесь, Рачков. Сразу же. Как член Партизанского военного совета скоординируйте действия бригад на месте. Вам лучше быть в шестой, у Обьедкова, ближе к главному удару. Надо лишить немцев Плюссy. Тогда и шоссе почти потеряет для них смысл.

Никитин улыбнулся и сказал нараспев:

— Это есть наш последний и решительный бой. Все-таки дожили до этих дней! Будете воевать в открытую, по-армейски.

Вместе с армией. Уверен — партизаны не подкачают. Ну, счастье.

Я попрощался. В тот же день на самолете вместе с подполковником Трошиным вылетел из Ленинграда. Благополучно прошли мы над линией фронта. Вот под нами и партизанская земля.

Полтора часа в воздухе — и мы приземлились в расположении штаба 6-й партизанской бригады. Самолет сел на лед Островенского озера, близ большой деревни Островно Осьминского района. Нас ждали.

Поначалу мы выполнили одно приятное поручение — вручили бригаде боевое Красное знамя, которым это славное партизанское соединение было награждено по решению Ленинградского обкома партии и штаба партизанского движения.

После митинга состоялось оперативное совещание командного состава. Обстановка, как выяснилось на месте, была напряженная. Дорогу отступавшим из-под Ленинграда фашистским войскам прокладывала танковая часть при поддержке бронетранспортеров. Перевес сил был явно на стороне врага. Партизаны оставили свои позиции под Лышницами. Попытки с боями удержаться в деревнях Нежадва, Вяжищи, Звягино не увенчались успехом. Гитлеровцы пробивались точно по задуманному маршруту. Если их не остановить, они почти беспрепятственно пройдут на запад, к Чудскому озеру. Все это вносило существенные коррективы в замысел Никитина, как бы откладывая бой за Плюссу. Но и теперь 6-я партизанская должна была принять решительный бой не из засады, бить противника не по частям, не с флангов, а встретиться с численно превосходящим ее врагом лицом к лицу. Партизаны отошли к Островно. Дальше нельзя. В Островно — партизанские госпитали, склады, обозы с множеством женщин, детей, стариков, которые ушли под защиту бригады из родных деревень, спасаясь от факельщиков, от угона в рабство.

Островно было выгодным пунктом. Отсюда контролировался выход на дорогу Луга—Ляды, по которой гитлеровцы решили пустить еще один большой поток отступавших частей 18-й армии. Для другого маршрута отступления фашисты избрали шоссе Новоселье—Струги Красные—Ляды. Здесь обе колонны должны были соединиться и выходить в Нарве, сохранив силы и боеспособность.

Приготовились к бою. Знали, что гитлеровцев намного больше, но знали и то, что их преследуют наступающие советские войска. Именно в этот момент в Островно появились их первые посланцы — разведчики. Подъем среди партизан был небывалый.

Ночью в ожидании боя я объезжал обозы. Сколько с нами было детей, стариков, женщин! На их лицах я не заметил тревоги. Спросил командира одного из отрядов:

— Как будешь воевать-то? Видишь, как обоз твой разросся.

Меня мучило беспокойство: очень уж рядом мы и эти беженцы, и, если что случится завтра, их не уберечь. Командир отряда ответил совершенно спокойно и твердо:

— Товарищ полковник! Без нас погибнут все. А Островно мы не отдадим и немцев расколошматим. Я это точно вам говорю.

— До рассвета тех, кто не может воевать, отведите подальше. В Островне будет опасно, — приказал я.

Все понимали ответственность предстоящей операции. За нашей спиной, не так-то далеко, находился полноценный немецкий полк. Его атаквали передовые отряды Советской Армии и частично — партизаны. Немецкое командование направило из Плюсы на выручку своему полку довольно большие силы, приказав попутно выбить 6-ю бригаду из Островна, расчистить путь и, вызволив попавший в беду полк, открыть движение прежде всего на Плюсу.

На рассвете девятого февраля начался бой. День выдался морозный, солнечный. Часам к одиннадцати гитлеровцы оказа-

Николай Александрович РАЧКОВ с мая 1920 года по декабрь 1936 года служил в Красной Армии, затем был на партийной работе.

С июля 1941 года Николай Александрович — командир партизанских подразделений. Тридцать три месяца он провел в глубоком тылу врага. За это время командовал ротой, отрядом «Буденовец», полком, бригадой, был членом Военного совета Приморской группы ленинградских партизан.

После изгнания фашистов за пределы Ленинградской области ветеран партизанского движения возвращается к мирному труду. С 1960 года Н. А. Рачков — персональный пенсионер.

лись на лесной опушке метрах в трехстах к югу от деревни. Установив до сорока пулеметов и орудия, они открыли прицельный огонь. От снарядов загорелись крайние избы. Вскоре фашисты пошли в атаку.

«Много их, черт возьми», — думал я, глядя на густые цепи атакующих. Партизаны отвечали плотным огнем. В одном месте завязалась рукопашная, еще одна. Атака отбита.

Но вот снова атака, за ней другая, третья...

Мы с комбригом переглядываемся: если так пойдет дальше и гитлеровцы еще подтянут силы, плохо будет. Чувствуется по всему, что враг цепляется за Островно мертвой хваткой. Ему нужна дорога.

Как быть? Главное — создать перелом. Выбить противника, потеснить его назад.

Враг уже накапливает силы в лесу. Появились бронетранспортеры, танкетки. Вовсю заработали вражеские минометы, крупнокалиберные пулеметы.

Виктор Павлович Обьедков принимает решение бросить в атаку отряды под командованием Ивана Степановича Лозина и Василия Александровича Печкурова. Но не в лоб, где плотность встречного огня максимальная, а с фланга, хотя место там для атаки не самое выгодное. Между партизанами и лесной опушкой, где засел враг, чистое заснеженное поле шириной метров в триста.

Обьедков, объяснив командирам боевую задачу, идет вместе с ними в первых рядах атакующих. Это для партизан очень важно, хотя для комбрига подобный риск непростителен. Но Обьедков неисправим. У него на этот счет свои убеждения...

Отряды почти вплотную подходят к опушке. Огонь прижимает к земле. Оба отряда залегли. Люди с головой зарываются в снег. Еще немного, и от атакующих ничего не останется: в упор бьет легкая артиллерия немцев, крупнокалиберные пулеметы буквально поливают шквальным огнем голый склон и залегших на нем партизан.

Наступил критический момент. В такие минуты может спасти положение только человек, способный пренебречь смертельной опасностью, заставить себя и людей подняться в бой. Другого выхода нет.

И вот во весь рост встает из снега человек. Его сразу узнают. Это командир бригады в хорошо всем известной желтой пятнистой шубе и белой папахе, с автоматом в руке. Виктор Павлович Обьедков громко крикнул:

— Партизаны, вперед!

Разом поднялись сотни людей и бросились за комбригом к опушке, расчищая себе путь густым автоматным огнем. Минута, другая — и партизаны ворвались в лес. Командир отряда Василий Печуров на бегу оборачивается и смотрит на белое поле. Пятнадцать бойцов еще не поднялись. Подозвал адъютанта Повеличко:

— Николай, вернись. Подними этих в бой.

А сам вперед. Вскоре адъютант нагнал командира.

— Ну что?

— Все пятнадцать убиты.

Уже в лесу ранило командира отряда Ивана Лозина. Он охнул, но через секунду снова бросился вперед. Когда после боя осмотрели Лозина, оказалось, что пуля застряла сверху, в тканях: счастливо отделался.

Немцы не выдержали. Побросав пулеметы, пушки, несколько бронетранспортеров, стали поспешно отступать на Плюссу. Бригада пошла вперед. Без серьезного боя захватили Лышницы. Теперь стало реальным выполнение главной задачи, о которой говорил Никитин.

Пятнадцатого февраля командование бригады провело совещание командиров отрядов. Обсуждали план операции по освобождению Плюссы.

Смотрю на собравшихся в штабной избе. Какой все-таки молодой командный состав у партизан! Комбригу Обьедкову тридцать два года. Он приверженец активной тактики. Непременно воевать, делами поднимать дух населения, деморализовывать оккупантов и их приспешников. Если нет условий для открытого боя, для разгрома гарнизонов, Обьедков всегда направлял бригаду на диверсионную работу. Комбриг любил бывать с людьми. Даже когда штаб бригады обжился более основательно и у командования прибавилось работы, Обьедков не задерживался в штабном помещении. И на отдыхе и в бою он больше был среди бойцов. Только вот часто рисковал безрассудно.

Комиссар бригады Виталий Дмитриевич Зайцев по характеру своему был противоположностью Обьедкову. Комбриг — резок, поспешен, вспыльчив. Зайцев — на редкость спокойный, уравновешенный, рассудительный. Никто никогда не слышал, чтобы комиссар повысил голос. Хорошо он вел политработу. А было ему едва ли за двадцать пять.

Внимательно слушает комбрига Василий Александрович Печуров. Шестьсот пятьдесят бойцов под его командованием. Один из лучших отрядов. А этому боевому командиру только недавно

двадцать третий пошел. Еще не знает Василий Печкуров, что в последнем партизанском бою за станцию Плюсса он возглавит ударную группу — две сотни лучших автоматчиков бригады — и первым захватит станцию, что за этот бой будет награжден орденом Отечественной войны первой степени и что командир 46-й стрелковой дивизии генерал С. Н. Борщев назначит его первым комендантом освобожденной Плюссы. Многие еще неизвестно, но одно ясно всем: наступает конец партизанской войне, и в этом бою непременно победа будет нашей...

Бригада сосредоточилась севернее деревни Тушиново, выбив оттуда немцев без особенного напряжения и потерь. До Плюссы четыре километра. Но путь к ней преграждает высота, занятая врагом.

Вечером шестнадцатого февраля начался тяжелый, жестокий бой. Обычно бригада воевала поотрядно. Даже в бою за Островно

участвовали только два отряда да еще бригадная разведка. Здесь впервые вся бригада, все семь отрядов — три тысячи боеспособных партизан вступили в бой за высоту. Требовалось большое искусство, чтобы в такой необычной для партизан операции грамотно руководить действиями отрядов. Хорошо проявил себя тогда начальник штаба бригады Борис Федорович Крицков. Он постоянно был среди командиров, быстро оценивал обстановку, давал четкие указания, прекрасно координируя действия отрядов. Под стать Крицкову руководил боем и заместитель командира бригады по разведке Алексей Балсунов. Оба они сыграли большую роль в успехе бригады и помогли комбригу руководить соединением в сложной обстановке боя.

Высота была взята. Бригада овладела очень важным трамплином для броска на Плюссу. Теперь мы были в двух с полови-

ной километрах от станции. Враг не хотел мириться с потерей высоты. На деревню Манкошин Луг посыпались из Плюсссы снаряды. Пришлось тушить пожары и тут же под обстрелом отражать контратаки. Мы не отдали выгодной позиции. Враг вынужден был отойти к поселку Плюсса.

В последний свой бой впервые партизаны бригады пошли вместе с регулярными частями нашей армии. Трудно передать, какой подъем царил в отрядах, вместе с которыми штурмовали Плюсску артиллерийские расчеты 46-й стрелковой дивизии. Семнадцатого февраля партизаны под прикрытием армейской артиллерии ворвались в северо-западную часть поселка и завязали уличный бой.

Вот она, станция. Враг сопротивляется отчаянно. Наверное, у фашистов приказ — держаться до последнего. Бой на редкость жестокий, упорный. Гитлеровцев приходится выбивать буквально из каждого дома, подвала, из каждой траншеи. Накал штурма очень высок.

До станции остается метров двести, даже меньше. Хорошо виден противник, а он хорошо видит нас. Огонь ведется прямой наводкой с обеих сторон. Но вот замолкло наше орудие — весь расчет погиб от прямого попадания снаряда. Наше продвижение замедлилось. Самая выгодная позиция у отряда Печкурова. Он занял каменную коробку бывшего бензохранилища и парк, прилегающий к школе, — ближе всего к станции. Остальные отряды — слева и справа. Недалеко от бензохранилища — временный командный пункт Объедкова. Там же находится и начальник штаба бригады Крицков.

Бой идет целый день. Станция еще не взята. Темнеет. На командный пункт вызывают Печкурова. Комбриг приказывает ему быстро сформировать из лучших автоматчиков отряд в двести человек и этой ударной группе ворваться на станцию.

Проходит немногим более часа. Ударная группа сосредоточивается у бензохранилища. Печкуров ведет людей на станцию. Рукопашная, короткие, в упор, очереди из автоматов. С левого фланга врывается стрелковый батальон. Теперь не остановишь. Только после полуночи с семнадцатого на восемнадцатое февраля закончился этот кровопролитный, упорный бой — последний для партизан 6-й бригады. Плюсса была взята.

Гитлеровцы начали проселочными дорогами поспешно отходить к Стругам Красным. Здесь на пути врага встала 2-я партизанская бригада под командованием Никифора Ивановича Синильникова. Мало кому из фашистов удалось уйти. Жители Стругокрасненского района до сих пор помнят, что дорога от поселка

Струги Красные до деревни Зовки на протяжении нескольких километров была буквально усеяна разбитой вражеской техникой.

Стрелковая дивизия продолжала наступление. Вместе с ее автоматчиками и артиллеристами пошли на запад и два наших отряда — двести партизан были приняты в ряды Советской Армии.

А из Смольного, из штаба партизанского движения, пришла радиограмма с благодарностью всему личному составу нашей группы и приказом: 2-ю, 6-ю и 11-ю бригады вывести в Ленинград.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Борьба мужественная, героическая. Г. Бумагин.	3
И. И. Исаков. Так мы начинали	7
А. Ш. Усманов. Студенты становятся партизанами	18
Д. А. Халтурин. Взрывы в ночи	32
И. Д. Дмитриев. На Лужской земле	39
В. И. Кравченко. У стен родного города	56
П. Р. Швердалкин. Главный штаб	65
В. С. Зайцев. Непокоренная Гдовщина	71
С. Э. Лебедев. Партизаны — родня солдатская	91
М. Р. Васьковский. Доблесть лесгафтовцев	101
А. А. Тихонов. В лесах и окнах	110
Н. Я. Богданов. Бойцы лесной республики	121
Б. В. Гвоздев. Глубокий рейд	134
О. Ф. Хохлова. Ради детей	144
А. А. Козлов. Дороги ведут на запад	151
А. Г. Поруденко. Подарок Ленинграду	159
П. В. Рындин. «Красный десант»	168
Л. С. Радевич. Лесная хирургия	177
Ф. Т. Бойдин. В боях и походах	191
Г. Г. Светлов. Пароль — Ленинград!	201
Л. С. Цвенская. Бойцы невидимого фронта	210
В. П. Самухин. Неуловимые	227
Я. В. Васильев. Пламя борьбы	241
Т. А. Новиков. Рождение бригады	254
В. В. Сиротин. Крылатая помощь	265
Л. В. Цинченко. Вместе с народом	278
Г. И. Ефимов. Наступает 3-я Ленинградская	291
В. Я. Никандров. Строка — обойма	300
А. Ф. Майоров. Коммунисты поднимались первыми	312
И. А. Костарев. Разведчики	326
А. А. Ингинен. На Приморском направлении	334
Т. Б. Киселева. Таких не сломишь	344
М. Е. Павлов. Конец осинового гнезда	356
В. И. Марго. Хозяева озерного края	365
Н. А. Рачков. Последний, решительный...	375

„Горят костры партизанские“

*Редактор М. А. Шаталова
Художник Б. Н. Сахенберг
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор В. А. Преснова
Корректор Б. М. Парамонов*

Сдано в набор 24/II 1966 г. Подписано к печати 14/VII 1966 г.
Формат бумаги 60×84^{1/16}. Физ. печ. л. 24,0. Усл. л. 22,39.
Уч.-изд. л. 22,19. Тираж 50 000 экз. М-11901 Заказ № 321

Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 28

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 84 коп.

